

МЕМУАРЫ

КИМ ИР СЕН

В водовороте века

7

(Продолжение)

МЕМУАРЫ

КИМ ИР СЕН

В водовороте века

7

(Продолжение)

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРЫ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ
КОРЕЯ, ПХЕНЬЯН
1996

Великий вождь товарищ Ким Ир Сен всегда с нами.

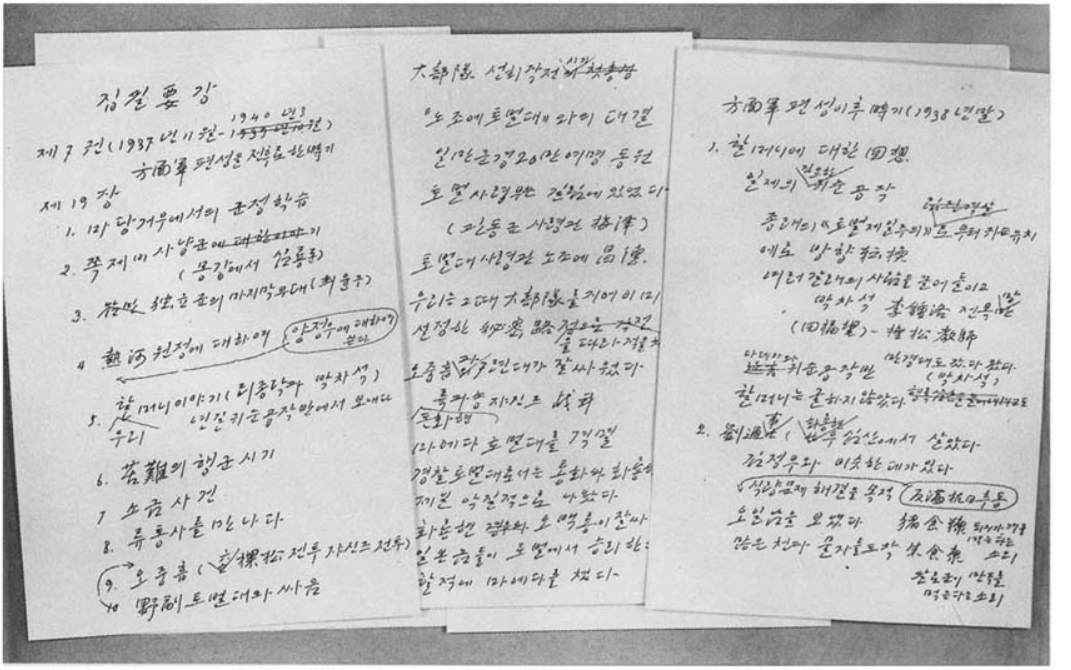
Часть 1

АНТИЯПОНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

7

Великий вождь товарищ Ким Ир Сен, поклонявшийся народу, как небу, бесконечно любил народ, глубоко верил ему, посвятил всю свою жизнь ради его свободы и счастья, преодолевая всякие лишения и невзгоды.

Ким Чен Ир

Часть плана и набросков мемуаров, составленных великим вождем товарищем Ким Ир Сеном.

Командующий КНРА товарищ Ким Ир Сен, который, преодолевая всякие трудности и лишения, прошел многолетний путь кровопролитной борьбы против японских захватчиков.

Рассказы о легендарном герое антияпонской войны Полководце Ким Ир Сене

Страницы зарубежных изданий того времени, повествующие о легендарном герое – великом вожде товарище Ким Ир Сене.

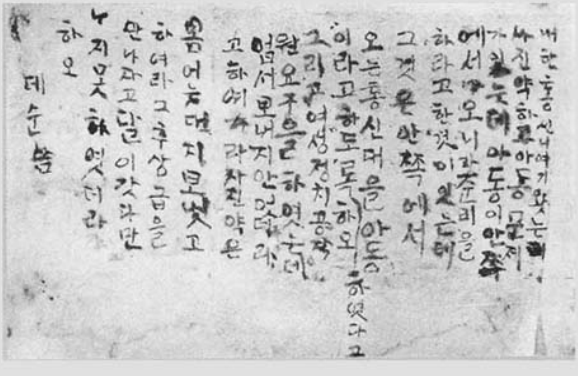

Усиление варварских репрессий японских империалистов, перепуганных подъемом антияпонской революции

Хесанское дело

Пак Дар, связанный веревкой (слева – сыщик японской спецслужбы, полицейский инспектор Чвэ, главный зачинщик «Хесанского дела»).

Письмо Ли Чжэ Суна для поддержания связи с организацией, написанное на клочке бумаги кровью в тюремной камере.

Чи Тхэ Хван.

Ли Рён Сур.

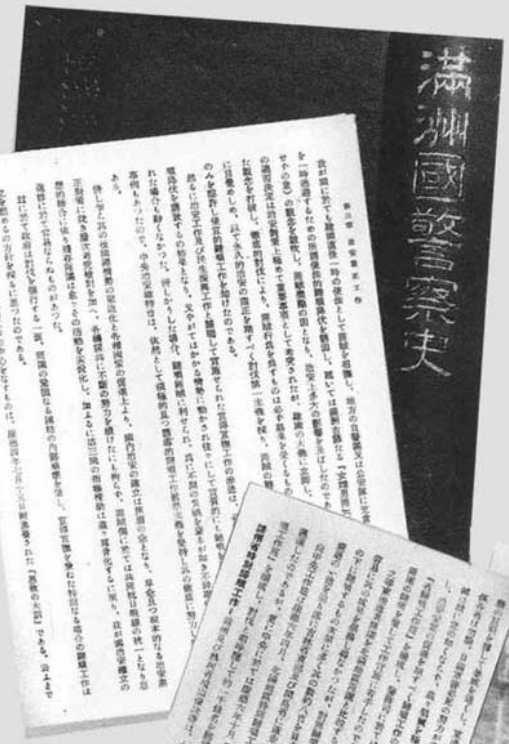

Ким Чхоль Ок.

Документы японского ведомства того времени о «Хенсанском деле».

Настойчивая операция японских империалистов по «содействию капитуляции»

В документе говорится о необходимости перейти от прежней операции, в которой приоритет отдавался карательным акциям, на сочетание ее с «операцией по содействию капитуляции и заманиванию».

Подготовка опергруппы Нагасима к отправлению.

Материалы упоминают о том, что «центральная спецгруппа по содействию капитуляции» отвечает за отряд Ким Ир Сена.
(Страницы «Истории полиции Маньчжоу-Го»)

Японская и маньчжоугоская армия, жандармерия, полиция, а также общество «Кёвакай» часто обменивались сведениями о ходе карательной операции.

Японская "группа по содействию капитуляции".

Японские империалисты коварно пытались использовать в своей спецоперации капитулянтов и изменников. Капитулянт Чон Гван (помечен на снимке крестиком).

Вожак общества "Цзяцзяли" в Маньчжурии Пэн Циноу (помечен на снимке крестиком) - соучастник спецоперации японских империалистов.

Изменник Пак Дык Бом. Сдался японцам после ареста.

Японцы выгоняли бывших партизан на карательную операцию против их прежних товарищей-партизан.

早く帰頭するように

一九三五年、春まだき、或る日のことであつた。まだ氷の解けきらぬ図們江を越えてカタコト吉林へ向う列車のコンパートの中で、一等紳士とはおよそ不似合な、七十余りの翁よごれた朝鮮服の老婆が一人ぽつねんと足もとに目を落し坐つていた。

その向い側に坐つている団体な二人の日本人もおし黙つて、一人はこの老婆の顔を、一人は過ぎ行く窓外の景色を眺めていたが、ややあつて

「どうです、あなたは、孫が可愛いいと思つたら早く帰頭するように手紙を書くことです、何度も同じ事は言いませんよ……」

日の役い年配の男は、宣諭はするように言つた。老婆は目を閉じて相変らず黙つていた。

「いま、いわれたように、そうしなさい。そうすれば郎も喜ぶなるし、お前さんも孫に会えるし、万事が好都合じやないか？」

こうして、もつたいないような故のできるのも皆な日本の偉い人の親心だよ……」と満和服の若い男が言う。しばらくして老婆は口を開いた。「手紙が来たがあ、お前さんたちでお書きだがあ、わしは、あれが何処に、どうしているかも知られえだに我女は吐き捨てるように言うともう一言も口を開かなかつた。

これは東満の特務機関が、三四年の満州国成立とともに、ますます強化した朝鮮民族運動に策を案やして、その首領であつた金日成の老祖母を利用しておびき出すために取つた人質誘拐の一駒であつたという。金日成の首に二十万円の賞金をつけるお触れが出たのはそれから一カ月してからであつた。東満、北鮮に神出鬼没の活躍をしていた金日成とその一派の動きは、日本軍部にとつては始末におえぬ鮮匪であつたが、東満と北鮮では彼はすでに大きな存在だつたといわれる。

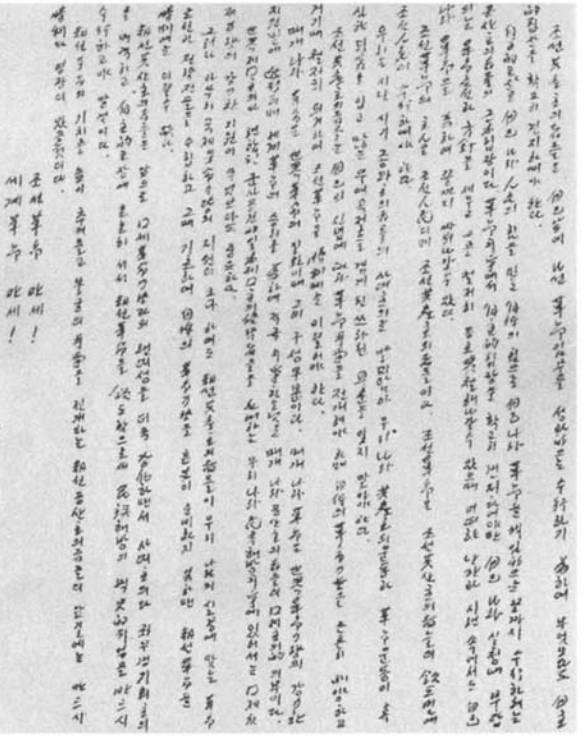
Гостиница «Хоучжоу» (верхний снимок)**, где остановилась Ли Бо Ик. В те дни жестокие японцы насильно привели ее в Маньчжурию и подвергли всяким мучениям. Внизу – материлы о событиях тех дней, опубликованные в печати.**

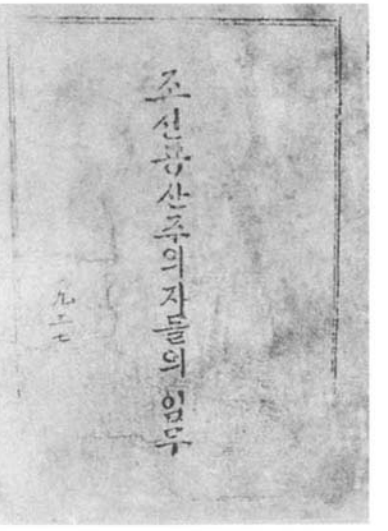

Ли Бо Ик, бабушка уважаемого вождя товарища Ким Ир Сена.

Бессмертный классический труд «Задачи корейских коммунистов». В нем освещены характер и ближайшие задачи корейской революции.

Его написал великий вождь товарищ Ким Ир Сен осенью 1937 г. (Внизу – его собственноручная рукопись).

В кругах Коминтерна немало ходило всяких документов, авторы которых по-своему истолковывали характер, задачи, перспективы корейской революции.

Военно-политическая академия в тайге

Тайный лагерь в Матангоу уезда Мэнцзян.

Чвэ Ген Хва.

Ким Ен Гук.

Кан Дон.

Ма Дон Хи и его семья

Ма Дон Хи.

Мать
Чан Гиль Бу.

Жена
Ким Ён Гым.

Младшая сестра
Ма Гук Хва.

Великий вождь товарищ Ким Ир Сен в гостях у матери Ма Дон Хи.

«Мать, теперь я вместо Дон Хи буду заботиться о вас», – душевно говорил родной вождь, посетив одинокую женщину Чан Гиль Бу, отдавшую революции сына, дочь, сноху.

Непоколебимая верность революции, неувядаемые цветы

Чвэ Хи Сук.

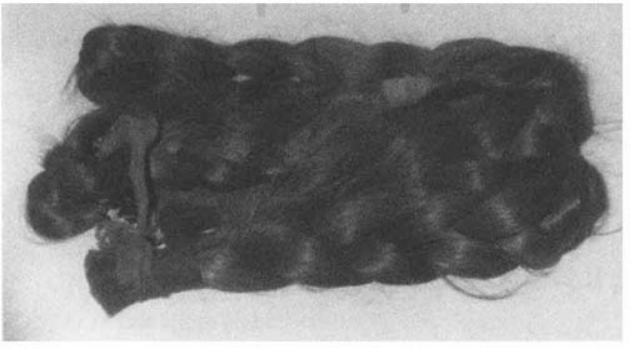
«Вижу победу революции!» – предсмертный клич партизанки Чвэ Хи Сук, которая, будучи ослеплена японскими палачами, до конца оставалась непокоренным борцом.

Хо Сон Сук.

Ан Сун Хва.

Коса Ли Ге Сун – символ непоколебимой верности революции, славной жизни революционерки.

Партизанские командиры, погибшие смертью храбрых.

Пак Сон Бон.

Пак Су Ман.

Часть бюстов на Мемориальном кладбище революционеров.

Чон Иль Гвон.

Вера в народ и его поддержка

Комиссар полка КНРА Ким Ир.

Скала и камень на ней. Таким условным знаком жители села Цзяцзайшуй сообщали партизанам об отправлении им продовольствия.

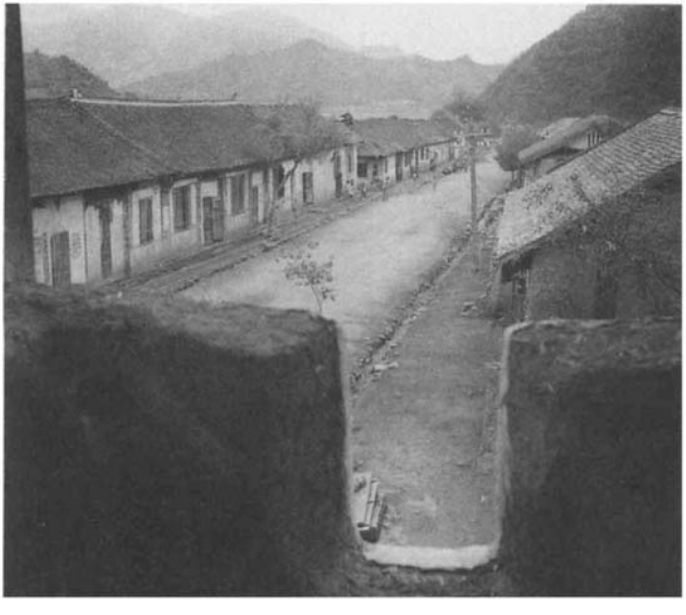

Общий вид села Цзяцзайшуй.

Места схваток на земле Чанбая

Место боя в Шиэрдаогоу.

Место боя в Людаогоу.

Все расширяющаяся агрессивная война японских империалистов на материке

Маневренные части японских войск, участвовавшие в Сюйчжоуской операции.

Шанхай горит под бомбежкой японской авиации.

Эти жители Нанкина были убиты японской армией.

Черные тучи войны над Европой

Заседание в честь антикоминтерновского пакта, заключенного между Японией, Германией и Италией (г. Осака. Япония).

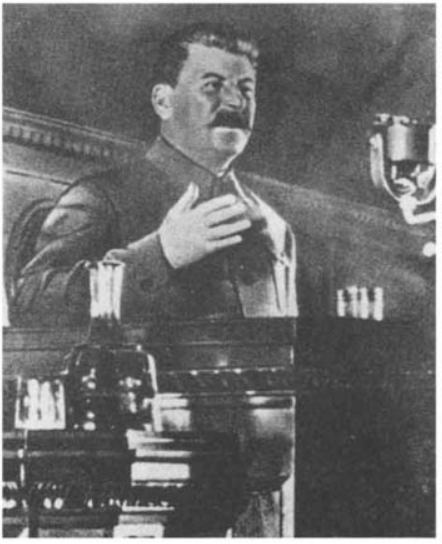

Оккупация Польши войсками нацистской Германии. Бомбардировка Варшавы.

Захват Чехословакии войсками нацистской Германии.

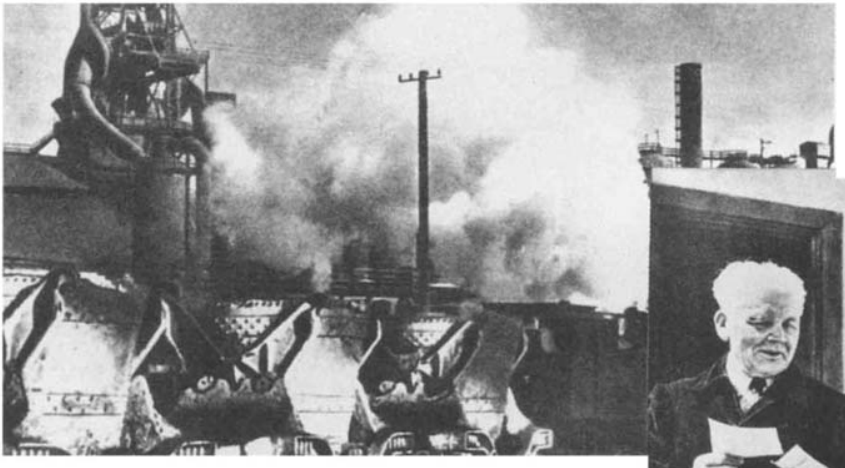
Успехи в строительстве социализма в СССР.

Сталин выступает с речью в Кремлевском дворце.

Депутаты Верховного Совета принимают проект новой конституции СССР.

Новая крупная база металлургии.

Советские трудящиеся пользуются благами системы социального обеспечения.

Веселый отдых трудящихся.

Активизация антияпонской войны в Китае

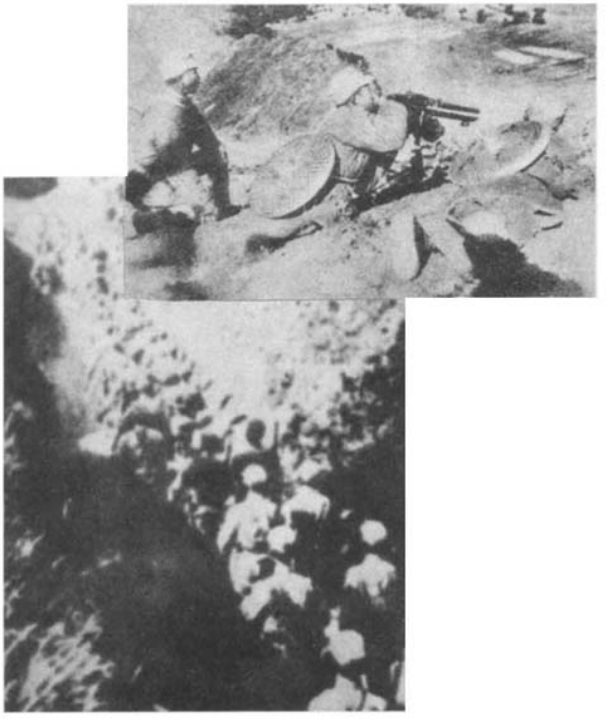
Мао Цзэдун беседует с крестьянами в Яньане.

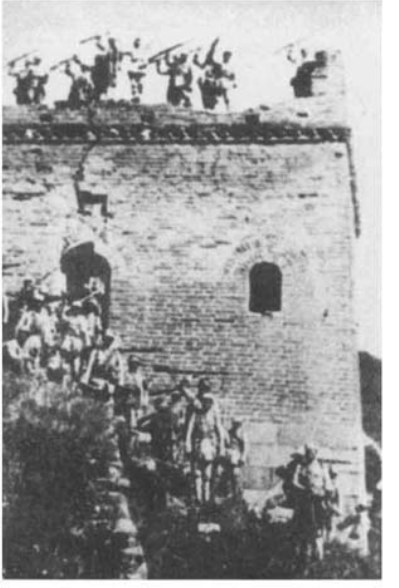
Чжу Дэ.

Чжоу Эньлай.

Бой в Пинсингуане: бойцы 8-й армии направляются на позиции и ведут бой.

Бой в Байтуане: на сигнальной башне Китайской великой стены бойцы 8-й армии радуются победе.

Расширение агрессии японских империалистов на материке, дальнейшее усиление репрессий и грабежа.

Японские империалисты, развязав войну с Китаем, хищнически использовали людские и материальные ресурсы Кореи.

Японские империалисты ввели «трудовую повинность граждан».

Японские захватчики беспощадно расхищали у населения металлические изделия.

Надписи на стене общежития корейцев на угольной шахте в Кюсю (Япония): «Хочу в родной край!!!», «Мне голодно!», «Хочется увидеть маму».

Корейские мальчики, мобилизованные на «трудовое обслуживание».

Кавалерия Объединенной Северо-Восточной антияпонской армии.

Бойцы 8-й армии наступают на Жэхэ.

Поход на Жэхэ, навязанный военным авантюризмом, причинил серьезный ущерб антияпонской вооруженной борьбе.

Материалы японского ведомства о походе на Жэхэ.

Совещание в Наньпайцзы

(25 ноября – 6 декабря 1938 г.)

Здесь состоялось Наньпайцзыское совещание.

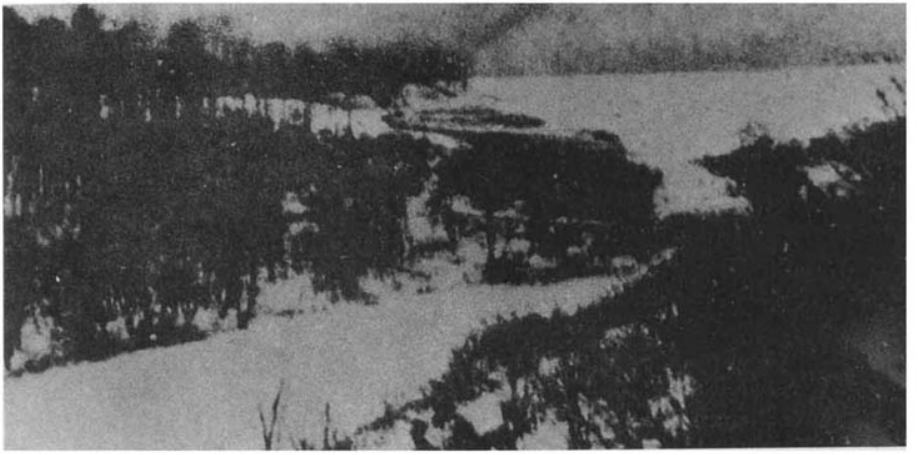
Со Чхор.

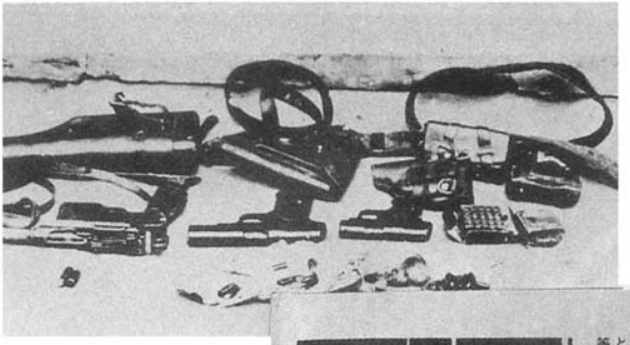
Ли Дон Гор.

Пак Сон Чхор.

В этом районе действовал Ян Цзинюй.

Оружие, патроны, печать Янцзинюя.

王道楽土の理想と挫折

楊靖宇と東北抗日連軍

国立国会図書館調査員
東京女子大学講師 伊藤 一

楊靖宇（ヤン・チンユー）の名は、「満州」（正しくは「満洲」）この語は中国語では今日「満族」と呼ばれる民族の旧称であり、元来中国東北地方を指す地名としての用法はないが、日本では一般に地名として用いられ、本文の対象が主として「満州国」時代であって、当時は中国共産党も「満州省委員会」とか「南満」「東満」といった語を使用していたので、小論もこれを踏襲する）抗日ゲリラの指導者として、日本では金日成に次いでよく知られている。作家の澤地久枝氏は、一九八一年夏、解放後初めての外国人として吉林省靖宇県に楊靖宇終焉の地を訪ね、同地の「老百姓」や研究者等にインタビューして「もうひとつの満洲」（文藝春秋）にまとめている。

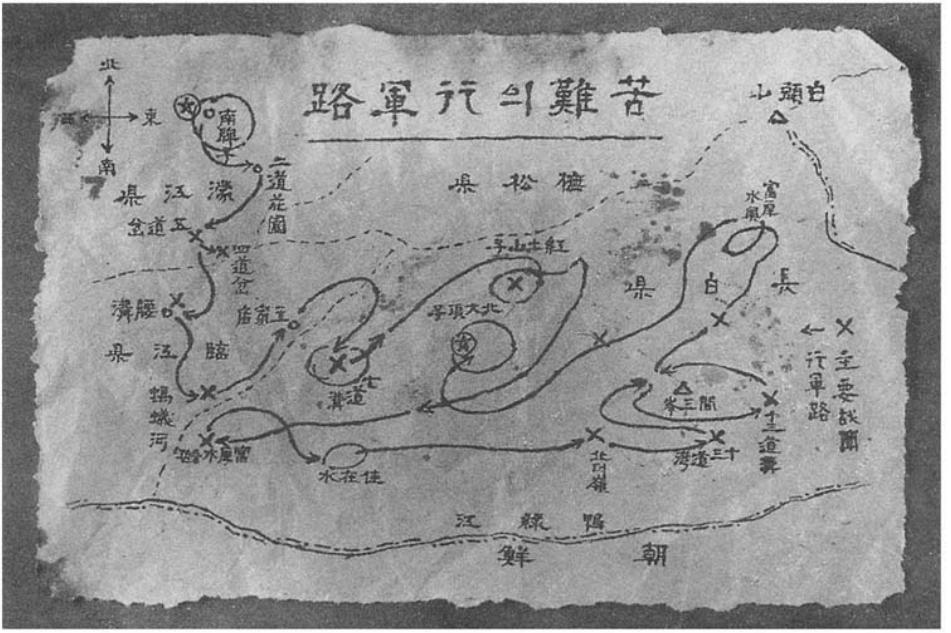
青年時代の楊靖宇

Одна из страниц японской печати с материалами об Ян Цзинюе.

Трудный поход

Трудный поход был невиданным в истории суровым испытанием. Стойкий революционный дух и благородное чувство коммунистического морального долга, проявленные в то время антияпонскими революционерами, являются источником нашей идейно-духовной силы. Это было гарантией торжества нашей революции. Так и было, есть и будет.

Маршрут Трудного похода.

Хан Ик Су.

Чвэ Ин Док.

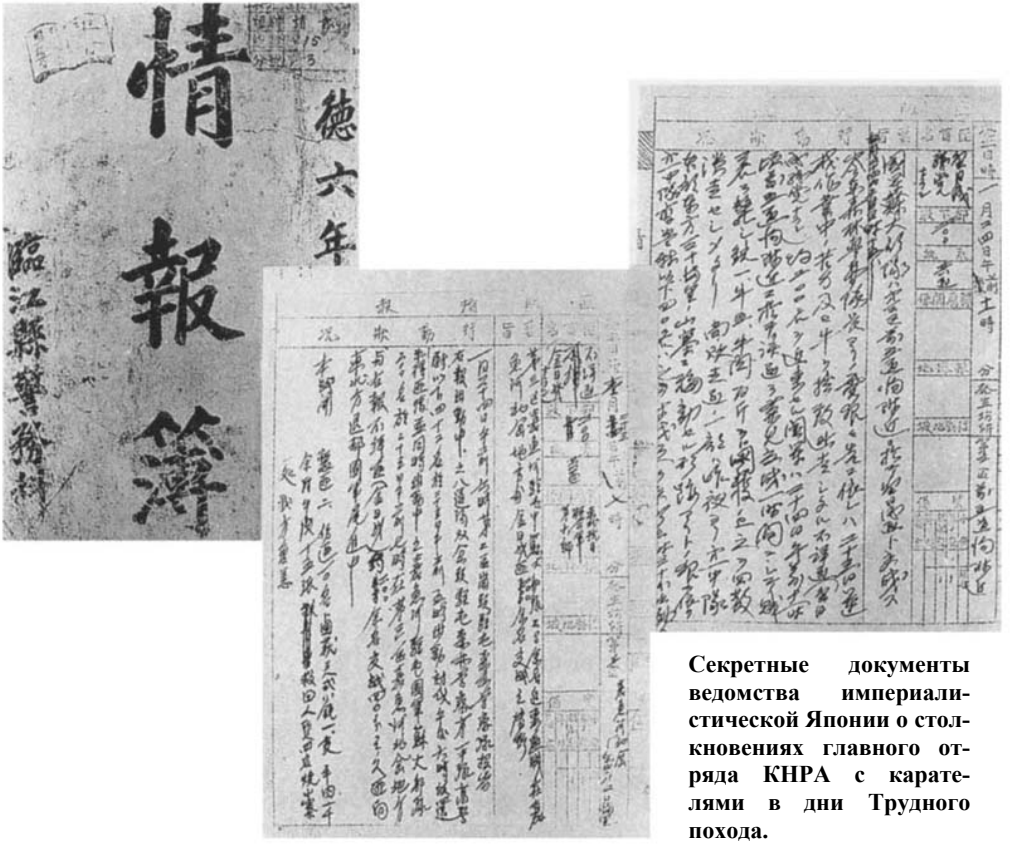
Ли Гвон Хэн.

Чи Бон Сон.

Ким Чжон Док.

Секретные документы ведомства империалистической Японии о столкновениях главного отряда КНРА с карателями в дни Трудного похода.

Соратники – выходцы из Армии независимости

Чвэ Юн Гу, последний командующий Армией независимости.

Ким Мен Чжун.

Хон Чхун Су.

Плац Армии независимости в Саньюаньпу провинции Тунхуа.

СНОВА НА РОДИНУ

Здесь состоялось Бэйдадинцзыское совещание (апрель 1939 г.).

金日成○團主力과
討伐隊激戰演出
白頭山麓密林地帶서
森警隊와激戰
白色地帶로匪團逃入

金日成一味
咸南に潛入
わが警備隊と交戰中
目下交戰中
老人總死

Страницы газет того времени с материалами о рейде КНР в Корею.

Место стоянки в Кончхане.

Капсан-Мусанская сторожевая дорога.

Место стоянки в Мупхо.

Место стоянки на горе Пэгэ.

В этом доме великий вождь товарищ Ким Ир Сен вел политическую работу.

Лозунги на стволах деревьев на месте стоянки в Чхонбоне (писала товарищ Ким Чен Сук).

Место революционной и боевой славы в честь победы в бою в районе Мусана

Монумент в честь победы в бою в районе Мусана.

Часть монументального скульптурного комплекса у озера Самчжи.

Ким Сэ Ок.

Чвэ Вон Ир.

Чо Мен Сон.

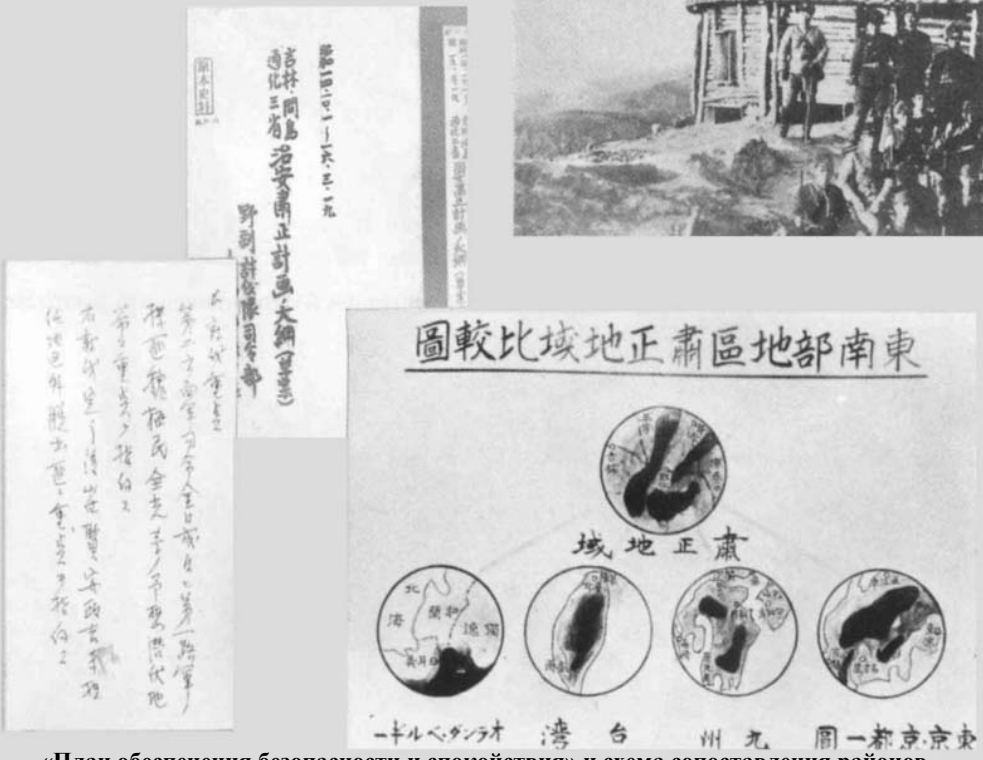
Крупная карательная операция японских империалистов проводилась под названием «специальные меры по обеспечению безопасности и спокойствия в юго-восточном районе».

Нодзоэ докладывает командующему Квантунской армией о ходе карательной операции.

Сторожевой пункт карательного отряда.

«План обеспечения безопасности и спокойствия» и схема сопоставления районов карательных действий.

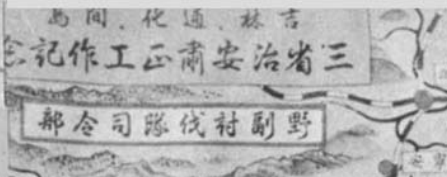

Авиация карательного отряда.

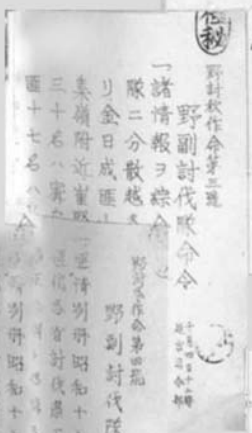
Карательный отряд.

Материалы японского карательного отряда. В них противник признает невозможность разгрома главного отряда КНРА.

О Чжун Хыб.

Командир полка О Чжун Хыб – олицетворение духа самоотверженной защиты Верховной Ставки революции.

«Более 50 лет вместе со многими руководящими кадрами я веду революционную борьбу, но до сих пор не видел такого верного, дисциплинированного человека, как О Чжун Хыб».

Ким Ир Сен

Место боя в Люкэсуне. Здесь погиб О Чжун Хыб.

Чвэ Иль Хен.

Кан Хын Сок.

Великие победы в боях в Дамалугоу и на Хунцихэ

Место боя на Хунцихэ.

Памятник на месте сражения отряда Маэда, разгромленного на Хунцихэ, и воспоминания Унами, начальника полицейского карательного отряда, которому был непосредственно подчинен Маэда.

前田中隊が全滅した大馬鹿溝戦闘

会社員　宇波彦次郎

間島省の満州国警察にいた私が全日成将軍のひきいる抗日部隊の討伐に参加したのは、1938年から41年にかけてであった。

当時、関東軍司令官は満州東北部（吉林、間島、通化の3省）で「治安粛清」を強化するにあたり、日本軍、満州国警察、鉄道警備隊を一体とした討伐作戦をくみ、野副隊軍少将を討伐司令官に任命し警察討伐大隊（前田武市中隊ら4コ中隊）を編成した。

私はその大隊長として4コ中隊と鉄道警備隊2コ中隊をひきい、地区討伐隊長布上大佐の指揮のもとに抗日部隊討伐にあたった。

間島省は住民の90パーセントが朝鮮人で、かれらは抗日部隊がひそかに入ってくると、食糧や牛などを提供し、積極的に援助した。

困難な情報収集のなかで、比較的たしかな情報として「全日成将軍は吉林市の学校を卒業した。きわめて優秀で、政治的判断力、組織指導力はずばぬけており、信望があつかった」というのがあった。（註一全日成将軍は吉林市の毓文中学校で、師範学校をふくむ市内の各学校の学生たちによる反帝組織をつくり反日運動を指導した）

全日成将軍のずばぬけた指導力は、抗日遊撃闘争のなかでも遺憾なく発揮されたようだ。とくに、たくみな遊撃作戦や待伏せによっていためつけられることが多かった。

あるとき、森林討伐隊が全日成部隊の襲撃をうけたという急報がはいった。討伐隊は警備が比較的手うすだし食糧が豊富なためよく襲撃をうける。しかも労働者たちが抗日部隊を支持しているためとうしてもねらわれやすいのだ。

雪のなかを大いそぎで追跡した。密林に入るところで足跡が消えている。よくみると消した足跡があ る。「こっちだ！」とそのあとを追っていくと、いつのまにかもとの位置にもどっていた。こういうことは一度や二度ではなかった。

1940年3月11日、紅旗河の渓谷にある大馬鹿溝が全日成部隊に襲撃された。大馬鹿溝は山林警察中隊本部があり、討伐隊の拠点だった。本部がやられ自動車修理所は焼かれ、武器、弾薬、食糧、被服がうばわれた。

布上地区討伐隊長は、警察討伐大隊に日本軍の大場、赤塩部隊と協同作戦をくみ、全日成部隊を追跡、せん滅せよと命令した。

私は前田武市中隊にその任務をあたえた。3月25日、前田中隊は大馬鹿溝から少しはなれたところで全日成部隊と出あい、大激戦となったが、前田中隊長以下全滅という結果に終った。待伏せ作戦にかかったのだった。この前田中隊の全滅は討伐隊に大きなショックをあたえた。

全日成部隊は地理に明るく、たくみな戦術を駆使してくるため、密林の討伐作戦はほとんど成功しなかった。

また、全日成将軍の部下には優秀な指揮官が多かった。崔賢隊長、呉白龍隊長などは関東軍のなかでも名が知れており、どれだけいためつけられたかわからない。

当時全日成パルチザン部隊は、われわれは全日成将軍のひきいる朝鮮人民革命軍だ。祖国光復のたたかいに妥協はない。

「討伐隊はわれわれに武器、食糧、衣服を補給してくれるもっとも歓迎すべきお客さんだ」と意気さかんであった。

いま朝鮮民主主義人民共和国は全日成首相の指導のもとにすばらしい発展をとげている。

すぐれた指導者のもとに前進している朝鮮人民は必ずや祖国の統一を実現するであろうと、私は自分の体験をとおして確信している。

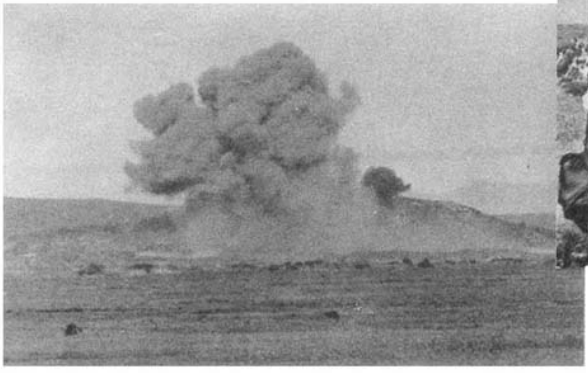
С оружием в руках защитим Советский Союз!

Военные конфликты между СССР и Японией на границе. Инциденты в районе озера Хасан и на Халхин-Голе.

Г. К. Жуков.

Советские пограничники у озера Хасан. Воздушный налет советской авиации в зоне конфликта.

Советская артиллерия готовится к бою на Халхин-Голе.

На Халхин-Голе японская армия потерпела крупное поражение.

Японская пехота на форсированном марше в степи перед атакой.

Советско-японские переговоры под Халхин-Голом о перемирии.

Ким Чжин.

Пак Вон Гю.

Чон Дон Гю.

Пак Гван Сон.

Рян Хен У.

В пламени антияпонской революции (2)

Ким Сам Сон.

Ким Чхоль Чжин.

Ким Бен Су.

Чвэ Сун Сан.

О Чжэ Вон.

Хан Тхэ Рён.

Сон Чжон Чжун.

Хан Чхон Чху.

Ли Ду Ик.

Ли Чжон Сан.

Ли Чжон Ин.

Ан Чен Сук.

Ким Чжи Мен.

Сон Сын Пхир.

Ли Ён Гу.

К изданию мемуаров великого вождя товарища Ким Ир Сена «В водовороте века» (Продолжение)

Солнце человечества, великий человек мира, любимый вождь товарищ Ким Ир Сен на закате лет, подводя итоги своего жизненного пути, вынашивал замысел о написании огромных по объему мемуаров. Несмотря на преклонный возраст, автор неутомимо прилагал титанические усилия, создавая воспоминания **«В водовороте века».** В свет уже вышло шесть томов этой работы.

Издание мемуаров вызвало в мире бурные отклики читателей. Эти книги стали для людей бесценным учебником жизни и борьбы, подводящим их к пониманию основополагающих принципов, положений, методов революции, влили в их сердца живую струю любви к своей Родине и нации, к народу и товарищам.

К великой скорби, автор безвременно ушел от нас, не закончив свои воспоминания. Наша утрата безмерна, она усугубляется горечью и сожалением о том, что его мемуары так и не были завершены.

Однако, уходя от нас, уважаемый вождь оставил бесценное рукописное наследие – лично составленные общие планы композиции своих книг, детали конспектов, а также множество материалов, богатейший арсенал воспоминаний о важнейших исторических событиях, фактах и личностях.

Центральный Комитет Трудовой партии Кореи, выполняя поручение, продолжает выпуск в свет воспоминаний товарища Ким Ир Сена **«В водовороте века»,** включающих все имеющиеся источники: конспекты, наброски, иные рукописи автора. И используются также многочисленные исторические документы и воспоминания из фондов партийного архива.

Книга эта безусловно послужит тому, чтобы еще глубже увековечить благородный облик, высочайшие качества, бессмертные заслуги любимого вождя товарища Ким Ир Сена как великого революционера, великого политика, великого человека, посвятившего всю свою более чем 80-летнюю жизнь процветанию Родины и нации, счастью людей. Это издание поможет нам сохранить в сердцах горячее чувство к родному вождю и отцу и испытывать безмерную честь от того, что он всегда с нами.

Центральный Комитет Трудовой партии Кореи

15 апреля 1996 года

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. **ЧЕРЕЗ ПЕРЕВАЛ ИСПЫТАНИЙ**

1. Тайный лагерь в Матангоу
2. Охотник на хорьков
3. Конец Армии независимости
4. Староста Ван и начальник Ван
5. Жэхэский поход
6. Встреча с Ян Цзинюем
7. Бабушка Ли Бо Ик
8. В лесу Наньпайцзы

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ. **К НОВОМУ ПОДЪЕМУ РЕВОЛЮЦИИ**

1. Трудный поход
2. Цинфэнский урок
3. Случай с солью
4. Бой в Тэхондане
5. Весенний праздник *тано* в поселке Юйшидун
6. Верность женщин-борцов делу революции

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. **ЗАЛПЫ НА ОБХОДНОМ МАНЕВРЕ КРУПНЫМИ ОТРЯДАМИ**

1. Женщина, появившаяся в тайном лагере
2. Китайский помещик Лю Тунши

3. Схватка с полчищами карателей
4. О Чжун Хыб и 7-й полк
5. Уроженец провинции Пхеньан
6. «С оружием в руках защитим Советский Союз!»
7. Крушение карательного отряда Маэда

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Через перевал испытаний

Тайный лагерь в Матангоу

Охотник на хорьков

Конец Армии независимости

Староста Ван и начальник Ван

Жэхэский поход

Встреча с Ян Цзинюем

Бабушка Ли Бо Ик

В лесу Наньпайцзы

Ноябрь 1937 – ноябрь 1938

1. Тайный лагерь в Матангоу

На Северо-Востоке Китая есть уезд Цзинюй. В былые времена его называли Мэнцзян.

В уезде раскинулось безбрежное море дремучих лесов, называемое Пайцзы. В восточной части тайги – Дунпайцзы – затерялось местечко Матангоу.

Именно здесь главные силы Корейской Народно-революционной армии проводили в зимний период интенсивную военно-политическую подготовку. Она длилась без малого четыре месяца – с последних дней ноября 1937 года по последнюю декаду марта 1938 года.

Почти всегда, когда речь заходила об учебе детей, молодежи, учащихся, руководящих работников и военнослужащих, великий вождь товарищ Ким Ир Сен много рассказывал о том времени, об опыте учебы периода антияпонской революции.

Ниже публикуются воспоминания товарища Ким Ир Сена – часть тех эпизодов, о которых он поведал исследователям истории революционной борьбы против японского империализма.

Зима 1937 года. Тайный лагерь в Матангоу в уезде Мэнцзян. Главные усилия всех бойцов и командиров части были сосредоточены на военно-политической подготовке личного состава. Занимались там, пожалуй, месяцев четыре-пять с большим волевым и физическим напряжением.

У вас, товарищи, может возникнуть недоумение: «С какой стати тут и еще интенсивная подготовка? Ведь и весной 37-го, как известно, проводилась такая подготовка. Проходила она в Дунганском тайном лагере более месяца». Но в этом, я бы сказал, ничего непонятного нет.

Корейская Народно-революционная армия – это не просто военный коллектив. Это армия революции – такая, которая должна уделять главное внимание как политическим, так и

военным вопросам. Овладеешь науками и военным искусством – победишь в вооруженной борьбе, да и другие дела пойдут на лад: и работа с населением, и сколачивание единого фронта, и дезорганизация вражеских войск. Вот почему мы прилагали огромные усилия для обучения и воспитания бойцов. Учеба – могучее средство, ускоряющее становление воинов.

Как вы сами знаете, товарищи, у нас давно укоренился взгляд: человек – хозяин всего, он решает все. Основываясь на такой точке зрения, мы видели и видим в сознании человека решающий фактор исхода революции.

Человек решает все – это, в конечном счете, значит, что все определяется его идейным настроем и его умственными способностями. Именно эти качества и должны непрерывно оттачиваться в процессе учебы.

Итак, мы второй раз за год проводили интенсивные военно-политические занятия. Диктовалось это, конечно, и рядом других актуальнейших обстоятельств. В то время многие люди начали падать духом. Они думали: вот-вот Япония поглотит все районы Востока. Да, действительно, японские войска после начала войны с Китаем без особых задержек захватили обширную территорию Внутреннего Китая. И, понятно, у людей начали появляться колебания. Такое происходило даже с теми, кто в свое время все-таки окунулся в водоворот борьбы за возрождение потерянной Родины. Теперь же они либо укрывались в тихих углах, изображая собой «патриотов», сетующих на обреченную судьбу Отечества, либо разбредались по всей земле в поисках выхода, спасения. И в рядах нашей революционной армии, хотя их было немного, колеблющиеся начали давать о себе знать.

Такая ситуация потребовала от нас усилить идеологическое воспитание и боевую подготовку воинов. Иначе мы не смогли бы укрепить собственные революционные силы, а значит, не смогли бы уверенно вести до конца свою самостоятельную линию в революции.

И еще: большой головной болью была путаница в суждениях, порожденная той или иной линией Коминтерна. Авантюристы левацкого толка, восседавшие к тому времени в аппарате Коминтерна, навязывали коммунистам Кореи и Китая курс на Жэхэский поход. Но этот курс не соответствовал реальным условиям стран. Это причинило огромный ущерб делу революции в Корее и Китае.

В кругах, симпатизирующих коммунизму, ходили два документа, получившие относительно широкое распространение. Один из них – так называемая «Программа действий Коммунистической партии Кореи», которую разработала, мол, группа инициаторов создания КПК, другой – текст выступления некоего Кима с трибуны VII конгресса Коммунистического Интернационала. Понятное дело, что в этих документах какие-то ориентиры для себя пытались отыскать коммунисты Кореи, которые после роспуска партии шатались то вправо, то влево в поисках верной руководящей линии.

Конечно, было отрадно, что с высокой трибуны конгресса Коминтерна и на страницах журнала, его печатного органа, прозвучали голоса корейцев. Но надо отметить, что и «Программа действий» и выступление на коминтерновском конгрессе были, к сожалению, переполнены положениями, не отражавшими реальных условий корейской революции.

Мы уже на Калуньском совещании дали формулировку: корейская революция по своему характеру является не буржуазно-демократической, а антиимпериалистической, антифеодальной демократической. И за нашими плечами был опыт проведения в партизанских районах линии на установление народно-революционного правительства.

Отсюда вытекала наша убежденность в том, что прежде всего надо дать командирам и бойцам КНРА четкое понимание необходимости сохранения самостоятельной линии корейской революции.

Вот в чем состояла одна из причин того, что я написал статью

«Задачи корейских коммунистов» и использовал ее в качестве учебного материала на интенсивных политзанятиях. В статье я заново объяснил характер и ближайшие задачи корейской революции, наметил задачи коммунистов Кореи по осуществлению ее на началах самостоятельности.

У нас была и другая необходимость повторной организации военно-политической подготовки личного состава. Новобранцев надо было закалять как в политическом, так и в военном отношении.

Матангоу было далеко от опорного пункта вражеского хозяйничания. Здесь революционной армии было удобно проводить целую зиму, занимаясь военно-политическим обучением.

Еще жив в моей памяти тот день, когда мы пришли в этот край. В тот день мы полакомились картошкой, а испекли ее в печке, сооруженной бойцами заранее направленного сюда дозорного наряда. В Мэнцзяне хорошо родится картофель: в этом он не уступает Фусуну и Аньту. Как наяву вижу картофелину величиной с большую пиалу – такую, что больше одной не поместится в черпаке-горлянке. Ох, и вкусным был тот картофель!

Первым делом мы созвали совещание военных и политических кадров. На нем для каждого бойца и командира был определен рубеж учебных занятий, которого они должны были достичь за этот зимний сезон. Затем по отрядам, организациям, группам занятий проходили сборы, на которых бойцы крепили свою решимость прилежно заниматься учебой. «Учеба – это тоже бой!», «Учеба для революционера – первейший долг!» – подобные лозунги мы выдвинули с самого начала военно-политической подготовки. Я велел расклеить эти призывы, написанные крупным почерком, во всех казармах.

В наших партизанских рядах было мало тех, кто получил какое-либо образование в стационарных учебных заведениях. Конечно, сравнительно грамотными считались Ма Дон Хи, Чвэ

Ген Хва, Ким Ен Гук, Кан Дон и другие, которых даже прозвали за образованность «студентами». Но образование «студентов», увы, не выходило за рамки начального или, в лучшем случае, среднего. Все были люди из бедных семей, так что при всем желании им не удалось получить доступа к учебе. Наиболее образованным среди них оказался Со Чхор – выпускник медицинского техникума. Но и он окончил его вовсе не потому, что у него карман был набит деньгами: человек настойчивый, усердный, он сумел закончить техникум за счет средств, зарабатываемых им самим в трудных условиях. В нашей части таких эрудитов, как Пак Со Сим, Чха Гван Су и «старик с трубкой», можно было пересчитать по пальцам.

И вот начались в Матангоу военно-политические занятия. И тут я заметил, что отдельные новобранцы показывают себя только в боевой подготовке, а на политзанятиях усердия не проявляют. Одним из типичных таких представителей оказался человек по имени Пак Чхан Сун. Кстати, он был совершенно безграмотен – даже не умел написать три слога своего имени! И вся беда была в том, что боец нисколько не стыдился своего незнания. Наоборот, он порой не без самоуверенности громогласно бахвалился: «Я, право же, в грамоте не разбираюсь. Но, знаешь, воевать могу лучше других». И, естественно, самодовольный парень то и дело пропускал часы политзанятий. Спрашивают его: «Зачем ты, друг, занятия пропускаешь?» А он в ответ: «Знаете, ребята, у меня в голове все тьма кромешная. Грамоте никак не могу учиться. Лучше бы, по-моему, в те часы потренироваться в стрельбе, чтобы больше убить япошек».

Однажды я пригласил того Пак Чхан Суна, начал разговаривать с ним. Указывая на стоящий перед нами мелколистный клен, задаю парню вопрос: «Скажи-ка ты, на что это деревцо годится?» Отвечает: «Ну что ж, по-моему, на топорище». Второй мой вопрос: «Ну а теперь скажи, что надо делать, чтобы растить теленка рабочим волом?» Слышу: «Ну, ему-то надо в нос кольцо продевать».

В разговоре на такие житейские темы у него, настоящего мужика, ни запинки – хорошо подвешен язык!

Я ему говорю: «Ответы великолепны. Это, я вижу, потому, что ты сам занимался земледелием. Иначе не поймешь всех этих вещей. И в революционной работе действует такое же правило: хорошо поймешь, что и для чего, как надо делать, – сможешь здорово вести революцию. Без знания вещей, даже если увидишь вон тот клен, не поймешь, что он годен для хорошего топорища. Кто не овладел приемами уничтожения врага, тот не способен уложить много неприятелей. Только одним ружьем не победишь врага. Значит, раз ты не сможешь учиться, нам придется вернуть тебя домой. Как сможет делать такую нелегкую революцию тот, кто говорит: «Не могу учиться – это тяжело»? По-видимому, тебе остается только сдать оружие и заниматься у себя дома земледелием. Какой ты выбор сделаешь?» Он, явно ошеломленный такой постановкой вопроса, был не на шутку обескуражен и, вижу, очень обиделся на мою головомойку.

Пак Чхан Сун, поскольку он пришел к нам ради революции, не мог покинуть нас из-за нежелания учиться. После этого случая он просто с головой ушел в учебу.

Среди новобранцев нашелся еще один ленивый «ученик». Все неудачи в учебе он объяснял своей плохой памятью. Фамилия его была Квон, а как звали по имени, не помню. Друзья, разумеется, советовали ему: «Ты, братец, учись прилежно». Но тот парень каждый раз вместо того, чтобы прислушаться к такому совету, забрал себе в голову другое. Он говорил: «Слушайте, ребята, ради бога. И предводитель Хон Бом До был точно таким же неграмотным, как я, но был начальником Армии независимости – здорово командовал». Не знаю, откуда он знал такую вещь – видимо, по наслышке. «Вы, ребята, говорите: если не знаешь – не сделаешь революции, – продолжал он. – Что это за чепуха, а?» Этот ленивец своим поведением затмил Пак Чхан Суна. Он настолько упрямствовал, заваривал такую кашу, что командир его роты и политрук просто хватались за головы и, наконец,

обратились за помощью ко мне.

Я написал письмо к тому новобранцу и передал его через своего ординарца. А во всех ротах велел строго предупредить: никто не должен читать вслух ему это письмо.

Ординарец передал ему мое письмо. Неискушенный боец, обескураженный «сюрпризом», просто не находил себе места. А как иначе! Рядовой боец получил личное послание от Командующего! Беда состояла в том, что парню было совсем неизвестно, что написано в письме. Обратился к знакомым, умолял прочитать ему написанное. Но те под разными предлогами отказывали в его просьбе. Очень взволнованный, он просто исходил весь отряд – из взвода во взвод, из роты в роту. Валялся чуть ли не у каждого в ногах, молил: «Прошу прочесть письмецо!» Но так и не нашел себе помощника. Подумайте, в какой заколдованный круг он попал!

Ничего не поделаешь, и Квону пришлось идти ко мне и умолять сообщить ему, что говорится в том письме.

Я зачитал написанное. В письме содержалось срочное распоряжение: выполнить такое-то задание в такой-то срок и доложить лично Ставке Командования. Но когда он пришел ко мне с письмом, уже ушло время, указанное в распоряжении. Оказывается, боец не выполнил задание, порученное ему Командующим. Он просто не смел поднять голову, по его лицу текли струи пота.

Я ему говорю: «Вот видишь, из-за того, что ты – человек неграмотный, даже не выполнил приказа Командующего. Теперь представь такое. Если бы я дал тебе какой-то приказ в письме, когда ты действуешь во вражеском районе, то что случилось бы, по-твоему, а?»

Тот, роняя крупные слезы, раскаялся в своем поведении. После этого случая он начал учиться с огоньком, а впоследствии стал довольно грамотным военно-политическим руководящим работником.

Кстати сказать, хотелось бы подчеркнуть еще одно: суть

дела – в том, что именно прилежная учеба помогла стать славным бойцом даже такому человеку, который не знал раньше и азов.

А вот что касается того периода, когда мы действовали в Ванцине. В нашем отряде был боец по имени Ким Ман Ик. К нему прижилось оригинальное прозвище – «Гунян». «Гунян» – это по-китайски девушка. Такое прозвище ванцинцы подарили ему за светлую кожу, пристойность поведения, за внешнюю красоту. Но у него было и то, что не под стать девушке, – «Гунян» выделялся гигантским ростом.

Вначале он состоял в Молодежной добровольческой армии, участвовал и в бою при обороне Сяованцина. После официального вступления в партизанскую армию парня зачислили в роту Чвэ Чхун Гука. Воевал здорово. Простой человек из деревни до своих 20 лет ни разу не видел даже поезда. Человек этот ничем не засорен, не запятнан – душа у него была чиста, как лист белой бумаги.

Однажды ему довелось с друзьями участвовать в налете на поезд. Тут он своим поступком насмешил соратников. Перед самым боем парень лег на землю, приложив ухо к железнодорожному рельсу. Заметив его странное поведение, друзья спросили: «Что ты там делаешь, дружок?» А тут Ким Ман Ик, вставая, говорит: «М-да, а я не знал, что такое поезд. Теперь-то понял. Тут, вижу, ничего особенного. Это такие железные сани, что скользят, как розвальни. Только по стальным путям». Таким был он. Но и он, столь плохо разбиравшийся в обыденных, казалось бы, вещах, учился у нас грамоте. Впоследствии стал молодежным работником роты, сам начал воспитывать других бойцов. Он участвовал в боевых операциях по освобождению Северо-Востока Китая. Вернувшись на Родину, служил в дивизии Кан Гона командиром батальона, затем и полка.

Не знаю, рассказывается ли в наших книгах, посвященных Отечественной освободительной войне, о Ким Ман Ике, который отлично командовал подразделением, а затем частью в боях за освобождение Сеула и Тэчжона. Он пал, наверно, на рубеже реки

Рактон. Его сильно ранило в живот и шею, но он двое суток не покидал поле сражения, продолжая командовать войсками, и погиб смертью храбрых.

Немало трудились работники секретариата и типографии над успешным проведением военно-политической подготовки партизан. Вблизи тайного лагеря они соорудили типографский пункт, где выпускались много учебных пособий, различных материалов для занятий. Главными литераторами секретариата являлись Чвэ Ген Хва и Ким Ен Гук. Первый работал главредом газеты «Чонсори»[1] («Звон колокола»), а второй был ответственным за выпуск газеты «Согван»[2] («Заря»). Двое, – они сыграли в этом главенствующую роль, – вместе со «стариком с трубкой» без устали, не покладая рук, писали статьи, разъясняющие содержание учебного материала, и литературные произведения в помощь слушателям, которые публиковались в печати внутреннего пользования. Они также получали от читательского актива живейшие заметки, от которых, как говорится, пахло потом и порохом. Итак, зимой того года, не говоря уж о бойцах группы самоподготовки, даже и «ученики» группы азбуки проявляли довольно большую активность в подготовке публикаций для газеты и журнала. А когда человек возьмется за перо, как правило, он входит в мир широкого кругозора и поневоле загорается огоньком в учебе.

Основная тематика политзанятий – самостоятельность в революции, революционные убеждения, революционный дух опоры на собственные силы. Весь комплекс проблем отражал требования суровой ситуации нашей революции, сложившейся после начала китайско-японской войны. И в те дни, как сейчас, необходимость отстаивания независимой линии представляла собой жизненную артерию корейской революции. В качестве главного учебного материала в военно-политических занятиях в Матангоу использовались «Программа Лиги возрождения Родины из 10 пунктов», «Задачи корейских коммунистов» и другие документы. Это было вполне понятно: в них была четко освещена

наша самостоятельная позиция по вопросам революции.

В Матангоу мы уделяли большое внимание и военной подготовке. Главной задачей в ее процессе было полное освоение слушателями содержания пособий «Действия партизанской армии» и «Элементарные знания партизанской армии», в которых обобщались приемы ведения партизанских боев. Долг комсостава состоял в том, чтобы уделять особое внимание тактическим занятиям, а задача рядовых бойцов – заниматься в основном огневой и строевой подготовкой, совершенствуя одновременно практические действия.

В Матангоу обучали бойцов не только тактическим приемам партизан. Предметом изучения была и тактика регулярных войск. Она была включена в программу занятий для того, чтобы глубже узнать противника именно с тактической точки зрения. Но при этом однако мы ставили перед собой и другую цель. Ведь в будущем нам предстояло решить большую задачу – создать на освобожденной Родине регулярную армию: значит, мы должны были заранее овладеть необходимыми для этого знаниями.

Мы часто проводили под открытым небом семинары по тактике, создавая обстановку, максимально приближенную к боевой. И рядовых партизан приобщили к освоению приемов тактических действий. Новобранцев, не разбирающихся в географической карте, ознакомили с методами понимания карт и ориентировки по компасу.

Порой мы проводили и боевые операции. Это нужно было для того, чтобы новички на боевой практике действенно закрепили знания, полученные в ходе военного обучения. С этой целью мы провели бои в Цинцзяндяньцзы и Цзинаньтуне именно в те дни, когда в Матангоу шли военно-политические занятия. Как-то к тому времени наши бойцы устроили и бой из засады: нужно было добыть хозяйственные материалы.

Когда атаковали Цзинаньтунь, мы потеряли Чвэ Ген Хва. В том бою Кан Дон обморозил ноги – из-за плохого ухода за ними. Впоследствии он погиб. Оба они вступили в отряд в Чанбае. В

отличие от других простых новобранцев каждый из них до этого руководил в Чанбае несколькими крупными подпольными организациями и уже после этого пришел в революционную армию. Это были многообещающие бойцы, вышедшие из среды интеллигенции.

Чвэ Ген Хва нашел и воспитывал Квон Ен Бек, который, находясь в Ванцзягоу, направлял дело создания в районе Западного Цзяньдао местных парторганизаций и организаций ЛВР. Как действовал он в то время в этой деревне, я здесь не собираюсь больше рассказывать, ибо об этом уже не раз говорилось.

Что касается Кан Дона, мы его нашли и воспитывали, находясь в Западном Цзяньдао. За его плечами — всего-навсего образование в повышенной группе в начальной школе. Но он успел самостоятельно проштудировать конспекты лекций для средней школы, изучил историю развития общества. Давно он включился в массово-просветительную работу, внеся тем самым громадный вклад в воспитание людей в духе борьбы против японского империализма, на идеях патриотизма. Широко известными были вечерние школы, которые он сам создал и направлял. В этих учебных заведениях Кан Дон выпестовал целую плеяду революционеров. В нашей части было много его учеников. Ли Ыль Сор – тоже его ученик. В наши дни и того, кто хоть одного героя воспитает, довольно шумно рекламируют. Если иметь в виду этот факт, то ему, можно сказать, принадлежат громаднейшие заслуги.

Кан Дон, находясь в деревне Инхуадун, был причастен к рождению организаций ЛВР, сам создал Антияпонское молодежное общество. Эти формирования зарекомендовали себя в движении за оказание помощи революционной армии. Будучи старостой десятидворки, он непрерывно собирал и посылал нам и ценную военную информацию, необходимую для нашей деятельности. Когда он пришел к нам, неся на себе материалы для помощи партизанам, я его принял в Хэйсяцзыгоуском тайном

лагере.

После того, как прокатился гром «Хесанского дела», Кан Дон эвакуировал революционно настроенные массы в безопасную зону, а сам вместе с молодыми людьми села вступил в нашу часть. Конечно, он был в составе новобранцев, но мы назначили его пропагандистом роты. Он великолепно, в соответствии со своей служебной должностью занимался просвещением рядовых бойцов. Чон Мун Соб тоже находился, наверное, под его большим влиянием.

Кан Дон всегда был активным участником обсуждений, дискуссий на занятиях. Он много раз писал и статьи для печати внутреннего пользования. Особо впечатляющей была его публикация в «Чонсори», в которой он острым пером разоблачил злодеяния японских империалистов в Чанбае, совершенные ими после спровоцирования «Хесанского дела». В статье живейшим образом автор сумел передать собственные переживания.

Когда наша часть проводила в Матангоу военно-политическую подготовку, я однажды направил Кан Дона в уезд Хуадянь: нужно было установить связи с частями 4-й дивизии. От Матангоу до Хуадяня – свыше 120 километров. К тому же там был расположен усиленный кордон противника. Кан Дон как-то слышал, что меня беспокоит отсутствие информации о частях 4-й дивизии. И он сам вызвался идти в Хуадянь. С поручением справился отлично. Я был просто восхищен его верностью, его мужеством, когда он вернулся ко мне из Хуадяня с целым «мешком» ценнейших разведданных.

Когда наш отряд налетел на Цзинаньтунь, он ручной гранатой обезвредил вражеский форпост и, идя впереди атакующих, открыл путь к наступлению. Уничтожив форпост, он занял позицию, чтобы преградить путь возможного налета противника, и там он сильно обморозил ноги. По возвращении в тайный лагерь мы оставили его в покое для лечения.

Но даже и обмороженный, он не хотел спокойно лежать и лечиться. С одной стороны, больной лечился, с другой – зани-

мался своим делом: выступал с лекциями перед слушателями, учил бойцов грамоте, писал в газету. Проводил он день за днем буквально без сна, без отдыха. К несчастью, однажды враги налетели на тайный лагерь. Кан Дон, взяв в руки оружие, бесстрашно вступил в бой. Получив сквозное пулевое ранение в живот, он впоследствии скончался от осложнений. Он нам был очень дорог, и, потеряв его, мы испытывали несказанную горечь.

Героическая жизнь Кан Дона подтверждает истину: кто прилежно учится, тот показывает яркий пример и в практических революционных делах, становится творцом бессмертных свершений, незабываемым Родиной, вечно живущим в памяти народной. Знакомые мне герои-партизаны все без исключения придавали в будни важнейшее значение учебе. Из тех, кому было лень учиться, не вышло героев, достойных служить примером для грядущих поколений. Тот, кто богат запасом «духовной пищи», где бы и чем бы он ни занимался, непременно готов пойти на великий подвиг во имя революции, – таков закон. По словам руководителей Министерства народных вооруженных сил, герой КНДР Ли Су Бок тоже прилежно учился в свои ученические годы.

Я, признаться, не видал, чтобы недобросовестный в учебе был силен своими убеждениями, как и не видал, чтобы оставался верным чувству революционного долга тот, у кого нет твердых убеждений. Человеку надо много учиться. Лишь тогда он будет силен убеждениями и воспламенится страстью к свершению революции.

Товарищ Ким Чен Ир отметил, что человек видит, слышит, чувствует, воспринимает настолько, насколько знает. Это довольно мудрые, золотые слова.

В дни военно-политической подготовки мы широко проводили и работу по повышению культурного уровня личного состава. Мы частенько организовывали разучивание революционных песен, порой собирались вместе повеселиться. Кроме того, нередко проводилась трибуна читателей, на которой ораторы

знакомили слушателей с революционными романами, повестями, рассказами, с биографиями великих людей. Это помогало бойцам быть оптимистами в жизни и борьбе. В тайном лагере почти не проходило дня без развлекательных мероприятий.

По нашему жизненному опыту, песня – это символ революционного оптимизма, символ победы революции. Я часто говорю: в человеческой жизни должны быть и стихи, и танцы, и песня. Иначе какой же смысл жить человеку?!

Мелодии наших песен звучали везде: и на бивуаке, и на импровизированной сцене, и на поле брани. Громко раздается песня – значит, высок боевой дух: войско с возрастающим боевым порывом, как правило, не знает поражения в сражениях. Гремят звуки песен – растут, крепнут революционные ряды. Там, где громко звучит песня, – наверняка победа революции.

В те дни предметом особого нашего внимания была и культура быта. От нечистого тела не жди здоровой души. Подобно этому в грязном, разлаженном, беспорядочном отряде нельзя надеяться на стальную боевую силу. В прошлом враги, едва только заметив следы мест ночлега и кострищ в нашем отряде, прекращали свою погоню. Уже одно это давало им понять, сколь высоки дисциплина, порядок, боеспособность нашей армии.

Однако в первые дни жизни в Матангоуском тайном лагере бросались в глаза такие роты, в которых люди делали, так сказать, «разминку», строя жизнь спустя рукава. Наблюдались даже такие случаи: бойцы, заранее не запасшись дровами, безмятежно сидели. А когда приходил час приготовления пищи, они спешили бездумно валить любые деревья, стоящие вокруг тайного лагеря.

Я решил создать в тайном лагере образцовое подразделение, чтобы все бойцы части следовали его примеру. Вызвал к себе О Чжун Хыба – командира 4-й роты 7-го полка. Это была стержневая рота, она обладала самой большой боеспособностью. Я рассказал ему о тех или иных недостатках в лагерной жизни. Он же воспринял мое замечание как критику в адрес своей роты.

Вернувшись в подразделение, он поднял целые «вихри» вокруг оздоровления быта и изменил облик роты до неузнаваемости. Через три дня комроты подошел ко мне и говорит: «Постарался я кое в чем изменить жизнь роты к лучшему. Можете как-нибудь осмотреть».

На следующий день мы вместе с военно-политическими работниками пошли в 4-ю роту. Поняли, что облик подразделения заметно изменился к лучшему. Вокруг тайного лагеря все было в чистоте, все приведено в такой порядок, что не к чему придраться. Так, рядышком с кухней стояла поленница дров из сухостоя. Они дают меньше дыма. Их, вижу, хватило бы, как говорится, с лихвой и на несколько месяцев.

Я велел О Чжун Хыбу проверить оружие подчиненного личного состава. Перед выстроившейся ротой он первым делом передал свое оружие командиру 1-го взвода на проверку. Выдержав «экзамен», комроты начал проверять оружие бойцов.

Я посоветовал всем военно-политическим работникам части, пришедшим на осмотр, проверять вместе с комроты все аспекты ротной жизни: состояние оружия, обмундирования, порядок в казармах, на кухне, в умывальнях. После осмотра я говорю им: «Скажите, пожалуйста, если есть у вас какие-то замечания». Все они в один голос ответили: «Отлично!»

После этого случая и другие роты, взяв пример с 4-й роты, коренным образом улучшили управление подразделениями и культуру быта.

Раз зашла речь об оздоровлении быта в Матангоуском тайном лагере, мне вспоминается и еще одно, что там было. Это «движение за воздержание от курения». То было второе по счету движение под девизом «не курить», которое развернулось в нашей главной части. Зачинщиком первого движения выступил по моему совету Ли Ду Су в те дни, когда мы воевали у подножия гор Пэкту. А второе движение такого рода в Матангоуском тайном лагере добровольно было организовано и развернуто самими заядлыми курильщиками.

Генеральная задача интенсивной военно-политической подготовки, проведенной нами в этом тайном лагере, состояла в том, чтобы воспитать всех наших командиров и бойцов революционерами коммунистической формации, действенно служащими делу корейской революции. Основная миссия учебно-воспитательной работы в любом обществе – воспитать людей в духе верного служения общественному строю данного периода. Японцы, захватив нашу страну, создали видимость, что они-де обучают корейцев. Но цель у них была ясна: «укрощать» детей, молодежь Кореи до такой степени, чтобы они приучились к рабскому труду. Поэтому они не давали корейцам высшего образования. Для рабского труда, по их мнению, хватило бы освоения минимума чисто практических навыков.

У науки, говорят, нет государственных границ. Но в общем-то сама наука в зависимости от того, ради кого и как она используется, приносит человеку либо пользу, либо вред.

Чтобы знания стали полезными для человечества и народов, образование призвано служить воспитанию людей настоящими, зрелыми во всем – и в идейно-духовном, и в нравственно-моральном, и в культурно-техническом отношениях. Для этого нужно наладить идейно-моральное воспитание. Любовь к человеку, любовь к народу, любовь к Отечеству – все это не спускается с неба само собой, а растет на ниве здоровых идей и убеждений. Я не видал, чтобы обладатель низкой нравственности любил человека, любил свой народ и Родину.

Наш социализм четко отличается от социализма в других странах тем, что у нас партия и государство прилагают свои главные усилия не только к экономическому строительству с его материальным приоритетом – они, обеспечивая опережающее проведение идеологического воспитания с его основной ориентацией на человека, воспитывают настоящих людей, прекрасно подготовленных как в технико-деловом отношении, так и в идейно-моральном плане. Мы – не приверженцы доктрины «материальные блага – превыше всего», а сторонники

идеи «человек – превыше всего». Поэтому самое большое богатство страны мы видим в том, что у нас умножаются ряды замечательных людей.

Военно-политическая подготовка личного состава в Матангоуском тайном лагере представляла собой и процесс воспитания нового человека – человека с качествами, обликом настоящего революционера-коммуниста.

После боя в Цзинаньтуне мы возвращались в Матангоу в свой тайный лагерь. И тут случилось ЧП: один из новобранцев в пути потерял оружие, хозяином которого был Кан Дон. При своем отправлении в тайный лагерь он, обмороженный при несении заградительной службы, передал свою винтовку Чу Чжэ Иру – ротному политруку. А когда отряд уходил с поля боя, один новобранец, – ему пока не вручили оружие, – вызвался нести на плече винтовку Кан Дона. Ему, правда, захотелось облегчить ношу политрука. И тот по просьбе новичка передал ему винтовку.

От Цзинаньтуня отряд уже ушел довольно далеко. И вдруг Чу Чжэ Ир просто ахнул: на плече у того новобранца, человека такой доброй души, не было видно винтовки! Узнал: оказалось, на промежуточном привале он снял с плеч оружие, забыл – и дальше пошел с пустыми руками. Политруку вместе с новобранцем пришлось вернуться назад и преодолеть путь в десятки ли. Искали в темноте добрых три часа, но оружия так и не нашли.

По прибытии в тайный лагерь политрук доложил мне, что и как случилось в походе, и предложил наложить взыскание на новобранца, потерявшего винтовку. Подвергать суровому наказанию тех, кто потерял оружие, – норма дисциплины нашей революционной армии.

Я ему говорю: «Какое наказание лучше бы избрать? Выскажи, пожалуйста, свою мысль, если она есть у тебя». Чу Чжэ Ир отвечает, что пока у него нет никакого соображения. «Ну ладно, – продолжаю я. – Можешь быть свободен. Только поразмышляй

всерьез, какое взыскание подходяще».

Велика была, конечно, вина новобранца, потерявшего оружие, но более серьезными, на мой взгляд, оказались легкомыслие и безответственность самого политрука, который, не приняв никаких предупредительных мер, ни о чем не задумываясь, передал винтовку в руки того новичка.

За плечами Чу Чжэ Ира – богатый боевой опыт. Он умел взвешенно подходить ко всем делам. Просто было очень жаль, что он, столь сдержанный, столь глубоко всегда ответственный, даже скрупулезный, допустил подобную ошибку в обращении с новобранцем. Я дал ему время поразмышлять о случившемся для того, чтобы предоставить возможность ему самому глубоко обдумать свой проступок.

Утром следующего дня он пришел ко мне и сказал: «Наказанию должен быть подвергнут я. Тут ни при чем новобранец, потерявший оружие. Сам я виноват – невнимательность, безответственность. Это, в конечном счете, и привело к происшествию, которое случилось с новобранцем». Он точно вскрыл свои ошибки, с открытой душой раскритиковал самого себя.

Я созвал совещание и поставил в повестку дня вопрос о Чу Чжэ Ире. Нужно было дать командирам должный урок.

На совещании было решено снять его с должности политрука 1-й роты 8-го полка и перевести в секретариат в качестве вспомогательного работника.

Новобранцев глубоко тронула информация о совещании: ответственность за утерю оружия понес не потерявший его, а командир, который и снят с прежней должности. Это позволило им всеми фибрами души ощутить, на основе сколь высокого морального долга складываются отношения между начальниками и подчиненными в рядах революционной армии.

Тот новобранец, что потерял винтовку, терзался душой и, наконец, пришел к Чу Чжэ Иру и со слезами на глазах просил прощения. И ему Чу Чжэ Ир самокритично говорил о себе: «Меня сняли с должности за мои ошибки. Беда не от тебя. Происшествие

случилось, конечно, с тобой, но причина его, честное слово, во мне. Я как политработник, признаться, плохо помог тебе. И даже, знаешь, попытался сперва свалить с больной головы на здоровую. Мне стыдно смотреть тебе, боевому другу, в глаза».

После этого Чу Чжэ Ир перешел в секретариат и там начал добросовестно выполнять новые служебные обязанности.

Наступил день завершения военно-политических занятий. В тот день я снял с него наложенное взыскание и назначил его политруком комендантской роты. В тот же период был назначен командиром полка Ким Чжу Хен. Его раньше мы сняли с должности начальника интендантских служб Командования. Наказанный отлично занимался идейным самовоспитанием и учебой.

Как видите, подготовка в Матангоу стала эффективным катализатором в повышении военно-политических и идейно-моральных качеств каждого бойца, каждого командира.

После боев в Люкэсуне и Цзясиньцзы мы находились в Байшитане. И там около 40 дней тоже провели за военно-политическим обучением.

Что побудило нас там, в тайном лагере, повторно провести более чем месячную подготовку такого рода? Прежде всего то, что в Люкэсуне и Цзясиньцзы в наш отряд вступили группами рабочие лесоразработок. Их было более 200 человек. Не обучив этих людей, мы не могли бы приступить к очередному этапу действий.

Среди новобранцев было много неграмотных. Они, конечно, стремились делать революцию, но общий уровень их сознания был низок. Так, многие из них не понимали, почему рабочие должны выступать в роли руководящего класса в нашей стране, где подавляющее большинство населения составляло крестьянство.

В ту пору в числе неграмотных был и Сон Чжон Чжун. До прихода к нам в отряд он трудился на лесоразработках, а до этого пахал землю в Аньту. После того, как партизаны ударили на Ханьцунгоу, парень начал осознавать себя. От Аньту не очень далеко Ханьцунгоу. Тот бой, говорят, дал мощный толчок сознанию и чувствам жителей Аньту.

Итак, он пришел в партизаны из лесорубов, но им владела мысль: руководящим классом в революции должно быть крестьянство. Такие думы не покидали его и в дни, когда в Байшитане началось военно-политическое обучение. Исходил в своих суждениях он из того, что крестьян по своей численности гораздо больше, чем рабочих.

Большинство новобранцев не умели даже обращаться с винтовкой, не знали и азов строевой подготовки. А что касается легкого оружия, то бойцы Народно-революционной армии имели его, увы, более десяти видов. Так, в ходу были пулеметы и японские, и немецкие, и чешские. И винтовки имелись разнообразные. Использовались более четырех типов пистолетов. Значит, хочешь быть партизаном, научись владеть всем этим разнообразным оружием.

Однажды в каком-то бою, помнится, мы захватили у японцев несколько пулеметов. Кстати, пулеметы японского производства тоже были разного устройства: у одних магазинная коробка вставлялась сверху, у других – сбоку. Из первого стрелять было удобно, а приемы стрельбы из второго были довольно мудреными. Взяли мы в плен японского пулеметчика и принудили его растолковать наставление по стрельбе. А он, как на грех, заартачился. Но оказалось, что пленный пулеметчик – наркоман: дай только опиум – выдаст всю тайну. Дали ему кусок опиума, и нам удалось раскрыть секреты стрельбы из этого пулемета.

После этого я составил наставление по использованию пулемета и оно пригодилось для обучения бойцов.

Видите, так мучиться нам пришлось лишь над тем, чтобы овладеть правилами стрельбы, приемами сборки и разборки всего одного вида пулемета. А ведь перед нами – рабочие, те, которые раньше возились только с лесом. Как же они станут достойными партизанами без прохождения курса военно-политического обучения?

Мы дали О Бэк Рёну задание: таскай за собой врагов туда и сюда, измотай их до смерти, отводи на отдаление, за 160 – 200

километров от Байшитана.

Мелкие отряды, отправленные в разные районы, привезли запас хозматериалов и оружия. Затем мы, как говорится, замкнувшись в тайном лагере, начали военно-политические занятия. О том, что мы приняли в свои ряды сотни новых партизан, услышал Чвэ Хен и прислал нам десятки единиц оружия.

В Байшитане мы, учитывая возможность непредвиденных случайностей, проводили занятия в два этапа: первый – экстренный курс обучения установленным предметам в сжатый срок, второй – процесс повторения, закрепления усвоенных знаний.

Мы определили задачи по занятиям: бывалым бойцам – повысить уровень своих знаний на одну ступень выше и помочь новобранцам в учебе, а последним – за месяц ликвидировать свою безграмотность и в совершенстве овладеть всеми видами оружия. После уточнения рубежей учебного курса были организованы соревнования между полками, ротами и отдельными партизанами. С началом военно-политических занятий в Байшитане мы вместе с лозунгом «Учеба – тоже бой!» выдвинули призыв: «Чем труднее и сложнее, тем активнее надо учиться».

После этого все новобранцы окончили курс ликбеза. Нам хотелось узнать, чему они научились за это время. Для этого им предлагалось написать письма к родителям, братьям и сестрам в родные края. Вижу – каждый непринужденно выразил родным языком свои мысли и чувства. Они успели научиться обращению с оружием, методам сборки и разборки винтовки, пистолета, пулемета и так далее. Некоторые из них даже опубликовали свои работы в печати внутреннего пользования.

Зимой того года все бойцы – и «искушенные», и новички – писали заметки для газеты и журнала.

Настал день подведения итогов первого этапа проведенной подготовки. Состоялась торжественная церемония премирования отличников, проводились развлекательные мероприятия. Заслужившим высокие оценки при подведении итогов занятий вручили премию: часы лучшего качества, золотые кольца,

авторучки и так далее.

Зимой того года мы в Байшитане чаще всего приготовляли еду из растертых соевых бобов. Невдалеке от нашего тайного лагеря находилось местечко Дапучайхэ, пониже которого лежали поля с неубранными бобами. По советам местных крестьян мы на корню покупали урожай с полей и убирали там сою. Все просили готовить блюда из растертых бобов.

В зоне Байшитанского тайного лагеря в глуши стояла одинокая изба, хозяину которой пришлось сюда забраться от гонений вражеских карателей. Находясь в его доме, я приготовил это соевое кушанье, смешанное с нарезанными листьями мороженной капусты, затем сделал из него комья величиной с кулак и оставил их замороженными. На еду заваривал в кастрюле по одному кому растертых бобов. Ел его три раза в день, но аппетит у меня не терялся. Помаленьку добавлял в это блюдо и кукурузу, экономя зерна. А вкус-то какой получался – пальчики оближешь!

Занятия в Байшитане дали большую отдачу в нашей военно-политической деятельности, развернувшейся в период завершения обходных операций крупными отрядами, в том числе боев в Хунцзихэ и Дамалугоу, а также в период действий небольшими отрядами.

И впоследствии я не раз говорил: «Только знающий может смотреть вперед». Я часто подчеркивал, что наши работники должны постоянно учиться, учиться и еще раз учиться, непрерывно повышать свои политические, профессиональные знания и навыки.

Сегодня у нас претворяется в жизнь революционный лозунг, выдвинутый товарищем Ким Чен Иром, – «Всей партией учиться!» Во всей стране царит революционная атмосфера учебы – каждый трудится без отрыва от учебы, каждый учится без отрыва от производства.

2. Охотник на хорьков

Враги из кожи вон лезли, чтобы разведать места дислокации Ставки Командования Корейской Народно-революционной армии. Отчаянные их попытки не прекращались и в те дни, когда мы в Матангоуском тайном лагере занимались военно-политической подготовкой личного состава. Разветвленные разведслужбы империалистической Японии, наконец, унюхали, хотя и запоздало, следы перемещения главных сил КНРА из района гор Пэкту на рубежи Мэнцзяна. И их агенты без устали плели интриги с целью нанести урон верховному руководству корейской революции.

В этой связи хотелось бы рассказать вам об одном поучительном эпизоде того времени.

Однажды Ким Чжу Хен вернулся со своей небольшой группой с места действий в часть. Он доложил: «Встретился там с каким-то стариком. Живет в Мэнцзяне, ходит по лесу, ставит капканы – охотится на хорьков. Одно время был в Армии независимости. Я поговорил с ним, скажем, как пропагандист. Вижу, идейный настрой у него хорош».

Меня заинтересовал этот старый охотник на хорьков. Очень хотелось поподробнее узнать, каков же он, выходец из Армии независимости. Время-то было какое: недавно вспыхнула война между Китаем и Японией. Одно за другим сыпались потрясающие сообщения: японские войска лавиной хлынули во Внутренний Китай, взяли Пекин, заняли Шанхай. В нагрянувших вихрях те, у кого кишка оказалась тонка, чуть ли не отбросив прочь революцию, либо таились в тиши житейских комнат, либо скрывались в закоулках. Как хотелось повидать хотя бы одного человека с патриотической душой! Да, время было такое:

встретишься с бывшим участником движения за независимость страны, пусть не очень славным, – тут же, ни о чем не задумываясь, приветливо трясешь ему руку.

А здесь, тем более, в Мэнцзяне состоялся контакт со старым выходцем из Армии независимости. И у меня в связи с этой новостью возникла надежда – может быть, удастся узнать через него, как найти Сим Рён Чжуна. Он на маньчжурской земле считался крупной фигурой фракции Чхамибу, когда грызлись за власть три фракции Армии независимости: Чоньибу, Синминбу и Чхамибу. В те дни Сим Рён Чжун действовал в районах Хуенаня, Хуадяня и Мэнцзяна, а после слияния трех групп в Кунминбу он, как я слышал, обосновался где-то в Мэнцзяне.

Я был с ним знаком; он был близким другом моего отца. В гимназические годы я не раз видел его в гостинице «Саньфэн» и на рисоочистительном заводе «Фусинтай» на улице Шанъицзе города Гирин. К тому времени деятели движения за независимость и лидеры Армии независимости в Маньчжурии изо всех сил старались объединить три фракции. Цель состояла в том, чтобы положить конец беспорядочному выпячиванию разнообразных формирований, – например, партии из трех человек, группы из пяти человек, девяти обществ из восьми организаций, – и объединить силы всех партий, группировок и кругов. Центром сбора для подобного объединения стал Гирин. На конференцию по слиянию Чоньибу, Синминбу и Чхамибу в одну организацию Сим Рён Чжун пришел в качестве представителя фракции Чхамибу.

Я говорю Ким Чжу Хену: «Поподробнее узнай охотника, расспроси, знает ли он Сим Рён Чжуна, а если так, то уточни, где и как он сейчас проживает».

Ким Чжу Хен вышел из тайного лагеря. А когда вернулся, доложил: опять встретился с этим старым охотником, он хоть и отошел на полпути от движения за независимость, но сохраняет чувство патриотизма. И добавил, что охотник прекрасно знает и адрес Сим Рён Чжуна, и его житье-бытье.

Он сказал мне, что охотник готов голову дать на отсечение: хотя Сим Рён Чжун покинул Армию независимости и сейчас с женой проживает в Мэнцзяне, но ни в чем не изменился, воля у него остается такой же, какой и была.

Выслушав собеседника, я погрузился в раздумье: «Если Сим Рён Чжун не изменил своим убеждениям начальной поры движения за независимость, то к нему мы сможем протянуть какие-то нити, хотя ему сейчас много лет. Это позволит нам расширять в районе Мэнцзяна сеть организаций ЛВР». И мне пришла в голову мысль, что хотя его взгляды, концепции наверняка не одинаковы с нашими, но он, поскольку сохранил в себе чувство патриотизма, непременно присоединится к нашему единому фронту.

Кроме того, еще одно обстоятельство побуждало нас так глубоко интересоваться этой личностью и всемерно искать путей для установления контактов с ним.

К тому времени нам уже было видно, как все глубже увязают японские войска в трясине войны с Китаем. В этой ситуации мы, с одной стороны, укрепляли совместный фронт с китайскими антияпонскими силами, а с другой – настойчиво потрудились над созданием единого фронта с силами, ориентирующимися на Шанхайское временное правительство, выступающими против японского империализма. Чтобы идти рука об руку с ними, нам нужен был такой человек, который мог бы нас связать с этим временным правительством. Таким человеком и должен был стать именно Сим Рён Чжун.

Одно время Сим Рён Чжун имел тесный контакт с Шанхайским временным правительством, которому непосредственно подчинялась фракция Чхамибу, где он состоял. Ее называли «Чхамибу сухопутных войск в Маньчжурии». Многих ее руководителей направило на места непосредственно временное правительство.

Товарищ Ким Ир Сен отметил, что те, кто вместе с Сим Рён Чжуном служил в рядах Армии независимости и впоследствии перешел во Внутренний Китай, так или иначе, возможно, имели отношения с этим временным

правительством, а также были связаны с китайской партией Гоминьдан.

К тому времени в нашей части уже находился специальный посланник Ван Дэлиня. Мы присвоили ему нештатное служебное звание – «инструктор комендантской роты», и все наши бойцы называли его «инструктором Ли». Он был мастером китайских шахмат, и я с ним часто играл, борясь за первенство.

После того, как разгорелась китайско-японская война, Ван Дэлинь, будучи командующим 2-й армией отряда особого назначения Военно-революционного комитета, получил выходы на Чан Кайши, который, в свою очередь, по тайным каналам был связан с Шанхайским временным правительством. Если в такой ситуации нам удастся заиметь связь с Ван Дэлинем, то вполне можно будет найти путь к удачному сотрудничеству с временным правительством. В этот самый момент Ван Дэлинь и направил к нам из Внутреннего Китая своего спецпосланника – инструктора Ли. Это, я бы сказал, был непредвиденный счастливый случай.

По словам Ли, Ван Дэлиню скоро шестьдесят лет, но он не ушел в отставку и продолжает находиться на передовой линии сопротивления японским оккупантам. Рассказал мне о нем и Чэнь Ханьчжан.

В дни своей службы в Армии спасения отечества Чэнь Ханьчжан, как мне было известно, по приказу У Ичэна поехал в Тяньцзинь и там встретился с Ван Дэлинем, который на встрече сообщил ему, что передвинулся заблаговременно с Северо-Востока во Внутренний Китай для того, чтобы шире развернуть антияпонскую борьбу с помощью Чан Кайши или Чжан Сюэляна. В то время Чэнь Ханьчжан, думаю, подробно информировал Вана о ходе вооруженной борьбы корейских коммунистов.

Чтобы связаться с Сим Рён Чжуном, нужно было еще и еще проверить старого охотника на хорьков. Несколько раз поручали ему задания и он безупречно выполнял их. После многократных «экзаменов» мы пришли к выводу: доверять ему можно.

Затем мы перешли к работе уже с Сим Рён Чжуном. Первым делом послали ему через старого охотника письмо от моего имени, а также Программу ЛВР из 10 пунктов и ее Учредительную декларацию. Вернувшись от Сим Рён Чжуна, охотник сказал, что тот, получив мое письмо, оставался «рассеян». А на вопрос: «Не было ли другой реакции?» – старик сказал: «Он говорил, что скоро пришлет ответ».

Так доложил мне Ким Чжу Хен. Я не мог не размышлять о Сим Рён Чжуне. Обращало на себя внимание вот что: после получения моего письма он оставался «рассеян». Это, к сожалению, не вполне оправдывало наши ожидания. Мы думали: как только он получит письмо, пусть сам не сможет прийти прямо в тайный лагерь, но отреагирует на послание более определенно. Отчего-то у меня сложилось ощущение, что вел он себя неожиданно хладнокровно. А ведь мог бы хоть чуть-чуть взволновать его наш призыв: снова давай на антияпонский фронт, как раньше! Ведь в прошлые времена он исходил с ружьем на плече всю передовую линию, изо всех сил боролся за восстановление потерянной государственности, а теперь, увы, замкнулся в кругу семейного житья. Призыв примкнуть к антияпонскому фронту означает: посвящай всего себя, как в прошлом, движению за независимость. Такое предложение вызывает у того, кто на полпути прекратил движение, рой мыслей и дум. Это придется считать естественным.

Мне было непонятно и другое: почему он, ознакомившись с Программой ЛВР из 10 пунктов и ее Учредительной декларацией, не проявил никакого собственного отношения к ним?

Конечно, не исключается, что в случае, когда человек, отошедший на полпути от революции, опять оказался перед перспективой вернуться на прежние позиции, возможно, он будет колебаться: ему трудно сразу принять решение. И я подумал, что у Сим Рён Чжуна, видимо, есть какое-то, известное только ему, обстоятельство, которое заставило его не спешить с определенным ответом.

Однако письмо было послано, и мне оставалось только ждать ответа. Другого выхода не было. Вот когда получу письмо, тогда узнаю его взгляды, смогу поставить «диагноз» относительно его идейного настроя.

Прошло несколько дней. Побывали в Мэнцзяне бойцы нашего небольшого отряда. Они взяли у старого охотника ответное письмо Сим Рён Чжуна. Первые строки его начинались с короткого приветствия: «Сколько у Вас мук-мучений в горах!» А продолжение было таково: «Вы, сын учителя Ким Хен Чжика, теперь стали командующим и, ведя за собой многочисленные войска, славно боретесь за Родину и нацию. Итак, у меня спокойно на душе». Он далее писал, что наша линия на развертывание вооруженной борьбы против японского империализма совершенно правильна. «Я испытываю угрызения совести, – говорилось в письме, – что за это время отошел на полпути от движения за независимость. Получив Ваше письмо, я решил снова включиться в движение за независимость. Позвольте обратиться к Вам с просьбой всемерно помочь мне в этом».

Как обрадовала меня эта весточка! По своим годам Сим Рён Чжун относится к поколению отцов, в том числе моего. К 1937 году многие представители этого поколения, участники движения за независимость страны, либо уже отошли в мир иной, либо эмигрировали за границу, либо сидели за решеткой. Иные выбыли из рядов бойцов: кто подался в дровосеки, кто ходил за плугом, а кто просто стал обывателем. Я знал многих известных деятелей движения за независимость, но еще в конце 20-х годов или в начале 30-х годов они скрылись без следа в районе Гирина. Многие из них переместили арену своей деятельности во Внутренний Китай. Близким другом моего отца, с которым я увиделся в последний раз в Гирине до начала вооруженной борьбы, был, по-моему, священник Сон Чжон До.

После того, как я перешел в Цзяньдао с целью развернуть вооруженную борьбу, мне ни разу не довелось встретиться с

лидерами Армии независимости из трех фракций, которых я часто видел в фусунские и гиринские годы. Однако я не забывал их, где бы ни находился. При каждом воспоминании о покойном отце перед моими глазами вставали и лица тех патриотов, которые вместе с ним рассуждали о человеческой жизни и тревожились о судьбе нации, обреченной на прозябание. Но куда подевалось столь много деятелей? А я даже не знал, куда они ушли.

И вот в эту самую пору в Мэнцзяне отыскался Сим Рён Чжун! Да не просто отыскался: мне представилась возможность связаться с ним, я получил от него письмо, в котором он выразил свою решимость взять новый старт. Как радостно было у меня на душе!

К тому времени мы, наметив курс на расширение сети организаций ЛВР в различных районах, серьезно обсуждали пути решения поставленной задачи. Частично материалы этих обсуждений публиковались в газете внутреннего пользования.

Распространение сети организаций ЛВР на район Мэнцзяна, безусловно, означало бы расширение влияния, силы Пэктусанской опорной базы вплоть до этой зоны. Это давало бы также возможность использовать уже этот район как плацдарм для дальнейшего наращивания наших революционных сил во многих направлениях.

Через старого охотника на хорьков мы передали Сим Рён Чжуну определенную сумму денег на покупку газет «Тоньа ильбо», «Чосон ильбо» и других периодических изданий. Через несколько дней он прислал нам все газеты и журналы, которые мы запрашивали.

Мы наладили с ним переписку. Циркулировали между нами неоднократно также деньги и вещи.

Так шла несколько месяцев работа с ним. В ходе ее у нас созрело решение – скорее привлечь его к деятельности подпольной организации. Партком Ставки Командования созвал заседание, на котором мы обсудили, как вести активнее работу с Сим Рён Чжуном, как с его помощью создать в районе Мэнцзяна широкую сеть организаций ЛВР и других революционных

формирований.

На заседании я предложил: «Теперь, по-моему, можно давать ему задания. Давайте поручим ему создать в Мэнцзяне организацию ЛВР. Кроме того, попросим его прислать лекарства для лечения раненых. Это явится для него последним экзаменом и даст ему хороший шанс для возвращения потерянного политического доверия». Участники заседания со мной согласились.

На заседании был обсужден и вопрос: какого подпольщика послать к Симу, чтобы тот действовал в качестве его советника? Он, конечно, одно время сам был крупной фигурой во фракции Чхамибу, но опыта организационного строительства не накопил. Такой опыт у него всего лишь ограничивался причастием к слиянию трех фракций. Но такая практика не помогла бы ему в создании нелегальной подпольной организации. Мы решили направить к нему умелого политработника, который мог бы ему помочь своим опытом. Подходящей кандидатурой был назван Ким Ир, искушенный в политработе.

Сим Рён Чжун также просил себе помощника. Он говорил: «По Вашей просьбе, Полководец Ким, мне придется сейчас же создать одну организацию ЛВР. Но я, честное слово, просто не знаю, как это надо делать». Он даже потребовал непосредственной встречи со мной.

Я доброжелательно относился к обоим его требованиям.

Однако против моего посещения Мэнцзяна возражали все члены Ставки Командования. Говорили – неоправданный риск! Вместе с тем нельзя было и пригласить в тайный лагерь его – человека вдвое старше нас.

Для переговоров с ним нужно было выбрать «третий пункт», то есть не городок Мэнцзян и не тайный лагерь. Мы сочли это идеальным вариантом и направили небольшую группу с заданием подобрать подходящее место. А когда оно будет найдено – пошлем туда на переговоры с ним Ким Ира.

Разработав подобный оперативный план, мы поручили не-

большой группе Ким Чжу Хена привести в тайный лагерь старого охотника.

Чтобы добраться до тайного лагеря Ставки Командования со стороны реки Тоудао-Сунгари, нужно было пройти целый ряд препятствий и постов. Сначала пройдешь по льду реки, вскарабкаешься на обрывы, а затем минуешь по очереди тайные лагеря 7-го, 8-го полков и комендантской роты – и, наконец, доберешься до Ставки Командования. Всякому, кто захотел бы прийти сюда, непременно нужно было следовать именно по этому маршруту. Таков был строгий режим входа и выхода из тайного лагеря, установленный Ставкой Командования для сохранения тайны.

Тем, кто входил и выходил из тайного лагеря, было безопасно передвигаться по замерзшей речке: на льду за ними не оставалось ни следа, а об отпечатках на снегу нечего было беспокоиться – пушинки снега начисто сдувало ветром с поверхности замерзшей реки. Чтобы ходить в безветренный день по льду на реке, надо натереть подошвы обуви снегом – не будет ни следа. Таков один из приемов зимнего передвижения, придуманный нами. К такому приему мы прибегали и при вступлении в Матангоуский и Байшитанский тайные лагеря.

В тот день, когда мы в уезде Мэнцзян совершали переход от Цинцзяндяньцзы к Матангоу, шел, по-видимому, первый снег того года. Стоим перед скальным обрывом у тайного лагеря и видим: ключом бьют струи воды сквозь толстый пласт речного льда. Любуясь родником, кое-кто из наших бойцов предположил: возможно, посредине реки Тоудао-Сунгари таится горячий источник.

Обрыв у «ворот» в Матангоу очень крут, почти непроходим. Всему отряду нелегко далось преодоление этой скальной стены. Все в поту, бойцы с огромнейшим трудом взбирались вверх пядь за пядью, цепляясь за ветки деревьев и пучки сухой травы.

Был, помнится, морозный зимний день – брови покрывались инеем. И в такой холод ключом бьют струйки воды сквозь лед реки Тоудао-Сунгари! В голову западали мысли о чем-то

таинственном. Да, Тоудао-Сунгари – река чудес.

И старый охотник на хорьков использовал тот же секретный маршрут, проложенный нами при вступлении в Матангоу. Проходил он мимо тайного лагеря 7-го полка вместе с небольшой группой наших бойцов. И тот охотник краем уха услышал шуточки наших часовых: «В эти дни в тайный лагерь тащат только одних шпиков. Иных людей не видишь. Смотрите, ребята, на старичка. Ухватки-то у него все какие-то странные. Если старичок окажется, наверное, лазутчиком, то я бы разок бабахнул». Острослова навели на охотника страх.

Зимой того года мы ни в коем случае не допускали гражданских лиц в тайный лагерь. Если возникала нужда принять кого-нибудь – выходили за пределы лагеря. А в лагерь гостя не звали. Приводили сюда только таких людей, с которыми требовалось расправиться после расследования тех или иных их преступлений. К этому порядку привыкли часовые, и они невольно узрели в охотнике шпиона. А почему так неосторожно разговаривали при нем часовые? Потому, что приняли его за китайца. В тот день старик был одет не в корейскую, а китайскую одежду. Почему он был так одет, непонятно. И такая случайность побудила часовых принять старого охотника за китайца и вымолвить те слова, которые не должны дойти до старца.

Но вот что надо иметь в виду. Если бы старик был ни в чем не виноват, то он и ухом не повел бы. Однако, услышав переговоры часовых, он совсем растерялся, подумал: «Коль партизаны так говорят – значит, они знают мое дело».

А «дело» было такое, как позднее выяснилось: в те дни, когда мы готовились к переговорам с Сим Рён Чжуном, тот старый охотник под напором угроз, шантажа японцев, не по своей воле, принял от них задание: повредить партизанскому Командованию. В день, когда старик пришел в тайный лагерь вместе с небольшой группой наших бойцов, он взял с собой даже орудие убийства. И намеревался воспользоваться им, чтобы навредить нам. А коли так, то могла ли быть его душа в покое?

Когда он появился в Ставке, я играл в шахматы со спецпосланником Ван Дэлиня.

Там мне довелось принять его. Я заметил, что почему-то у него лицо мрачное.

В тот день охотник, услышав разговор часовых, по-своему истолковал его, как сам в этом позже признался: «Не зря говорят, что Полководец Ким Ир Сен на три месяца раньше смотрит вперед в тайну небес, – думал он. – Значит, он все знает о наших закулисных заговорах. На беду себе притащился я сюда. Где я? У черта на рогах. Просто в гроб гляжу». Не по своей воле он принял от японцев задание, и так сердце ходуном ходит, а тут еще с караульной будки слышатся такие разговоры, – понятно, что у него душа не на месте.

Мы, со своей стороны, заметив невеселое настроение старика, не скрывали своего сочувствия к нему. Не покидали нас думы: «Как тяжко ему жить! Родная страна потеряна, и очутился он в такой глухомани, как Мэнцзян. Охотой на хорьков еле сводит концы с концами». И мы от всей души позаботились о нем. Наших бойцов кормили кашей из гаоляна, а только ему одному готовили пшенную кашу. Показывали ему воинские подразделения, приглашали на развлекательные сборы, знакомили его с публичными лекциями и дискуссиями на занятиях. Мы намеревались таким образом за несколько дней обучить и просветить его, а затем направить вместе с Ким Иром на условленный «третий пункт» переговоров с Сим Рён Чжуном.

В те дни мы очень старались повлиять на старика, с разных сторон искали к нему подходы. Но ничто не действовало. Бойцы комендантской роты докладывали: подают старику кашу из чистого пшена – даже ложку не берет, только постоянно вздыхает и то и дело спрашивает: «Когда же вы меня пустите из лагеря?»

Задержка с отправлением старого охотника и Ким Ира в условленный «третий пункт» объяснялась лишь тем, что нам стало известно: район Матангоу оказался в плотном окружении

противника. Других причин не было. В ту пору мы направили в разные места группы наблюдателей, которые с вершин гор или с макушек деревьев внимательно осматривали в бинокль все окрестности. Наблюдателям сразу же бросился в глаза клубящийся дым над лесом, откуда недалеко до партизанского тайного лагеря. Замечены были и повсеместные скопления неприятеля. И мы тотчас распорядились: днем не дымить, а чтобы варить кашу, разводить огонь только ночью, конечно, тщательно соблюдая меры маскировки.

Как-то раз позвал я охотника в Ставку на беседу. В самый разгар разговора ко мне зашли доложить о делах товарищи из небольшой группы, которая только что вернулась с задания. Коротко сообщили о проделанной работе, а затем добавили, что при возвращении в часть им удалось поймать двух вражеских шпионов. Доложили: одного из задержанных тут же переубедили и отпустили на волю за откровенные признания, а другого отправили на тот свет, ибо он, несмотря на предъявленные достоверные улики, так и не раскрыл свое шпионское задание, не сознался в своих прегрешениях, а, наоборот, пытался скрывать вину и даже сопротивлялся.

Заслушав доклад руководителя группы, я дал свою оценку их действий: нет ничего плохого в том, что простили откровенно признавшего свой грех, а также безусловно хорошо, что покончили с лазутчиком, не раскрывшим своих злых умыслов.

Едва я закончил говорить, как старый охотник тут же вдруг клонясь повалился ко мне в ноги и бессвязно, жалобно запричитал: «Простите грехи мои, ради бога, уважаемый Полководец!» И я, и тот докладчик, не поняв, в чем дело, только наблюдали за тем, что это за взрыв чувств произошел у старичка. Просит прощения, – и у него, вероятно, есть на то причины, как я догадывался, – однако я никак не мог ясно сообразить, в чем же суть дела.

Я говорю ему: «Что это у вас? Прошу успокоиться и все рассказать».

Мои слова, казалось, придали ему смелости. «Одну мину-

точку», – сказал он, вышел и тут же вернулся, неся в руках топор, который припрятал под березой. Затем выложил все о том, какие грехи он совершил. Старик признался: «Моя первая вина вот в чем – я получил от япошек задание повредить партизанскому Командованию и вернуться к ним. И еще: после этого я, находясь в тайном лагере, – здесь ко мне относились, конечно, как к дорогому гостю, – не раскаялся в своих проступках, не явился с повинной в Командование, а, наоборот, страшно сказать, так и держал тайком вот этот топор. Кроме того, я, зная об измене Сим Рён Чжуна, не рассказал об этом Командованию. Это моя вторая вина».

Сообщение о предательстве Сим Рён Чжуна просто ошеломило меня. Если охотник получил от японцев задание, то тут ничего особенно удивительного не было. Такие случаи нам не в новинку. Их немало я повидал и раньше, когда находился в Пэктусанском тайном лагере. Однако, если Сим Рён Чжун, вчерашнее крупное лицо фракции Чхамибу, скатился к измене и стал приспешником японских империалистов, то это уже совсем другое дело. Какая досада!

Во времена главенства трех фракций имя его было довольно широко известно. Массы возлагали на него большие надежды. Призывая народ к антияпонской борьбе, он немало произнес разумных речей. И вот такой человек, говорят, оказался теперь псом японских империалистов! Какая душевная опустошенность, какое падение!

Я спросил охотника, как он узнал об измене Сим Рён Чжуна.

Собеседник ответил, что сам видел, какие заговоры обсуждает тот с япошками. На вопрос: «Какие заговоры?», охотник пояснил: «Плели интриги – строили планы, как заманить партизанское Командование». Оказывается, Сим Рён Чжун вместе с японцами придумал способ заманивания нашего Командования в ловушку. Намерение у них было таково: когда к нему придет представитель партизан, сразу задержать его, затем принудить арестованного направить в Ставку письмо с просьбой осуще-

ствить встречу с Командующим в Н-ском пункте. А когда Командующий клюнет на это предложение и явится на условленное место, окружить и взять его живым.

По признанию старого охотника, все письма, присланные нам Сим Рён Чжуном, выходили из-под его пера, конечно, после сговора с японцами. Всякий раз, когда мы поручали ему какие-то задания, предатель никогда не забывал прийти к японцам и сообщить, с какой просьбой к нему обратилась революционная армия: кукла играла в руках хозяев.

Охотник на хорьков сообщил, что изменник Сим Рён Чжун, смирившись и покорившись самураям, то и дело наезжал в Чанчунь и не раз был проводником карательных экспедиций противника.

Как хорошо, что в такой момент старый охотник, слава богу, раскаялся и все рассказал. Иначе бы и Ким Иру, и мне, словом, всем пришел капут.

Оказать доверие человеку – это, как видите, порой сопряжено с великой опасностью. Меня, к счастью, беда не настигла. Можно сказать, этим я также обязан доверию. Я ни в коей мере не сомневался в старике, даже пустил его в тайный лагерь, открыто показал все стороны жизни и быта нашей части, позволил ему смотреть все, что хотел, – и таившийся у него черный замысел рухнул под давлением проснувшейся вдруг, свойственной человеку совести. Поистине загадочна и сложна диалектика человеческой психологии.

Среди высказанных товарищем Ким Чен Иром положений есть и такое: «Доверие рождает верноподданных, а сомнение – изменников». Это, я бы сказал, золотое изречение.

Возьмешь на вооружение сомнение – не выиграешь, а с доверием получишь многое.

Это, однако, не значит, что доверие должно быть безоглядным, бездумным, без различия наших и противника. Верь человеку, но проверяй его на практике.

Несмотря на то, что старик-охотник выложил все, что знал о

черных замыслах противника, мои товарищи предложили не прощать его. Но я его все-таки простил: почему не проявить великодушия к тому, кто с открытым сердцем осуждает свою вину? С тех, кто по воле совести признался в своих грехах, не стоит спрашивать за прошедшее.

Из упомянутого случая я извлек серьезный урок: строить подход к человеку на иллюзиях – такое должно быть полностью исключено для революционера. Чем труднее дело революции, тем решительнее надо отвергать какие-либо иллюзии в отношении человека. Верить, любить человека – хорошо, но строить иллюзии в отношении его – нелепо. Идеологические взгляды людей не всегда могут быть постоянными, неизменными. Человеческая душа есть такая вещь, что может измениться в любое время – и вчера, и сегодня, и завтра. Свидетельство тому – случай с Сим Рён Чжуном.

В зависимости от своих интересов человек может дать толчок революции, но может стать и ее тормозом. У тех, кто в борьбе ставит на первый план интересы народа, идеология остается крепкой, как алмаз; у тех, кто не заботится об интересах революции и народа и стремится лишь к собственному спокойствию и благополучию, идеология легко перерождается. В суровую пору первыми легко делают шаги к измене революции именно те, кто отравлен угаром индивидуализма и эгоизма.

Случай с Сим Рён Чжуном глубоко убедил меня в том, в какое грязное болото предательства скатывается тот, кто, предав забвению первоначала, огораживает себя забором для спасения собственной шкуры. Живущий только ради себя самого не прочь без зазрения совести предать все: и друга, и товарища, и соседа, и свою нацию, и свою Родину.

3. Конец Армии независимости

Армия независимости выступила на историческую арену погибающей Кореи, сотрясаемой «всеобщим стенанием в печальный день», подняв над головой знамя вооруженного сопротивления японским оккупантам. Это была и вспышка жажды независимости, и сгусток слез, и плод неутомимых усилий патриотов родной страны, которые не на жизнь, а на смерть боролись за достижение своей цели – восстановление потерянной государственности. Каких только форм борьбы не было! Легальные и нелегальные, насильственные и мирные, начиная от борьбы Армии справедливости и кончая патриотическим движением за культпросвещение.

Армия независимости, конечно, отставала от пульса эпохи, не имела крепкой опоры в массах и, в конце концов, невольно встала на путь своего отмирания. Но было время, когда только она выступала единственной антияпонской вооруженной силой лагеря национального движения.

Армия независимости намеревалась победить японский империализм в бою – она не прибегала к петициям, выпрашиванию милостей у врага. Дорожа ее устремлениями, товарищ Ким Ир Сен с первых же дней, как зажег факел антияпонской революции, неизменно прилагал огромные усилия для налаживания взаимодействия с этой армией.

Не случайно он давно вел свой отряд на встречу с Рян Сэ Боном, командующим Армией независимости в Южной Маньчжурии. С тех пор он от всей души желал, чтобы КНРА стояла в едином строю с Армией независимости, сражаясь с японскими захватчиками.

Его высокий, мудрый замысел, твердая патриотическая воля дали плоды лишь через много лет. И многие, всем сердцем горячо одобрив выдвинутую товарищем Ким Ир Сеном линию на сотрудничество с Армией независимости, открыли ее частям путь к переориентации от антикоммунизма к коалиции с коммунистами, помогли им перейти на сторону КНРА. В этом деле огромную роль сыграли Чвэ Чхун Гук и Чвэ Юн Гу.

Кто такой был Чвэ Юн Гу?

В октябре 1975 года уважаемый вождь, посетив Мемориальное кладбище революционеров на горе Тэсон, стоя перед бюстом Чвэ Юн Гу, поделился с сопровождавшими товарищами воспоминаниями об этом человеке. Эти бесценные воспоминания-указания ярко раскрыли человеческое обаяние Чвэ Юн Гу, показали, как протекал процесс переориентации его деятельности.

Ниже следует текст, в основе которого лежит то, что было сказано вождем в тот день работникам Института истории партии, сотрудникам учреждения по уходу за Мемориальным кладбищем революционеров, включено сюда также и

то, о чем он рассказывал в других случаях исследователям истории антияпонской революционной борьбы, писателям и работникам области историко-революционного наследия.

Чвэ Юн Гу родом из Ичжу провинции Северный Пхеньан. Эта провинция в бассейне реки Амнок дала много известных деятелей движения за независимость. В их числе – О Дон Чжин, Рян Сэ Бон, Чан Чхоль Хо, Ли Гван Рин, Ким Си У, Чвэ Дон О, Кон Ен и другие.

В 1925 году, когда мы поехали в Фусун, на встречу с нами пришли до Дайна многие люди вместе с моим отцом. Среди них оказался и Чвэ Юн Гу, тот самый, который в последние годы Армии независимости являлся заместителем командующего, а затем и командующим. Однако ко времени нашего приезда в Фусун он пока еще пребывал в достаточно низком чине.

В дни моего обучения в начальной школе Фусуна местные люди называли его «сержантом Чвэ». Так называли его все: и мой отец, и моя мама, и даже его прямые начальники – Чан Чхоль Хо, О Дон Чжин, Рян Сэ Бон.

«Сержант» – его военное звание. И после того, как он стал командиром взвода, я все равно звал его «дядей-сержантом». Эта привычка детства по-прежнему сохранялась у меня и после того, как он со своим отрядом перешел к нам. Так я обращался к нему, конечно, только когда мы были вдвоем.

Сам он, когда я назвал его «дядей-сержантом», радовался этому. Несомненно, если бы мы звали его «господином командиром взвода», то он, пожалуй, невольно испытывал бы явную отчужденность.

Чвэ Юн Гу был немногословен. Много невысказанного таилось в его душе. Неразговорчивость, глубокомыслие, большой размах, напористый характер – такими типичными чертами военачальника он был наделен.

По словам моего отца, он еще в детские годы начал самостоятельно осваивать приемы воинского мастерства, закалялся, прикрепляя для развития физической силы к ногам мешочки с

песком. Если это факт, то можно судить: он с самого раннего возраста жил большим замыслом. Частое появление на берегах реки Амнок бойцов Армии справедливости и Армии независимости не могло не повлиять на него с юных лет.

Его отец был кузнецом. И сын, Чвэ Юн Гу, насколько я знаю, немного поучившись в частной школе *содан*, помогал отцу в кузнице с той поры, как ему исполнилось десять лет. Однажды я видел, как он в морозный зимний день, обнажившись по пояс, обтирает тело холодной водой. Бросилось в глаза: у него по всему телу играла, напрягаясь, мускулатура, мощная, как у мастера единоборств. Увидев его за этим занятием, мой отец сказал: «Когда станешь мужчиной – тело должно быть таким же, как у него».

В 17 или 18 лет, точно не помню, Чвэ Юн Гу пошел с Армией независимости на гору Маоэршань в уезде Линьцзян, которая служила главной базой Пэксанской группы воинов[3].

Однажды старый О Дон Чжин, разговаривая с моим отцом о Чвэ Юн Гу, сказал, что он достоин стать в будущем военачальником. Тогдашние его слова произвели на меня очень глубокое впечатление. Физическое совершенство, человеческие качества, особенные черты характера – вот что вместе и позволяло ему быть достойным кандидатом в военачальники.

И воевал он много. По словам Ким Мен Чжуна, служившего одно время под его началом в Армии независимости, он и после повышения – в должности заместителя командующего – готов был в каждом бою первым рвануться вперед в атаку. Откровенно говоря, в фусунские годы я с уважением видел в нем крупную фигуру движения за независимость.

Мой отец искренне любил его – словно родного младшего брата.

Когда мой отец был прикован к постели, Чвэ Юн Гу ежедневно вместе с Чан Чхоль Хо навещал его. А когда мой отец умер, он пришел к нам со всеми своими подчиненными и выразил свое глубокое соболезнование. И горько-горько рыдал, надев траурный

колпак из конопляного холста. В те дни он много ободрял меня. Я и по сей день благодарен ему за то сердечное утешение.

Я точно не знаю, какие взгляды и концепции имел и поддерживал он, будучи во фракции Чоньибу. Если при их оценке исходить из критерия: коалиция с коммунистами или антикоммунизм, – то надо сказать, что он был ближе к первому, нежели ко второму. Однако, в отличие от Кон Ена и Пак Чжин Ена, он не смог своевременно примкнуть к коммунистическому движению.

Вокруг моего отца были много таких людей, которые симпатизировали новому идеологическому течению, становились его приверженцами. Но среди них оказалось мало тех, кто, заменив прежний флаг новым, целиком перешел в лагерь коммунистов.

К тому времени в Южной и Средней Маньчжурии те, кто стремился к новому идеологическому течению, находились в окружении националистов. Если бы в этих районах преобладали симпатии к коммунизму, то нам не пришлось бы, когда мы пришли в Ванцинмынь, испытывать на себе террор реакционеров из верхушки фракции Кунминбу.

В полном контрасте с этим в Восточной Маньчжурии идеи коммунизма преобладали над доктриной национализма. Едва проникнув в этот регион, эти идеи сразу широко распространились, стали доминировать, не дав идеям национализма даже шанса на сопротивление. В Восточной Маньчжурии не было столь острого противостояния двух идеологических течений, какое наблюдалось в Южной и Средней Маньчжурии.

В районах Восточной Маньчжурии многие бывшие бойцы Армии независимости без особых зигзагов и колебаний присоединились к революционной армии, организованной и возглавляемой коммунистами. Об этом свидетельствуют случаи с Чвэ Хеном, Юн Чхан Бомом, Пак Дон Гыном, Ким Иль Рёном, Пак Ду Геном и другими. Здесь смена старых идеологических течений новыми идеями не была сопряжена с кровопролитием, с борьбой между идеологиями не на жизнь, а на смерть. Когда

коммунистические идеи начали распространяться в этом районе, народные массы быстро восприняли их как руководящую идеологию, отвечающую их классовым интересам. Они считали переход национально-освободительной борьбы в Корее от националистического движения к коммунистическому естественным, ибо это был закономерный процесс исторического развития.

Моя короткая встреча с Чвэ Юн Гу состоялась летом 1932 года в Тунхуа. Тогда я вел переговоры с Рян Сэ Боном о сотрудничестве, и для долгой беседы с Чвэ Юн Гу не было подходящих условий.

В то время в идеологическом настрое Армии независимости в Южной Маньчжурии пока еще преобладал антикоммунизм. До сознания необходимости коалиции с коммунистами было далеко. Антикоммунистический настрой высшего эшелона Армии независимости и происки врага, сеявшего раздоры, – вот что не позволило нам тогда добиться поставленной цели – сотрудничества с ней. После нашего ухода из Тунхуа Чвэ Юн Гу, как передавали мне, очень сожалел об этом.

Таким образом, мы вернулись из Южной Маньчжурии без серьезного успеха. Это, однако, не означало, что мы отказались от сотрудничества с деятелями движения за независимость, совсем махнули на это рукой. Организовать единый фронт с националистами – это не такое дело, которым можно и заняться, а можно и пренебречь. Это было не временной задачей, пригодной только для периода ослабления сил, от которой потом, в период накопления сил, можно отказаться. Это было не такое дело, которое нужно только до прихода к власти и которое после этого можно отбросить как бесполезное. Нет, это была такая стратегия и линия, которой следует неизменно придерживаться, пока не будет достигнуто полное согласие, единство и сплоченность нации.

Подумайте, товарищи, вот о чем: после освобождения страны прошли уже десятки лет, но и сейчас, как видите, мы по-прежнему подчеркиваем необходимость единого фронта с националистами!

Совершенно оправдало себя то, что мы еще с первоначальной поры своей революционной деятельности считали создание единого национального фронта неизменной стратегической линией, которой необходимо последовательно придерживаться до полного достижения великой консолидации нации.

Хотя наши переговоры с Рян Сэ Боном завершились неудачей, мы, тем не менее, не сомневались в том, что рано или поздно все-таки придет пора коалиции с Армией независимости. И мы не жалели для ее приближения своих усилий, своего энтузиазма. Право же, если раньше нам удалось создать совместный фронт даже со столь упрямыми китайскими антияпонскими отрядами националистического толка, так с какой же стати не объединиться на совместном фронте с соотечественниками, в чьих жилах течет кровь одних и тех же предков?! Если не совершишь этого, то тебе, откровенно говоря, должно быть стыдно перед людьми другой страны.

После того, как мы, закончив Второй поход в Северную Маньчжурию, вышли на рубежи Западного Цзяньдао, сообщения об Армии независимости, действовавшей в Южной Маньчжурии, я систематически получал по различным каналам и форсировал работу по осуществлению взаимного сотрудничества с ней. В первую очередь я направил туда связного с заданием передать Учредительную декларацию ЛВР и ее Программу из 10 пунктов. Я поручил работу по налаживанию сотрудничества с Армией независимости в качестве очередной задачи корейским товарищам, которые служили в частях Объединенной антияпонской армии в Южной Маньчжурии. Ли Дон Гван вел работу с Армией независимости в качестве южноманьчжурского представителя ЛВР.

Однако старые идейные позиции верхушки этой армии оказались застывшими. После смерти Рян Сэ Бона ее командующим стал Ким Хваль Сок – твердолобый антикоммунист. Конечно, многие люди в ее рядах симпатизировали новому идеологическому течению и стремились к единству с коммунистами. Однако в ней пока велико было влияние кругов правого крыла,

которые еще с поры существования Кунминбу шли на поводу у таких закоренелых фанатиков антикоммунизма, как Ко И Хо и Хен Мук Гван. Это затрудняло работу по налаживанию сотрудничества с ними. При жизни Рян Сэ Бона уже осуществлялись совместные действия с частью Ян Цзинюя. Но эти, с величайшим трудом выращенные, ростки великого дела – дела коалиции националистов с коммунистами – не смогли пойти в буйный рост в бытность Ким Хваль Сока командующим Армией независимости. Повинны в этом были антикоммунисты, засевшие в ее верхушке.

Повернуть Ким Хваль Сока на путь смыкания с коммунистами – значило оказать влияние на судьбу многих сотен его подчиненных. Это был вопрос большой важности, не терпящий ни малейшего отлагательства.

В то время мы придавали столь громадное значение сотрудничеству с Армией независимости, прямо скажу, вовсе не для того, чтобы получать от нее какую-то помощь.

К 1936 году КНРА уже представляла собой значительную силу как в численном, так и в военно-техническом отношении. Мы уже были готовы и без поддержки Армии независимости самостоятельно добиваться успехов в боевых действиях.

Армия же независимости, оказавшаяся в то время на закате, наоборот, переживала очень большие трудности. Таяли ее ряды, не хватало и оружия, так что иные бойцы были вооружены копьями либо дубинками. До крайности истощенные, ее отряды редко вступали в бой с противником, даже избегали столкновений с ним. И нечем им было пополнять оружие и боеприпасы, неоткуда было взять провиант и обмундирование.

Ким Мен Чжун, ветеран антияпонской революции, был спутником Чвэ Юн Гу, который одно время служил под началом Ким Хваль Сока, а затем влился в ряды КНРА.

В заметке, написанной в 1960 году, Ким Мен Чжун воспоминает, как он вступил в Армию независимости и в каком положении оказалась эта армия впоследствии:

«Осенью 1932 года мы ... направились в отряд Армии независимости, ко-

торый остановился недалеко от Яньтуншаня. В селе в самом разгаре была подготовка к банкету в честь Армии независимости. В первую очередь мы – нас было двое – пошли туда, где забивали свинью, и помогали в чем-то. Так мы старались заслужить расположение бойцов армии. А потом удовлетворили мелкую просьбу часового. Но командиры Армии независимости не приняли наши заявления о вступлении в армию. Говорили: мол, еще молоко на губах не обсохло.

Однако решимость наша была твердая, и следующей ночью мы неотступно следовали за хвостом передвигающегося отряда. В каждом селе, где останавливался отряд, я и мой друг ревностно оказывали услуги его бойцам. Командир роты, явно тронутый нашей неутомимой помощью и горячим стремлением к военной службе, наконец, согласился принять нас в армию. Ничем не выразить радость того дня!

Однако через некоторое время мы совсем разочаровались – поняли на опыте, что Армия независимости вовсе не такая армия, о которой мы мечтали. В Армии независимости, которой мы столь симпатизировали, были и такие воины, которые были вооружены простой дубинкой вместо винтовки. Я думал до этого: вступлю в отряд – получу оружие. А мне ружья не дали, и при каждом выходе на караульную службу я «брал в долг» у старшего товарища его фитильное ружье».

Впоследствии Ким Мен Чжун перешел в КНРА. В период действий КНРА небольшими группами он, находясь на учебно-тренировочной базе Дальнего Востока, несколько лет провел непосредственно вместе с товарищем Ким Ир Сеном.

С его помощью товарищ Ким Ир Сен глубоко изучил все стороны службы и жизни Армии независимости под командованием Ким Хваль Сока. Он отметил, что присоединение Армии независимости, следовавшей за Чвэ Юн Гу, к КНРА является своего рода закономерным результатом развития националистического движения в нашей стране.

Армия независимости приобретала оружие за счет средств, взимаемых с населения. Так же обстояло дело и с обеспечением ее продовольствием, обмундированием и прочим – все эти вопросы она решила силами населения. Жителей подведомственной ей территории облагали поборами под видом «годового налога», который нужно было сдавать в обязательном порядке.

Сборщики налогов вызывали по списку из каждой семьи хозяина и расспрашивали об уплате налога. Когда обнаруживалось, что кто-то не внес причитающейся суммы, то его в лучшем случае ругали, а то и подвергали телесному наказанию.

Фракция Кунминбу с ее войсками, как и группировка Чоньибу прошлых времен, обосновавшись в Южной Маньчжурии, вела себя так, словно имела полномочия вполне независимого государства.

По словам Ким Мен Чжуна, с середины 30-х годов Армия независимости отходила от первоначальной своей миссии и постепенно начала вести себя, точно местная бандитская шайка.

Так, один из небольших отрядов этой армии, когда появились трудности с продовольствием, вышел на берег реки Амнок и отобрал продукты у плотогонов. Бойцы отряда замаскировались под местных разбойников. Затаившись на берегу в узком месте реки, они бабахали в воздух – принуждали плотогонов причалить к берегу. Потом, ни в чем не разбираясь, силой забрали у них продовольствие. Достойно ли это воинов Армии независимости? Пусть даже это была вынужденная, крайняя мера, но ни разумной, ни достойной ее не назовешь!

До чего же разложилась, прогнила, переродилась та Армия независимости, призванная быть защитником, спасителем народа! Какой позор!

В ее рядах постепенно стала хромать воинская дисциплина, участились случаи дезертирства. В числе дезертиров был, например, и командир взвода Ким Мен Чжуна. Он, рассказывали мне, удрал вместе с дежурным и часовым, прихватив из сундука штаба печать, оружие командующего и деньги. Даже лесные отряды, встречаясь с ее солдатами, без всякого повода спешили разоружать их. Армия независимости попала буквально в заколдованный круг.

Но мы вовсе не желали, чтобы она была разгромлена, не выполнив свою миссию. Ее крушению обрадовались бы только империалисты Японии, нам ничего полезного оно не принесло бы. Само существование Армии независимости как своего рода вооруженных сил, не отказавшихся от задач первоначальной поры своего создания, все-таки было весьма полезно для нашей нации: ведь в то время многие «патриоты» уже либо отошли от

движения за независимость, либо и вовсе скатились на положение прислуги противника. Лишь одним фактом своего существования Армия независимости уже снискала бы поддержку и любовь народных масс. Но в последние свои годы она оказалась почти бессильной, тогда как в начальный и средний периоды своей деятельности много сражалась, да и боевых успехов у нее было немало.

В ту пору ее командиры всячески пытались предотвратить развал армии, происходящий из-за непрекращающихся карательных наскоков японо-маньчжоугоских войск и полиции, а также из-за внутренней идеологической сумятицы. Самым серьезным фактором ее идеологического перерождения была пораженческая психология личного состава. Такой настрой выражался во многом: и в капитуляции перед врагом, и в дезертирстве, и в бандитизме, дискредитирующем патриотическую армию.

Ким Хваль Сок и некоторые другие лица армейской верхушки, а также часть нижестоящих командиров и бойцов надеялись на помощь чанкайшистской армии. Питая иллюзии в отношении Гоминьдана, они намеревались сохранить боеспособность войск при его помощи.

Низкопоклонство перед большой страной – не такая уж редкая вещь. Если ты, слабосильный, озираешься на других или ищешь путь к выживанию за чужой счет – вот тогда, как правило, и зарождается у тебя низкопоклонство. Болезнь низкопоклонства – не врожденная. Она, как говорится, не сваливается вдруг с неба. Когда не веришь в свои силы, недооцениваешь их – можешь превратиться в низкопоклонника, как бы ни был силен в тебе изначально дух патриотизма.

Самой губительной идеологической ограниченностью для Армии независимости стало, как я уже говорил и раньше, именно неверие в самих себя, неверие в силы своего народа. Неизбежно логическое завершение пути тех, кто не уверен в себе и не верит в силу своего народа, – не что иное, как низкопоклонство, которое ведет к предательству, измене.

Вся история убедительно свидетельствует: в среде низкопоклонников нет таких, которые не относятся пренебрежительно к своей Родине и нации; а в среде последних нет таких, которые не скатываются в болото предательства, измены.

Это, однако, не значит, что все без исключения бойцы и командиры Армии независимости лелеяли надежды на гоминьдановские деньги и вооружения. Ее командующий взирал на Чан Кайши как на «бога», но многие командиры не верили ему. Напротив, они больше интересовались возможностью коалиции с КНРА, чем присоединением к гоминьдановским войскам. Бойцы и командиры Армии независимости представляли себе облик нашей части не только по наслышке. На собственном жизненном опыте они ясно поняли, какова именно Народно-революционная армия.

Я и сейчас вспоминаю слова Ким Мен Чжуна, сказанные мне на учебно-тренировочной базе на Дальнем Востоке.

В каком-то году, рассказывал Ким Мен Чжун, небольшой отряд Армии независимости, в котором он служил, встретился в одном из горных селений уезда Цзиань случайно с небольшой группой Народно-революционной армии. Его отряд вошел в село глубокой ночью. Постучали в дверь одной избы, ища ночлега. А там уже расположились бойцы группы Народно-революционной армии. Узнав, что люди из отряда Армии независимости ходят по домам и просятся на ночлег, они тут же добровольно освободили занятую ими комнату. Когда стало известно, что в отряде кончилось продовольствие, поделились рисом из своего запаса.

Когда бойцы Армии независимости ночью выходили за дверь для малой нужды, они стали очевидцами удивительной картины: воины Народно-революционной армии плотно лежали под открытым небом вокруг гаснущего костра – спали, обнявшись друг с другом. У них не было ни одного одеяла для подстилки, нечем было укрыться. Спали прямо на сухих стеблях кукурузы. Кто не будет тронут этим!

Забрезжил рассвет. Бойцы и командиры Народно-револю-

ционной армии убрали стебли кукурузы вокруг кострища. Все хлопотали, помогая старым хозяевам: кто таскал воду, кто колол дрова, кто подметал двор. Это еще больше тронуло бойцов Армии независимости. И старый китаец, хозяин избы, был очень растроган поведением антияпонских партизан. Пожимая каждому из них руку, он говорил: «Я, честное слово, за всю свою жизнь первый раз вижу такую армию. Именно вы – армия подлинно народная, армия родная».

Этот эпизод, рассказанный и перерассказанный бойцами небольшого отряда Ким Мен Чжуна, стал одно время крылатой темой в разговорах. О нем знали все начальники и рядовые Армии независимости. Знал о нем и Чвэ Юн Гу. И он дал ему большой душевный толчок.

Тяга бойцов Армии независимости к Народно-революционной армии стала неодолимой.

Путь к выживанию Армии независимости, оказалось, лежал только в единении с Народно-революционной армией. Путь к жизни – в коалиции с коммунистами, единственный выход – в сотрудничестве с ними. Мы же желали, чтобы эта армия или стала могучей и самостоятельно продолжала свою борьбу, или, соединив свои силы с Народно-революционной армией, пошла на совместное сопротивление империалистам Японии.

Что касается Армии независимости, то у нее имелось достаточно возможностей для сотрудничества с Народно-революционной армией. Дело было только за тем, чтобы отыскать способ повернуть в нужную сторону командующего Ким Хваль Сока и его прихвостней, которые, бряцая оружием антикоммунизма, возлагали надежды на Чан Кайши. Наши подпольщики и другие товарищи из Южной Маньчжурии сообщали, что Чвэ Юн Гу был очень доволен после ознакомления с Учредительной декларацией ЛВР и ее Программой из 10 пунктов.

Решение во что бы то ни стало осуществить сотрудничество с Армией независимости мы приняли после создания ЛВР. А начали реализовать его практически после того, как вышли в

район гор Пэкту и Западный Цзяньдао.

И до этого Народно-революционная армия по своей инициативе имела неоднократные контакты с командованием Армии независимости. Его представители, конечно, не возражали против нашей идеи о взаимном сотрудничестве национальных антияпонских сил, но насчет нашего предложения, связанного с объединением КНРА и Армии независимости, молчали, не давая никакого ответа.

Именно в ту пору мы дали задание уходящему в Южную Маньчжурию Чвэ Чхун Гуку – продвинуть дело сотрудничества с Армией независимости.

По прибытии в Южную Маньчжурию он первым делом передал Чвэ Юн Гу мое письмо, затем провел с ним секретные переговоры. Речь шла об объединении двух армий. Когда Чвэ Чхун Гук объяснял ему нашу позицию по вопросам совместного сопротивления японским империалистам, тот сразу же выразил свое согласие на слияние двух частей. Он, конечно, имел глубокие связи со мной. Вместе с тем в рядах Армии независимости он был самым стойким, убежденным человеком в смысле воли к антияпонской борьбе. В то время он, насколько мне известно, сказал своему собеседнику:

– Наша часть – только одна скорлупа. Всмотришься вовнутрь – увидишь, как говорится, пустой чан без засолки. Что касается моего личного мнения, то я хотел бы сейчас же вместе со своей частью прийти к начальнику Ким Сон Чжу (Ким Ир Сен – ред). Если наш старик-командующий будет упрямиться до конца, то я готов пойти в революционную армию хоть в одиночку.

Чвэ Чхун Гук его уговаривал: «Мы не желаем раскола Армии независимости. Конечно, хорошо будет и то, если вы, господин заместитель командующего, придете в горы Пэкту со своими приверженцами. Но прошу вас во что бы то ни стало хорошенько поговорить со старым командующим, убедить его, чтобы он пошел на объединение с КНРА».

Он отвечал: «Уговорить командующего – на это у меня слабая

надежда». Вместе с тем он пообещал, что приложит все силы, чтобы наладить совместное сопротивление империалистам Японии. Единый фронт откроет путь к жизни – таков был урок, извлеченный человеком, много лет проведшим в Армии независимости, непосредственным свидетелем процесса разложения, перерождения национального движения.

Ким Хваль Сок попытался уменьшить потери своей армии путем ее разделения на три части и рассредоточения их действий. Но это была не более чем полумера. У Армии независимости, не имевшей своих крепких корней в народных массах, не было резерва для пополнения сил.

Чвэ Юн Гу мучила мысль: «Армия независимости все хиреет. А почему Народно-революционная армия постоянно усиливается? В первой воинская дисциплина хромает до такой степени, что трудно надеяться ее поправить. А почему во второй эта дисциплина все крепнет, да крепнет – так, что даже враги признают это? Первая не может существовать без грабежа населения. А почему вторая питается, одевается и живет и без покушения на народное добро? При столкновениях с японскими войсками первая терпит поражение за поражением. А почему вторая всегда побеждает в боях? Первая равнодушно относится ко второй. А почему вторая считает первую дружественной для нее армией?»

Причину всего этого он нашел, как мне сказали, проанализировав состояние связей с народными массами. По его убеждению, Армия независимости вынуждена вести неравный бой с врагом в одиночестве, без активной поддержки со стороны широких народных масс именно потому, что она не имеет в них крепкой опоры; не прекращается процесс гниения, перерождения армии тоже потому, что она не имеет стойкой опоры в массах. Он думал: перспективы у Армии независимости мрачные, поскольку она оторвана от народных масс, ставит себя над ними. И напротив, перед Народно-революционной армией, рожденной из среды народных масс и разделяющей с ними общую судьбу,

открывается бесконечно широкий горизонт.

А то, что Армия независимости не имела прочной опоры в массах, было закономерно. Иначе и быть не могло. Сами устремления и деятельность этой армии основывались на идеях буржуазного национализма, не имеющего ничего общего с идеями, в центре которых стоят народные массы. Характерная черта этой идеологии состояла в том, что трудящиеся массы не считались хозяевами в революции и что приверженцы этих идей не хотели единства с широкими антияпонскими патриотическими силами различных групп населения и отстраняли от себя коммунистов.

Вот в чем увидел Чвэ Юн Гу главную причину истощения, изоляции, развала Армии независимости и пришел к выводу: эта армия сможет с честью выполнить свой основной долг перед нацией лишь в том случае, если она, присоединившись к Народно-революционной армии, будет действовать, опираясь на ту базу в массах, что создана коммунистами.

Однако Ким Хваль Сок проигнорировал наше предложение о сотрудничестве. «Если мы объединимся с Народно-революционной армией, – говорил он, – то пользу это принесет только коммунистам. А существованию Армии независимости будет положен конец». «Пусть будет суждена ей короткая жизнь и придется погибнуть, но с коммунистами из одного котла она есть не станет», – так выразил он свою позицию, как мне передали. И затем он ни на шаг не отошел от этой своей антикоммунистической установки. Он позволил себе сказать: «Ребята, не будьте обманутыми пропагандой коммунистов. Эти люди только и знают, что толковать о классовой борьбе. Их тезис о едином фронте – временный обманный трюк. Они двурушничают. Самое лучшее – повернись к ним спиной и так посиди».

Покуда переговоры между командующим и его заместителем продолжали буксовать, положение в части до предела ухудшилось: кончилось продовольствие, истрепалось обмундирование, к тому же все более уплотнялось кольцо вражеского

окружения. Просто с места не сдвинуться. Как говорится, беда не приходит одна. То и дело обнаруживались безобразия: кто дезертирует, кто переходит в стан врага с добровольной капитуляцией, кто умирает с голоду. Боевой дух бойцов и командиров упал до крайности.

Чвэ Юн Гу пошел на последний тур переговоров с командующим, прежде чем принять свое окончательное решение. Он настаивал на своем: «Если вы не согласитесь с моим предложением, ну что ж, ничего не поделаешь. Пусть часть расколется надвое, но мне придется покинуть вас со своими сторонниками, с теми, кто поддерживает объединение. Будем продолжать отсиживаться здесь, не приняв правильного решения, – нас постигнет полный разгром. Лучше дать каждому свободу действовать, как ему хочется: пойти или к Чан Кайши, или к Ким Ир Сену».

Поставленный в тупик, Ким Хваль Сок был вынужден уступить. По его приказу собрались все бойцы и командиры Армии независимости на одном месте. С горестной ноткой объяснив собравшимся трудное положение части, командующий приказал: «Желающие пойти в отряд к Ким Ир Сену, шаг вперед!»

Выслушав командующего, его подчиненные вначале, говорят, точно окаменели. Иначе они и не могли поступить, не зная, что таится в душе командующего. Может быть, он хочет выловить сторонников коммунизма, а затем расправиться с ними?

Первым вышел вперед из строя, рассказывали мне, именно Ким Мен Чжун. Вслед за ним последовали многие бойцы. Любое трудное дело непременно решится, когда будет в нем зачинщик. Именно таким был Ким Мен Чжун. Вот почему я очень-очень любил его после зачисления в Народно-революционную армию. Позже он вспомнил, как вырвался из-под руки командующего Ким Хваль Сока:

– В то время на такой шаг подтолкнул меня заместитель командующего Чвэ Юн Гу. Он ни слова не вымолвил, но

огоньком своего взгляда вдохновлял нас, потребовал от нас действовать по своей воле.

Итак, часть раскололась на две группы. А разделившись надвое, как мне известно, все плакали и плакали. И сам командующий Ким Хваль Сок, и его заместитель Чвэ Юн Гу... Не было тех, кто не дал бы волю слезам. Да, раскололось надвое одно тело – не выразить, сколько боли, сколько страданий!

Бойцы Армии независимости составили, таким образом, две группы, которые и тронулись в путь в разные стороны – каждая в свою. Они обещали друг другу снова встретиться в день, когда Корея станет независимой. Один из отрядов, возглавляемый Чвэ Юн Гу, отправился на поиски КНРА, а другой – в составе всего лишь нескольких десятков человек – под командованием Ким Хваль Сока передвинулся в места близ Фэнхуанчэна. Так самораспустилась армия фракции Кунминбу, которая была единственной силой, оказывающей вооруженное сопротивление империалистам Японии в Южной Маньчжурии.

– Вот таким дальним обходным путем довелось мне прийти к тебе, начальник Сон Чжу, – сказал нам Чвэ Юн Гу в Наньпайцзы. – Мог бы и прийти прямой дорогой ... Да слишком нерешительными мы были.

Я от всей души поддержал его переход на нашу сторону.

Гигантский шаг, совершенный Чвэ Юн Гу, стал просто потрясающим событием, которое вошло ярчайшей страницей в историю национально-освободительной борьбы и формирования единого национального фронта в нашей стране. Это была победа нашей политики по вопросам единого фронта, которой мы неизменно придерживались с начального периода антияпонской вооруженной борьбы. Это стало еще одной новой вехой в борьбе коммунистов за претворение в жизнь «Программы Лиги возрождения Родины из 10 пунктов». Слияние КНРА и Армии независимости явилось для коммунистов и националистов своего рода ярким, передовым примером, которому нужно следовать и на котором нужно многому учиться.

Этот яркий пример был плодом деяний Чвэ Чхун Гука и Чвэ Юн Гу, чьи заслуги могут стать достойной страницей в летописи движения за единый национальный фронт, в истории великой национальной консолидации в нашей стране. Поэтому и жив в моей памяти Чвэ Юн Гу. Это был человек большой души, которого можно считать первопроходцем, практиком создания коалиции с коммунистами. В свете хотя бы этого факта ученым, изучающим историю антияпонской вооруженной борьбы, непременно следовало бы, освещая процесс движения за единый национальный фронт, полнее осветить заслуги Чвэ Юн Гу.

Благодаря его переходу к нам в рядах нашего революционного движения сложился, можно сказать, союз поколений отцов и сыновей. По своему идейному настрою он принадлежал поколению моего отца. Если большинство представителей отцовского поколения тяготело к национализму, то наше поколение по преимуществу стремилось к коммунизму. Патриоты двух поколений, считавшие ранее коммунизм и национализм столь же непримиримыми друг с другом, как вода и огонь, вышли, наконец, за рамки споров о различии в идеалах и встали на путь совместного сопротивления японскому империализму.

Великий шаг Чвэ Юн Гу свидетельствует: люди разных идеалов, разных вероисповеданий и политических убеждений вполне могут сплотиться между собой и прийти к согласию, если у них горит святое чувство любви к Родине и нации.

После присоединения к Народно-революционной армии Чвэ Юн Гу вступил и в Коммунистическую партию. На важнейшем посту штабиста он храбро сражался за победу антияпонской революции. Погиб в конце 1938 года в уезде Хуадянь. Он был соратником моего отца и вместе с тем моим товарищем по революции. Я чтил его память, испытывая глубокую скорбь. Мою душу терзало прежде всего то, что он, проложив путь к коалиции с коммунистами, так и не увидел дня освобождения страны.

В отличие от него Ким Хваль Сок пошел на встречу с Чан Кайши. Но в пути он был арестован врагами. Уже не смог больше

выполнить свой долг как командующего Армией независимости. Произошло это так. Японские империалисты, конечно, заметили, что он, питая иллюзии в отношении Чан Кайши, намеревается прицепиться к нему. И они построили на этом свои расчеты: подослали к нему своего агента под видом спецпосланника Чан Кайши. Тот агент, показывая ему верительную грамоту Чан Кайши – конечно, фальшивую – говорил: «Главнокомандующий Чан терпеливо ждет встречи с вами. Пойдем к нему». Ослепленный огоньком надежды на Чан Кайши, он, не уточнив как следовало бы личность «спецпосланника», легкомысленно последовал за вражеским агентом, который и завел его напрямую в управление жандармерии.

Судьбу его погубил, в конечном счете, болезненный психоз антикоммунизма и низкопоклонства.

Как показывает история нашей нации, низкопоклонники и антикоммунисты, все без исключения, скатываются, как правило, в пропасть предательства, измены, ренегатства.

Сунь Чжуншань (Сунь Ятсен) был лидером буржуазно-демократической революции, но он мог продолжать революцию, пользуясь поддержкой широких масс, – это стало возможным потому, что он пошел на союз с коммунистами. Ким Гу на закате своих лет принял новый старт – от антикоммунизма он перешел к коалиции с коммунистами, к патриотизму, и это было вписано яркой страницей в историю нации. И если бы Ким Хваль Сок пошел, как они, на объединение с коммунистами, то не попал бы в ловушку, устроенную японцами, и закончил бы свою жизнь как патриот, пользующийся любовью народа.

Вот почему я, встречаясь с теми, кто отравлен психозом антикоммунизма, подчеркиваю: антикоммунизм не только губит их самих, но и заставляет их стоять спиной к своей нации, своему народу. Выступать против коммунистов – тех, кто находится на стороне народа, это, считаю, все равно что повернуться спиной к народу. Вот в чем состоит одна из причин того, что коалиция с коммунистами есть проявление любви к своей Родине, любви к

своей нации, к своему народу. Через антикоммунизм же лежит путь к измене Родине, нации, народу.

Ким Мен Чжун, перешедший в Народно-революционную армию вслед за Чвэ Юн Гу, тоже всю жизнь остается верен революции. После освобождения страны он долгое время работал моим адъютантом. Человек прямой, простой, он, всегда находясь рядом со мной, во многом помогал мне.

Товарищ Ким Чен Ир, говоря, что это последний из бойцов Армии независимости, уважает его, проявляет о нем большую заботу.

Хон Чхун Су тоже был одно время в Армии независимости, а затем вошел в ряды Народно-революционной армии.

В дни борьбы за возрождение Родины, как видите, часть Армии независимости, присоединившись к КНРА, воевала против захватчиков – японских империалистов. Этот исторический опыт убедительно доказывает, что все наши национальные патриотические силы, находящиеся на Севере, на Юге страны и за ее рубежом, не только должны, но и могут сегодня вместе бороться против внешних сил, сплотившись воедино, независимо от различий в идеологиях, идеалах, политических убеждениях.

4. Староста Ван и начальник Ван

Среди китайских друзей, которые оказывали КНРА активную материальную и духовную поддержку во второй половине 30-х годов, были двое по фамилии Ван. Оба служили во вражеских учреждениях. Один был старостой села Дахуангоу уезда Линьцзян, другой – начальником филиала полицейского участка марионеточного государства Маньчжоу-Го в Цзяцзяине этого уезда. Местные люди звали его просто «начальник Ван».

Как эти двое Ванов, непосредственно проводившие в жизнь колониальную политику японских империалистов в низовых административных органах, установили связи с КНРА, как они, в конце концов, сочувствовали и поддерживали антияпонскую революцию? Общение с ними явилось одним из звеньев политической работы, организованной лично товарищем Ким Ир Сеном после возникновения китайско-японской войны.

Великий вождь товарищ Ким Ир Сен встретился с каждым из них только по одному разу. С тех пор прошло много десятков лет, но он их не забыл.

Первым о старосте Ване сообщил мне Чу Чжэ Ир, политрук 1-й роты 8-го полка. Вернувшись с задания из вражеского района, из села Дахуангоу уезда Линьцзян, он подробно доложил об этом человеке. Для расширения организаций ЛВР в районе Дахуангоу, сказал он, надо первым делом завоевать на нашу сторону именно его.

Биографию Вана рассказал Чу Чжэ Иру один из членов организации. Он был принят в партию, когда Чу работал секретарем партячейки в Нюсиньшане, что в поселке Саньдаогоу уезда Хэлун. Но когда враги узнали, что за человек он, ему нельзя было оставаться в Хэлуне. Парторганизация помогла ему переправиться в уезд Линьцзян, где жил его родственник.

Поселился он в шалаше под Дахуангоу, где жил, еле-еле сводя концы с концами. Но и здесь, в уезде Линьцзян, он, как мне доложили, не отказался от работы по созданию организации, сплачивал вокруг себя надежных людей.

На встрече с политруком роты, бывшим секретарем партячейки, он, насколько мне известно, попросил помочь ему

вновь связаться с организацией.

Я велел политруку 1-й роты немедленно поехать в Дахуангоу встретиться с ним, помочь ему создать организацию из рекомендуемых им людей и обеспечить связь. На второй встрече с ним ротный политрук сказал: «Наша Ставка Командования непосредственно поможет тебе в работе. Теперь твое дело – ни о чем не беспокоясь, расширять сеть организаций ЛВР».

Итак, в Дахуангоу появилась наша организация. Это была, пожалуй, первая организация ЛВР, созданная нами в уезде Линьцзян.

Я дал политруку 1-й роты задание привлечь к нам и старосту Вана. Через такой процесс он стал завоевать наше признание. С помощью подпольной организации в Дахуангоу мы более полугода глубоко изучали этого человека.

Наша работа с ним принесла свои плоды весной 1938 года. К тому времени мы, окончив военно-политические занятия в Матангоу, выступили в Чанбай. На маршруте похода нашего отряда находилось село Дахуангоу. Я решил все-таки по прибытии в Линьцзян непременно выкроить время, чтобы хоть разок встретиться с Ваном. Продвижение к югу, в Чанбай, далось нам тяжело. Когда мы находились в километрах 12 от Дахуангоу, у нас кончился провиант, и отряд не мог дальше продолжать поход. Бойцы не просто устали – вымотались.

В этой ситуации я не мог вести отряд в Чанбай. Для похода и боя бойцов обязательно нужно было накормить. А у нас не было ни одного *тве*[4] продовольствия. Что делать? Лучше всего было бы достать продукты в бою, но бойцы, все без исключения, совсем выбились из сил. Ситуация такова, что было не до боя – люди просто не держались на ногах. Именно в тот момент мне в голову пришла мысль: надо завязать сношение со старостой Ваном. «Удача в работе со старостой Ваном доставит нам продовольствие и создаст благоприятную для нас обстановку», – подумал я.

Село Сяохуангоу находилось под боком у Дахуангоу. Туда

нагрянула беда – подпольные организации села оказались в опасности. А с ними имел дело тот товарищ, который был принят в партию, когда политрук 1-й роты работал секретарем партячейки в Нюсиньшане. Эти организации с успехом действовали, расширяли свою сеть не только в Сяохуангоу, но и в других селах. Однако врагам удалось «сесть им на хвост». Они ворвались в село – членов организации жестоко убивали, сжигали дома. От их рук пострадали и старики, и дети: их расстреливали, кололи штыками.

Уцелевшие в бойне несколько членов организации и другие сельчане кинулись в Дахуангоу в поисках собственного спасения. Их судьба находилась в руках старосты Вана. Он в ту пору по совместительству исполнял должность начальника отряда самоохраны. От того, какой позиции он придерживался, зависела судьба всех беженцев из Сяохуангоу. И прежде всего членов организации. Это еще больше укрепило мою решимость скорее сделать его нашим сторонником, а затем и помощником.

Мы направили в Дахуангоу подпольщиков специально для работы с ним.

Подпольщики, конечно, хотели во что бы то ни стало перетянуть его на нашу сторону. Но они опасались, как бы на этом пути не напороться на подводные камни – ведь Ван исполнял должность начальника отряда самоохраны.

Однако я не сомневался в успехе подпольщиков. Моя убежденность исходила из того, что я знал о нем: он совестливый человек. Его человеческая совесть проявилась в том, что он, став старостой села и начальником отряда самоохраны, не тронул ни одного человека на своей территории. Вот в чем я видел главнейший признак того, что он такой человек. То было время, когда те, кем двигала страсть к личному спокойствию и благополучию, как говорится, себя не обижали. Стоило только им заиметь чин, такой, как начальник отряда самоохраны или староста села, они без стеснения губили хотя бы одного-двух патриотов, стараясь показать себя «с лучшей стороны».

Но староста Ван ни на кого не донес, никому не сделал

пакости. Мне доложили: он пока еще не поднял руку на беженцев и членов семей погибших патриотов из Сяохуангоу, закрывал глаза на то, что они живут в контролируемом им районе. Если бы он был негодяем, то не поступил бы так – наверняка поднес бы: «У нас в селе обитают красные, беженцы из села коммунистов. Прошу взять их», или принудил бы самоохранников убить всех беженцев, за что получил бы премию.

Но он принял в село тех, кто вырвался из когтей палачей – японских солдат и полицейских, и разрешил им спокойно жить. Такой поступок требует от человека необыкновенного дерзания и решительности. Если бы все это стало известно властям, то старосте не удалось бы избежать суровой кары.

Однако Ван был готов пойти и на это и делал доброе дело, – так мы рассуждали.

Подпольщикам, уходящим в Дахуангоу, я сказал: «Кажется, староста Ван человек более или менее совестливый. Смело подходите к нему. Хорошенько разъясните, почему мы, партизаны, боремся против японских империалистов. Тогда вы, несомненно, сможете привлечь его на нашу сторону».

В Дахуангоу подпольщики по рекомендации хозяина шалаша встретились со старостой Ваном и предложили ему сотрудничать с нами. Ван охотно согласился, даже попросил их помочь ему встретиться со мной. «Если это просьба революционной армии, – сказал он, – я все сделаю. Но очень прошу, помогите мне встретиться с Полководцем Ким Ир Сеном».

Наши командиры довольно много спорили по этому поводу – одни склонялись к тому, чтобы уважить его просьбу, другие – ни в какую. То было время, когда участились диверсионные акции врагов против нашего Командования, и у нас все – и командиры, и рядовые бойцы, были в постоянном нервном напряжении по этому поводу.

Я узнал, какие идут разговоры «в низах», и уговорил командиров привести старосту Вана в наш тайный лагерь.

Получив весть о том, что я принял его просьбу, староста Ван,

потихоньку оповестив жителей села, подготовил продовольствие, обувь и многие другие хозяйственные материалы и, взяв их с собой, пришел в расположение нашего Командования. Мы встретились. Передо мной был красивый мужчина лет тридцати пяти, человек приличный, вежливый в обращении, с деловой хваткой. С первого взгляда он мне очень понравился.

Беседа несколько минут шла о его семье, о здоровье.

Потом я высоко оценил его за то, что он, не потеряв национальную совесть, до сего момента живет, как подобает честному и разумному человеку. Я призвал его еще больше помогать нам, используя возможности старосты села.

– У Японии и Маньчжоу-Го остались считанные дни, – говорю ему. – Ваша должность старосты села – от Маньчжоу-Го. Но этот чин вам следует максимально использовать не ради Японии и Маньчжоу-Го, а во имя Родины и народа, во имя революции. Для этого вам надо поднять население и активно помогать революционной армии. Я уверен, что вы оправдаете наши надежды.

Староста Ван был очень признателен за мое доверие к нему.

– Так вы верите мне! Мне нечего сказать. Во всю жизнь я не забуду это, буду бороться так, как вы советовали, Полководец.

К нам он пришел, захватив с собой даже водку и закуски. Мне показалось, что он человек очень душевный, общительный. В палатке мы попробовали «Байчжу» (крепкая китайская водка – ред.). Староста Ван, чтобы показать мне, что водка нормальная, сам первым выпил рюмочку, а потом предложил мне.

После пробы «Байчжу» Ван, заметно захмелев, начал выкладывать душу – рассказал свою семейную историю. Начиная рассказ, он говорил: «Об этом я пока еще никому не говорил». Его повествование было очень интересным, походило на сюжет романа, полного горестями.

Его отец родился и вырос в уезде Дуннин. Родом он из маньчжурского племени. Жил так бедно, что он просто не имел возможности жениться даже под сорок лет. Много дорог он

истоптал – и однажды встретилась ему подруга по сердцу, и они начали вместе жить.

Шли годы, у них родился сынишка. Именно это и был будущий староста Ван. С течением лет сын вырос достойным по виду, умным пареньком. Но жизнь была так тяжка, что при всем желании отец с матерью не могли растить сына так, чтобы он мог жить, не завидуя другим.

Отца не покидала мысль: «Не найдется ли такой край, где жить можно лучше, чем в Маньчжурии?» Если бы нашлось такое местечко, он сейчас же ушел бы из Маньчжурии со своим сыном. Однажды отец слышал от корейских юношей, что в России, мол, людям живется хорошо. Кстати, эти корейцы зашли в его село, чтобы достать деньжат на дорожные расходы по пути в Кандон на заработки.

Многие из наших дедов и отцов называли Россию «Араса» или «Кандон».

Отец будущего старосты Вана, покинув село вместе с корейскими юношами, направился в Россию.

Молодые люди ходили на золотые прииски, чтобы заработать деньги, но их мечта не сбылась, и им пришлось собраться в одном месте и заняться земледелием. Так там появилась новая деревня – корейское село, где люди занимались полеводством, а основателями села стали те молодые люди.

Отец Вана хотя и был китайцем, но остался там вместе с корейцами. Различия в национальности не мешали: они жили дружно, как родные братья.

В той деревне сын начал ходить в школу. Он привык к корейским обычаям, неплохо говорил по-корейски.

Позже в России поднялись вихри «новой» и «старой» партий. «Новая» партия – это партия большевиков, а «старая» – банда белых. В этих вихрях, сказал он, и жители деревни Вана здорово пострадали. Когда большевики брали верх и прогоняли контрреволюционеров, мир строился по-больше- вистски, а одолевали белые – в один день село становилось иным: его

жители постепенно разделялись на две группы – прокоммунистические и пробелые силы. Даже раскололась одна семья: старший сын стал приверженцем «новой» партии, а второй и третий – сторонниками «старой» партии. Между ними шли раздоры и скандалы. Словом, возникла смута.

Были драки, появились и жертвы. Отца Вана зверски убили – закололи вилами приверженцы «старой» партии. Малолетний мальчик остался беспризорным – сиротой. Жители деревни ему сочувствовали, но никто не смел позаботиться о нем: ведь это был сын убитого сторонника «новой» партии. Боялись сами стать бельмом на глазу приверженцев «старой» партии, которые готовы были и физически уничтожить мальчика. Они твердили: уничтожай само племя «новой» партии. Над мальчиком нависла угроза гибели.

Позаботился о мальчике, лишившемся отца, тот корейский молодой человек из уезда Дуннин, который пришел с другими в Россию на заработки. В один из холодных осенних дней он вместе с мальчиком перешел границу и бежал в сторону уезда Дуннин. Хотел найти там его мать. Однако в пути оба попали в руки конных грабителей. Оставив у себя мальчика заложником, разбойники рассчитывали получить за него деньги или вещи. Однако, узнав, что он одинокий сирота, бандиты собирались убить его.

В тот момент помощник вожака банды велел: «Незачем убивать бедняжку. Пусть кореец уйдет куда глаза глядят. А мальчика привести ко мне в комнату!» Итак, корейский юноша ушел неизвестно куда, оставив у бандитов отобранные ими деньги на дорогу и мальчика. А мальчик остался в притоне конных грабителей, оказавшись в руках помощника главаря банды. Он не разрешил убивать мальчика, имея на него свои виды. Однажды ночью он, взяв с собой мальчика, удрал из логова бандитов. Убежал именно в Линьцзян. В горах Дахуангоу купил земельный участок и дом, жил на широкую ногу, растил мальчика как приемного сына. Он стал богачом, ибо при бегстве

из логова конной банды прихватил с собой большую сумму денег, которую разбойники хранили как общий фонд шайки.

Тот помощник вожака банды, ставший приемным отцом мальчика, был уроженец Шаньдуна, его фамилия была Ван. Приемному сыну он дал свою фамилию. «Возьми власть в руки – поживешь на широкую ногу» – таков был его взгляд на жизнь. Он дал приемному сыну образование, чтобы тот смог стать человеком власти, и, наконец, выдвинул его на пост старосты села.

Староста Ван сказал, что он многим обязан, конечно, приемному отцу, но прежде всего никогда не забудет того корейца, который защищал его и взял с собой в Маньчжурию после смерти родного отца.

– У меня есть и деньги, и имущество, – сказал Ван. – Но очень жаль, что не имею возможности отблагодарить. Я полон чувства благодарности к тому благодетелю, и потому сострадаю несчастным корейцам и болею душой за них. Большинство беженцев из Сяохуангоу – корейцы. Поэтому я помогаю им с риском для своей жизни. Делаю это как бы в знак признательности своему благодетелю.

Говоря это, староста прослезился. Он был человеком долга. Я был глубоко тронут, когда он сказал, что помогает корейцам с чувством делающего земной поклон благодетелю.

– Благодарю вас за сочувствие несчастью корейцев и спасение их из трудного положения. Тот, кто свято хранит чувство долга, может делать доброе дело не только для благодетеля, но и на благо народа. Теперь вы можете считать себя старостой не ради Маньчжоу-Го, а ради народа.

Староста Ван не раз повторял свою клятву не изменить нашему доверию. Когда он возвращался домой, я послал с ним двоих наших охранников.

С того дня он стал нашим другом. Он во многом помогал нам. Хотелось бы увидеть его, если он жив, но жаль, что даже не знаю, где он, а цел ли.

А как мы завоевали на нашу сторону начальника Вана? Эта

история во многом сходна с предыдущей. Первым рассказал нам о начальнике Ване Ким Пхен, комиссар 7-го полка. Одно время комиссар, находясь вместе с ротой Чвэ Иль Хена на рубеже уездов Чанбай – Линьцзян, руководил деятельностью малых отрядов. Он направлял в разные районы малые отряды и контролировал их дела, а иногда и сам участвовал в них. Один из малых отрядов был направлен им в районы Вудаогоу и Саньдаогоу уезда Линьцзян, где и действовал.

Однажды один из бойцов малого отряда пришел к своему командиру и спросил, что надо делать с начальником филиала полицейского участка марионеточного государства Маньчжоу-Го в Цзяцзяине. Он, по его словам, сильно мешает деятельности малой группы. Наверное, бойцу очень хотелось ударить по этому полицейскому филиалу. Тем, кто ходил в Линьцзян, Мэнцзян и Фусун, обязательно нужно было проходить Цзяцзяин. А обосновавшееся там полицейское учреждение было просто бельмом на глазу для бойцов. После встречи с тем бойцом комиссар 7-го полка доложил мне о возникшей проблеме.

Я посоветовал ему попытаться взять тот полицейский филиал в свои руки. «Совершить налет всегда можно, – сказал я. – Но это может повлечь за собой последствия, и нам будет от них не сладко. Смело подходите к начальнику и сделайте филиал нашим».

Через несколько дней комиссар пришел ко мне и доложил: «В лесном шалаше под Цзяцзяином обитает знакомый мне человек. С ним я имею дело с тех пор, как работал секретарем участковой парторганизации в уезде Яньцзи. По его рекомендации можно было бы вступить в контакт с начальником полицейского филиала. На него можно положиться – он был раньше командиром взвода красного ополчения в районе уезда Яньцзи». По его словам, того в свое время посчитали причастным к «Минсэндану». Несчастного спасли от смерти корейцы, работавшие тогда в участковой парторганизации: они и укрыли его тайком во вражеском районе. Помнится, его фамилия – Ким.

В Цзяцзяине этот хозяин шалаша добывал себе пропитание охотой в лесу. А начальник полицейского филиала любил охоту, и они, естественно, сдружились на этом.

Я говорю комиссару 7-го полка: «Хозяина шалаша знаете только вы. Поэтому через него вы сами подходите к начальнику Вану».

До этого момента все рассказанное можно считать сходным с историей перехода старосты Вана на нашу сторону. Хоть и редко, но бывало так, когда тот, кто раньше состоял в нашей организации, оказывался дружен с полицейским. Нам все равно надо было узнать, что сблизило этих двоих. Только так мы могли открыть прямую дорогу к начальнику Вану.

Комиссар 7-го полка встретился с обитателем лесного шалаша. По возвращении в отряд он доложил: «Хозяин шалаша, конечно, ушел из партизанского района давно, но душа у него все-таки красная». Увидев бывшего секретаря участковой парторганизации не в военной, а в гражданской форме, хозяин шалаша даже поначалу остерегался – не стал ли он изменником, агентом япошек? Такие недоразумения бывали часто, если военные ходили в гражданской одежде.

Комиссар сказал хозяину шалаша, что его послал я. Только после этого тот начал относиться к нему, как и прежде, с открытой душой. Лесной обитатель очень болел душой за то, что вынужден был уйти во вражеский район, не успев снять с себя ярлык «минсэндановца» в красном ополчении. Он сказал комиссару: «Приведи меня к Полководцу Ким Ир Сену. Я все расскажу ему, докажу, что я не «минсэндановец». А ты будь рядышком со мною и поручись, что это так. Если Полководец Ким поверит мне, я вступлю в Народно-революционную армию». Комиссар сказал ему: «Благодаря Полководцу Киму вопрос о «Минсэндане» уже решен. Значит, тебе не о чем беспокоиться. Снова станешь бойцом революционного фронта. Только работай смелее, с огоньком».

Слушая его, хозяин шалаша так был взволнован, что у него на глаза навернулись слезы.

Дружба его с начальником Ваном завязалась год назад. Начальник Ван иногда заявлялся на охоту на «территорию» хозяина шалаша. Пока Ван добывал всего-навсего одного-двух зверей, обитателю шалаша всегда доставалось добрых четыре-пять.

Однажды Ван зашел к шалашу – ему хотелось узнать, в чем секрет его успеха в охоте. Ван так был восхищен эрудицией охотника, что сказал: «Ты совсем не похож на простого охотника, в чем-то от тебя пахнет мыслителем, интеллигентом». Выслушав Вана, хозяин шалаша предложил: «Вы, видимо, сомневаетесь: настоящий охотник я или нет. Давайте завтра посоревнуемся в охоте. Это будет экзамен. Ладно?» Ван с ним согласился.

В соревновании победил хозяин шалаша. Ван угостил его водкой. Попойка шла прямо в шалаше. Ван предложил: «Заключим побратимство». В ответ: «Подумаю об этом немножко. Ведь я вступлю в ваше общество «Цзяцзяли» – мне придется быть вашим старшим братом. А теперь скажите, пожалуйста, – спросил он потихоньку, – как же вы сможете выкраивать время покидать свой филиал и ходить на охоту? Ведь вы человек вон какого чина – начальник полицейского филиала?!»

Ван отвечает: «Хожу на охоту не потому, что у меня много времени, а от нестерпимой обиды. Видишь, эти япошки – племя вредное. Туда, где ждет верная смерть, гоняют только полицейских Маньчжоу-Го. Хотя на погонах звездочки одинаковые, чуть что эти самураи кричат да по малейшему поводу осыпают их руганью. Какая обида! Надоело такое терпеть!»

Выслушав от хозяина шалаша обо всем этом, комиссар дал ему задание – создать в районе Цзяцзяина низовую организацию ЛВР. И попросил помочь срочно связаться с Ваном.

На следующий день хозяин шалаша явился вместе с Ваном на место встречи, назначенное комиссаром. Ван взял с собой водку и закуску – совсем как тот староста Ван: для чиновников Маньчжоу-Го водка была важнейшим средством общения с людьми.

Полицейский начальник был покрупнее телом, чем староста

Ван, характер у него покруче, и был склонен к быстрым решениям. Во всем не мешкал, а сразу давал четкий ответ.

При первом знакомстве с Ваном комиссар откровенно сказал, что он один из комиссаров отряда Ким Ир Сена. «По приказу Командующего Кима я вызвал вас обсудить вопрос о совместном сопротивлении японским захватчикам. Есть у вас намерение идти с нами рука об руку?» – напрямую спросил он.

Сначала у Вана от удивления расширились глаза, однако он быстро подавил растерянность: «Что вы говорите? Это же у нас первое знакомство. Давайте выпьем сначала, а потом поговорим спокойно о делах». Опорожнив несколько рюмочек, он хлопнул собеседника рукой по колену и восхищенно крякнул: «Ты, партизанский комиссар, хоть и мал ростом, но мне нравишься. Вижу, не поведешь даже бровью передо мною, человеком с саблей на боку, и прямо скажешь, кто ты такой. Я просто удивляюсь!» Комиссар с ответом не задержался: «Подчиненные Командующего Ким Ир Сена все такие».

И тогда начальник Ван прошептал на ухо комиссару: «Помоги мне встретиться с Командующим Кимом. На встрече с ним все расскажу о моей решимости. Но есть условие: тебе вступить в наше «Цзяцзяли». Тогда я смогу полностью доверять тебе».

В первый же день переговоров Ван узнал, что и хозяин шалаша такой же коммунист, как комиссар. Он с удивлением сказал: «Он, хозяин шалаша, вошел в общество «Цзяцзяли», мы стали с ним собратьями. А мне ни словечка, что он коммунист. Я-то думал: тайна в «Цзяцзяли» наиболее глубокая, а теперь вижу: секреты коммунистов – поглубже».

Я посоветовал комиссару: «Войди в это самое «Цзяцзяли». Это же не изменит твою фамилию. Заключи с ним побратимство. И приведи его ко мне в Ставку».

После этого я встретился с начальником Ваном под Цзяцзяином. Он понравился мне так же, как и староста села Ван. Сейчас помню, что тогда он принес ко мне три корня дикого женьшеня в подарок.

Начальник Ван сразу же согласился с моим предложением о совместном сопротивлении японскому империализму. Его поведение и разговор были живыми, энергичными. Он с открытой душой, напрямую выложил то, что у него в душе: «Я не по своей воле стал полицейским: надо было заработать средства на пропитание. Полицейскую фуражку надел не для того, чтобы выступать против коммунистов. При виде деяний японцев у меня, прямо скажу, двенадцать раз на дню бродит мысль – бросить винтовку. Вы, Командующий Ким, предлагаете мне рука об руку совместно сопротивляться японским оккупантам. Я не против. Вы, Командующий Ким, советуете: борись с япошками, не отказавшись от чина начальника филиала полицейского участка. Это я и сделаю по вашему приказанию. Но меня беспокоит вот что: если я останусь по-прежнему в полицейской форме, то как будут относиться ко мне другие партизаны – наверное, не как вы? Бог знает, не погибну ли я от пулей с двух сторон». «Об этом вы можете не беспокоиться, – заверил я. – Будете делать справедливое дело – все вас признают. Мы, революционная армия, не поднимем руку на тех, кто служит во вражеском учреждении, если он идет на сопротивление империалистической Японии. Это я вам гарантирую. Ваше дело для нашей пользы – не сложное. Просто не мешайте нашим действиям. Не помешаете – это уже против япошек. Пошлите порой нам информацию, дружите с хозяином шалаша, помогите ему чем надо».

После этого начальник Ван неплохо нам помог. Под его прикрытием хозяину лесного шалаша удалось создать в Цзяцзяине низовую организацию ЛВР.

От обоих Ванов мы получили немало полезных сведений. Дело дошло до того, что при встрече с нашими бойцами самоохранники из Дахуангоу даже приветствовали их, размахивая платками.

Процесс работы с этими двумя Ванами стал для нас важным новым опытом в воспитании нового человека.

Все в мире можно преобразовать – таково мое утверждение.

Самое трудное из звеньев преобразования природы, общества и воспитания нового человека – последнее. Однако, стоит только хорошенько потрудиться – и выкуешь нового человека из любого: ведь по природе человек тянется к прекрасному, благородному, справедливому. И если с толком наладишь его идейное воспитание – всякого можно перевоспитать. Воспитание нового человека по сути своей является идейной перестройкой.

Однако здесь есть вещь, заслуживающая пристального внимания. Нельзя необдуманно оценивать идейный настрой человека по его «вывеске», одежде. Иначе говоря, нельзя определенно судить об идейном настрое человека только по его происхождению или служебному положению.

Конечно, нельзя отрицать тот факт, что у помещиков и капиталистов – идеология эксплуататорского класса, а у рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции пускают корни революционные идеи рабочего класса. Однако надо знать, что и у лиц в полицейской форме, таких, как Хон Чжон У[5], могут быть более или менее развиты совесть, прогрессивные идеи. Прогрессивные идеи – это не какая-то особая вещь. Это любовь к человеку, любовь к народу, любовь к своей нации и Родине. Совесть человека проявляется, в конечном счете, в чувстве такой любви.

В деле воспитания нового человека мы не считаем препятствием не только «вывеску», но и гражданство. Если те или иные люди совестливы и патриотически настроены, то мы без малейшего колебания протягивали руку и к китайцам, смело привлекали на нашу сторону и китайских служащих вражеских учреждений. Если есть у нас сила воспитать и перевоспитать корейских сотрудников вражеских органов и накоплен определенный опыт в этом деле, то это значит, что мы можем перевоспитать и тех китайцев, которые работают во вражеских учреждениях. Принципы воспитания, перевоспитания человека не ограничиваются рамками гражданства. Завоевывая полицейских-корейцев на сторону революции, почему же нам не делать этого, общаясь с китайским полицейским или старостой села?

Когда мы вели революционную борьбу против японского империализма, среди наших китайских друзей, которые шли с нами рука об руку, были и офицеры высокого, среднего и младшего ранга из марионеточной армии государства Маньчжоу-Го. И они, как староста Ван и начальник Ван, сделали много полезного для нас.

Сейчас у нашей нации не за горами объединение Родины. В Южной Корее много тех, у кого неодинаковые с нами идеалы. Там немало помещиков, капиталистов, тех, кто принадлежит к эксплуататорским классам, немало и чиновников, предпринимателей, торговцев. Объединится Родина – придется так или иначе жить вместе с этими различными слоями на одной земле. Из-за различия в идеалах нельзя отстранять от себя всех этих людей, нельзя жить, только общаясь с коммунистами.

Пусть эти люди не коммунисты. Но надо найти общий знаменатель, позволяющий всем вместе участвовать в строительстве единой Родины. Я вижу это общее в любви к Родине, в любви к своей нации и народу. С теми, у кого это чувство живо, мы вполне сможем жить вместе, дыша одним воздухом.

5. Жэхэский поход

Поход на Жэхэ – весьма поучительное событие. Он и до, и после возникновения китайско-японской войны вызвал серьезные осложнения в военно-политической деятельности Корейской Народно-революционной армии и развитии революционного движения в Корее. И более того, – нанес тяжелый урон антияпонскому движению в целом. Этот поход является своего рода живым свидетельством того, какие общие трудности национальная революция каждой страны вынуждена была переживать в середине 30-х годов, когда революционное движение во всех странах мира жестко направлялось «коминтерновской линией». А конкретно – он показывает, в какой тяжелой борьбе приходилось отстаивать и проводить в жизнь самостоятельную линию корейской революции. И это последнее особо выделяет этот исторический факт.

О том, как впервые было сообщено Коминтерном о плане Жэхэского похода, товарищ Ким Ир Сен вспоминал.

План похода в районы Ляоси и Жэхэ, известного как «Жэхэский поход», впервые был доведен до нас весной 1936 года. На том месте, где собрались командиры КНРА и командиры частей Объединенной Северо-Восточной антияпонской армии, в том числе Ван Дэтай, Вэй Чжэнминь передал директиву Коминтерна – осуществить поход в направлении Жэхэ.

Попытаюсь кратко изложить содержание сообщенного нам указания об этом походе: антияпонским вооруженным отрядам в районе Северо-Востока Китая надлежало переместиться в направлении Ляоси и Жэхэ, чтобы во взаимодействии с частями Рабоче-крестьянской красной армии, наступающими в направлении Жэхэ под лозунгами «восточного похода против японских агрессоров» и «освобождения захваченной врагами территории», подавить японские агрессивные войска, двигающиеся во Внутренний Китай. Стратегическая цель этого похода, преследуемая Коминтерном, заключалась в том, чтобы, соединив на рубеже Жэхэ две группировки – части Рабоче-крестьянской

красной армии (позднее 8-я армия), передвигающиеся на север для восточного похода, и части объединенных антияпонских войск, выступающие на запад, – обеспечить единое развитие антияпонской борьбы во Внутреннем Китае и на Северо-Востоке и добиться, таким образом, нового подъема антияпонского движения в целом.

К тому времени 1-й корпус Южной Маньчжурии, 4-й и 5-й корпуса восточногиринского района, 3-й и 6-й корпуса Северной Маньчжурии и другие части объединенных антияпонских войск Северо-Востока Китая располагались к востоку, юго-востоку, северо-востоку от Чанчуня в виде полукруга. Стратегический замысел Коминтерна состоял в том, чтобы сдвинуть эту дугу в западное направление, создав окружение Чанчуня «в форме полумесяца», налететь на город, а затем добраться до рубежа Жэхэ; оттуда, соединившись с частями Рабоче-крестьянской красной армии, поднимающимися на север, нанести удар по захватническим войскам империалистической Японии, рвущимся во Внутренний Китай.

Осуществив план этого похода, Коминтерн, видимо, намеревался создать новую ситуацию, рассчитывая на то, что революция во Внутреннем Китае и на Северо-Востоке будет вестись как единый процесс.

Ко времени оккупации японскими империалистами трех провинций Северо-Востока Китая и создания ими марионеточного государства Маньчжоу-Го антияпонская борьба в Китае ограничивалась, главным образом, территорией Северо-Востока.

В ходе Великого похода в 25 тысяч *ли* была разгромлена левацко-оппортунистическая линия внутри КПК и утвердилась новая система руководства. После этого борьба китайского народа против японских захватчиков поднялась на новую, более высокую ступень своего развития. Мощный взлет антияпонского движения во Внутреннем Китае оказывал огромное вдохновляющее воздействие на жителей Северо-Востока Китая.

С оглашением плана Жэхэского похода земля Жэхэ снова стала местом

острого противоборства сил Китая и Японии. К ней было приковано внимание мировой общественности.

Жэхэ, расположенный близ залива Бохайвань, – центр провинции Жэхэ во времена Цинского Китая. Город был прочно связан с историей Маньчжурской династии Цин.

Эта связь, говорят, объясняется тем, что там находился отдельный дворец Цинской династии, построенный императором Канси, и что в этом дворце, называвшемся «дворец Гуанхань», родился известный император Цинской династии Цяньлун.

Местность Жэхэ была известна также своими природными неприступными крепостями, которые служили важнейшими военными опорными пунктами. К горной цепи, лежащей к юго-западу от Жэхэ, примыкали опорные пункты Великой китайской стены. Уже один этот факт как нельзя лучше показывает, какое огромное военное значение придавалось этой местности еще с далеких времен. И не без основания, видимо, Пак Чжи Вон, один из известных мыслителей-сирхакистов XIX века, написал довольно объемистые путевые заметки «Жэхэский дневник», посетив Китай в свите посланника, направленного феодальным правительством династии Ли. В этом дневнике живо представлены впечатляющие картины жэхэской земли и весьма содержательно повествуется о политике, экономике, культуре и обычаях в Китае.

Первым поводом к тому, что этот район привлек к себе внимание людей мира, стал захват Цзиньчжоу и Жэхэ японскими империалистами, пытавшимися тем самым после события 18 сентября открыть себе путь к вторжению во Внутренний Китай.

Переданный Коминтерном план похода на Жэхэ, можно сказать, получил самые разные отклики.

Ван Дэтай с самого начала скептически отнесся к нему. Он заявил: «План очень сомнительный. Приказывают нам, партизанским отрядам, в которых всего несколько тысяч человек, окружить столицу Маньчжоу-Го с ее плотно сосредоточенными вооруженными силами. Для этого предстоит покинуть прежние опорные базы в горах и двигаться на большое расстояние по равнинной местности. Это не соответствует требованиям тактики партизанской войны. Пусть во Внутреннем Китае Рабоче-крестьянская красная армия совершает восточный поход, но это не обязывает нас передвигаться на запад. Известно, что нападения на крупные города кончались неудачей. А нам велят повторить ошибку. Это надо хорошенько продумать».

Начало 30-х годов характеризовалось непрерывными скло-

ками между разными группами военачальников. Ли Лисань, стоявший в это время у руля ЦК КПК, преувеличивал лишь благоприятную сторону хода развития революционных ситуаций и навязывал принять авантюристическое решение о возможности «победы революции прежде всего в одной или в нескольких провинциях». Он призывал людей к всеобщей политической забастовке и вооруженному восстанию в ряде важнейших городов. Согласно принятым партийным руководством мерам Красная армия совершила нападение на несколько больших городов. Однако эти операции потерпели неудачу. Если учитывать и эти уроки, то вполне естественно, что некоторые люди выражали недовольство оперативным планом Коминтерна. До того времени большая часть коммунистов, действовавших в частях объединенных антияпонских войск, воспринимала как безусловно справедливое все то, что исходило от Коминтерна. Поэтому заслуживало внимания то, что даже в такой ситуации некоторые командиры отзывались о плане похода с явным неодобрением.

Однако Вэй Чжэнминь не желал прислушиваться к подобным мнениям. Ему было поручено передать директиву Коминтерна, и он отстаивал этот план. В предстоящем походе, говорил он, надо участвовать всем частям объединенных антияпонских войск, действующих в Южной, Восточной и Северной Маньчжурии. Он доказывал, что положение в стране очень благоприятно и что есть основание верить, что план не такой уж безнадежный. Такими доводами Вэй Чжэнминь легко отвергал другие мнения. Затем он пошел в уезд Цзиньчуань и там тоже сообщил военно-политическим кадрам 1-го корпуса Объединенной Северо-Восточной антияпонской армии план Коминтерна о походе на Жэхэ.

Как мне стало известно, Ян Цзинюй, приняв план, был глубоко взволнован. С самого начала он недвусмысленно выразил свое намерение точно выполнить директиву Коминтерна. Ведь он уже давно прилагал немалые усилия для установления связей с революцией во Внутреннем Китае. Такие связи были вполне

возможными, ибо опорная партизанская база Южной Маньчжурии находилась на не столь уж далеком расстоянии от Внутреннего Китая.

К тому времени Рабоче-крестьянская красная армия во Внутреннем Китае уже двинулась на север и начала поход на восток, стремясь таким образом добиться подъема антияпонского движения за спасение отечества в общекитайском масштабе. Ян Цзинюй попытался объединить свои силы с частями Авангардных антияпонских войск во Внутреннем Китае, передвигавшимися на восток, и прорвать блокаду противника, тем самым обеспечить прямую связь между партизанской войной против японских захватчиков на Северо-Востоке Китая и атияпонской войной во Внутреннем Китае и провести совместные операции. Каким Ян Цзинюй был активным сторонником плана Жэхэского похода, хорошо показывают факты: несмотря на то, что позднее эти попытки дважды, несомненно, потерпели поражение, он все-таки вновь повел войска в сторону Жэхэ и даже сочинил «Песню о победе западного похода», чтобы вдохновить бойцов на поход.

Левацкие авантюристы, засевшие в Коминтерне, и нам неоднократно давали директиву: идти на Жэхэ.

Впервые они потребовали этого от нас весной 1936 года, затем – летом 1937 года, когда разразилась китайско-японская война, и еще раз – весной 1938 года.

1936 и 1937 годы, когда Коминтерн требовал от нас идти на Жэхэ, были ознаменованы нарастанием активности КНРА. Выступив в районы гор Пэкту и Западного Цзяньдао, она, с одной стороны, форсировала подготовку к созданию партии и движение за создание единого фронта, а с другой – перебрасывала пламя вооруженной борьбы вглубь Кореи, демонстрируя свою возросшую мощь. Этот период был примечателен также тем, что корейские коммунисты как никогда твердо придерживались самостоятельной позиции – быть самим в ответе за революцию в своей стране – и прилагали все усилия для укрепле-

ния субъекта корейской революции. Перспектива революции была светлой, но дел у нас было буквально уйма.

Благодаря нашим усилиям в бассейнах реки Амнок и внутри Кореи революционные организации росли, как грибы после дождя, и в них объединялись тысячи, десятки тысяч революционеров. Перед КНРА стояла важная задача – оружием защитить эти организации, обеспечить деятельность революционеров и вызвать крутой подъем революции в Корее в целом, опираясь на базы в районах гор Пэкту и Западного Цзяньдао.

Именно в такое время нам навязывали план безнадежного похода на Жэхэ. Нетрудно понять, каким было у нас тогда настроение. Я с самого начала воспринял план Коминтерна как безрассудную затею.

В те дни мы, отстаивая нашу самобытную линию на корейскую революцию, вновь создали Пэктусанскую опорную базу и во взаимодействии со 2-й дивизией 1-го корпуса, возглавляемой Цао Гоанем, провели много жарких боев в районе Западного Цзяньдао. Активно проводили мы и крупные рейды на Родину. Наряду с этим мы, ликвидируя «военный вакуум» в некоторых зонах Южной Маньчжурии, где раньше был дислоцирован 1-й корпус, оказывали всевозможное содействие экспедиционным отрядам, передвигающимся в направлении Ляоси и Жэхэ. Другими словами, мы твердо придерживались своей самостоятельной линии – распространить поприще вооруженной борьбы в пределы Родины – и в то же время создавали благоприятную ситуацию для выполнения коминтерновской линии. Так сказать, как бы одним ударом убивали двух зайцев.

Когда южноманьчжурские вооруженные отряды неудержимо двигались в направлении Жэхэ и Ляоси, сам Вэй Чжэнминь, передавший директиву Коминтерна, не последовал за частями 1-го корпуса, а был в основном вместе с нами.

Безрассудство и нереальность военных операций по плану похода на Жэхэ все более очевидными становились сразу после вспышки китайско-японской войны. Как прежде, и в то время

Коминтерн так и не мог освободиться от радужной мечты об «окружении в форме полумесяца» и все время требовал от частей объединенных антияпонских войск идти в безнадежный поход на запад. Противоборство между Китаем и Японией переросло в тотальную войну, что привело к крутому подъему антияпонского движения. А судя по создавшемуся положению, как мне показалось, Коминтерн опять-таки считал, что наступил решающий момент для успеха «окружения в форме полумесяца».

В том году, когда разгорелась китайско-японская война, в Китае осуществилось второе по счету сотрудничество между компартией и Гоминьданом. Рабоче-крестьянская красная армия, руководимая компартией, была переформирована в 8-ю армию Национально-революционной армии и с приподнятым духом стремилась к наступлению на Суйюань, Чахаэр и Жэхэ.

Коминтерн спустил новую директиву в связи с походом на Жэхэ: главным силам КНРА передвинуться еще глубже в сторону Хайлуна, железной дороги Гирин – Хайлун, где раньше действовал 1-й корпус, и непосредственно участвовать в операции по дугообразному окружению Чанчуня, всемерно поддерживать боевые действия 1-го корпуса, выступающего в направлении Жэхэ. Если придерживаться этого плана, то мы должны были покинуть Пэктусанскую опорную базу – очаг корейской революции – и переместиться далеко на запад.

В тех условиях, когда весь китайский материк стал полем битвы, ставить вопрос о слиянии с наступающими к Жэхэ отрядами 8-й армии, честно говоря, было почти бессмысленным.

Другая причина того, что мы считали план похода на Жэхэ нереальным, состояла в том, что он не соответствовал требованиям партизанской войны. Покинуть горные районы и выйти в равнинные – для партизанских отрядов было опасным, рискованным делом, все равно что рыбе выскочить из воды и оказаться на суше. Что касается горных районов Восточной, Южной и Северной Маньчжурии, то они уже давно были освоены коммунистами: там прочна была опора в массах, нам были

хорошо знакомы их географические особенности. И еще одно: для того, чтобы отряды объединенных антияпонских войск двинулись до Жэхэ или Ляоси, оставив свои прежние районы действий, им пришлось бы проходить через обширные равнины с южноманьчжурской железной дорогой, где были сосредоточены на хорошо укрепленных позициях силы врага.

Представьте, что стало бы с партизанскими отрядами, располагающими только легким оружием, при столкновениях в этих открытых местностях с регулярными войсками противника, имеющими тяжелое вооружение, скажем, пушки и танки. Ясно как солнце, чем бы закончилась такая битва.

Для частей 8-й армии расстояние до Жэхэ было невелико: стоило только пройти Великую китайскую стену; однако объединенным антияпонским войскам, находящимся на Северо-Востоке, надо было преодолеть далекое расстояние в несколько тысяч *ли*.

Относительно слабым по силе партизанским отрядам идти столь далеко по равнинной местности, где во многих пунктах расположены скопления врага, в десятки, даже в сотни раз превосходящего в численном отношении, – это противоречило бы даже элементарным положениям военной науки.

О том, что поход на Жэхэ совершенно безрассуден с военно-стратегической точки зрения, я не раз говорил Вэй Чжэнминю.

Неужели так обязателен этот поход? В этом вопросе и у Вэя стали постепенно появляться сомнения. Тем не менее, он так и не мог отказаться от одного – от надежды, что в условиях китайско-японской войны удача похода, по его мнению, послужит поводом для подъема антияпонской борьбы в масштабе всего Китая и продемонстрирует стойкий антияпонский дух, настоящий патриотизм коммунистов, которые неизменно несут знамя «приоритет – антияпонской борьбе». Если этот поход завершится успехом, то создастся благоприятная ситуация и для того, чтобы подтолкнуть Чан Кайши на активное сопротивление империали-

стической Японии, – таков был его взгляд.

Я говорю ему: «Разумеется, нужны и подъем антияпонского движения во всем Китае, и демонстрация настоящего облика коммунистической партии, и направление Чан Кайши на путь активного сопротивления империалистической Японии. Но я считаю, что нельзя добиваться всего этого в ущерб революции на Северо-Востоке. Сколько за нее пролито крови народами, коммунистами обеих стран – Кореи и Китая!»

Вэй Чжэнминь все же не хотел оставить занятую им позицию. «С точки зрения военно-стратегической, – говорил он, – надо признаться, что план похода на Жэхэ имеет вполне определенные недостатки. Но, была не была, нельзя же отклонить его, даже не взявшись по-настоящему за дело. В походе, конечно, могут быть и невосполнимые утраты, и непредвиденный ущерб. Но без них ведь не свершаются великие дела».

Вэй Чжэнминь добавил, что и 5-й корпус Чжоу Баочжуна, и 4-й корпус, видя в возникновении китайско-японской войны удобный шанс для западного похода, с необычайной активностью приступают к исполнению директивы.

Это была правда. Как я узнал позже, Чжоу Баочжун, действовавший в восточногиринском районе, весьма оптимистически оценивал военно-политический климат на основной территории Китая и на Северо-Востоке, создавшийся после начала китайско-японской войны. Как мне передали, Чжоу уверенно утверждал: «Пробил час великих событий. Заодно с расширением, развитием этих событий нужно немедленно использовать все возможности для установления непосредственных связей с партизанами 8-й армии, быстро следующей на рубеж Жэхэ».

Однако не все в его части поддерживали поход на запад. Как стало известно, заместитель командира 5-го корпуса Чай Шижун, поняв безрассудство этого плана, уже с самого начала относился к нему скептически.

Вэй Чжэнминь заведомо понимал, что план похода на Жэхэ содержит элементы авантюризма, однако он все же поддерживал

его. В этом я видел своеобразное проявление его преданности делу китайской революции. Он был уроженцем Хуабэя, провинции Шаньси. Переехав в Маньчжурию еще в начале 30-х годов, он участвовал в революции на Северо-Востоке и стал одним из ее главных руководителей. Всю душу он вкладывал в партийную работу на Северо-Востоке Китая, в организацию объединенных антияпонских войск, добивался крупных успехов и в боевых операциях, громя японских империалистов. Его интерес, его привязанность к революции на Северо-Востоке были необыкновенно сильны.

Однако Вэй Чжэнминь не замыкался в рамках событий лишь в этом регионе. Революцию на Северо-Востоке он считал частью китайской революции и, придавая важное значение региональной революции, в то же время проявлял постоянный интерес к развитию китайской революции в целом. Он стоял на такой позиции: будь готов к любым жертвам, лишь бы способствовать подъему общекитайской революции.

И я сказал ему: «Я тоже понимаю ваше желание с успехом завершить поход на Жэхэ, несмотря на возможные жертвы. Но я не могу не задуматься над вопросами: точно ли учел Коминтерн при разработке плана этого похода обстановку на Северо-Востоке и требование китайской революции, или нет? Продуманно ли он рассчитал при этом военные возможности, или нет? И еще: соответствует ли предложенный им план особенностям партизанской войны, или нет? В этих указаниях, продиктованных Коминтерном, могу сказать, не только не хватает точного анализа реалий китайской революции, а в них совсем не приняты во внимание интересы корейской революции. Ван Мин действует в Коминтерне как представитель компартии Китая, но, кажется, он со своим субъективизмом дошел до крайности».

С тем, что Ван Мин человек, весьма склонный к субъективизму, согласился и Вэй Чжэнминь.

Хотя план похода на Жэхэ был передан в качестве директивы Коминтерна, его фактическим инициатором был именно Ван Мин.

Находясь в Москве, он непрерывно разрабатывал и навязывал линию, не соответствующую условиям Китая. Главнейший изъян его установок составляла левизна, протаскиваемая под благовидной вывеской «коминтерновской линии». Но после того как с возникновением китайско-японской войны было осуществлено сотрудничество компартии и Гоминьдана, его линия отклонилась вправо. Он начал настаивать на необходимости решать любые вопросы только через осуществление сотрудничества и единого фронта с Гоминьданом.

Товарищ Ким Ир Сен вспоминал о том, как обдуманно и гибко исполнял он директиву о Жэхэском походе в тесной увязке корейской революции с международной.

К тому времени мы еще не понимали всю глубину, сути оппортунистической линии Ван Мина. Но, даже понимая ее, мы не смогли бы прямо выступить против, открыто отказываться от ее исполнения. Ван Мин был не только членом Исполкома Коминтерна, но и его секретарем. Все разработанные им документы передавались от имени Коминтерна, а не от него лично.

Мною владела мысль, что план похода на Жэхэ не принесет пользы развитию революционного движения в районах Северо-Востока Китая и что этот план весьма односторонен, даже вреден и с точки зрения корейской революции. Тем не менее, я не мог не серьезно отнестись к его исполнению.

Между мной и Вэй Чжэнминем шли серьезные разговоры о направлениях действий подчиненных 1-му корпусу частей объединенных антияпонских войск и главных сил КНРА.

Вэй Чжэнминь выразил пожелание, чтобы наш отряд выступил в районы действия 1-го корпуса, то есть в районы Хайлуна, железной дороги Гирин – Хайлун. Удовлетворяя его требование, мы лишились бы возможности закрепить военно-политические успехи, достигнутые в районе гор Пэкту. И я предложил ему компромиссный проект: маневрируя некоторое время в районах Линьцзяна, Фусуна и Мэнцзяна, вести военно-политическую деятельность, направленную на форсирование корейской революции, а затем в подходящее время постепенно продвигаться и по предложенному направлению.

В то время в нашем отряде было много новичков из Западного

Цзяньдао и Кореи. Пока они не получили достаточную подготовку, было бы не очень желательно, чтобы наша часть оставила прежний театр действия и переместилась в незнакомое место. Я откровенно высказал это: «Нам необходимо сохранить и расширить созданные внутри Кореи революционные организации и еще более активизировать рейд на Родину. Именно это не позволяет нам выйти далеко за пределы Западного Цзяньдао и района гор Пэкту». Вэй Чжэнминь согласился со мной.

В тот период Ян Цзинюй, преодолевая неимоверные трудности, делал все, чтобы любой ценой совершить поход на Жэхэ, пользуясь необычайно быстрым подъемом антияпонских настроений в связи с началом китайско-японской войны.

Однако весной 1938 года части 1-го корпуса, едва выступив в поход, попали в окружение противника и были истощены в изнурительных боях. А тут еще произошло ЧП: командир 1-й дивизии Чэн Бинь капитулировал и вместе со своей частью перешел в стан врага, что вообще перевернуло план западного похода 1-го корпуса вверх дном.

В середине июля Ян Цзинюй созвал в Лаолине экстренное совещание военных кадров 1-го корпуса, на котором официально отменил план западного похода и одновременно принял необходимые меры по переформированию частей для предотвращения разглашения тайны своего корпуса.

Капитуляция Чэн Биня вызвала и у нас серьезные потрясения. 1-му корпусу грозила опасность разложения. Чтобы вывести его из беды, мы подготовили необходимые оружие и военные материалы и велели некоторым отрядам начать частичный переход на рубеж Тунхуа в обход уезда Мэнцзян, через уезды Цзиньчуань и Люхэ.

Эта передислокация была рассчитана на то, чтобы разобщить силы противника, окружившего части 1-го корпуса, и дать боевым друзьям возможность вырваться из вражеского кольца. Стремясь разобщить вражеские силы, мы, прежде чем думать об исполнении плана экспедиции, преследовали цель – спасти своих боевых друзей из 1-го корпуса, сохранить тем самым

антияпонские силы в районе Северо-Востока и укреплять боевую дружбу, завязавшуюся между коммунистами и народами обеих стран, Кореи и Китая, в ходе многолетней совместной борьбы.

Когда несколько наших отрядов, привлекая к себе внимание врагов, довольно шумно передвигались на рубеж Тунхуа, я, ведя с собой малый отряд, незаметно пробрался в глубь Кореи и предпринимал новые меры для дальнейшей активизации революционной борьбы в стране.

Наша главная часть громила врагов на многих направлениях. Одним из впечатляющих боев был налет на стройку дорог под Бадаоцзяном. Там находились крупные вооруженные силы противника – японские войска, марионеточная армия Маньчжоу-Го, вооруженная полиция, отряды самоохраны и другие. В ту пору враги, дислоцировавшиеся здесь, часто шли на карательные операции против отрядов КНРА, действовавших в районе Линьцзяна, заодно в широком масштабе вели прокладку железной дороги, военной автострады, соединяющей Канге и Чунган в Корее с внутренними районами Маньчжурии через Линьцзян.

Мы совершили налет на крупную стройку на рубеже Тунхуа – Линьцзян. В мгновение ока там возник переполох, и нами было уничтожено немало охранных сил.

После боя несколько японских подрядчиков, управлявших строительством, попросили о встрече со мной. На встрече они умоляли оставить их в живых, обещая дать за это нам много денег.

Я сказал им: «Вы сейчас управляете этой стройкой и уже этим помогаете Японии в совершении агрессии. Но у нас нет намерения поднять на вас руку. Вы говорите, что заплатите за сохранение жизни. Но таких денег революционная армия не берет. Так поступают конные грабители. Можете возвратиться к себе без оплаты жизни. Вот вам мой совет: прекратите участие в этой стройке. Хотите подрядного дела – пожалуйста, но только другого рода». Потом мы отпустили их.

После налета на стройку повсюду разлетелись вести о наших делах: мол, вышли к западу Линьцзяна партизаны Ким Ир Сена.

Кажется, эти японские подрядчики, вернувшись к себе, довольно широко популяризировали нас.

Мы продолжали бои – били врага в районах Бадаоцзяна, Вайчагоу, Личагоу. Вслед за тем дали бой в Сигане уезда Фусун, чтобы оттянуть на себя вражеские силы.

Наши гибкие тактические маневры заставляли противника бросать свои силы туда и сюда, так и не определив направления действий КНРА. Враги были в полной растерянности. Это означало удачу наших тактических маневров и ряда оперативных наступлений, нацеленных на вызволение из беды 1-го корпуса. Позднее и Ян Цзинюй и Вэй Чжэнминь не раз говорили, что наши выстрелы, прозвучавшие в районах Линьцзяна, Фусуна и Мэнцзяна, стали решающим фактором в изменении трудного положения 1-го корпуса к лучшему.

Отряды объединенных антияпонских войск Северной Маньчжурии понесли немалый ущерб в ходе западного похода. Несколько корпусов, действовавшие в Северной Маньчжурии, впервые вышли в экспедицию в июле 1937 года, а в 1938 году поход был в полном разгаре.

Однако поход из Северной Маньчжурии, как из Южной, в конце концов, закончился неудачей. Поход на Жэхэ, порождавший несколько лет сумятицу в революции на Северо-Востоке и неизбежно толкавший в безрассудные бои с тяжелыми жертвами, пришел к финишу в Южной Маньчжурии в 1938 году, а в Северной – в 1939 году.

В чем причина неудачи похода на Жэхэ, потребовавшего столь огромных затрат энергии, людских и материальных ресурсов?

Многие исследователи видят ее в объективных условиях – в установлении режима правления Японии и Маньчжоу-Го, в подавляющем перевесе сил противника. Думаю, этот анализ правильный.

К тому времени враги еще более ужесточили политику коллективных поселений, что наглухо перекрывало каналы связи

между партизанами и населением, как шумели японцы об «отрыве народа от бандитов». Эта политика вела к дальнейшему укреплению режима японо-маньчжоугоского правления и вместе с тем создавала целый ряд серьезных трудностей для антияпонских вооруженных отрядов. Вследствие этого поход совершался в условиях почти полного нарушения связей с жителями и перекрытия каналов снабжения продовольствием. При всем желании жители коллективных поселений были почти полностью лишены возможности связаться с экспедиционными отрядами. Нечего было даже думать о посылке материалов в помощь партизанам. Такая ситуация вынуждала эти отряды бросаться в бой, чтобы обеспечить себя продовольствием, тканями и другими видами хозяйственных материалов. Раздавались выстрелы – и враги тем самым то и дело получали информацию о стратегических направлениях перемещения экспедиционных отрядов.

К тому же на каждом шагу пути им приходилось преодолевать различные препятствия: глубокие ущелья, высокие форты, укрепленная линия оцепления и казармы противника.

Но можно ли причину неудачи экспедиции видеть только в объективных условиях? Как всем известно, субъект этого похода – части объединенных антияпонских войск на Северо-Востоке Китая. И Коминтерн, навязавший поход на Жэхэ как свою линию, можно считать в широком смысле субъектом этой экспедиции. По моему личному мнению, Коминтерн допустил субъективистские ошибки в разработке своей линии и руководстве, а части объединенных антияпонских войск практически слепо исполняли ее. Можно сказать, что именно субъективизм Коминтерна и авантюризм его расчетов стали, в конечном счете, основным фактором поражения экспедиции.

От линии, не воспринимаемой массами и не трогающей струны их сердец, нельзя ждать хороших результатов.

Всякий раз при разработке какой-то политики и линии мы идем в гущу народа, прислушиваемся к его голосу – как раз для

того, чтобы застраховать себя от субъективизма.

Впадешь в субъективизм – станешь слепцом и с открытыми глазами. Сейчас некоторые люди настаивают на своем как на самодовлеющем, а мнениями подчиненных пренебрегают. Это, я бы сказал, большая ошибка. Чжугэ Лян, безусловно, известный талант, но умнее, мудрее его – народные массы.

Линия и стратегия возымеют действие лишь тогда, когда всем будет убедительно разъяснена их правота. Не понятые массами линия и стратегия попросту лишены смысла. Народные массы, как правило, отдают свои сердца лишь ради справедливой, точной и ясной линии. Излишне и доказывать это, когда речь идет о военной операции, в которой не должно быть ни малейшего отклонения.

Безрассудство похода на Жэхэ отмечали и противники:

«... Наблюдалась такая тенденция: они легкомысленно думали, будто объективная ситуация после событий благоприятствует их партизанским действиям, и дерзновенно попытались присоединиться к наступающим на Жэхэ войскам из Хуабэя, перемещаясь с осени позапрошлого года (1938) по весну прошлого на Дунбяньдао... в районы Цзиньчуаня, Люхэ, Линьцзяна. Но, наткнувшись вскоре на карательные операции японо-маньчжоугоских войск и полицейских, опять повернули на север, намереваясь создать красный район, главным образом, в белой зоне у подножия горы Пэкту, т. е. в районах уездов Хуадянь, Мэнцзян, Дуньхуа, Цзяохэ, Фусун, Аньту и других» (месячник «Сисо гэппо» № 77. Уголовное управление Министерства юстиции. Ноябрь 15-го года сёва (1940 г.), стр. 136 – 137).

Среди директив Коминтерна были такие, которые не соответствовали реальности. Тем не менее, каждый раз мы относились к ним с большой серьезностью, старались обдуманно строить свои планы и гибко регулировать действия, чтобы выполнять коминтерновские директивы в тесной увязке с конкретной действительностью нашей революции и разумно сочетать интернациональные и национальные интересы.

Чем больше препятствий на пути революции, чем сложнее ситуация, тем тверже надо придерживаться своих собственных позиций и последовательнее осуществлять самостоятельный

курс – таков наш неизменный принцип. Как в отношениях с Коминтерном, так и в отношениях с большими странами вокруг нас, мы всегда исходили из необходимости правильно сочетать самостоятельность и интернационализм.

И можно сказать, что до сих пор мы смогли, избегая зигзагов, вести революцию по прямому пути победы именно благодаря таким нашим установкам.

И сегодня я думаю, что мы были правы в своем отношении к походу на Жэхэ: наши позиции были правильны, а поступки справедливы.

Осенью 1970 года я нанес неофициальный визит в Китай. Тогда китайская сторона устроила в Пекине прием по случаю годовщины основания нашей партии. В нем участвовал и деятель, работавший в Коминтерне вместе с Ван Мином.

Я рассказал китайским руководящим кадрам о том, какие глубокие перипетии суждено было пережить в прошлом корейской революции под нажимом окружающих нас сил, какие тяжкие муки корейские коммунисты – больше, чем кто-либо другой, – вынуждены были вынести в этом процессе. Напомнил еще, что огромное множество корейских революционеров погибло, став жертвами антиминсэндановской борьбы, и что, в частности, во второй половине 30-х годов некоторые из тех, кто восседал в Коминтерне, навязывали нам не соответствующую конкретным условиям линию, что причинило огромный ущерб укреплению КНРА и дальнейшему развитию антияпонской революции в целом.

Когда я упоминал об этом, Чжоу Эньлай сказал, что вся ответственность за это ложится на Ван Мина и что он, в конце концов, не только причинил серьезный урон китайской революции, но и создавал большие препятствия на пути развития корейской революции.

То, что Коминтерн допустил много субъективистских ошибок, признал и Сталин.

Если бы Коминтерн не навязывал поход на Жэхэ, то мы не

покинули бы Западное Цзяньдао, а если бы не покинули Западное Цзяньдао, то во время возникновения «Хесанского дела» мы могли бы своевременно справиться с создавшимся положением и максимально уменьшить потери. Если бы в Западном Цзяньдао по-прежнему оставалась наша главная часть, враги не смели бы протянуть свои щупальца к нашим революционным организациям, как бы того ни желали. Даже в случае, когда эти организации обнаруживали и громили, избежавшие ареста могли бы уйти в горы, вступить в отряд и остались бы целы. На самом деле, и Пак Дар, будучи не арестованным, бежал в горы, но был схвачен – потому, что не имел возможности своевременно связаться с нами.

Много воды утекло с тех пор, как состоялся поход на Жэхэ. Теперь я с новым смыслом вспоминаю о том походе вовсе не для того, чтобы рассуждать, где правда, а где неправда. Рассуждай не рассуждай – жаловаться некому. Теперь нет ни Коминтерна, ни чьей-либо дирижерской палочки. Однако я считаю, что коммунистам надо извлечь серьезный урок из практики похода на Жэхэ, потерпевшего поражение из-за субъективизма одних и слепого подчинения других.

История не преподносит прекрасные подарки тем, кто игнорирует логику революции и проявляет субъективизм, – таков закон.

6. Встреча с Ян Цзинюем

С первых же дней начала антияпонской революции великий вождь товарищ Ким Ир Сен уделял серьезное внимание совместной борьбе с китайским народом и укреплению интернациональных уз с китайскими коммунистами. Он прилагал большие усилия для создания совместного антиимпериалистического фронта с патриотическими силами широких слоев населения Китая. В ходе этой работы у него сложились прочные дружеские отношения со многими руководителями, революционерами, военными кадрами Китая.

Ян Цзинюй, известный военачальник Объединенной антияпонской армии на Северо-Востоке Китая, был одним из видных китайских революционеров, с которыми товарищ Ким Ир Сен делил горе и радость в дни совместного сопротивления империалистической Японии. Воспоминания вождя о Ян Цзинюе пронизывает пламенное чувство дружбы и любви к народу и коммунистам Китая.

Ян Цзинюй вместе с Ли Хон Гваном и Ли Дон Гваном внес большой вклад в создание и развитие Южноманьчжурского партизанского отряда. На основе этого отряда был позднее создан 1-й корпус Объединенной антияпонской армии и командиром его стал Ян Цзинюй.

В ходе антияпонской вооруженной борьбы мы придавали исключительно большое значение совместной деятельности народов двух стран – Кореи и Китая, постоянно прилагали настойчивые усилия для проведения совместных операций и налаживания взаимодействия со всеми частями объединенных антияпонских войск. Это полностью отвечало интересам совместной борьбы народов Кореи и Китая. Поэтому мы два раза совершили поход в Северную Маньчжурию, осуществили совместные операции с частями 2-й дивизии 1-го корпуса, возглавлявшейся Цао Гоанем, постоянно расширяли связи с южноманьчжурскими частями.

Южноманьчжурские отряды предлагали нам направить к ним много наших кадров. И по их просьбам мы отправляли к ним

немало наших военных и политических работников, подготовке которых мы уделяли большое внимание.

В ходе этого крепче становились узы между нами и южноманьчжурскими коммунистами, укреплялись и товарищеские, дружественные отношения с военными и политическими кадрами Южной Маньчжурии. Ян Цзинюй, пользуясь разными каналами, выражал нам благодарность за нашу добрую помощь южноманьчжурским отрядам, и я тоже часто посылал ему с оказиями приветы, осведомлялся о его здоровье. Таким образом, в ходе совместной борьбы постоянно углублялась дружба между мной и Ян Цзинюем.

Первое знакомство с ним состоялось осенью 1938 года, когда в Наньпайцзы проходило совещание военных и политических кадров КНРА и Объединенной Северо-Восточной антияпонской армии. Наньпайцзы – это очень знаменательное место.

Поедешь в уезд Мэнцзян, увидишь обширные лесные массивы, которые называют Пайцзы.

Леса там буквально дремучие, с исключительным множеством болотных трясин – такова характерная черта Пайцзы.

Болотными трясинами антияпонские партизаны называли места со стоячей грязью в лесу. В них густо стояли остатки болотных растений, сорные травы. Ни в коем случае нельзя неосторожно ступить туда, – в мгновение ока трясина тебя поглотит! Говорят, даже неизвестно, каковы их глубины.

И сейчас на лугу направо от Монумента в честь победы в бою в районе Мусана есть участок, где таятся подобные болота.

Обширные лесные массивы Пайцзы называли по-разному – по их направлениям: Дунпайцзы (Восточный Пайцзы), Сипайцы (Западный Пайцзы) и Наньпайцзы (Южный Пайцзы). В окрестностях Дунпайцзы мы проводили зимой 1937 года военно-политические занятия, а в Наньпайцзы вместе с Ян Цзинюем и другими командирами Объединенной Северо-Восточной антияпонской армии проводили важное совещание – обсуждали меры по ликвидации последствий похода на Жэхэ.

Наньпайцзы, отличающийся множеством болотных трясин, в одно мгновение затягивавших человека вместе с конем, и крутым рельефом местности, был самым подходящим местом, где могли незаметно собираться войсковые отряды, где можно было спокойно вести и любые совещания. Совещание в Наньпайцзы называют также Мэнцзянским – потому, что Наньпайцзы входит в составную часть уезда Мэнцзян.

В период до и после совещания в Наньпайцзы для нашей революции создавалась крайне трудная, сложная ситуация. Она была вызвана, во-первых, наступлением врага, пытавшегося задушить нашу революцию, во-вторых, – левацко-авантюристическими действиями некоторых лиц из Коминтерна.

В те годы агрессивные войска Японии направляли острие своих атак на южные районы Китая и одновременно с этим под предлогом обеспечения безопасности своего тыла еще более ужесточали карательные операции против частей Объединенной Северо-Восточной антияпонской армии. Контрреволюционное наступление противника серьезно сдерживало нашу вооруженную борьбу и развитие антияпонской революции в целом.

Тяжелы были и последствия похода на Жэхэ, навязанного левацким авантюризмом. Директива Коминтерна была безрассудной, не соответствующей конкретным условиям, как показывали результаты этого похода. Было очевидно, что из-за этого антияпонская революция понесла серьезный урон. И было естественно, что следовало уяснить, где правда и где неправда, чтобы ликвидировать последствия того похода. Это стало общепризнанным злободневным вопросом.

Для того чтобы выйти из трудной ситуации, возникшей на пути революции, нужно было немедленно выработать и осуществить новые тактические меры против наступления врага, а заодно практические шаги для преодоления тяжких последствий, причиненных левацким авантюризмом. Как раз для этого отряды КНРА и части 1-го корпуса объединенных антияпонских войск решили собраться в Наньпайцзы.

Тогда я с нетерпением ждал Ян Цзинюя. Ведь именно он понес самые большие потери в походе на Жэхэ, претерпел немало мук и на пути к Мэнцзяну. Говорили, что и Ян Цзинюй тоже очень ждал встречи с нами.

Мы заранее отправили проводников для отряда Ян Цзинюя, создали благоприятные условия для ночлега и питания и даже подготовили обмундирование для его бойцов.

Встреча между мной и Ян Цзинюем была буквально волнующей, поскольку она состоялась после общего тяжкого лихолетья.

С первого же взгляда привлекли меня большие живые и горящие глаза Ян Цзинюя. Народная мудрость гласит: «Если человек стоит тысяча *нян*, то глаза – 800 *нян*». По его глазам я сразу заметил, что он – искренний и пламенный мужчина.

Мы накоротке побеседовали у костра. Немного отогревшись, Ян Цзинюй неожиданно заговорил о корейцах в 1-м корпусе. «В 1-м корпусе, – говорил он, – много находилось корейцев, все они были отважными вояками. Но, к сожалению, не всем удалось добраться сюда. Потеряли бесценных товарищей». Об этих жертвах Ян Цзинюй не раз выражал глубокое сожаление.

О потере корейских товарищей он вспоминал с такой острой болью в душе, что мне невольно приходилось успокаивать его.

Судьба прочно впрягла нас с Ян Цзинюем в одну нелегкую телегу – совместную борьбу против японских империалистов.

В первой половине 30-х годов нашего века в Южной Маньчжурии главнокомандующий Ляонинской добровольческой армией спасения отечества, бывшей Армией Дадаохуэй (Союз Больших Мечей), Ван Фэнгэ вместе с Ян Цзинюем прославлялись как герои. Они, прочесывая районы Дунбяньдао, много воевали и немало проливали крови.

Как только мы заняли район Западного Цзяньдао, противник стал ставить нас с Ян Цзинюем и Ван Фэнгэ на одну доску. А после того, как Ван Фэнгэ и его жена погибли от рук врагов, их внимание было приковано к нам и Ян Цзинюю. КНРА, которую

враги называли и «армией Ким Ир Сена», и отряд Ян Цзинюя представляли собой в Восточной и Южной Маньчжурии две крупные вооруженные единицы, подавляющие силой оружия японских империалистов. Если перелистать совершенно секретные материалы противной стороны, то можно увидеть много мест, где мое имя стоит рядом с именем Ян Цзинюя. То же и в газетах и журналах того времени.

Какой-то японский специалист по Ян Цзинюю, когда он писал о Гирине, не преминул вспомнить об «улице, где молодой Ким Ир Сен развертывал антияпонскую деятельность и был заключен в тюрьму», и об «улице, где Ян Цзинюй останавливался перед уходом в партизанский район». А в другой статье, иллюстрированной картой Маньчжурии, когда там активизировалось антияпонское движение, был дан такой комментарий к карте: «Южно-маньчжурский район, где Ян Цзинюй и Ким Ир Сен развертывали антияпонскую партизанскую войну».

В заметках о смерти Ян Цзинюя говорится, что он широко известен в Японии как один из крупных после Ким Ир Сена руководителей антияпонских партизанских отрядов.

Ниже следуют дополнительные материалы того времени.

«Ким Ир Сен, будучи чисто коммунистическим партизаном, является менее чем тридцатилетним юношей, но... базируясь на т. н. свободных от карательных операций районах, таких, как Линьцзян, Фусун, Мэнцзян, Чанбай и др., он имеет в настоящее время в своем подчинении, вероятно, около 500 человек. Ныне его отряд представляет собой самую мощную в Дунбяньдао концентрированную силу» («Тесинь», май 1937 г., стр. 106).

Закончив беседу, я проводил Ян Цзинюя и его бойцов на ночлег, устроенный нами. Увидев приведенные в полный порядок палатки, боевые друзья из 1-го корпуса не скрывали своего восхищения. Они сначала даже не поверили, что эти палатки предназначены специально для них.

Когда мы проводили Ян Цзинюя в палатку, отведенную для комсостава 1-го корпуса, он просто не мог скрыть удивления.

Он говорил: «Сам много слыхал, что отряд Командующего Кима весьма гостеприимный. Но, честное слово, мне и во сне не снилось, что здесь, в глухомани, нам будет оказано такое радушное гостеприимство. Ведь какая особенная эта нынешняя

зима!» Ян Цзинюй стеснялся войти в палатку. Я предложил ему занять палатку и отдохнуть, снять накопившуюся за несколько месяцев усталость, хорошенько отоспаться. Но он все же отказывался входить. «Не к лицу мне отдыхать, чтобы снять усталость, – сказал он. – Ведь я еще не успел поздороваться с бойцами вашего отряда». Слушая его, я думал, что командующий Ян необыкновенный человек. Из соседних частей бывало у нас много гостей, но почти не было таких, как Ян Цзинюй, который спешил познакомиться с нашими бойцами, прежде чем оставить в палатке путевое снаряжение.

Впервые его представил мне Тун Чанжун. Тун Чанжун вел партийную работу в Даляне. Тогда он, видать, и узнал сперва по рассказам о Ян Цзинюе, которого фушуньские шахтеры уважали, как родного старшего брата.

Им очень гордился и командир 2-й дивизии Цао Гоань, побывавший вместе со своей частью в нашем тайном лагере.

Когда Ян Цзинюй был назначен секретарем особой ячейки фушуньской парторганизации, он заменил свое настоящее имя, Ма Шандэ, на Чжан Гуани, чтобы замаскироваться, пошел в гущу рабочих, представившись пришельцем из Шаньдуна, приехавшим устроиться на работу. Чтобы прочно осесть в Фушуне, где проживало много шаньдунцев, благоприятнее всего было выдавать себя за шаньдунца.

Однажды на Фушуньской шахте, насколько мне известно, шахтеры планировали устроить забастовку в знак протеста против японцев – хозяев шахт. Нужно было немедленно организовать ее. Но на шахте в то время не было такого человека, который выступал бы в защиту прав и интересов рабочих. И тогда шахтеры выдвинули своим руководителем принципиального, убежденного Ян Цзинюя. Он по своему убеждению решительно возглавил забастовку, но, к сожалению, был арестован полицией.

Его приволокли в полицию, но он предъявил все, что следовало предъявить для защиты прав и интересов рабочих, и

потребовал все, чего нужно было потребовать. Он ни на йоту не поддавался ни пыткам, ни угрозам. К счастью, подпольной организации вместе с шахтерами удалось вырвать Ян Цзинюя из лап врагов.

По желанию Ян Цзинюя я проводил его в тайный лагерь к нашему отряду. Наш тайный лагерь находился по соседству с тайным лагерем, предназначенным для 1-го корпуса, их отделял друг от друга гребень горного хребта. Получив мой приказ, весь отряд выстроился перед лагерем.

Командующий Ян Цзинюй сквозь слезы говорил: «За это время мы предпринимали поход на Жэхэ. Все понесли большие потери. Но у вас, вижу, сохранился полный состав сил. Это благодаря тому, что Командующий Ким твердо стоял на своем и умело возглавлял часть. А я потерял почти всех солдат. Как вспомню о них, не могу сдержать слез. Видано ли, как они страдали от постоянного недоедания, от нехватки одежды, от бессонницы! Несмотря на это, они наступали на Жэхэ и пали на полпути. Если бы мне удалось прибыть сюда вместе с ними, то как я был бы рад и горд!»

Я был просто тронут видом Ян Цзинюя, который прослезился, вспоминая своих павших солдат. Это был человек, полный любви к своим подчиненным.

В честь Ян Цзинюя, которому пришлось вынести в боевом пути много горя, я устроил скромный, если можно так сказать, банкет: на столе лежала сушеная закуска и стояла выпивка – по одной-две рюмочки на человека. Он снял с бедра маузер и боевую сумку и сказал: «Давно не развязывал на себе пояс».

Вместе с Ян Цзинюем прибыл в Наньпайцзы и Со Чхор. Увидев его, Со Чхор тихонько прошептал мне на ухо: «Это же против правил. Командующий Ян является перед всеми, аккуратно одевшись в военную форму. Он всегда старается вести себя как воин. А сегодня он нарушил все нормы ритуала».

Это было первое знакомство с Ян Цзинюем. В тот день он говорил со мной о многом.

Я просто удивился, узнав, что одно время он изучал в индустриальном училище текстильную набивку. Не интересен ли сам факт, что будущий командующий Объединенной антияпонской армии осваивал текстильную набивку! По его словам, он избрал эту специальность из желания изготавливать одежду из красивой ткани для китайских соотечественников, которые из поколения в поколение жили раздетыми и голодными. В этом, думаю, выражалось его классовое самосознание.

Решимость вести революционную борьбу за народные массы, которые подвергаются эксплуатации и угнетению, рождается именно на почве такого классового сознания.

Еще в ученические годы, когда Ян Цзинюю было чуть больше 10 лет, он, говорят, выступал против несправедливых просветительских мероприятий школьной администрации. Уже по одному этому факту можно судить, что он был наделен с ранних лет необыкновенной принципиальностью и глубоким чувством справедливости.

Вообще Ян Цзинюй – уроженец не Северо-Востока, он родом из провинции Хэнань. Однако по поручению компартии он переехал на Северо-Восток, здесь вел и подпольную партийную работу, и вооруженную борьбу.

Вначале он работал в особой ячейке фушуньской организации КПК, а позже занимался подпольной партийной деятельностью в Харбине.

Осенью 1932 года, когда вспыхнули маньчжурские события и когда один за другим рождались антияпонские вооруженные отряды в разных районах Северо-Востока, маньчжурская организация КПК послала Ян Цзинюя в Южную Маньчжурию с заданием совершить инспекцию. Посылка его в Южную Маньчжурию была связана и с особенностями состава Южноманьчжурского партизанского отряда.

Большинство населения Южной Маньчжурии составляли китайцы. Однако Южноманьчжурский партизанский отряд, организованный в Паньши, вначале состоял только из корейцев.

Организаторы отряда Ли Хон Гван и Ли Дон Гван и все подчиненные им бойцы были корейцами. Из-за этого отряд в первую пору переживал большие трудности. В краю, где преобладали племена хань и маньчжуры, партизанскому отряду, созданному лишь из корейцев, нелегко было пользоваться поддержкой со стороны широких масс жителей, трудно было и пополнять себя новым людским резервом.

Среди людей, посланных в Южноманьчжурский партизанский отряд, был и Со Чхор, который вел комсомольскую работу в Харбине, имея связь с нами. Со Чхор был корейцем, но ему поручили выдавать себя за китайца, и он был послан туда в качестве шефа-военврача. В Южной Маньчжурии он имел право открыть себя лишь перед Ли Хон Гваном и Ли Дон Гваном, а перед другими представать только в образе китайца – таково было распоряжение организации.

Со Чхор, сын бедного крестьянина, занимавшегося подсечным земледелием, был молодым интеллигентом. Он окончил медицинское училище в Харбине, зарабатывая сам на учебу. Он отлично владел китайским языком, знал житейские обычаи китайцев, так как сызмальства жил среди них.

Если проследить процесс вступления Со Чхора в революционные ряды, то в нем можно увидеть много интересных эпизодов. Приведу один из них.

Говорят, это случилось во время его учебы в начальной школе. Однажды Со Чхор целый день пас вола на лугу. А когда он возвращался домой, то довелось ему отведать полицейских розог. Со Чхор ехал домой верхом на воле. Полицейские ни с того ни с сего придрались к нему и учинили сущий произвол: без всяких к тому причин стянули его с вола, пинали ногами. Кричали: «Почему, когда идут господа полицейские, ты, надменный, едешь верхом, даже не здороваясь!»

Со Чхор, хотя позднее он стал членом Политбюро ЦК партии одной страны, тогда, не смея вымолвить ни слова, был избит полицейскими. Из-за этого, без вины виноватый, он страдал

несколько месяцев. С тех пор он возненавидел полицейских, как ненавидел и другое отребье – помещиков и чиновников, действовавших в одной своре с ними.

Со Чхор уже давно привык, как говорится, к «климату» Китая. В его плоть и кровь вошли житейские обычаи Северо-Востока Китая. Поэтому он был подходящим человеком, чтобы вполне сойти за китайца и помочь Южноманьчжурскому партизанскому отряду выйти из трудного положения.

Оправдывая доверие организации, он как нельзя лучше играл роль китайского военного врача. Он очень хорошо содействовал повышению авторитета Паньшиского партизанского отряда, улучшению отношений между населением и армией.

Когда Ян Цзинюй пришел в Наньпайцзы, его сопровождало незначительное число солдат. При мысли о потерях во время Жэхэского похода, говорил он, сердце разрывается на части.

Отряд Ян Цзинюя не только пролил много крови во время похода на Жэхэ, но и переживал все и всякие трудности и лишения в дни похода из Цзианя в Мэнцзян. Противник, используя самолеты, пушки и иное тяжелое оружие, преследовал его отряд по пятам, не давая передышки. Был случай, когда отряду пришлось вести неравный бой в окружении врагов. С неба налетали самолеты, впереди Чэн Бинь орал, требуя сложить оружие, со всех сторон бабахали пушки, кольцо окружения сжималось. Как мне позднее передали, положение оказалось критическим – не было видно возможности вырваться из кольца. Говоря, что корейские бойцы 1-го корпуса особенно смело сражались, Ян Цзинюй не скупился на похвалы в адрес полка Пак Сон Бона и роты Пак Сон Чхора, которые отличились в самом тяжелом бою под Вайчагоу. Он сам решил пойти в последний, решительный бой.

Решающую роль в бою за прорыв в Вайчагоу сыграла рота, возглавляемая Пак Сон Чхором. Ударники из его роты сражались самоотверженно и буквально грудью пробили путь к прорыву. Большая заслуга в спасении отряда Ян Цзинюя принадлежит Пак Сон Чхору.

Ян Цзинюй говорил: «Если бы тогда не было корейцев в нашем отряде, то мы не смогли бы вырваться из окружения врагов в Вайчагоу, были бы наголову разбиты. Если бы коммунисты двух стран – Китая и Кореи, не создав объединенные антияпонские войска, действовали отдельно друг от друга, то мне не удалось бы встретиться с вами здесь, в Наньпайцзы. Выражаю вам сердечную благодарность за направление к нам многих подготовленных вами кадров корейской национальности».

Совещание в Наньпайцзы длилось у нас более десяти дней, если я не ошибаюсь. На нем со всей остротой были проанализированы и раскритикованы левацко-авантюристическая сущность похода на Жэхэ и его пагубные последствия. Были всерьез обсуждены меры по ликвидации последствий похода.

На совещании были также рассмотрены и решены вопросы: о продвижении отрядов КНРА в пограничные районы, главным образом, в районы гор Пэкту в связи с крупномасштабным наступлением противника и активном развертывании военно-политической деятельности в этих районах; о восстановлении и приведении в порядок разрушенных организаций ЛВР и дальнейшей активизации массово-политической работы; о последовательном отстаивании самостоятельной позиции в революции.

На совещании мы сформировали армейскую группу из частей нашей Народно-революционной армии, назначили ее командный состав, распределили районы действий подразделений.

Историкам следовало бы точно изложить военно-политическое значение Наньпайцзыского совещания. Оно вместе с совещанием в Наньхутоу, можно сказать, сыграло большую роль в укреплении самостоятельности корейской революции и революции на Северо-Востоке Китая. Что такое самостоятельность в революции? Это значит вести революцию самостоятельно, на основе собственных суждений и убеждений, в соответствии с особенностями своей страны и ее реальными условиями.

Благодаря Наньпайцзыскому совещанию корейская революция сделала еще один крупный шаг вперед в качественном

отношении. Это совещание с новой энергией вдохновляло всех командиров и бойцов Народно-революционной армии. Наши бойцы вынесли такие испытания, как Трудный поход, отнюдь не одной только волей и выдержкой. Большую силу они черпали в самом духе совещания в Наньпайцзы. Эта сила на всем протяжении похода толкала меня и моих соратников только вперед и вперед.

Весной 1939 года на совещании в Бэйдадинцзы мы, вновь подтвердив курс совещания в Наньпайцзы, решили выступить на территорию Кореи. Если бы на Наньпайцзыском совещании мы не приняли решение по вопросу важной военно-политической линии, то в столь суровых условиях, когда враг порой окружал нас десяти- и двадцатикратно, нам не удалось бы продвинуться на Родину, преодолев чанбайские заснеженные перевалы и поля, и возвестить о своем появлении там выстрелами. Выстрелы КНРА, раздавшиеся в районе Мусана, – это было эхо совещаний в Наньпайцзы и Бэйдадинцзы.

В Наньпайцзы мы заново реорганизовали из бойцов нашего отряда комендантский полк для Ян Цзинюя и Вэй Чжэнминя, пополнили его многочисленными бойцами. Тогда вновь назначили командиров, дали Ян Цзинюю и ординарца. В ходе реорганизации этого полка еще более углубились дружба и братство между коммунистами двух стран – Кореи и Китая.

После Наньпайцзыского совещания все отряды отправились в назначенные им оперативные районы. Прощание с Ян Цзинюем произвело на меня такое же глубокое впечатление, как и встреча с ним. Мы от имени революционеров двух стран обещали друг другу во что бы то ни стало превратить беду в счастье и выйти победителями, чтобы встретиться снова.

Но, к большому несчастью, после этого мне не удалось уже больше увидеть Ян Цзинюя. Расставшись с нами, он развертывал активную военную деятельность в районах Хуадяня, Дуньхуа, Мэнцзяна, Хуенаня, Фусуна, Цзиньчуаня и так далее. Вследствие крупных карательных акций врага, проведенных под названием

«специальной операции по обеспечению безопасности и спокойствия в районах Юго-Востока», его часть вынуждена была преодолевать многочисленные трудности.

Самой тяжелой, говорили, была подготовка к зиме. Ради этого тоже нужно было вести бои. Ян Цзинюй решил противостоять крупным силам карателей, ведя рассредоточенные действия. Разумеется, нельзя считать такое его решение противоречащим принципу партизанской войны. Однако и теоретически верную тактику следует применять, сообразуясь с обстоятельствами. Иначе это может повлечь за собой беду. Боевая обстановка многообразна и переменчива.

Если действовать рассредоточенно небольшими отрядами, то это, конечно, поможет сравнительно легко оторваться, скользнуть из поля зрения врага. Ян Цзинюй, учитывая это, видимо, замышлял уничтожить врагов, умело сочетая «тактику мгновенного исчезновения» с «тактикой мгновенного появления», выбираясь из трудного положения, в котором оказался его отряд. Однако, когда новые боевые обстоятельства потребовали собрать распыленные силы в единый кулак, оказалось, что дело не заладилось так, как ему хотелось.

Если действовать, будучи окруженным крупными силами противника, только рассредоточенно, то нелегко отражать его натиск. А если не сможешь отражать противника, то, в конце концов, подвергнешься преследованию и попадешь в совершенно пассивное положение. И в случае, когда придется вести встречный бой с крупными силами противника, то неблагоприятной стороной, безусловно, окажется та, которая действует рассредоточенно. Разведав, что отряд Ян Цзинюя действует разрозненно небольшими группами, враги бросили на него более крупные силы, чем прежде, и проводили одну за другой яростные операции на окружение и уничтожение. А Ян Цзинюй сузил поле для своего маневра, остановился на зиму на одном месте, построив там тайный лагерь. И здесь ему уже было не избежать концентрированных ударов врагов-карателей.

Не удивительно ли, что в первом ряду этой операции стоял изменник Чэн Бинь, который был когда-то командиром дивизии под рукой Ян Цзинюя. В январе 1940 года Чэн Бинь, ставший командиром полицейского отряда провинции Тунхуа, столкнулся с главными силами отряда Ян Цзинюя в Сигане уезда Мэнцзян, между ними велась перестрелка в течение 6 часов. А в начале февраля Чэн Бинь вместе с другим полицейским батальоном вновь встретился с главными силами Ян Цзинюя.

В феврале 1940 года в лесу уезда Мэнцзян Ян Цзинюй погиб смертью героя в сражении с карателями. В момент, когда он вел последний, решительный бой, рядом с ним находились только бойцы его комендантского подразделения. Но они попали в окружение противника. Враги то и дело орали: «Сдай оружие!» Ян Цзинюй с маузерами в обеих руках вел неравный бой. В горячей перестрелке он пал на поле брани.

До конца охранял его Ли Дон Хва, ординарец, переданный нами в Наньпайцзы. Он разделил судьбу с Ян Цзинюем до последней минуты его жизни. Скорбную весть о гибели командующего Яна мы обнаружили на страницах газет. Это, вероятно, было сразу после боя в Дамалугоу. Разгромив врага, мы захватили газеты, на их страницах было помещено сообщение о его гибели. Прочитав об этом, я потерял аппетит.

Мы с ним различались и по происхождению, и по национальности, но тогда я, вспоминая встречу с Ян Цзинюем, незаметно от других проливал немало слез.

Враги отрезали голову командующего Яна и сфотографировали ее. Они разбрасывали с самолета эту фотографию повсеместно в Маньчжурии. Враги даже распороли его живот. Видимо, им захотелось узнать, как он, находясь в лесу, где нет ничего съестного, проявил такую сверхчеловеческую боевую волю. Насколько мне известно, в его желудке не оказалось ни крупинки настоящей пищи, – только переваренные сухие листья трав, их коренья и кора дерева.

В дни, когда мы с Ян Цзинюем обменивались дружескими

чувствами в Наньпайцзы, я потерял трех командиров – Ким Чжу Хена, Ким Тхэк Хвана и Ким Ен Гука, которых мы больше всех берегли и любили. Вот почему нам и не позабыть Наньпайцзы.

После освобождения Китая уезд Мэнцзян, где пал Ян Цзинюй, был переименован в уезд Цзинюй для увековечения его имени.

Когда в Китае состоялось открытие «Мемориального кладбища Цзинюя», построенного в городе Тунхуа для увековечения памяти пламенного революционера Ян Цзинюя, я послал туда венок.

После освобождения Китая один из руководителей КПК в своей статье, определяющей место антияпонской партизанской войны на Северо-Востоке Китая, писал: в более чем 20-летней истории КПК имели место три самых тяжелых сражения – во-первых, Великий поход в 25 тысяч ли, во-вторых, трехлетняя партизанская война Красной армии, остававшейся на юге после ухода главных сил Рабоче-крестьянской красной армии в Великий поход, в-третьих, 14-летняя трудная борьба Объединенной Северо-Восточной антияпонской армии.

Знамя героического сопротивления Объединенной Северо-Восточной антияпонской армии пропитано и кровью Ян Цзинюя, пламенного коммуниста, рожденного китайским народом. Наш народ будет вечно помнить славные боевые подвиги Ян Цзинюя, совершенные им в совместной борьбе против японских империалистов.

7. Бабушка Ли Бо Ик

Жизнь Ли Бо Ик занимает особое место в истории революционной деятельности семьи в Мангендэ. В этой семье родились, выросли уважаемый вождь товарищ Ким Ир Сен и великий руководитель товарищ Ким Чен Ир. Целую плеяду потомков бабушка проводила на путь революции. И после этого она со своим мужем Ким Бо Хеном заслоняли собой дом от всех свирепых ветров, проникающих сквозь плетеную калитку. Они вынесли многие тяготы и лишения. Следы ее многострадальной жизни запечатлены и на просторах заснеженных гор и полей на маньчжурской земле.

Товарищ Ким Ир Сен с болью в душе вспоминал о своей бабушке, которая всю жизнь помогала детям и внукам в революционной работе и тихо, скромно, без всякой громкой славы ушла в мир иной.

После начала войны с Китаем японские империалисты широко развернули против нас «операцию по содействию капитуляции». К ней они подключили многих, кого угодно: бывших друзей со школьной скамьи и преподавателей в годы моего ученичества, причастных к Союзу свержения империализма[6], и перевертышей тюремного покроя и родственников, других близких. И, наконец, их щупальца протянулись к Мангендэ – они силой взяли мою бабушку и повели ее в район гор Пэкту. Прочесывая леса, они подвергали ее всяким лишениям и мучениям. Такая гнусная операция, в которой в качестве приманки использовали мою родню, была последним козырем противника.

С седой старины Корея широко известна соседним странам как «страна высокой нравственности на Востоке». То, что представители корейской нации – люди приличные, сердобольные и глубоко верные родителям, единодушно признавали с давних времен и европейцы, побывавшие в нашей стране. Ученые царской России, объезжавшие Корею в последние годы Старой Кореи, вернувшись к себе, представили царю доклад, в

котором подчеркивалось, что Корея – первейшая страна по моральному уровню.

Враги привлекли мою бабушку к «операции по содействию капитуляции» для того, чтобы как-то повлиять на меня, спекулируя на моей верности деду и бабушке. У империалистических агрессоров нет ни тени человеческих чувств. Они не гнушались злоупотреблять, проводя свою разбойничью стратегию, даже прекрасными обычаями и нравами корейцев, их традиционными нормами этикета и морали. Вот один из примеров. Во второй половине прошлого века захватчики из Европы и Америки, движимые стремлением поставить на колени регента Тэвонгуна[7] и принудить его открыть двери в Корею, прибегли к грабежу усыпальницы его отца – Наменгуна.

Весть о том, что мою бабушку притащили в уезд Чанбай и держат под арестом в селении Цзяцзайшуй, я получил в тот момент, когда был со своим отрядом в районе Мэнцзяна.

Ночами бабушку держали под стражей, а как только занимался рассвет – каждый день таскали ее по горам, принуждая кричать как можно громче: «Сон Чжу, внучек милый, к тебе пришла твоя бабушка. Пожалей старушку, выйди из леса побыстрее!»

В те дни мне доставили записку из Цзяцзайшуя. Там сообщалось об объявлении, расклеенном врагами по многим селениям Чанбая. В нем говорилось: «Пришла в Цзяцзайшуй бабушка Ким Ир Сена. Ким Ир Сену надлежит немедленно сойти с горы и увидеться с ней».

Всякий раз, когда враги вступали в дремучие лесные массивы, где, по их мнению, может скрываться тайный партизанский лагерь, они доминали бабушку требованием: «Громко зови внука по имени». Но бабушка моя была не такая, чтобы покорно повиноваться подлецам. Естественно, за этим следовали ругань, оскорбления, всякий произвол. То тыкали стволом винтовки в спину бабушке, как уголовнице, то впрямую грозили смертью, то мягко уговаривали. Но все попытки были тщетны. Они, я бы

сказал, совсем не знали ее как человека. Они, наверное, предполагали: стоит разок-другой топнуть ногой и вытаращить глаза пострашнее – и эта деревенская старуха, испуганная, будет во всем послушна им. Чушь!

Члены подпольной организации из Цзяцзайшуя, испытывая большое сострадание к ней, просили меня направить отряд – провести операцию и выручить бабушку. А если положение не позволяет этого сделать, то члены подпольной организации, сообщили они, сами пойдут на то, чтобы вызволить бабушку из беды. И предложили мне: «Сами выбирайте один из двух вариантов».

Известием о том, в какое положение попала бабушка, я был сильно потрясен. Меня сотрясали судороги. В душе бушевал гнев, и я с большим трудом взял себя в руки. Подумать только, что 60-летнюю старую женщину принуждают в 40-градусный мороз тащиться по покрытым ледяной коркой склонам гор и глубоким сугробам. Разве можно совершить такую дикость, будучи человеком?

Чувство обиды властно толкало меня на месть: немедленно отправиться в путь со своим отрядом, чтобы потрепать врага и вернуться с бабушкой. Но все-таки приходилось сдерживать нахлынувшие эмоции, пересиливать свои порывы. Нужно было учитывать действительность: то было время, когда на волнах прокатившегося «Хесанского дела» революционные организации в Западном Цзяньдао и в Корее тяжело пострадали из-за суровых испытаний. Много сотен революционеров, истерзанных кровавыми пытками, томились за решеткой. А если я повернусь спиной к этой реальности и брошу людей в бой, лишь бы сберечь жизнь родной бабушки, то как после этого я смогу вести за собой революцию?

Организовав боевую операцию, мы, конечно, могли бы спасти бабушку. Но не исключена была, на худой конец, и возможность попасть на удочку врага.

Ким Пхен просил разрешения тут же отправиться хотя бы со

своим малым отрядом на спасение бабушки, но я с ним не согласился. Наоборот, уговорил его скорее пойти в назначенное ему место, чтобы предпринять какие-нибудь меры для спасения Пак Дара и других членов СНОК. У меня в душе глубоко запал его образ, когда он покидал нас, вытирая кулаком слезы.

Что греха таить, я тоже плакал, отправив его в путь. Вот ведь родная бабушка находится так близко – кажется, только рукой подать, а мне приходится сидеть сложа руки – мучила меня эта мысль. Раньше мы вступали в бои просто из-за нескольких мешков зерна или нескольких винтовок, без колебания вступали в схватки и для спасения одного-двух патриотов. А теперь, когда родная бабушка совсем недалеко, тем более, сидит под арестом, обиженная и оскорбленная, я должен был оставаться бездействующим. Трудно передать словами мои переживания. Я был вынужден заглушить неодолимое стремление спасти бабушку – вот в чем именно было мое необыкновенное горе, горе Командующего. Нелегко человеку побороть глубинные сугубо личные чувства.

Я, бывший в детстве особым любимцем бабушки, получив информацию подпольной организации из Цзяцзайшуя, совсем лишился душевного спокойствия. Мои тяжелые душевные терзания тех дней не поддаются описанию.

В детстве, потом в отрочестве бабушка занимала в моей жизни не менее важное место, чем мать. Из моего детства в Мангендэ одной из самых впечатляющих была картина, как торговцы тянучками с лотком на шее кричали: «Покупайте, берите тянучки!», расхаживая по селениям. Иногда к нам в село они заходили с ручной тележкой, загруженной тряпками и старыми галошами, полученными в обмен на тянучки. Лязгая ножницами с широкими лезвиями для разрезания тянучек, они зазывали покупателей. На их зов со всех сторон сбегалась малышня.

В то время и мне не терпелось отведать приятный вкус сладостей, и я невольно глотал слюну. Но вряд ли у нас дома нашелся хоть бы грош, или какое-нибудь старье – лохмотья или поношенная резиновая обувь. В те времена у нас в селе очень

немногие имели резиновую обувь. И члены моей семьи все ходили в соломенных лаптях – о резиновой обувке им не дано было даже мечтать.

Когда малыши селения облепляли торговца с его дощечкой или тележкой и гомонили вокруг него, один я не мог присоединиться к ватаге и оставался у себя дома на дворе, притворяясь, что либо задаю курам корм, либо увлекаюсь наблюдением за суетой муравьев возле глиняного чана соевой пасты, стоявшего на заднем дворе. Видя меня за такими занятиями, взрослые в моем доме не могли не догадываться, что творилось в моей душе.

Как-то моя бабушка вышла из дома с черпаком дорогостоящего риса и выменяла его на тянучки. Вернувшись с несколькими палочками тянучек, она передала их в мои ручонки. Хотя я был еще мал, но душа наполнилась чувством горячей благодарности к ней. Ведь семье жилось бедно, она еле сводила концы с концами, питаясь одной кашицей из грубого зерна. Нелегко было в таком положении менять рис на несколько тянучек.

И сейчас я будто бы вижу перед глазами тот незабываемый бабушкин черпак из высушенной тыквы-горлянки с рисом и тянучки.

Я не очень помню себя за спиной матери, но, как ни странно, свежо остается в моей памяти, как носили меня на спине бабушка и тетушка Хен Сир. Когда бабушка должна была сходить в свой родительский дом, она охотно брала меня с собой, причем всегда носила за спиной.

Мальчик 6 – 7-летнего возраста, можно сказать, уже начинает образумливаться. Обычно мальчик такого возраста уже стесняется ощущать себя малышом и не хочет передвигаться, пользуясь чьей-то спиной. А вот моя бабушка, придя в село Понхва, подставляла мне свою спину, желая прикинуть, как я, Чынсон (так звали товарища Ким Ир Сена в детстве, – ред.), подрос за это время. Ей было безразлично, стесняюсь ли я или нет. На ее спине было очень уютно, и я очень любил какой-то травный запах, исходящий от ее волос и кофточки. Это был запах,

свойственный бабушке-труженице, вся жизнь которой прошла в крестьянском труде.

Пока мы жили в Мангендэ, бабушке принадлежали особые права на меня. Мое детство чаще всего проходило у бабушки. Ее рука с шершавой кожей заменяла мне в детстве подушку. Подложив под голову такую ее руку, я незаметно для себя спокойно засыпал. Перед сном она, заключив меня в свои объятия, рассказывала чудесные сказки, поражая мое воображение, придавая крылья моим мечтам. Порой она потихоньку совала мне в рот ком пригорелого риса, взятый во время приготовления еды, или юубу. И такие «лакомства», как мне казалось, были особенно вкусными.

После того, как скончался мой отец, у бабушки любовь ко мне многократно усилилась. Порой казалось, что она видела единственную радость своей жизни во мне, в росте старшего в семье внука. Что, кроме этого, могло быть для нее удовольствием? Наслаждение яствами? Пышный наряд? Или же какая-нибудь другая роскошь, праздное времяпровождение с поездками по мирскому свету? Ничего подобного просто не было.

У нее в глубине души теплилась скромная, но стойкая мечта о независимости страны. С этим неослабевающим ожиданием желанной поры независимости Кореи она ухаживала за детьми, внуками, вставшими на борьбу за нее, поддерживала их чем могла. Вот в чем была ее самая большая забота и в то же время ее радость.

Ее любовь ко мне выражалась в большинстве случаев в надежде на меня и в доверии ко мне. 1926 год стал мне памятным смертью моего отца. Посетив летом того года его могилу, находившуюся в поселке Яндицунь в Фусуне, бабушка опустилась на колени перед могилой и горько запричитала. Потом, обернувшись ко мне, проговорила:

– Теперь, Чынсон мой милый, тебе придется нести отцовскую ношу. Продолжи дело отца и во что бы то ни стало верни потерянную Родину. Пусть мне и твоей матери останешься не внимательным внуком и сыном, но ты обязательно должен

отдать всего себя борьбе за независимость Кореи.

От этих ее слов я получил сильное потрясение. Если бы она тогда наказала мне разбогатеть или сделать блестящую карьеру, а не драться за независимость Кореи, то я не был бы так тронут.

Но у нее даже на уме такого и не было! Судя по всему, можно сказать, моя бабушка – человек очень высоких идеалов. Я черпал в ее словах огромную вдохновляющую силу.

Так бабушка просила меня совершить такое серьезное, ответственное дело, как достижение независимости страны, и в этом выразилось ее доверие ко мне.

Впоследствии бабушка, не возвращаясь в Мангендэ, некоторое время оставалась в Фусуне. А когда мы переселились в Аньту, она была там вместе с нами, утешая как могла мою мать и тетушку.

Если попытаться одним словом дать характеристику моей бабушке, то можно было бы сказать, что она женщина сильной воли. Действительно, она была обладательницей твердого характера, какой редко бывает среди женщин в ее возрасте. С бедными, несчастными, добропорядочными людьми она проявляла себя несказанно добродушно, нежно, а в отношении к варварам в человеческом обличьи была сурова, как зимний холод. Ни перед каким насилием, ни перед какой несправедливостью она не гнулась. Таким вот характером, темпераментом обладала моя бабушка.

Если бы она была малодушной и слабовольной, мне, потрясенному сообщением подпольной организации из Цзяцзайшуя, может быть, намного труднее было бы преодолеть столь тяжелые душевные переживания.

Я был уверен, что она поймет мое сердце и, как подобает бабушке революционера, стойко перенесет всякие мученические испытания, которые суждено было пережить заложнице. И я оказался сто раз прав, веря тогда своей бабушке.

Это было в то время, когда мы вместе с Ян Цзинюем и другими военными кадрами 1-го и 2-го корпусов собрались на важное совещание. Однажды к нам в тайный лагерь в

Наньпайцзы пришел мой соученик в годы учебы в училище «Хвасоньисук»[8] Пак Чха Сок, чтобы повидаться со мной. Он, как выяснилось, был послан с заданием заставить меня «добровольно капитулировать». Позднее пришел ко мне с тем же заданием Ли Чжон Рак. Пак Чха Сок честно признался в своих нечистых делах, выложил всю историю, как он, загоняя мою бабушку на чужбину, шатал по земле Западного Цзяньдао. Я узнал из его слов, что бабушка ничуть не согнулась перед врагами, вела себя так крепко, как я и представлял.

Мою бабушку использовали в своей операции как заложницу молодчики из «группы по содействию капитуляции». Ли Чжон Рак и Пак Чха Сок принадлежали к этой группе. Японские интриганы навязали им затею – вовлечь мою бабушку в их гнусную акцию.

Двое названных появились в Мангендэ и заявили моим дедушке и бабушке: «Не хотите ли, – говорили они, – повидаться с внуком? Если хотите, говорите откровенно. До сих пор ваш внук напрасно мучился и теперь сам себя заставляет быть обреченным. Хотите спасти его из беды – сделайте, как вам велят».

Тут моя бабушка высказала недоумение: «Что за чушь? Если человек умер, – все, ему конец. Ведь в газете появилось объявление о гибели моего внука, а вдруг – говорите, он жив. Слышать такой вздор не хочу!» И отвернулась от них.

Растерявшись, Ли Чжон Рак стал объяснять ситуацию: «То самое объявление – сплошная ложь. Сон Чжу не умер, он жив. И он продолжает движение за независимость, которому, однако, не суждено завершиться удачей. Он бесполезно мается в таежных дебрях. Видите, весь Восток превратился в мир японцев, а он, ни о чем не зная, забился в лесную глушь Пэкту. Питается сырым зерном, даже без соли, да сосновой хвоей. И тело его сплошь покрыто пухом, как у зверей, а ноги истерлись и огрубели, совсем не похож он на человека. Сон Чжу применяет тактику неуловимых, маневрирует очень проворно, сражаясь. Итак, трудно заставить его спуститься с горы. Знаете, что обещает

японское правительство? Лишь бы он пришел к ним, ему дадут любые высокие чины, чего только он хочет, – и начальника Квантунской армии, и командующего войсками в Корее и так далее. И семья его, безусловно, будет купаться в роскоши и жить в особняке наподобие дворца. Надо сделать так, чтобы Сон Чжу скорее вернулся. Кажется, вы, бабушка, в этом можете помочь больше всех».

Он выложил пачку денег в сотни вон и добавил: «Возьмите, пожалуйста, это, вам японцы дают предварительную сумму. Покупайте все, что нужно семье. Наймите и кухарку».

Мой дедушка был вне себя от ярости, выкинул на двор пачку денег, сурово отчитав посланцев: «Подлецы какие! Велите обменять жизнь родного внука на деньги?! Хватит чушь городить. Уходите вон, живо!»

И бабушка не оставалась в стороне. Она кричала: «Сколько ни обещай нашему Сон Чжу должностей, пусть даже более высоких, чем командира японских войск, я не пойду за ним – никогда! Мало вам того, что убили моих сыновей – Хен Чжика и Хен Гвона! От обиды сердце разрывается на части. Вон с моих глаз!»

Оба молодчика остались с носом. Им ничего не оставалось, как удалиться. Поняв, что ни словами, ни деньгами не подкупить людей из нашего рода, враги потащили бабушку под дулами винтовок в Маньчжурию. Собираясь в путь, она сказала: «Ну, ладно. Коль вы силою принуждаете меня с вами идти, так пожалуйста. Но не думайте, что я буду помогать вам. У меня своя мысль. Пойду полюбуюсь горами Пэкту и землей Маньчжурии, где воюет мой внучек. Посмотрим, кто посмеется последним».

Как видите, необыкновенно твердой была воля моей бабушки.

Агенты из «группы по содействию капитуляции» около года кружили вместе с бабушкой по горным местностям Западного Цзяньдао и заставили ее испытывать невероятные лишения. Нетрудно представить, как тяжело было женщине, которой перевалило за 60 лет.

Как-то Пак Чха Сок заметил, как у бабушки опухли ноги, и он

утешал ее: «Извините, бабушка, что мы заставляем вас, невинную, изнемогать. Так мы делаем, собственно, поневоле, и нам тоже тяжело. Так что о ваших муках говорить не приходится». Хотя Пак Чха Сок изменил своим убеждениям, но у него, видимо, осталась капелька способности к состраданию.

Бабушка отвечала, что ей и, правда, нелегко, но при виде гор, где сражается родной внук, она чувствует прилив новой силы.

Враги, тыча ей в спину дулом винтовки, требовали кричать во всеуслышание имя внука, но каждый раз она отказывалась и грозила им в свою очередь: «Не умею быть сумасшедшей. Убьете меня и думаете, что останетесь без кары? Хотите, чтобы угодила в вас пуля моего внука, так и делайте!»

И эти агенты тоже знали, что их затея не принесет желаемого результата. Они пребывали в постоянном страхе, не ведая, когда их настигнет партизанский удар. Они слишком хорошо представляли, какое суровое возмездие ожидает их свору, держащую в качестве заложницы бабушку командующего революционной армией.

Им в голову пришла мысль: все-таки лучше бы избежать партизанской пули. Вот и додумались просить ее: «Мы будем защищать вас вдалеке. Возьмите мальчика лет пятнадцати, он будет вас обслуживать как прислуга. Теперь вы с ним можете найти внука». Так они ее умоляли.

Бабушка угадала, что они, испуганные, хотят спасти свою шкуру. И она им сказала: «Скажите-ка, зачем мучить беднягу? Я возьму с собой вас, людей с обрюзглыми лицами. Если это вам взбрело в голову из-за боязни революционной армии, то я позову вашего начальника и прямо скажу все, что у вас творится». Теперь дело приняло такой оборот, что им приходилось подчиняться ей покорно, как бычку с кольцом в носу.

Бабушка громко приказывала агентам, делала все по своему желанию. Когда погода испортилась, похолодало, она отказалась идти в горы – говорила, что ей холодно, а когда уставала, то отстаивала свое право отдыхать. Иной раз, когда в бане была не очень теплая вода или ей казалось, что там кто-то из японцев уже

помылся, резко протестовала: «Так пренебрегаете мной?! За кого принимаете меня, бабушку Полководца Кима?!» А когда ей предлагали японские или китайские блюда, она грозно повелевала: «Принесите корейское!» Каждый раз в такие моменты мужланы, вовлеченные в «операцию по содействию капитуляции», суетились в хлопотах, стараясь услужить ей.

Как-то в новогодний праздник японский инспектор, курирующий дело этой группы, позвал к себе Ли Чжон Рака и Пак Чха Сока и высказал им свое желание: «Хотелось бы по случаю Нового года получить приветствие от бабушки Полководца Кима. Пусть она мне поклон сделает». Когда ей передали желание японского инспектора, бабушка, усмехаясь, грозно прокричала: «Чушь какую слышу! Человечек бесцеремонный! Пусть он придет ко мне, бабушке Полководца Кима, и отвесит поклон!»

Когда доложили об этом тому инспектору, он, говорят, до того был потрясен, что из его рук выпала рюмка с вином. А он был таким деспотом, который в любую минуту, когда ему что-то оказывалось не по душе, выхватывал оружие и бесчинствовал до тех пор, пока те, кто не угодил ему, не попросят у него извинения. Но, как ни странно, тот день был исключением. Он был в подавленном настроении, не скандалил и даже восхищался: «Да, это достойная старуха, на то и бабушка Ким Ир Сена. Вижу, внук ее – тигр на горе Пэкту, а вот она, несомненно, бабушка-тигрица!»

Как видите, моя бабушка держалась принципиально, гордо и высоконравственно. Пак Чха Сок, как он сам признавался, каждый день перед ней чувствовал себя виноватым, точно на скамье подсудимых, – у изменника оказалась кишка тонка.

Агенты из «группы по содействию капитуляции», в конце концов, не добились своего, и им пришлось возвратить бабушку в Мангендэ.

Услышав от Пак Чха Сока обо всем увиденном и пережитом им самим, агентом «группы по содействию капитуляции», я почувствовал в душе еще более глубокое уважение к своим

дедушке и бабушке. В душе я благодарил их, оставшихся в родном селе. В то время, покидая тайный лагерь, Пак Чха Сок дал мне слово: хотя он стал отступником по принуждению япошек, больше не сделает ничего такого, чего бы постыдился перед Родиной, нацией и, помимо того, передо мной, терпящим муки в горах.

Я выложил перед ним несколько корней дикого женьшеня и письмо и просил передать их тайком моим дедушке и бабушке.

С освобождением страны я вернулся на Родину и имел возможность спросить дедушку и бабушку, получили ли они мое письмо из горного района. Выяснилось, что письмо-то получили, но корней женьшеня — нет. Может быть, их прихватил тот самый японский инспектор, который послал Пак Чха Сока к нам в лагерь.

Письмо, которое товарищ Ким Ир Сен направил из тайного лагеря в Наньпайцзы через Пак Чха Сока, бережно сохраняли дедушка и бабушка в Мангендэ до тех пор, когда их внук, возродив Родину, с триумфом возвратился в Корею. Письмо было помещено на страницах газеты «Чонро» от 29 мая 1946 года, и через эту публикацию стало известно миру. «Чонро» – предшественница газеты «Нодон синмун».

Примечательно, что родной вождь не взыскал, не наказал того, кто изменил своим политическим убеждениям и предал революцию, а доверил ему трудное задание – передать секретное письмо. По одному этому беспрецедентному факту мы сможем без труда представить себе его безграничное великодушие и снисходительность. Если у Пак Чха Сока оставалась хотя бы искорка человеческой совести, он наверняка прослезился бы перед его великой душой. И, действительно, он не передал это письмо своим боссам, а вручил его точно адресатам. Значит, надо считать, что он сдержал слово, которое дал в тайном лагере.

Было поистине счастьем то, что дошло до наших дней и предано гласности это короткое письмецо, пропитанное боевым задором и крепким духом 20-летнего, в полном расцвете сил, молодого Полководца, который неизменно был верен своим убеждениям и чувству долга, делу освобождения Родины и был полон оптимизма.

Ниже следует полный текст письма.

«Понял тебя, бабушка, и всю твою искренность.

Раз мужчина решил посвятить себя государственному делу, его жизнь недвусмысленно принадлежит целиком стране и

нации.

Не за горами тот день, когда с радостью вернусь к тебе. Так ты обо мне не беспокойся, дорогая бабушка».

Получив письмо от товарища Ким Ир Сена, все его родственники в Мангендэ не скрывали слез.

Позже судьба опять свела бабушку Ли Бо Ик с агентами еще и из другой «группы по содействию капитуляции», к которой принадлежал Рим Су Сан. И ей, угнанной молодчиками в Северный Цзяньдао, пришлось хлебнуть там много горя.

Родной вождь об этом вспоминал после перемирия у гроба бабушки Ли Бо Ик. Собравшиеся родственники, друзья, знакомые видели, что тогда его глаза были полны глубочайшей скорбью и печалью.

О том, что бабушку по второму разу потащили в Маньчжурию и заставляют ее претерпевать все беды, я узнал, когда находился под Чэчанцзы уезда Аньту. Если говорить о составе той группы, которая таскала мою бабушку, то большинство ее молодчиков составляли японцы. В ней был и Рим Су Сан, служивший одно время у нас в главной части начальником штаба. Насколько мне известно, как изменник, капитулянт, он крепко-накрепко поклялся своим японским боссам, что схватит меня любой ценой.

Вначале та группа пыталась взять в заложники моего дядю Хен Рока. Видимо, они рассуждали так: можно взять и бабушку, но она может оказаться не по зубам, от нее ничего не добьешься.

Что касается дяди Хен Рока, то он был единственный сын, оставшийся у моих дедушки и бабушки. Когда в Мангендэ появились агенты и собрались было насильственно увозить дядю, дедушка решительно протестовал, ударяя кулаком по полу: «Этого нельзя делать!» И бабушка гневно проклинала: «Единственный он у меня сын. Хотите гонять его с целью поймать моего старшего внука? Гады в человеческом обличье! Вас, мерзавцев, покарает небо!» И дядя, в свою очередь, упорно сопротивлялся: «Пусть умру дома, но не могу, не могу помочь вам захватить родного племянника».

Принуждение врагов до того было жестким, что бабушке

вновь пришлось совершить нерадостную поездку в Маньчжурию. Ее непокорная душа буквально кричала: «Сколько ни бесчинствуй, гад, не одолеешь меня, бабушку Полководца Кима!» Покидая дом, вместо сына Хен Рока, она готова была на смерть. И на этот раз ей пришлось бродить целые месяцы под конвоем злодеев по кручам Северного Цзяньдао, но она ни разу не гнула спину перед врагами. Иногда на ночлегах или на дороге Рим Су Сан понукал бабушку, недовольный тем, что она не послушна их приказаниям. Тогда она гневно говорила ему: «Ты, иуда, изменил моему внуку. Но я, хоть умри, остаюсь на стороне моего внука, на стороне Кореи. Посмотрим, как долго протянутся твои дни!»

Услышав о том, что враги опять схватили бабушку как заложницу, я организовал тогда много боев. В этом я видел наилучший способ сообщить ей о том, что я здоров и продолжаю воевать. Это был и мой привет ей, передающий таившиеся во мне несказанно глубокие чувства.

Каждый раз, когда до ее слуха доходила весть о нашей победе в бою, она становилась оживленнее и громко хвалила, не смущаясь тем, подслушивает ли ее кто-нибудь или нет. «Молодец, внук мой! Ну скорей бей этих япошек до единого, чтобы на нашей земле не было их племени».

И снова врагам не оставалось ничего другого, как возвратить бабушку в родное село. После этого они больше не затевали попыток схватить меня с использованием заложников. Получилось, в конце концов, так: из схватки с врагом победительницей вышла моя бабушка, безоружная старуха.

Между прочим с течением времени все более усиливались притеснения и бесчинства войск и полицейских в отношении моих родственников в Мангендэ.

В семье было много патриотов, а я, в частности, был командующим революционной армией, и десятки лет нашим родственникам пришлось переживать невероятные трудности и лишения. В последние годы японского правления мой дядя Хен Рок обзавелся немудреными рыболовными снастями и,

избегая репрессий врага, промышлял в море неподалеку от Нампхо, чем и зарабатывая на хлеб насущный.

Самой трудной у нас в семье была судьба бабушки.

Когда я впервые после освобождения страны переступил порог родного дома в Мангендэ, я сказал бабушке; «За меня тебе, бабушка, здорово доставалось. Так ведь?» А она отвечала со светлой улыбкой: «Совсем не так. Мои испытания не сравнить с твоими. ... Муки-то навлекли на себя вон они, япошки. Нет, у меня никаких мучений не было. Ты же воевал за возрождение Родины, много пережил. Мучились япошки, обслуживая меня. Благодаря тебе мне довелось полюбоваться разными местностями. Это же просто наслаждение. Чего там муки – никаких!»

Я извинился перед дедушкой и бабушкой за то, что через 20 лет в родной дом явился с пустыми руками. И тут бабушка успокоила меня: «Как же это с пустыми руками-то?! С независимостью страны! Какой это большой подарок! Коль ты цел, вернулся живой-здоровый, принес освобождение страны, чего ж мне ожидать от тебя больше? Самое большое – ты и освобождение. Большего на свете не найдешь».

В этих словах ясно выразилась ее широкая натура. Слышать такое от деревенской старухи, которой скоро 70 лет... Я был глубоко восхищен: какая у меня замечательная бабушка!

А ведь все это происходило в то время, когда достиг своего апогея жестокий сабельный режим японского империализма. Но моя бабушка не гнулась ни перед силой власти, ни перед угрозой врага, сохранила до конца достоинство и убеждения матери революционера, бабушки революционера. Это уже должно расцениваться как крупная победа. И, скажу, среди бабушек нашей страны много патриоток, таких, как моя бабушка.

Иногда меня занимает мысль: «Моя бабушка – не коммунист, не профессиональный революционер. Не ходила в школу, не получала в организации революционного воспитания. А что же, спрашивается, помогло ей, ни аза не знающей деревенской старухе, держаться так достойно и гордо в противоборстве с

врагом, вести себя так умно и принципиально?»

По-моему, кажется, ее сделали героиней семейные традиции нашего рода, а также сама революция. О каких семейных традициях нашего рода я говорю? Это готовность без колебания отдать свою жизнь за дело Родины и нации. Это – сознание того, что самое дорогое в мире – Родина и народ. Иначе говоря, это чувство любви к Родине, любви к народу и нации. Моя бабушка, думаю, оказалась под большим влиянием своих детей, внуков. Ее сыновья, ее внуки посвятили себя революции, и она не могла оставаться вне поля их влияния.

Обычно в семье, в которой дети занимаются революцией, родители тоже становятся их сподвижниками. А если они сами, и не становятся революционерами, то хотя бы сочувствуют им, всячески помогают. Обычно люди говорят: под опекой замечательных родителей дети растут талантливыми, способными, окруженные их влиянием. Это верно. Точно так же и родители, имеющие толковых, порядочных детей, просвещаются, становятся сознательными. И они пойдут в ногу с детьми. Исходя из этого, я часто подчеркиваю исключительную важность роли представителей молодого поколения в повышении революционного сознания всех членов семьи.

Если даже предки занимались революцией, их потомки, конечно, сами собой не становятся революционерами. Для того, чтобы человек посвятил себя делу революции, конечно, немаловажно влияние его родителей. Но самое главное здесь – собственные активные усилия самого человека. Надеяться только на авторитет и воздействие предков не годится. Об этом нечего мечтать даже и во сне. Я надеюсь, что молодые люди из нашего рода, следуя примеру своих предков, патриотов предшествующего поколения, сложивших головы в борьбе за независимость Родины, всегда будут правофланговыми в борьбе за строительство социализма и воссоединение Родины. И то, что моя бабушка и на закате своих лет увлеченно занималась земледелием, объясняется, в конце концов, ее стремлением содействовать

посильно своей Отчизне, делу социализма.

Другой фактор того, что моя бабушка смогла успешно противостоять врагам, заключался в том, что наша сила была могуча. Когда враги разворачивали «операцию по содействию капитуляции» по отношению к нам, КНРА переживала пору великого подъема.

Внушительный и достойный вид революционной армии и добрая слава о ней не могли не давать бабушке вдохновляющую силу. Если бы мы после создания революционных вооруженных сил не добивались победы за победой в боях с врагом, если не сплачивали бы широкие массы под знаменем единого фронта, а сохраняли, как говорится, статус-кво, замкнувшись в лесной глуши, то она не смогла бы вести себя столь гордо и достойно в поединке с врагом, не смогла бы одерживать победу над ним.

И в строительстве социализма та же логика. Пусть наше молодое поколение больше трудится, кует большую силу. Лишь тогда Родина станет богатой и могущественной, и это внушит народу чувства высокой гордости и достоинства. Естественно, что эти чувства не сваливаются с неба. Когда с народом великая партия, великий вождь, могущественная страна, у него, как правило, крепнет чувство достоинства, растет чувство гордости. Молодому поколению следует задавать тон в том, чтобы неизменно и верно поддерживать партию и вождя и совершить большие деяния для создания могучей Отчизны.

9 июня 1946 года в начальной школе в Мангендэ был устроен прием в честь 70-летия бабушки Ли Бо Ик. Его организаторами были сельчане Мангендэ, участники антияпонской партизанской борьбы, работники партийных и административных органов города Пхеньяна. На прием был приглашен генерал-майор Советской Армии Романенко, находившийся в то время в Пхеньяне. Вслед за ветеранами антияпонской революции и другими гостями он выступил с приветственным словом.

В тот день товарищ Ким Ир Сен выехал в Мангендэ, но сам он совсем не знал, что 70-летие бабушки торжественно празднуют в обстановке большого общественного внимания. Получив искренние поздравления от представителей различных кругов общественности, он не смог усидеть, и он встал, чтобы произнести ответную речь от имени семьи как старший внук виновницы

торжества.

Вот содержание его речи, в которой дана сжатая характеристика 70-летней жизни бабушки.

Моя бабушка – деревенская старуха, которая понимает не все мирские дела. Однако, когда решили участвовать в революционной работе ее сыновья, племянники и внучата, она не вставала им поперек дороги, а, наоборот, подбадривала их. Погруженные в революцию, они один за другим покидали родительский кров: кто погиб, схваченный врагом, кто томился за решеткой, кто пропал без вести. Но все это не могло привести ее в уныние. А когда враги захватили и потащили ее в Маньчжурию, навязывая ей всякие бедствия, она все равно до конца хранила свои изначальные намерения.

О чем это говорит? О том, что моя бабушка, хотя и неграмотная, до конца сражалась, не теряя надежды. Она устремилась мысленно к чему-то впереди и до конца сохранила свою надежду. И вот, наконец, ее надежда сбылась. Вот оно – освобождение Кореи 15 августа прошлого года.

Она ждала не дождалась, чтобы увидеть этот день, и увидела его.

А я надеюсь, что не кончается этим такой, как сегодняшний, прием и впредь он повторится много раз, и заодно желаю моей бабушке долгих лет жизни.

Бабушка Ли Бо Ик скончалась в октябре 1959 года, когда ей было 83 года. За исключением последних 14 лет, прошедших после возрождения Родины, почти 70 лет ее существования были полны лишений и невзгод: боролась она с нищетой, несправедливостью, иноземными агрессорами. Двукратная поездка в Маньчжурию, навязанная ей под угрозой штыка, была сопряжена с ни с чем не сравнимыми суровыми испытаниями. На протяжении десятков лет тьмы она с голыми руками мужественно противостояла всем бедам, вынесла все страдания и, наконец, встретила день освобождения, который принес родной стране ее внук, увидела построенный на этой земле социалистический рай.

В чем, спрашивается, секрет того, что бабушка, задыхаясь во тьме и бедности, в тисках гнетущих горестей, дожила до глубокой старости? Об этом высказал свое мнение великий вождь товарищ Ким Ир Сен, очевидец и свидетель ее многострадальной более чем 80-летней жизни.

Один из факторов долголетия моей бабушки – непрестанный труд. И бабушка и дедушка трудились всю жизнь до седых волос. Беспрерывный труд в отчаянных попытках накормить и одеть детей – это физически и морально закалило организм и волю бабушки. Кто трудится, не покладая рук, и непрерывно создает что-нибудь полезное для жизни людей, тот, как правило, долго живет.

Бабушка жила со своей мечтой в заветном тайнике души. Иначе говоря, жила день за днем достойно, видя перед собой ясную цель. Казалось бы, что ее жизнь прошла в тщетных усилиях, но это совсем не так. Каждый шаг ее имел свое значение, был сделан с ясной целью.

Как я уже сказал, вся жизнь моей бабушки прошла в ожидании чего-то. До освобождения страны она ждала прихода независимости, а после освобождения – моего возвращения, а потом, после встречи со мной, – того, чтобы всему народу жилось счастливо, а затем – объединения Родины. Тот, кто проводит жизнь в ожиданиях и надеждах, как правило, отличается долголетием. Такие люди способны смело преодолевать любые испытания.

Если судить по собственному опыту, то революцией занимаются люди, имеющие большую мечту, обладающие высокими идеалами. Те же качества рождают и великие изобретения. Моя бабушка была мечтательным человеком. Не будет преувеличением, если я скажу, что долголетием она обязана и этой своей черте. Незыблемая идея, твердые убеждения и воля, мечтательность, трудолюбие – вот в чем секрет долголетия моей бабушки.

Хотя она была бабушкой главы государства, но жила всю жизнь скромно, бескорыстно. Вернувшись на Родину, я подумал: завершим основание партии и строительство государства, привезу дедушку и бабушку в Пхеньян, возьму их на свое попечение. Но этого они не захотели. Честно говоря, никто не упрекнул бы старых людей в таком возрасте, если они будут на попечении внука и захотят спокойно провести остаток жизни. В нашей стране существует такая система, согласно которой семьи

павших революционеров окружаются повышенным общественным вниманием. Пользуясь хотя бы этими льготами, они могли бы прожить безбедно остаток своей жизни.

Однако дедушка и бабушка не хотели иметь никаких привилегий, предоставляемых государством. Они не позволяли себе ни малейшей роскоши, не хотели жить на шее внука. В любом случае они стремились жить, как простые люди. Так вот они до конца своих дней и занимались земледелием.

«Кому нечего делать, тот самый жалкий человек» – такова была скромная философия моей бабушки.

Желая предоставить хотя бы коротковременный отдых дедушке и бабушке, всю жизнь гнувшим горб в труде, я иногда привозил их к себе в дом. И каждый раз в таких случаях они просили дать им поработать. И как-то раз я предложил починить разбитый черпак из тыквы-горлянки. Бабушка не раз признавалась, что очень вкусна еда, приготовленная женой внука, и особо приятно обнимать правнука и правнучку, но ее угнетала страшная скука от ничегонеделания, и ей не терпелось снова походить по сырой земле. Так, не прожив у меня и недели, она возвращалась в Мангендэ.

Когда мы хотели было оказать ей какую-нибудь помощь в хозяйстве, она всякий раз отказывалась от нее и говорила: «Лучше беспокойся о народе, а не о бабушке». А ведь Председатель Кабинета Министров тоже человек, который не безразличен к счастливой жизни своей бабушки. Тем более, что она, подвергаясь смертельной опасности, прошла, как говорится, огонь, воду и медные трубы и, едва избегнув гибели, вернулась в родное село.

Что греха таить, во мне рождались различные неудержимые желания: сшить ей, родной бабушке, прожившей всю жизнь в легкой одежде, теплый ватник, поздравлять ее с днем рождения, навещая ее с выпивкой-закуской, чтобы снова и снова пожелать ей долголетия. Но она не позволяла мне проявить к ней и такое скромное внимание.

Если я не был бы Председателем Кабинета Министров, а был обыкновенным простым гражданином, то, честное слово, мог бы чем-нибудь больше порадовать бабушку. Скажем, я бы своими руками рубил деревья, построил ей дом с черепичной крышей, пошел бы вместе с ней в театр слушать старинную оперу «Сказание о девушке Сим Чхон»[9]. Вообще, я мог бы предоставить ей возможность доживать свои годы беззаботно.

Но я, погруженный в государственные дела, так и не мог подарить ей комплект зимней ватной одежды. До конца своей жизни она жила в скромной избушке под соломенной крышей, где поколениями проживало наше семейство еще со времен прадеда. Я сделал все, чтобы во всех деревнях страны были построены дома под черепичной крышей и чтобы там произошло новое «сотворение мира», но своей родной бабушке не мог помочь переселиться в новенький дом.

Не помню ничего особенного, что я делал родной бабушке. Если я что-то и успел сделать, то разве что купил ей очки для дальнозорких. От них бабушка не отказалась.

Пока я заматывался в государственных делах, утекло много времени, ушла из жизни и бабушка. Теперь ее не стало, и в глубине души меня грызет мучительное раскаяние. Думается, все-таки я был ей внуком не вполне хорошим, точно таким же, каким был сыном перед матерью.

Если бы я успел при ее жизни подарить ей хотя бы приличную зимнюю одежду, быть может, не терзали бы меня столь тяжелые мысли.

8. В лесу Наньпайцзы

Вторая половина 30-х годов нашего столетия характеризуется подъемом антияпонской вооруженной борьбы. В этот период японские империалисты, с одной стороны, усиливали военные акции против КНРА, а с другой – упорно пытались с помощью тактики «умиротворения» добиться того, чего им не удалось достичь силой оружия. Враги рассчитывали: если они успешно проведут «операцию по содействию капитуляции», заслав предателей революции в партизанские отряды, им удастся идейно разложить революционную армию изнутри. На первые роли в этой гнусной деятельности противник ставил отщепенцев и изменников, которые отказались от революции на полпути. Среди них были и прежние друзья со школьной скамьи, и те, кто был связан с революционной деятельностью товарища Ким Ир Сена.

При каждом упоминании о совещании в Наньпайцзы товарищ Ким Ир Сен говорил о том, как Ли Чжон Рак и Пак Чха Сок – однокашники по училищу «Хвасоньисук» и бывшие товарищи по Союзу свержения империализма – проникли в тайный лагерь с заданием по «содействию капитуляции».

Я расскажу вроде бы малозначащий эпизод – о том, как встретился с Ли Чжон Раком и Пак Чха Соком в то время, когда в Наньпайцзы проходило совещание. Они занимались вместе со мной в училище «Хвасоньисук», участвовали и в создании ССИ и союза товарищей Консор[10]. Вместе со мной действовали и в дни основания Корейской революционной армии. А когда вместе делаешь революцию в течение ряда лет, складываются очень тесные, почти братские, отношения. Оба они вместе со мной вели революционную деятельность на протяжении 4 – 5 лет.

Они сдружились со мною раньше, чем Ким Хек, Чха Гван Су и другие гиринские друзья. Когда мы создали в Хуадяне ССИ, последние пока не состояли в нем. А Пак Чха Сок и Ли Чжон Рак – оба уже были в активе этой организации. Значит, они причисляются к тем, кого можно назвать моими первыми товарищами, первыми спутниками, с которыми я сошелся в самом начале революционной работы.

Допустим, бывшие участники молодежно-ученического

движения и подполья по тем или иным причинам разлучились: одни воевали в горах с оружием в руках, другие, будучи арестованными врагом, томились в тюрьме. Они даже не знали друг о друге, живы или нет. Но спустя много лет они вдруг снова встречаются. Это, безусловно, могла бы быть весьма приятная, волнующая встреча.

К сожалению, наша встреча не была радостной. Дело в том, что эти двое явились в тайный лагерь с заданием «содействовать капитуляции», которое им поручило соответствующее японское ведомство. Они пришли ко мне не как старые товарищи по революции – явились передо мной как марионетки, дирижируемые палочкой японцев. Пришли вести со мной торг о «капитуляции». Те, кто раньше томились в тюрьме, вдруг занялись таким торгом. Это значит, что они предали и меня, и дело революции. Ясно, что они не стали для меня дорогими гостями.

Мне пришлось сидеть за одним столом со старыми однокашниками, а ныне – изменниками революции. Не передать словами те чувства, что я испытывал тогда!

Со второй половины 30-х годов, если не ошибаюсь, враги начали в широком масштабе и все более нагло проводить «операцию по содействию капитуляции» в отношении Народно-революционной армии.

В первые дни войны с антияпонскими вооруженными отрядами японские империалисты не выдвинули «операцию по содействию капитуляции» как свою стратегию. Они сосредоточивали все силы на военном подавлении молодых антияпонских партизанских отрядов и китайских антияпонских отрядов националистического толка. Кроме военных действий, они не признавали, не применяли, не допускали каких бы то ни было других средств. Ратовали только за концепцию «приоритет карательным операциям» и претворяли ее в жизнь. Верхушка японских войск, полагаясь только на карательные операции, даже не позволяла тогда затевать такую игру, как «содействие капитуляции». Вероятно, они считали подобную затею

примитивной, может быть, даже противоречащей самурайскому духу. И они разработали наставление о «строгом запрещении завлечения противника в капитуляцию».

Из этого легко можно понять, что военные круги Японии считали антияпонские вооруженные силы на Северо-Востоке Китая таким объектом, который им вполне по зубам ликвидировать одними только военными средствами, и потому противостояли нашим действиям только военными мерами. Пожалуй, они преисполнились глубокой уверенности в своих силах после того, как в один прекрасный день развалилось 300-тысячное войско Чжан Сюэляна во время события 18 сентября.

Однако одним военным ударом оказалось невозможно предотвратить рост антияпонской партизанской армии, развитие антияпонской вооруженной борьбы. И тогда японские империалисты пустили в ход новое изобретение – так называемую «культурную кару». За этим стояли такие изощренные операции, как «ликвидация корня зла», «идейная обработка» и «содействие капитуляции».

Что побудило японских империалистов-агрессоров, наряду с приемами «военной кары», прибегать к тактике «культурной кары», направленной на «поиск и искоренение источника» антияпонской вооруженной борьбы?

Интересно знать их собственный ответ на этот вопрос. Так, в «Сисо гэппо» (№ 77), ежемесячном журнале уголовного управления Министерства юстиции Японии (ноябрь 1940 г., стр. 139 - 141), была помещена статья, в которой говорилось:

«Что касается вопроса о том, почему так трудно приходится нам карать коммунистическую банду, то следует отметить, что коммунистическая армия вдохновлена стойким боевым сознанием, основанным на коммунизме, и имеет хитроумную пропагандистскую тактику. А если рассматривать с географической точки зрения, то дремучие лесные массивы в крутых горах, возвышающихся одна над другой, она превратила в свои партизанские районы, применяет партизанские методы ведения боев, суть которых – «когда противник наступает, мы отступаем, а когда он отступает, мы наступаем». А в политической работе с массами она ведет своеобразную пропаганду, совершая поездки инкогнито, благодаря чему завоевывает народные массы. Думаю, поэтому... поймут, что одними только карательными действиями, опирающимися на вооруженные силы, никогда не удастся добиться успеха.

… … …

... Опора только на вооруженные силы, разумеется, дает порой эффект, однако она ни в коем случае не может быть единственной мерой для поиска и искоренения источника зла. Это дает такой же эффект, как пугивание мухи от обеденного стола или отрезание побегов сорняка.

Следовательно, одна из серьезных причин того, что, несмотря на многократно проведенные карательные операции, до сих пор не удалось лишить их возможности бесчинствовать по своему усмотрению, думаю, не в том ли, что, уделяя внимание только вооруженным силам, игнорировали операцию по ликвидации корня зла и идейную обработку и что все государственные учреждения, не оказывая содействия этому делу, поручили его только войскам».

Враги под благовидной вывеской «культурной кары» в широком масштабе проводили «операцию по содействию капитуляции». Наряду с этим, руководствуясь политикой «иби чонби», – эти слова, если перевести их дословно, означают «подавить бандитов с помощью бандитов», – они организовали карательные отряды из капитулянтов и отступников, дезертировавших из антияпонских вооруженных отрядов, и гнали их в бой против своих прежних товарищей по оружию, своих бывших командиров и подчиненных.

Вступая во вторую половину 30-х годов, враги более активно применяли такие невоенные способы, как «культурная кара». Это значит, что их прежняя политика – односторонняя ставка только на военные меры, считавшаяся до того времени универсальной, – потерпела полный крах. Одними военными мероприятиями им не удалось добиться своей цели, и они пустились в такие подлые игры, как «операция по содействию капитуляции».

1937 – 1938 годы были периодом бурного подъема нашей антияпонской вооруженной борьбы. Велика была и сила, велики были и боевые успехи. В те времена нанести удар по одному или двум большим городам было для нас парой пустяков. Под влиянием вооруженной борьбы шли на подъем и массовые выступления. Но с таким трудом достигшая своего подъема антияпонская революция понесла большой урон из-за Жэхэского похода. 1-й корпус Ян Цзинюя и немало других частей Объединенной Северо-Восточной антияпонской армии в ходе

похода лишились большого количества живой силы. В антияпонских вооруженных отрядах стали появляться и дезертиры, и отступники. Немало было и командиров, которые, отказавшись от вооруженной борьбы, бросились в объятия врага. Все это давало противнику повод прийти к выводу, что антияпонские вооруженные силы на Северо-Востоке Китая оказались перед лицом развала. Они рассуждали так: «Это сильно растрепанное сборище всех мастей. Оно, видимо, полностью распалось изнутри и мечется, как угорелое. Откуда ни бей его – справа или слева, оно упадет».

Другая причина того, что враги придавали важное значение «культурной каре», думаю, кроется и в том, что они ощутили тогда вкус некоторых успехов в «операции по содействию капитуляции». Капитуляция некоторых главных командиров давала врагам возможность заключить, что и вере, и воле коммуниста есть свой предел, и на основе этого они пытались форсировать операции по дезорганизации Народно-революционной армии.

Японские империалисты, направляя главное острие «культурной кары» против КНРА, с одной стороны, усиливали военное наступление, а с другой – упорно прибегали к «операции по содействию капитуляции» по отношению к нам.

Спрашивается, почему враги направили главное острие карательных операций против КНРА? За ответом далеко не надо ходить. Так было потому, что с начала 30-х годов КНРА становилась главным врагом, серьезно угрожавшим японским империалистам, и среди антияпонских вооруженных отрядов на Северо-Востоке Китая она отличалась самой высокой боеспособностью, считалась таким образованием, которое трудно уничтожить.

Вот почему газеты и журналы стали много писать о действиях наших отрядов. Весть о нашей борьбе распространялась даже в США.

Ниже следует часть публикаций газеты наших соотечественников «Синхан минбо», издававшейся в то время в США.

«Если привести сообщения последних дней из Тяньцзиня, то они были весьма подробными. Из них следует, что среди корейских и китайских добровольцев отличается особой храбростью и боевитостью дивизия, состоящая из одних только корейцев, которой командует корейский Полководец Ким Ир Сен (По материалам китайских газет и другим сообщениям из Кореи, существует вооруженный отряд господина Ким Ир Сена, базирующийся и действующий в Цзяньдао. В минувшем июне отряд, перейдя через границу, совершил налет на Почхонбо в уезде Капсан; японские войска и полицейские были не на шутку перепуганы. И после этого случая газета «Тонья ильбо» и другие газеты часто передавали о деятельности этих войск...).

… … …

Принцип их сплоченности заключается в том, что если жить, так жить вместе, а если уж придется умереть, так тоже умирать вместе. В них сочетается своего рода семейная система субординации с традиционным духовным воспитанием, таким, как воспитание в духе справедливости и взаимной помощи, благодаря чему еще более прочна их сплоченность. Поэтому, раз вождь прикажет, его подчиненные готовы идти в огонь и в воду... Их цель одна – отомстить врагу во имя своей нации. Их стратегия – в основном в применении партизанских способов, в мгновенном появлении и мгновенном исчезновении, что заставляет самураев метаться, как угорелые, и у них заходит ум за разум.

Из выводов одного из советских военных специалистов: «Если в один прекрасный день Китай и Япония официально вступят в войну друг против друга, то для подавления одной только добровольческой армии в одном уголке Маньчжурии Японии придется иметь 200-тысячные войска». Если верить его словам, их сила довольно велика» («Синхан минбо», 30 сентября 1937 г.).

Японские империалисты, чтобы полностью разгромить КНРА, применяли и военные средства, занимались и лживой пропагандой, не соответствующей действительности, пускались на всякие хитрости, но все было без толку. Они оказались буквально беспомощными.

Чем яростнее враг пытался переходить в наступление, тем крепче становился наш отряд – он окреп, как сталь, и тем дальше летела, как на крыльях, весть о нашей борьбе.

Японским империалистам не удалось добиться успеха не только в военных карательных операциях, но и в фабрикации ложных слухов о том, будто мы погибли. И они решили прибегнуть к паллиативным мерам. Такова и была «операция по содействию капитуляции». Сколь большую надежду возлагали враги на нее, можно как нельзя лучше понять из одного того

факта, что они подняли на ноги и мою бабушку.

Главное острие «культурной кары» враги направляли на крупных лиц. Все их дело обставлялось серьезно.

Тогда за «капитуляцию» Ян Цзинюя отвечала «провинциальная группа по содействию капитуляции», а за меня – «центральная особая группа по содействию капитуляции», находившаяся в подчинении полицейского управления Министерства безопасности Маньчжоу-Го.

Мне доложили, что имеются и материалы японского ведомства о том, что вражеские войска и полицейские не прочь были использовать в этих же целях даже моего учителя в бытность мою в начальной школе в Фусуне. Но так и не было случая, чтобы он на самом деле пришел ко мне или с какой-либо оказией передал мне какую-либо весть.

Пак Чха Сок и Ли Чжон Рак появились в Наньпайцзыс-ком тайном лагере в то самое время, когда враги с головой ушли в разработку и проведение «операции по содействию капитуляции» в отношении нас. Они пытались провести ее с помощью моих близких родственников, но без толку, и потому решили подослать ко мне старых моих однокашников по учебе.

По-моему, японские интриганы считали Пак Чха Сока подходящим лицом для зондирования нашей реакции на их операции, а Ли Чжон Рака – главной фигурой, которую можно использовать в решающий момент.

Пак Чха Сок пришел к нам в тайный лагерь, когда наша часть пребывала в Наньпайцзы.

Однажды разводящий с поста послал мне связного сообщить, что некий Пак Чха Сок пришел ко мне. Это сообщение удивило меня. Летом 1930 года он, получив задание, проник в пределы Кореи, где был арестован полицией. В душу мою закралось подозрение: «С какой вдруг стати он здесь, в Наньпайцзы? Ведь он был заключен в тюрьму. Пусть он отбыл срок тюремного заключения и оказался на свободе, но ведь, будучи «поднадзорным лицом», наверное, находится под строгим

наблюдением? Как же ему удалось уйти от надзора? Каким путем он пришел сюда, в тайный лагерь, вокруг которого враги расставили двойное и тройное кольцо окружения?»

Если бы он пришел к нам, как говорится, одним махом проделав тысячу *ли*, чтобы вновь участвовать в революции, то его следовало бы носить на руках. Но враги вряд ли ему дадут такую свободу. Как бы не так! Как ни ломай голову, дело было нечисто. Но ничего не поделаешь: он же пришел ко мне в гость. К черту недоброе предчувствие – я решил его повидать: может быть, узнаю у него весть о том, как там, в тюрьме, дядя Хен Гвон и Чвэ Хё Ир. Кроме этого, мне захотелось узнать еще многое и о других делах.

Когда я встретился с Пак Чха Соком, оказалось, что внешне он не изменился: каким был, таким и остался, но на самом деле в душе стал совсем другим человеком. Правда, он проявил такую радость, будто бы встретился с родными после долгой разлуки. Но я чувствовал, что настроение у него почему-то подавленное.

Я говорю ему: «Куда делись прежний твой пыл и страсть, отчего ты такой унылый? Ты вынес и тюремные муки, теперь надо смотреть вперед и набраться бодрости».

Но тут он со слезами на глазах признался, что он в тюрьме изменил своим убеждениям, рассказал, почему и как пришел в Наньпайцзы, превратившись в прислужника врага. По его словам, будучи приговоренным к заключению, он несколько лет пребывал в тюрьме, постепенно стал колебаться, терять веру в победу революции. Он сам видел, как палачи, привязав моего дядю Хен Гвона к крестовидной скамье для пыток, подвергали его телесному наказанию. После этого он, мол, даже не осмеливался сопротивляться. Враги сразу заметили, что он начинает колебаться, и переместили его в другую тюрьму. Затем, выпустив его на волю еще до истечения срока заключения, враги таким образом и добились его отступничества и вовлекли его в «группу по содействию капитуляции».

Когда враги затевали кампанию по «содействию капитуляции» по отношению ко мне, Пак Чха Сока в нее вовлек не кто

иной, как Чан Со Бон. Когда мы начали «осваивать» центральную часть Маньчжурии, Чан Со Бон вместе с Ким Хеком и Ким Вон У имел заслуги в превращении Калуня в революционный поселок. Однако он совершил отступничество после того, как в начале 1931 года вместе с Ли Чжон Раком пошел добыть оружие, но был арестован на Чанчуньском вокзале. Враги женили его на гейше, чтобы он обзавелся семьей в Чанчуне. После этого использовали его как профессионального агента. Когда японская разведслужба разыскивала тех, кто был когда-либо тесно связан со мной, он рекомендовал им Ли Чжон Рака, а затем, с помощью последнего, – и Пак Чха Сока.

Пак Чха Сок чистосердечно признался, что когда его допрашивали враги, он рассказывал им не только о дружественных отношениях со мной, сложившихся в годы ССИ, но и о том, как он включился в дело создания Антиимпериалистического союза молодежи, как затем, после основания Коммунистического союза молодежи, он действовал главным образом в Гирине и как он был послан в Корею в составе вооруженной группы.

Я допытывал его: «Этаким делом занимаешься ты один? Или по чьей-либо указке?»

Пак Чха Сок ответил: «Я не состою ни в каких чинах. Пришел сюда только под угрозами япошек. Знаю, что такая игра вообще ни на йоту не подействует на тебя, Сон Чжу. Но хотелось воспользоваться случаем, чтобы повидать тебя, хотя бы разок». Он дал волю слезам. То, что он соскучился по мне и пришел повидать меня, показалось честным высказыванием.

Он и дал нам те или иные необходимые для нас сведения. Он даже признался и в том, что сходил в Мангендэ за моей бабушкой, чтобы втянуть ее в операцию по отступничеству. Он был уроженец Пхеньяна. С детства дружил с дядей Хен Гвоном, часто приходил в Мангендэ повидать его. Там он познакомился и с моими дедушкой и бабушкой, стал общаться с ними.

По словам Пак Чха Сока, не кто иной, как Ли Чжон Рак намекнул противнику на такую его связь, рекомендовал его, за-

веряя, что его можно использовать с большим эффектом в «операции по содействию капитуляции» в отношении меня. Пак говорил, что он хоть тысячу раз умрет, ему не искупить свою вину за то, что он причинил беспокойство моей бабушке, уведя ее за собой. Но он, мол, позаботился о ее безопасности. «Я и Ли Чжон Рак, – говорил он, – подонки человечества, хуже зверей. И будет справедливо, даже если убьют меня сто раз».

Пак Чха Сок, когда он в прошлом был вместе с нами, был юношей-революционером, отличавшимся чувством справедливости и высоким антияпонским настроем. Он, окрыленный большими надеждами, с азартом принимал участие в работе организации. После создания Корейской революционной армии он ответственно выполнял все задания.

Но когда он был арестован врагом, когда его тело было в кандалах, изменилась его идейность, исчезла и человечность. Если и можно говорить о том, что у него осталась хотя бы малость из его прежних чувств, то это была доля привязанности ко мне.

Хотя Пак Чха Сок служил наемником у японских империалистов, но он не собирался сознательно идти на сотрудничество с ними, не хотел за счет такого сотрудничества успешно продвигаться по служебной лестнице. Просто он считал, что Япония могуча, и потому нет надежды на победу революции, и судил примерно так: сохранишь свою собственную шкуру – и слава богу, пронесло! Чтобы сохранить жизнь, приходилось идти на отступничество. А когда изменил своим убеждениям, не оставалось иного выхода, кроме как покорно следовать за японцами, действовать так, как они велят. Он хотя и принимал участие в «операции по содействию капитуляции», но делал это,скрепя сердце.

Ненавидел японских империалистов, но вынужден был действовать по их воле и указке – такова была закономерная трагедия, которая постигала таких, как Пак Чха Сок, типов, лишившихся революционной веры.

После встречи с ним я глубоко задумывался: что такое нас-

тоящий образ человека? Он несколько повзрослел, но лицо у него нисколько не изменилось – каким было, таким и осталось. Но, – а это главное, – человек изменился, если можно так сказать, изнутри. Казалось, только внешнее обличье – шкура осталась той же, а в душе его ощущалась какая-то пустота. Словом, он стал человеком, я бы сказал, без духа. Из этого можно заключить, что настоящий образ человека, в конечном счете, определяет его идейность. Что останется у человека, если исключить из него идейность? Одна шкура! Если рухнут идеи, то, как правило, рухнет и человеческое достоинство. Пак Чха Сок отбросил идеологию и потому стал бессильным. Человек без идейности – это все равно что лицо без глаз.

И зная, что Пак Чха Сок изменился, я всячески разъяснял все, что надо, давал ему и много советов – с тем чувством, что вырываю его из лап врага. Видимо, на меня подействовало чувство ревности: враги отняли моего старого товарища, а почему же мне не отобрать его у них... Пусть не удастся полностью вернуть его к тому самому Пак Чха Соку, каким он был в дни деятельности ССИ, но мне захотелось снова возбудить в нем хотя бы одно – чувство патриотизма. И в моей душе оставалась еще жить прежняя привязанность к нему.

Я говорю ему: «Если человек совершит грех перед нацией, то он не может жить, не может даже умереть, как подобает человеку». Правильно поняв мои слова и согласившись с ними, он ответил так: «После того, как я сдался на милость японских империалистов, белый свет мне не мил, каждый день – каторга. Если так жить, на кой черт мне нужна жизнь? Я решил было покончить с собой, но пойти на такой шаг было нелегко: у меня не было такой смелости. Вот сегодня мы и встретились с тобой и разговариваем, и на душе у меня стало легче. Больше жить не хочу. Убей меня, ради бога! Пусть умру, но так хочу умереть на руках у тебя. Сон Чжу!» «Допустим, я тебя убью, – говорю я, – а от этого, думаешь, станет легче у меня на душе? Для того чтобы не только искупить свою вину, но и оставаться верным

моральному долгу перед старыми товарищами по революции, хотя бы с сего момента ты возьми новый старт в жизни, дорожа своей совестью и достоинством». Он твердо обещал запомнить мой совет.

На самом деле тогда наши товарищи предложили ликвидировать его. Но я не согласился. Ведь тот чистосердечно признавался в своей вине и раскаивался в ней, и поэтому я до конца обращался к нему по-человечески.

Я угощал его кабаниной, доставленной нашими бойцами, вместе с ним пропустил несколько рюмочек. Потом, ночуя с ним в палатке Ставки, советовал ему начать жить по-человечески, а затем отпустил его домой.

Он остался верен своему слову, которое дал мне. По моей просьбе он передал письмо моим дедушке и бабушке.

Узнав, что Пак Чха Сок благополучно возвратился из Наньпайцзыского тайного лагеря, враги спустя некоторое время послали в лагерь еще и Ли Чжон Рака. Его привела к нам в лагерь малая группа наших бойцов, ходившая в Линьцзян.

Зимой того года мы послали туда одну группу бойцов, чтобы достать материалы для пошива бойцам зимних ватников. Выполняя свое задание, группа встретилась с ловким посредником-торговцем. Он работал на двух хозяев: служил не только японцам, но и партизанам, доставляя нам материалы. Когда к нему обратились наши товарищи, он повел торг с ними, а затем предложил: «Поставлю вам ткань и вату, чего вы хотите. Зато просьба к вам – проводите одного вольнонаемного из японской армии туда, до Ставки революционной армии».

Руководитель группы согласился заключить с ним сделку, но только с условием. Он заявил: «Мы пойдем с большим грузом, не дай бог, не возникли бы неприятности на дороге. Скажи твоему начальству, чтобы прекратило провокации против революционной армии». Таким образом карательные отряды противника, расставившие кордоны в обширном районе, начиная от Линьцзяна и Цзяцзайшуя и кончая Наньпайцзы, на время

прекратили операции и притихли.

Так малая группа, воспользовавшись вражескими замыслами и обернув слабое место противника в свою пользу, благополучно возвратилась в Наньпайцзы с большим количеством хозматериалов. Тот вольнонаемный человек, которого привела тогда малая группа, и был Ли Чжон Рак.

Он с самого начала вел себя надменно, и наши товарищи бросали на него косые взгляды. Он не испытывал страха или подавленности, что он очутился в военном лагере революционной армии. Нагло смеялся, говорил, как ему вздумалось, вел себя без всяких стеснений.

При виде О Чжун Хыба, который, возглавляя пост, находился у входа в тайный лагерь, он решил подарить ему часы. «Сколько горя тебе приходится перенести в такой холодной горной глуши. Возьми, на», – говорил он. О Чжун Хыб, вынув свои карманные часы, показал ему и отказался принять его подарок. «Не стесняйся, возьми, пожалуйста, – говорил изменник. – Не лучше ли иметь еще одни, запасные часы?» «Знаешь, ориентироваться надо на одни часы. Нельзя носить сегодня часы революции, а завтра – часы реакции», – резко ответил О Чжун Хыб. Это была острая критика предательства Ли Чжон Рака, перешедшего со стороны революции на сторону реакции.

Хотя Ли Чжон Рак, находясь в тайном лагере, и вел себя надменно, но я со своей стороны не мог с первых минут встречи начать спрашивать с него за преступления. То, что нельзя одним ударом отрезать ножом или пережечь огнем, – это, кажется, чувство привязанности человека. Слишком велика была дружба с ним, сложившаяся в прошлые дни.

Он ведь тоже был одно время самым близким мне человеком. В бытность членом ССИ он выделялся как революционер, отличавшийся своими собственными убеждениями. Среди нас он как никто был сведущ в военном деле, был чуток к новым идейным течениям. Он, вероятно, уже с 16 лет состоял во фракции Тхоньибу и действовал как боец Армии независимости.

Заметными у него были чувство патриотизма, мужественность и размашистость в действиях. Ли Чжон Рак был также любвеобильным и чувствительным.

Мы выдвинули тогда его на ответственную должность в Корейской революционной армии. Это было знаком высокого доверия, больших надежд на него. Он был весьма популярным лицом. Видели бы, как мы пали духом, когда прилетела к нам весть о том, что именно он, Ли Чжон Рак, которого так берегли и любили, отказавшись от нашего доверия, сдался на милость противника!

Придя в лагерь, он не скрывал, что сам уже в качестве вольнонаемного японской армии состоит в «группе по содействию капитуляции». Он говорил мне: «Если бы удалось свергнуть японский империализм, добиться возрождения Кореи, а затем построить коммунизм во всем мире, как это сказано в Программе ССИ, то, разумеется, не было бы ничего лучшего на свете. Однако это, я вижу, не более чем абсолютно несбыточная мечта. Еще в те годы, когда я состоял в организации ССИ, принимал участие в создании Корейской революционной армии и когда был арестован и брошен в тюрьму, я верил, что эти идеалы осуществимы. Но после событий 18 сентября и 7 июля я передумал. В Корее давно потерпело крах коммунистическое движение. «Япония и Корея – одно целое» – этот тезис становится неопровержимой явью. Согласно этому Япония стала властелином Восточной Азии. Возьмешь в руки Чжунюань[11], говорят, можешь распоряжаться всем Востоком. Так посмотри, какова сейчас картина китайско-японской войны! Пекин, Шанхай и Нанкин пали под ударом японских войск. Успехом кончились Сюйчжоуская, Уханьская операции и операция по захвату Гуандуна. Это же непобедимая Великая японская империя! Она же одним ударом покорила три провинции Северо-Востока Китая, а сегодня заняла более половины обширной территории Восточной Азии. Спрашиваю, что может противостоять ее силам? Сон Чжу, ты все время находишься в

горах и, возможно, толком не знаешь, как изменяется общая ситуация. Цель моего прихода – помочь тебе, который проводит дни в бесполезных страданиях в горах». Ли Чжон Рак вел себя так, как будто он пришел в лагерь за тем, чтобы оказать мне большое благодеяние.

По его словам и поведению я сразу сделал вывод: «Вот ты, вижу, уже насквозь прогнил! Нет тебе спасения».

Для того чтобы враги, окружавшие нас, не затевали драки до тех пор, пока не закончится совещание, я велел Ли Чжон Раку написать письмо противнику. Конечно, под мою диктовку. Вот оно: «Я сейчас в военном лагере армии Ким Ир Сена. Вижу, сейчас нет Ставки. Она передвинулась в сторону гор Пэкту. Расстояние до того места – несколько сот *ли*. Значит, чтобы иметь связь с ней, по-видимому, потребуется определенное время. Сейчас здесь, встретившись с одним из отрядов Ким Ир Сена, веду переговоры, чтобы через него иметь связь со Ставкой. Так и знайте. Прошу вас потихоньку дождаться, пока не поступит следующая информация».

Направив противнику, окружавшему нас, письмо, написанное рукой Ли Чжон Рака, мы свободно продолжали совещание.

Однажды я спрашиваю Ли Чжон Рака: «Видать, ты живешь ничего: улучшилось и здоровье, и руки стали гладкими». В ответ: «Живу хорошо — японцы деньги дают. Но, знаешь, этим я обязан тебе. Японцы знают: Ким Ир Сен — птица высокого полета. И они с целью привлечь тебя на свою сторону, собирают всех, кто хорошо знает тебя или дружил с тобой в прошлом, предоставляют им высокое вознаграждение. Таким, как я, обеспечивают хорошее материальное положение. А если ты, Ким Ир Сен, перейдешь на ту сторону, то ой какое высокое вознаграждение японцы отвалят тебе! Знаешь, что они говорят: «Любые чины обещаем Полководцу Ким Ир Сену, если он повернется к нам. Дадим и пост командующего войсками в Корее и все другие чины, если он попросит. Пусть он делает, как хочет, – станет командующим войсками в Корее и управляет Кореей! Если хочет,

пусть займет место здесь и управляет Маньчжурией! Все это его воля, лишь бы только сотрудничал с Японией. Впредь США, несомненно, стянут свои силы на западное побережье Тихого океана, чтобы захватить не только Японию, но и Корею и Маньчжурию. Стало быть, азиаты должны идти рука об руку, сдерживать, отражать натиск США. Лишь это откроет Азии путь к жизни». Вот что они сказали».

Японцы были ой какие хитрые! Посылая к нам Ли Чжон Рака, они знали, что приглашением к «капитуляции» нас не склонить к себе, и дали агенту задание: рассуждай, мол, вокруг компромиссного предложения по так называемому «сотрудничеству».

Сотрудничать между азиатами, чтобы сдержать силы США, – это было выражение «доктрины о Великой Азии», о чем одно время так громогласно трубили японцы. Они широко рекламировали эту концепцию, суть которой, по их замыслам, в том, чтобы создать процветающую Азию для азиатов во главе с Японией. Однако, где найдешь таких болванов, которые поверили бы им? «Доктрина о Великой Азии» была своего рода ширмой, прикрывающей монополистические притязания японских империалистов в отношении Азии.

Каждый раз, когда империалисты совершают агрессию против других стран, они, как правило, фабрикуют предлог для оправдания своих черных замыслов и выдают его как великий принцип, как свою миссию. Одно время японские империалисты, выкрикивая о первородстве племени Ямато, разжигали идею «Вселенная – одна семья во главе с Японией». И еще: совершая агрессию против Кореи, они заявляли: «Япония берет на свое попечение и охрану ту нацию, которая не способна существовать самостоятельно». При нападении на Маньчжурию они ссылались на «использование права на самозащиту», а при сколачивании Маньчжоу-Го трубили о «примирении и согласии пяти наций» и создании «обетованной земли». Провоцируя войну с Китаем, они выдвигали лозунги о так называемом «наказании бунтовщического Китая», о «возрождении и строительстве

нового Китая», о «сочетании трех государств – Японии, Маньчжурии и Китая» и так далее.

Вот и Ли Чжон Рак назойливо проповедывал мне «доктрину о Великой Азии». Поэтому я сказал: «Предположим, что мы будем наступать на Японию, железным кулаком поставим японцев на место и провозгласим: отныне осуществится «доктрина о Великой Азии» во главе с Кореей. Как думаешь на этот счет? Примет ли Япония эту доктрину как справедливую?» Спросив так, я продолжал: «Ты выдаешь Японию за непобедимое существо. Тогда скажи: почему Япония вот уже несколько лет ломает голову над тем, как бы ей подавить КНРА вооруженной силой? Если Япония непобедима, то почему она не смогла покорить нас прямым путем, почему она ведет такую примитивную кампанию по «содействию капитуляции», используя такого посредника, как ты?» И на этот вопрос Ли Чжон Рак не смог дать вразумительного ответа, говорил так: «А это японцы так делают для того, чтобы сберечь Ким Ир Сена, других намерений тут, видать, быть не может. Сильный побеждает, а слабый терпит поражение – это неопровержимый принцип в мире. Прекратил бы ты безнадежное сопротивление, принял бы предложение японцев. Сейчас один только Наньпайцзы окружили три дивизии – сплошное плотное кольцо. Не откажетесь от сопротивления – они, может, пустят в ход ядовитый газ или какие-то мощные орудия нового образца, чтобы полностью уничтожить вас».

Я ему говорю: «Пусть японцы предложат даже пост премьер-министра, а не командующего войсками в Корее. Но мы от борьбы не откажемся. Если они хотят, пусть применят ядовитый газ, откроют огонь из орудий большой эффективности. Но КНРА не сдается».

Тогда я услышал от него весть о Хан Ен Э. По его словам, когда японцы готовили «операцию по содействию капитуляции» по отношению ко мне, они уже наметили и Хан Ен Э. Однако она заявила решительный протест, и они не могли подключить ее к провокации.

Ли Чжон Рак говорит: «Мы вместе с Хан Ен Э сидели в

Синичжуской тюрьме. Вижу, у нее чувство нравственного долга к тебе, Сон Чжу, необыкновенное. Я получил от японцев распоряжение – втянуть ее в «операцию по содействию капитуляции». И начал было разговор с ней, но не тут-то было: ее не проведешь на бобах, и я сел в лужу. «Я, – говорит она, – не занимаюсь такими подлостями. И тебе лучше бы туда не ходить. Думаешь, Ким Сон Чжу попадает в такую ловушку, как игра с «капитуляцией»? Так ли?» Она меня уничтожающе критиковала».

Слушая его, я был благодарен Хан Ен Э. А чувство отвращения к Ли Чжон Раку я просто был не в силах сдержать. И я ему говорю: «Посмотри, какая это женщина – Хан Ен Э. Не изменила своим убеждениям, не сдается на милость противника, до конца стоит на своем. А ты, Чжон Рак, бросил революцию, да и, не довольствуясь и этим, обернулся японским цепным псом. Не стыдно ли тебе, а? Ты изменился и стал подлецом».

Убедившись, что меня уговаривать без толку, он пытался поймать на удочку хоть кого-то из наших партизан. Встретившись с одним бойцом из комендантского подразделения, он принялся соблазнять: «Есть ли у тебя родители? Не тоскуешь ли по семье? Раньше японцы убивали всех партизан, кого поймают. А теперь дело другое. Они не только не убивают, а, наоборот, заботятся о них! И сразу судьба становится иной. Если ты захочешь очутиться под родительским крылышком и, женившись на красивой девушке, жить в покое и довольстве, давай пойдем вместе со мной».

Получив сведения об этом, я окончательно убедился: в отличие от Пак Чха Сока, который ходит на побегушках у японцев поневоле, этот Ли Чжон Рак – цепной пес, верный слуга японских империалистов, который сознательно служит врагам, отбросив интересы Родины и нации.

По единодушному требованию наших бойцов Ставка расценила Ли Чжон Рака как изменника нации и одобрила предложение приговорить его к смертной казни. Когда приговор привели в исполнение, к трупу прикрепили бумагу с таким

текстом: «Любого предателя ждет позорная смерть, пусть это будет и однокашник или кто-нибудь другой».

Когда я рассказываю о встречах с Ли Чжон Раком и Пак Чха Соком в Наньпайцзы, многие говорят, что такие случаи встречаются только в романах. Если описать события того времени так, как они были на самом деле, то это может стать поистине замечательным романом. Тот, кто клялся когда-то делить одну судьбу, делить горе и радость на пути революции, теперь, обернувшись предателем, явился передо мной и пропагандировал могущество Японии, силился убедить меня в бесполезности нашего сопротивления, уговаривал, чтобы командующий революционной армии сдался на милость противника. Спрашивается, можно ли даже представить такое невероятное положение? Это был, я бы сказал, исключительно особый случай из бесчисленного множества испытанных, пережитых мною.

Откровенно говоря, после встречи с этими двумя людьми настроение у меня было очень плохое. Если бы ко мне пришел с таким заданием человек, совершенно незнакомый, кого я не знал бы по имени и не ведал, откуда он, то это не оставило бы столь тяжелого камня на душе.

При создании ССИ настроение у них буквально было приподнятое. Мы все обещали: если жить, так жить вместе, если придется умереть, то тоже умрем вместе. Когда мы давали такое слово, казалось, никто из нас не изменит клятве. Однако, к величайшему сожалению, появились предатели и из числа тех, кого я больше всего берег, кому больше всего доверял.

В период подъема революции масса людей участвует в революционной борьбе, и тогда в революционных рядах почти не заметны такие типы, как колеблющиеся и отщепенцы.

Однако, когда обстановка для дела революции складывается неблагоприятно и на ее пути возникают трудности одна за другой, появляются и колеблющиеся, и дезертиры, и капитулянты. Поэтому, чем суровее ситуация, чем труднее положение в стране, тем активнее работники должны вести идеологическую работу

среди людей. Разумеется, идейность человека не разглядишь на глаз. На лбу у человека не написано, какова его идейность. Поэтому выявлять в революционных рядах колеблющихся и сторонников пораженчества, лишенных революционных убеждений, – дело не из легких. И все-таки идейность человека, как правило, обязательно обнаруживается в одном из уголков его работы и жизни. Работники должны вести как следует идеологическую работу, укреплять революционные убеждения с учетом подготовленности и идейного настроя каждого человека.

В чем тут состоит урок? В том, что идеи должны стать убеждениями человека и что, если они останутся только знаниями, из этого толку не выйдет. Идеи, не превратившиеся в убеждения, могут легко подвергаться перерождению. А когда идейный облик человека перерождается, то он становится таким, как Ли Чжон Рак и Пак Чха Сок. Поэтому, если считаешь определенные идеи справедливыми, то сделай их своими твердыми убеждениями. Богатые знания станут настоящей творческой силой, неудержимо пробивающей путь к новому, только в том случае, когда они основаны на революционных убеждениях. Глаза видят действительность, а убеждения – будущее.

Если рухнут убеждения, то погибнет дух, а если погибнет дух, то сам человек становится никчемным. И моральный долг и совесть человека зиждутся на убеждениях. Те, кто лишен убеждений, не умеют дорожить и совестью, не соблюдают свой моральный долг, не могут сохранять и достойный человека облик. Человек крепких убеждений может с честью проложить путь в жизни, может правильно вести себя и по отношению к товарищам, может, следовательно, внести настоящий вклад в дело партии и революции, Родины и народа.

Преданность должна стать убеждением, велением совести, моральным долгом и войти в повседневную жизнь – таково именно утверждение товарища Ким Чен Ира. Глубокомысленная философия. Я целиком и полностью разделяю его взгляд.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

К новому подъему революции

Трудный поход…148

Цинфэнский урок…182

Случай с солью…200

Бой в Тэхондане…214

Весенний праздник *тано* в поселке Юйшидун…233

Верность женщин-борцов делу революции…249

Декабрь 1938 – июнь 1939

1. Трудный поход

С начала декабря 1938 года до конца марта 1939 года главные силы КНРА совершили переход от Наньпайцзы уезда Мэнцзян до Бэйдадинцзы уезда Чанбай. Этот переход получил название «Трудного похода».

С тех пор прошло уже более полувека. Но наш народ и поныне помнит это событие. Великие подвиги, совершенные в этой операции уважаемым вождем товарищем Ким Ир Сеном, и непоколебимый революционный дух, проявленный антияпонскими партизанами, составляют бесценное наследие, которое принадлежит нашему народу и будет передаваться из поколения в поколение.

В этом разделе приводятся воспоминания товарища Ким Ир Сена о Трудном походе, почерпнутые из его бесед во время встреч с историками и писателями.

За это время вы сделали многое, систематизируя и пропагандируя революционные традиции нашей партии. Многое написали о них и мастера пера, вышли в свет литературные произведения, имеющие большое воспитательное значение.

Кажется, прошло уже довольно много времени с тех пор, как вы просили меня рассказать о Трудном походе. И я решил на этот раз выкроить время специально для вас.

Мы совершили Трудный поход в конце 1938 – начале 1939 годов. Это было время самых суровых испытаний в истории антияпонской вооруженной борьбы.

В сложившейся тогда обстановке нам было почти невозможно продвигаться на Родину крупными силами. Политическая ситуация складывалась крайне неблагоприятно для нас. Дело дошло до того, что такой тип, как Ом Гван Хо, в открытую трубил: «Настал период спада революции!» Продвинуться в такое время крупными силами в пределы Кореи – значило фактически сознательно пойти на огромный риск.

Однако, несмотря на это, мы все-таки смело совершили поход в направлении бассейна реки Амнок, чтобы затем вступить на

территорию Кореи. Ради чего? Для того, чтобы превратить создавшуюся на пути революции неблагоприятную ситуацию в благоприятную. Если сидеть сложа руки и только горевать по поводу сложных проблем, то их решения не дождешься. Если бы мы, скажем, забились в лесную глушь, в тайный лагерь, то, конечно, смогли бы благополучно перезимовать, сохранив свои силы. Но если таким способом сберегать, как говорится, статус-кво, то это вряд ли поможет преодолеть трудности на пути революции. Вот почему мы и решили, хотя это требовало от нас большого напряжения сил, совершить Трудный поход и продвинуться на Родину.

Не было у нас другого выхода, кроме этого, для того, чтобы обеспечить неуклонный подъем революции.

1938 год. В том году пали духом жители района Западного Цзяньдао и народ в Корее. В связи с «Хесанским делом» были арестованы многие подпольщики. В результате революционное движение в Корее столкнулось с большими трудностями и испытаниями.

К тому же вовсю раскручивался маховик вражеской пропаганды на тему: «Народно-революционной армии – конец». И хотя эта армия продолжала жить и бороться, населению все уши прожужжали о ее гибели. И на подобную ложь клюнуло немало людей. До их слуха доходили одни лишь зловещие вести. Даже знающим лживую суть пропаганды противника в голову закладывалась мысль: а вдруг это правда? Даже солидные революционеры теряли веру в победу, разве что обращали взоры только в сторону гор Пэкту.

Что касается пропагандистской деятельности, то у врагов были намного более выигрышные возможности, чем у нас. У них – могучие средства массовой информации, все ее легальные каналы. Журналисты фабрикуют, например, внешне правдоподобную сенсационную публикацию – о том, когда и где «наголову разбита» революционная армия. Газета выходит тиражом в десятки тысяч экземпляров. И читают ее тысячи, десятки тысяч людей. К этому

потоку фальшивок присоединяло свой голос и радио.

А у нас средства пропаганды такие: несколько видов газет и журналов внутреннего пользования, агитационные листовки и прокламации – вот и все. Можно сюда добавить незначительный тираж местных печатных изданий подпольных организаций в различных районах. И эту печать нам приходилось распространять с величайшим трудом, только нелегальными путями. Были ведь и такие случаи, когда патриоты сложили голову всего за одну распространенную ими листовку. Чтобы проникнуть в пределы Кореи хотя бы с пачкой листовок, подпольщикам приходилось рисковать жизнью.

Мы понимали, что когда враги трубили об «уничтожении» революционной армии, самым лучшим методом оповещения о том, что это сплошное вранье и что жива революционная армия, было бы эхо гремящих внутри страны выстрелов. Прогрохочут залпы – и вновь появится много подпольных организаций.

По словам связного из Западного Цзяньдао, большинство подпольных организаций района Чанбая было разгромлено. Стало известно, что и внутри Кореи арестовано очень много людей. Уцелевшие члены организации укрывались неизвестно где, и с ними нельзя было связаться.

Получив информацию обо всем этом, мы думали: «Пусть вырублен «лес» подпольных организаций, но все-таки остались там, наверное, какие-нибудь «пни». Будут хотя бы эти «пни» – сможем возродить организации. Что бы ни случилось, надо выйти в Чанбай, чтобы восстановить организации, а затем – и на Родину». Так мы решили.

Тогда некоторые товарищи предлагали: «Давайте отсидимся зиму в тайном лагере, будем проводить военно-политические занятия, как это было в Матангоу. А когда придет тепло, тогда и можно затевать новую операцию. Зачем же нам самим мучить себя в такие морозы, в снегу по пояс?»

Мы не могли последовать таким советам. Как же нам сидеть сложа руки, спокойно созерцая, как антияпонская борьба в Корее

переживает суровые испытания? А предстоящие лишения для нас не в диковинку. С первой же поры революции разные невзгоды и мучения были у нас столь же частыми гостями, как у богачей на обеденном столе каша из белого риса. Разве мы только раз-другой претерпевали муки, невиданные в истории? На Родине переживает испытания антияпонская борьба, народ обращает свои взоры только в сторону гор Пэкту. Как же можно нам, революционной армии, принявшей на себя миссию освобождения Родины, бездействовать да только смотреть издали на беду, как на пожар за рекою?!

«Пусть нам придется утолять голод корой деревьев, но ступим на родную землю! Могут быть и жертвы, не исключены и зигзаги, и перипетии. Как же не быть при этом лишениям и трудностям?! Ведь на нашем пути – лес штыков. Пусть это так, но сейчас нам остро необходимо отпечатать на земле глубокие следы своих шагов! Пусть все услышат наши выстрелы. Сразимся с гадами!» – так кричало тогда у меня сердце.

Вот что я могу сказать о мотивах, побудивших нас совершить Трудный поход. Если выразиться проще, то цель Трудного похода была, можно сказать, в том, чтобы всколыхнуть родную землю.

Как знаете и вы, когда мы вели вооруженную борьбу против японского империализма, у нас не раз были тяжелые походы. В их числе – поход нашей части осенью 1932 года от Аньту до Ванцина и возвращение в Цзяньдао после Первого похода в Северную Маньчжурию, поход в Фусун ранней весной 1937 года.

Однако этот поход, от Наньпайцзы уезда Мэнцзян до Бэйдадинцзы уезда Чанбай, был труднейшим маршем, который даже не идет в сравнение с прежними походами по своей продолжительности и суровости. Поход этот продлился более ста дней, и потому называют его также «стодневным походом». На самом деле его продолжительность была более 110 дней. За все муки мученические, что довелось нам претерпеть, его назвали «Трудным походом».

Я читал много статей о походах былых времен. Таков «Железный поток» – я знаю его по фильму, читал роман. Однако с описанием столь тяжелейшего, полного лишений и страданий похода, как наш Трудный поход, я пока, собственно, ни разу не встречался. В бытность учеником средней школы я читал роман «Железный поток», и мне думалось: «Неужели и вправду был такой мучительно тяжкий поход?» Тогда на меня произвел глубокое впечатление образ Кожуха, который непреклонно идет навстречу нагромождающимся трудностям. Но после Трудного похода я понял: те трудности были намного легче, если сравнить их с тем, что пришлось пережить нам.

Если резюмировать вкратце содержание Трудного похода, то можно сказать: нам довелось изведать на себе сложное переплетение всех аспектов борьбы с суровой природой, с крайней нехваткой продовольствия, с невообразимым переутомлением, со страшными болезнями – и все это в непрестанных схватках с жестокими и коварными врагами. И была еще одна острая борьба – борьба с самим собой за преодоление трудностей. Проще говоря, это была борьба за выживание, сопряженная со стремлением любой ценой одержать победу в схватке с противником. Вот каково было основное содержание Трудного похода. Действительно, этот поход с самого начала до конца был полон суровых испытаний и неимоверных трудностей.

В том году до прихода *чхусок*[12] ударили первые заморозки, а уже после него выпал обильный первый снег. Ходили слухи, что с самого начала зимы морозы были так сильны, что замерзала и трескалась береза. А нас еще мучили голод и лихорадка. Без сна и отдыха приходилось вступать в схватки с врагом по несколько раз в сутки. Не перечислить всех лишений и страданий!

От Наньпайцзы до Бэйдадинцзы пешеходу хватило бы пяти-шести дней на весь путь. А нам, чтобы преодолеть это расстояние, потребовалось, увы, более 100 дней. И с титаническим напряжением сил – из-за непрестанных стычек с врагом.

И вы, думаю, знаете маршрут Трудного похода, представляете,

сколь сложным он оказался!

Трудный поход – это, я бы сказал, напряженнейший поход: по физической нагрузке, по мукам и страданиям людей он не идет ни в какое сравнение с экспедициями былых времен. Этот поход вошел в историю деятельности КНРА именно как невиданный доселе по своим тяготам. Это объясняется именно тем, что шли мы в условиях непрекращающегося преследования врага, под постоянными угрозами окружения. И вам, видимо, трудно представить себе, какими неотвязными, упорными были эти преследования и попытки полного окружения.

Японские империалисты нацеливали все свои карательные силы на «уничтожение» нашей главной части. Они кричали: «1-й корпус разбит. Его сил мало осталось. Действует только один отряд – Ким Ир Сена. Остается поднять на ноги все части и направить их на карательные операции против войск Ким Ир Сена». Это они и пытались сделать, ведя горячие бои и используя все способы, вплоть до применения голубей в качестве средства связи.

А какова была их тактика? Суть ее состояла в том, чтобы не давать бойцам революционной армии ни отдохнуть, ни поесть, ни поспать. Следуя такой тактике, они бросали против нас сотни человек. Однажды выпал такой день, когда пришлось вступать в бой более 20 раз!

Если бы мы тогда отправились от Наньпайцзы тихо и незаметно, как это бывало при выходе в экспедиции в былые времена, то не пришлось бы претерпевать столь тяжкие испытания. Но нам нельзя было начинать поход потихоньку, втайне от врага.

С самого начала похода мы были вынуждены заявить о себе выстрелами. Нужно было запасти продовольствие для похода. И сразу пришлось вступать в бой: оставив тайный лагерь, мы немедленно напали на одно коллективное поселение. Враги, услышав наши выстрелы, неотступно шли по нашим следам. Им стало известно, в какую сторону движется 2-я армейская группа. Ясно было, что они не оставят нас в покое.

Враги, окружавшие тайный лагерь в Наньпайцзы, начали

погоню немедленно. Их маневренность была очень высокой. Совершив форсированный марш примерно на 20 километров, мы решили приготовить еду, чтобы подкрепиться. Но не тут-то было – нагрянул противник. И тут уж нам было не до варки каши. Досадно, конечно, но ничего не оставалось, кроме как сложить мокрое зерно обратно в вещмешок. Не раз были такие случаи. Будь это обычный поход, без боев, то мы не так уж и измучились бы. Однако преследования и попытки окружения не прекращались, и приходилось постоянно в такой обстановке вступать в бой. Причем трудности все прибавлялись. Именно это и составляло самую большую тяжесть похода.

Еще одно большое испытание, которое приходилось нам переносить в то время, – постоянная нехватка продовольствия, голод. Почему так было? Здесь целый ряд причин. Осенью 1938 года мы, правда, в достатке запасли продовольствие на зиму. Однако в дни совещания в Наньпайцзы большое количество продуктов было израсходовано. Весь остаток продовольствия раздали по частям, которые первыми отправлялись к местам назначения. Зима ударила суровая, и почти невозможно было собирать съедобные дикорастущие и другие травы. Если бы враги не так уж злобствовали, мы смогли бы охотиться на зверей, утоляя голод хотя бы сырым мясом, но оглашать леса выстрелами было делом небезопасным, и на охоту нельзя было пойти. Был, правда, единственный случай, когда я позволил охоту на медведя. О Бэк Рён обнаружил спящего медведя в большом дуплистом дереве. Он говорит: «Дай бог, выстрелил бы в него». А я говорю ему: «Разведай сначала, есть ли вокруг нас враги, и стреляй, если сможешь убить его одним выстрелом». И он убил одним выстрелом медведя весом с вола.

В первые дни похода наши бойцы питались похлебкой два раза в день. Но когда остался незначительный запас продовольствия, мы сразу сократили норму: ели один раз в сутки. А потом не могли позволить себе и этого и за неимением пищи утоляли голод свежим снегом. От голода в глазах темнело.

Встанешь с места, чтобы продолжать поход, а все в глазах мелькает, голова кружится и ноги не слушаются.

Вот почему я после освобождения страны при каждой встрече с руководящими работниками говорил: «Те, кто испытывал муки голода, знают цену риса, знают цену труда крестьянина. А те, кому не приходилось голодать, не вправе говорить, что знает цену революции».

Однажды был такой случай. О Бэк Рён с моего разрешения спустился в глушь под Цидаогоу, совершил налет на лесоразработки и привел несколько коней. Тогда у нас иссяк запас продовольствия, мы решили утолить голод кониной. Однако мы были в окружении врага, и нельзя было поджарить ее на огне, не было соли, ели сырое мясо. Со второго раза конина была уже так отвратительна, что от одной мысли проглотить ее тошнило. К тому же сырая конина вызывала понос, и это было не менее мучительно, чем голод.

Бойцы страдали поносом, но все же им приходилось есть сырое мясо. Что поделаешь, если, кроме конины, не было ни крошки съестного. А уже спустя четыре-пять дней не осталось у нас и этой мерзлой конины.

Среди ветеранов антияпонской революции много людей низкого роста. Причина этого кроется, в частности, в том, что в возрасте, когда организм требовал достаточного питания, они постоянно недоедали, терпели много лишений. Какие доводилось им пройти испытания! И их организм не мог полностью развиться.

Партизаня в горах, мы не могли есть досыта, употреблять нормальные продукты.

Часто приходилось питаться съедобными дикорастущими травами и кореньями, корой деревьев, затором, рисовыми отрубями, бардой. Грубые продукты и ненормальный режим питания приводили к расстройству органов пищеварения.

Когда к нам приехал Фидель Кастро, он спрашивал меня: «Как вы решали вопрос с продовольствием в годы антияпонской

вооруженной борьбы? Как доставали обмундирование? Как устраивались на ночлег? Как переносили сорокаградусный трескучий мороз?» И я рассказал ему о том, как во время Трудного похода мы страдали от нехватки продовольствия, как мучились от жестокого мороза.

Фидель Кастро был глубоко потрясен моим рассказом. Видимо, когда он партизанил, ему не приходилось испытывать таких страданий, какие переживали мы. Куба отличается от Северо-Востока Китая и от Кореи весьма теплым климатом. В ней много и продуктов питания.

Когда я боролся в горах, меня больше всего беспокоило то, что я не мог накормить досыта своих боевых друзей, не мог дать им возможность жениться и выходить замуж в самом подходящем для этого возрасте, а только заставлял терпеть разные мытарства.

Как я ни старался рассказать сейчас здесь о суровости этого Трудного похода, но вам, лично не испытавшим этого на себе, нелегко представить себе все муки и страдания, пережитые нами. О трудности похода расскажу, следуя его маршрутом.

Враги с самого начала применяли «тактику яростного наступления и неотступного преследования», то есть жестокие налеты сочетались с цепкой погоней. Вражеские атаки и погоня были так часты и навязчивы, что не давали нам передышки, чтобы сварить кашу, и мы продолжали поход, на ходу жуя сырое зерно.

В основе упомянутой тактики врага лежал прием «дани», суть которого – цепко вцепиться, как клещ, и не давать противнику покоя. По-японски клещ – «дани». Тактика «дани» была направлена на то, чтобы заранее расположить в каждом нужном пункте карательные подразделения и ударить по партизанскому отряду, как только он появится. А затем – идти по его неостывшим следам, до конца преследовать и уничтожить его. Такую тактику придумали японцы для того, чтобы вконец измотать и разгромить партизанский отряд, не давая ему ни передохнуть, ни

поспать, ни поесть, неотступно следуя за ним и нанося по нему удар за ударом. Враги, сменяя друг друга, могли сколько угодно отдыхать, но партизанскому отряду нельзя было ни сделать передышку, ни поесть, приходилось постоянно вести бои. Сколько лишений и страданий пришлось перенести – не счесть!

В древнем военном трактате написано: наскочишь на сильного противника, преследующего тебя посменно на дальнее расстояние, не миновать гибели; поэтому выдающимся в боях называют того богатыря, который не дает загнать себя в такой тупик. Это значит: попадешь в такую западню – не выберешься из нее, как бы ни пытался.

И вот мы попали именно в такую западню. Враги набросились на нас со всех сторон, цепко вцепившись в нас, как клещи, и не собирались от нас отрываться. Беда была велика. Нам пришлось искать выход, использовать такие способы, чтобы выбраться из западни, в глубине которой мы очутились.

Вот тогда и придумали тактику зигзага.

Я собрал всех командиров полков и приказал: «Отныне идти зигзагами. На каждом повороте останавливаться и подождать там противника. Как только враг появится – косить его пулеметными очередями. Только так можно сбросить с себя этих японских «дани». Так надо».

Эта тактика была самой эффективной для нанесения ударов по противнику, который преследует нас по пятам в маньчжурских лесах, покрытых снегом глубиной в человеческий рост и больше. Зимой того года снегу выпало особенно много. Идущие впереди должны были пробивать дорогу в сугробах, трамбовать ее. Только так могли следовать за ними другие. Снега было навалено столько, что даже наиболее крепкие бойцы, пройдя метров 50 – 60, выбивались из сил и валились с ног. А в некоторых местах, прегражденных особенно глубокими сугробами, мы пробивали себе дорогу, перекатываясь с бока на бок. В иных местах приходилось прорывать туннель, чтобы пройти через него. Кое-где сугробы были так глубоки, что бойцы,

развязав гетры, соединяли их концы и, взявшись за них, так двигались, чтобы не было отставших.

Врагам приходилось только следовать по нашим следам, по сделанным нами зигзагам.

О Чжун Хыб, замыкая походную колонну, давал приказы: устраивать на каждом повороте маршрута, в углу зигзага, засаду группой из двух-трех бойцов с пулеметами и уничтожать противника. Так и делалось. А затем ударная засадная группа, используя то время, пока противник уберет трупы убитых, отходила. А когда он опять приближался, ударная группа снова била его таким же методом. Враги следовали только по одному-единственному пути, проложенному нами, и каждый раз их постигала плачевная участь – они оказывались под нашим огнем. Постоянно попадая впросак, противник оставлял за собой груды убитых. Зато мы, взяв инициативу в руки, могли наносить ему непрерывные сильные удары.

Наш отряд продолжал поход через глубокие снега и в начале января 1939 года наконец-то достиг глуши под Цидаогоу уезда Чанбай. До этих дней нам приходилось вести многочисленные бои, скажем, такие, как налет на коллективное поселение Яогоу, бой под Маихэ и налет на Ванцзядянь в уезде Линьцзян. Об этом, пожалуй, и вы хорошо знаете.

Противник с каждым днем все больше сил бросил на карательные операции. Чем дольше он продолжал нас преследовать, тем больше терял убитыми и ранеными. Но, несмотря на это, сменяя свои отряды один за другим, он упорно продолжал свою линию. Резервов у него было хоть пруд пруди, и с гибелью нескольких сотен солдат он, пожалуй, не считался.

Наши бойцы, вымотавшись, даже на марше дремали, видели сны. Представьте, как они измучились, если они на ходу засыпали! Чтобы не выпустить нас из поля зрения, над нами постоянно кружились самолеты, и мы не могли даже свободно разводить костер. Самолет был такого же типа, который применяют у нас в госхозе № 5 при распылении ядохимикатов, но

все же самолет есть самолет. Эти стервятники чуть ли не каждый день прилетали к нам и, разведав наш маршрут, сообщали наземным частям.

Как-то раз после такой разведки нашего местонахождения противник налетел на нашу походную колонну Народно-революционной армии, подобно пчелиному рою: враг был и впереди, и позади, и под боком, и в небе. Обстановка была до того критическая, что мне пришлось приказать пулеметному взводу уничтожить наступающего противника с фронта, 7-му полку – сдержать натиск врага с тыла, а остальным бойцам – прорывать кольцо окружения с фланга.

Таким путем, слава богу, удалось избежать гибельного момента, но столкнуться с такой рискованной ситуацией один-два раза – более чем достаточно, чтобы осознать: нельзя постоянно играть в смертельно опасную игру наподобие «ходьбы по канату». Совершать коллективный поход крупными силами армейской группы значило заведомо иметь немало неудобств. Трудно было, во-первых, замести следы, во-вторых, достать продукты. Бывало, десятки бойцов приносили продовольствие, взвалив его на себя так, что спины гнулись от тяжести груза. Но и этого добра едва хватало на два-три дня. Бойцы были так вымотаны постоянным недоеданием, недосыпанием и непрекращающимися боями, что, случалось, на ходу мешком падали один за другим.

Каким же путем всем нам можно и выжить, и благополучно добраться до Чанбая? Решая эту головоломку, я приказал действовать разрозненно, а не коллективно. Но действовать рассредоточенно – это вовсе не означало, что от этого все дело само собой пойдет благополучно, как по маслу. Рассредоточишься – и от этого могут возникнуть свои трудности и страдания.

Я решил, что 2-й армейской группе надо действовать в нескольких направлениях, а мне самому передвигаться вместе с 7-м полком. Однако на совещании все командиры в один голос выступили против моего решения оставаться с 7-м полком. Они

настаивали на том, чтобы Ставка Командования расположилась в Цинфэнском тайном лагере – одном из самых безопасных в глуши под Цидаогоу. Они так заявляли для того, чтобы обеспечить мою безопасность. Они приводили такой довод: «В наших частях 7-й полк больше всего воюет. Действуя вместе с ним, будете в большей опасности».

Но я был не согласен с таким мнением и заявил: «В Цинфэнский тайный лагерь необходимо отправить только раненых, больных и слабых! Нашему народу нужен боевой Ким Ир Сен. Ему не нужен такой Ким Ир Сен, который, укрывшись, сидит сложа руки». И командиры больше не возражали против моего решения.

В конечном счете, все обсудив, мы разбили армейскую группу на три направления: Ставке вместе с комендантской ротой и пулеметным взводом продвинуться по направлению Цзяцзайшуя, через Цинфэнский тайный лагерь, 7-му полку О Чжун Хыба – действовать в районе Шанганцюя уезда Чанбай, 8-му полку и отдельному батальону – в районе Дунгана уезда Фусун.

С тех пор, как армейская группа перешла к разрозненным действиям, Трудный поход, можно сказать, вступил во второй этап.

Теперь это, правда, стало рассказом о прошлом. Но тогда нам было мучительно больно в душе. Все товарищи без исключения, расстававшиеся со Ставкой, плакали от сожаления. Хватая бойцов комендантской роты за руки, они настоятельно просили надежно охранять Командующего. От их горячей просьбы, от стремления грудью защищать Ставку и у меня навертывались слезы на глаза. Среди бойцов были такие, на которых одежда была так изношена, что просвечивало тело, а обувь была такой потрепанной, что им приходилось обертывать ноги гетрами. Были и такие, которые ходили, обмотав ноги воловьей шкурой вместо портянок. Несмотря на это, они думали не о себе, а беспокоились только о безопасности Командующего. Как же мне не быть тронутым! Вот и набегали слезы на глаза.

Позже я узнал, что на прощание О Чжун Хыб настоятельно просил О Бэк Рёна: «Противника увлечет за собой мой 7-й полк. А твоей комендантской роте ни за что не вступать в бой, а всячески избегать его. Какими бы то ни было способами упроси товарища Командующего оставаться в Цинфэнском тайном лагере».

И поныне мне не позабыть самоотверженности и верности О Чжун Хыба, проявленных им ради безопасности Ставки во время похода.

Чтобы Ставку не постигла беда, он, едва покинув глушь под Цидаогоу, выманил на себя надвигающегося противника и вел трудные бои. 7-й полк О Чжун Хыба выдавал себя за Ставку, и ему приходилось нести на себе всю тяжесть ударов противника. Враги ведь отчаянно стремились поймать меня, а его полк выдавал себя за группу Ставки, охраняющую Ким Ир Сена, и враги с особым рвением налетали на него.

Говорят, полк О Чужн Хыба тогда больше недели, не имея ни единой крупинки зерна, увлекал за собой врагов и вел непрерывные бои. Он и тогда, когда завязался бой на горе Хунтоушань, услышав выстрелы издалека, поспешил к нам и надежно охранял Ставку.

Благодаря такой «подмене» нас меньше беспокоили враги.

Вражеские силы, нацеленные на «разгром» нашей Ставки, были рассредоточены. Но нам было не избежать одного – трудности с продовольствием. Голодные, мы продвигались в сторону Цинфэна. Там было картофельное поле, возделанное бойцами интендантской службы, направленными нами. Если картофель окажется на поле нетронутым, то я хотел остановиться там, чтобы дать бойцам отдохнуть хотя бы несколько дней, подкрепиться картофелем. Тогда мы чуть не померли с голоду: не было ничего съестного.

Недалеко от Цинфэна, откуда ни возьмись, перед нами появилось поле неубранной чумизы. Судя по рельефу и местным приметам, это было то чумизное поле, которое весной мы засеяли перед уходом в тайный лагерь Синьтайцзы. Еще раньше его

обрабатывал в этой глуши, видимо, тот, кто занимался выращиванием опиумного мака. Он засевал поле, но, заметив наших бойцов, суетясь, улизнул куда-то. Наверное, он считал нас бандитами или японскими вояками.

Наши бойцы тогда очень сожалели, заметив удирающего хозяина поля. Мы говорили: «Видать, он изрядно испугался и удрал. Вряд ли он снова придет сюда, чтобы засеять поле. Из-за нас он улизнул, так что нам нельзя же оставлять поле заброшенным. Давайте засеем его. Пусть хозяин уберет осенью». Так мы и засеяли это поле чумизой.

Однако это чумизное поле было не убрано, оставалось нетронутым. Видели бы, как восторгались тогда наши бойцы, заметив засыпанные снегом чумизные колосья! Один из бойцов в шутку сказал друзьям: «Видать, действительно есть бог – царь небесный. Не будь его, кто же помог бы нам, умирающим с голоду?» А другой добавил: «Товарищ Командующий! Теперь и царь небесный на стороне нашей революционной армии».

На самом деле мы были обязаны не царю небесному, а самим себе. Если бы мы весной, видя удирающего хозяина поля, не засеяли его, а просто прошли мимо, то не попался бы нам такой «дар природы».

Вообще у нас вошло в привычку: каждый раз на новой стоянке направлять бойцов на поднятие целины, сажать там чумизу или картофель, или тыкву. Так, на поляне, расположенной неподалеку от места ночлега, мы поднимали целину, сеяли семена, а затем делали условные знаки, чтобы позже могли найти это место. Тогда ординарцы спрашивали: «Товарищ Командующий! Собираетесь в дальнейшем снова приходить сюда?» В душе они думали: «Какой толк от посева, если мы не придем сюда снова?»

Я отвечал им: «Может, придем, может, нет. По всей вероятности, не придем. Но пусть мы снова не придем, но здесь могут проходить и связной, и небольшой отряд. И как они будут рады, когда голодные, проходя такие безлюдные края, будут выкапывать картофель, собирать тыкву, чтобы утолить голод».

Места, которые мы проходили, мы обозначали номерами: дорога № 1, дорога № 2, дорога № 3, дорога № 15 и тому подобное. Когда связные или бойцы небольшого отряда возвращались с Н-ского пункта после операции, я спрашивал их: «Какой дорогой шли?» Они отвечали: «Дорогой № 3» или «Дорогой № 15». А на вопрос: «Не голодали ли в пути?» – они отвечали: «Заходили на то поле, которое засеяли раньше, когда вы, товарищ Командующий, вместе с отрядом остановились на ночлег на походе. Там собрали кабачки, варили и ели». Или: «Выкопали картошку, испекли на костре и поели».

Как мы мучились от постоянного недоедания в годы антияпонской революции! За еду сходил даже сок березы. Его употребляли не только в качестве лекарственного напитка, но и для питания, конечно, дополнительно.

Мы с трудом извлекали по-одному чумизные колосья из сугробов, толкли зерно и варили похлебку. Надо ли говорить, что и ножную крупорушку мы сделали на скорую руку.

Примерно с неделю мы питались похлебкой, и немного восстановилось здоровье бойцов. Но и та чумиза скоро кончилась. Оставался единственный путь приобретения продовольствия – пойти в Цинфэнский тайный лагерь и взять каждому по вещмешку картофеля.

Но путь в Цинфэнский тайный лагерь нам преградила река. Нужно было перебраться на другой берег, но река не замерзла, и перейти было нельзя. Вообще река в глубоком горном ущелье и зимой посредине не всегда замерзает. Можно, конечно, было перейти и по мосту, но на это нелегко решиться: там, может быть, вражеские часовые. Однако иного выхода не было: с риском для жизни мы проползли мост по одному.

Но едва мы преодолели реку, враги пустились в погоню за нами. И завязался бой. Увлекая за собой противника, мы быстро поднялись на гору: на ее вершине было картофельное поле. Я решил было сдержать натиск врага, чтобы за это время отдельные бойцы смогли собрать хотя бы по одному вещмешку

картошки. Но не тут то было: на вершине горы не было ни дома, ни картошки. Видимо, весь урожай выкопали хозяйственники интендантской службы, находившиеся в тайном лагере. Карательный отряд уже подоспел, нашел наши следы и стал строчить из пулемета. Надвигалась действительно великая беда. Я говорю бойцам: «Теперь надо спуститься через ущелье вон туда, к пологому склону горы, заросшему травой. Пока спустимся, наступят сумерки. Появится и дорога. Снег глубокий, у нас нет продуктов. А тут еще на плечах каратели. Надо выйти на шоссе, чтобы форсированным маршем подальше уйти от противника».

На пути форсированного марша нам попалась казарма лесного отряда. Перепуганные выстрелами, офицеры и солдаты удрали кто куда, опустела казарма. Зато в ней были объедки мяса — ребра и много другого съестного. Одни сомневались: не отравлено ли это ядом япошками? Но мне казалось, что продукты годные. На полу валялись игральные карты. Судя по ним, это, по всей вероятности, была казарма лесного отряда, где они лакомились блюдами, но, не доев, удрали. И пол был тепло отопленный.

Казарма была такой уютной, что захотелось крепко выспаться, чтобы снять усталость, если бы не преследование врага. И у нас не было даже такой передышки, чтобы поесть за богато накрытым столом. Я бегло определил на глазок: ей-богу, продуктов хватило бы дня на два для всего состава Ставки.

Я приказал бойцам все продукты собрать и унести с собой.

Как только мы вышли из казармы лесного отряда, – вот тебе на! – противник опять насел на нас. Это было действительно неотступное преследование. У нас не было даже такой спокойной минуты, чтобы свободно посидеть на земле, съесть хоть один пирожок или кусок сухаря.

Наша Ставка никак не могла оторваться от преследования противника из-за того, что один из наших подпольщиков, действовавших в Цзяцзайщуе, был арестован врагами. Тот под-

польщик по фамилии Ким вступил в наш отряд в Чанбае, когда мы вышли в Западный Цзяньдао. До того времени он работал в революционном подполье. И после вступления в отряд он воевал неплохо. Несколько лет он, бывая вместе с нами, сражался, а затем снова был направлен в подполье. Видимо, он, захваченный врагом, был не в состоянии оставаться верным своим убеждениям. Вероятно, он и подсказал врагам маршрут нашего похода.

Наконец-то враг понял, что полк О Чжун Хыба, маневрирующий в районе Чанбая с самыми громкими выстрелами, является лжеставкой, и направил все карательные силы против нас. И вражеские самолеты чуть ли не каждый день прилетали только в нашу сторону. Со всех сторон противник ринулся в сторону Ставки, и у нас не было выхода, каким можно было бы выбраться. Лица у бойцов были мертвенно-бледными. Изменился в лице даже О Бэк Рён, который с ванцинского периода следовал за мной и повидал всякие виды. Чего только не перетерпел он! Все командиры ожидающе глядели только на меня: «Дальше не удастся сделать ни шагу! – говорили глаза многих. – Теперь всем капут!»

Именно в такой момент агитационная речь многого стоит!

В минуты передышки я собрал членов Ставки и говорю: «... Пусть сотни глаз днем с огнем ищут иголку, упавшую в рощу, но нелегко найти ее. Если мы пустимся на ловкую хитрость, можно укрыться, как та иголка, в обширной тайге или в гуще вражеских полчищ. Вспомните-ка флотоводца Ли Сун Сина. Он с небольшим количеством судов победил крупную японскую флотилию в морском сражении в проливе Менрян. Это перевернуло ситуацию при японском нашествии года Имчжин. Это исключительное чудо в мировой истории морских сражений. Чем Ли Сун Син победил противника? Разумеется, он победил умом, ловкой тактикой и мужеством. Но самое главное – это патриотизм. Не разгромишь япошек – родина погибнет, а если она погибнет – не миновать всем рабской доли. Порыв таких чувств помог ему победить противника. Пламенный патриотизм выявил максимум ума и мужества. Не забудем патриотизм – и

нам тоже удастся выбраться из этой пропасти. Нет слов, положение, создавшееся вокруг нас, критическое. Но если не будем терять твердую уверенность в победе революции и не будем пасовать перед трудностями, то все равно мы сможем перевернуть ситуацию. Будем с твердой уверенностью в себе продолжать поход...»

После моей речи бойцы ободрились: «Товарищ Командующий! Ждем только вашего приказа! Мы готовы следовать за вами до конца». Их лица просветлели, и они снова начали поход. В их поддержке, в их исполнительности и я черпал силу.

Тогда мы применяли действительно разнообразные методы ведения боев, приемы тактики. Маршрут Трудного похода, можно сказать, был полем комплексного испытания всех тактических приемов, методов ведения боя, созданных в партизанских войнах.

Какие ловкие методы мы применяли тогда? Об этом хотелось сказать хотя бы несколько слов.

Для укрытия во время похода имелся не только метод незаметного исчезновения путем заметания и стирания следов, но предпринимался и незаметный отход в сторону по поваленным деревьям, по бурелому. Наиболее эффективным ходом, заставлявшим противника сесть в лужу, был маневр, рассчитанный на то, чтобы натравливать друг на друга части противника, появляющиеся спереди и сзади, а затем укрываться, потихоньку отходя в сторону. Такую тактику мы называли тактикой «наблюдения издали». Это значит – заставив врагов драться между собой, спокойно наблюдать издалека, как они бьются. Именно такие приемы применяли мы, когда ввергали противника в плачевное положение в Хунтушаньцзы и на плоскогорье Фухоушуй, что в уезде Чанбай.

Хунтушаньцзы, как говорит само название, – это «большая лысая гора». В то время мы второй раз обходили эту гору, увлекая за собой преследователей. И вдруг впереди также появился противник. Тут мы незаметно укрылись, ушли в сторону по

бурелому. Два отряда противника, которые атаковали нас – один спереди, другой – сзади, тут столкнулись друг с другом на единственной дороге. Решив, что встречная часть – это Народно-революционная армия, оба отряда вступили в яростную перестрелку. Откуда им было знать, что встречный отряд – это свои? И они дрались меж собой не на жизнь, а на смерть в буквальном смысле этого слова.

Подобный бой мы вели и на плоскогорье Фухоушуй. Преследовала нас большая группа противника, никак нельзя было уйти от погони. Я приказал повторить обход плоскогорья Фухоушуй, подобно тому, как это было в Хунтушаньцзы. Когда мы делали второй круг, перед нами появился новый карательный отряд, который оказался между нами и преследовавшим нас отрядом противника. Бывал и такой странный случай, когда преследовали нас два отряда противника вместе, но они не имели связи между собой, так как для обхода плоскогорья требовался почти целый день.

Я приказал нашим товарищам продолжать обход плоскогорья, каждому срубить по одному дереву длиной с оглоблю, нести его на плечах, чтобы затем незаметно отходить в сторону по стволам, положив их между пнями.

Замаскированные в белые халаты, мы укрылись в лесу и, жуя сырой ячмень, сделали передышку. За это время отряды противника, висевшие на хвосте друг друга, иступленно били своих в горячей перестрелке. Нам оставалось только смотреть издали их собачью драку. И без единого выстрела руками врагов удалось многих из них уничтожить. На плоскогорье Фухоушуй противник понес действительно поразительные потери и поднял вопль: «Их не поймать! Они же применяют тактику неуловимых – то мгновенно появляются, то мгновенно исчезают, то поднимаются в небо, то сквозь землю проваливаются».

Мы вели бои такими ловкими приемами несколько раз в день, наносили врагу большие потери в живой силе. Но у японцев резервов было пропасть. Япония же именно от перенаселения

притязала на расширение своей территории и за морями. Сколько ни потеряй «карательных войск», она немедля пополняла их свежими силами. Однако мы, сражавшиеся в горах, лишены были возможности тут же пополнять ряды, трудно было заменить даже одного человека, если выйдет из строя.

После боя на плоскогорье Фухоушуй я с отрядом всю ночь совершал форсированный марш и ушел далеко в направлении Цзяцзайшуя.

Все это время я велел держать курс похода в сторону низких сопок. А бойцы все беспокоились: «Товарищ Командующий! Если выберемся туда – там пологий склон горы, того и гляди, попадем в коллективное поселение».

Я им говорю: «В данный момент лучше выбраться на низкие сопки, чем оставаться в глубокой тайге. Это самая эффективная мера. Если мы так будем подвергаться только преследованиям, то попадем впросак и ничего не сможем делать. У противника много войск, чуть ли не каждый день сменяются карательные отряды. Куда тут нам! У нас нет таких сил. Одни потери в личном составе, больше ничего! Если сегодня погибнет один, а завтра другой, послезавтра – еще третий, таким образом будут бойцы погибать один за другим, сколько же останется нас в конце концов? 7-й и 8-й полки, вероятно, не знают, что мы попали в такую переделку. Нельзя же сообщить им, чтобы они направили к нам, в Ставку, подкрепление. Значит, нет другого выхода. Пока противник находится в таежной местности – пусть возится там, а нам надо выбраться оттуда на сопки, куда враг обращает мало внимания. Поэтому туда надо выйти. Только это поможет нам некоторое время передохнуть и сохранить свои силы».

Поговорка гласит: «Под лампой темно». Именно та местность, которая недалека от населенного пункта, могла бы стать для нас наиболее безопасной.

Мы остановились на ночлег на небольшой сопке, откуда поселок Цзяцзайшуй был виден, как на ладони. На сопке было уютно. Там густо росли дубы и сосны выше человеческого роста,

за сопкой был обрыв, а под обрывом – ручей. Когда собака заливалась лаем в поселке Цзяцзайшуй, он доносился и до сопки. Цзяцзайшуй называли и «поселком с водяной крупорушкой».

Когда темнело, мы разбивали палатку; едва забрезжит рассвет – убирали ее и, упаковав вещи, в состоянии боевой готовности и отдыхали и занимались. После того, как покинули Наньпайцзы, впервые здесь предоставилась возможность спать в палатке.

Там нам удалось малость снять усталость. Вместе с членами Ставки мы часто обсуждали направления дальнейшей деятельности и тактические вопросы. Наш план был таков: пройдет новогодний праздник по лунному календарю и станет теплее – соберем разбросанные по сторонам отряды, ударим по противнику везде и всюду, восстановим разрушенные организации и продвинемся в пограничный район и в пределы Кореи.

Однако у нас иссяк запас продовольствия. Это была самая большая беда. Голод грозил смертью, а у нас не было ни одного *тве* зерна.

Я направил политрука комендантской роты Ли Бон Рока в поселок Цзяцзайшуй. В этом поселке действовала подпольная организация, созданная Ким Иром. Там же жил и подпольщик по фамилии Ан. Имя его не помню. Этот крестьянин имел с нами особые связи. Однажды его отец был похищен лесным отрядом. Тогда я лично написал вожаку отряда, чтобы спасти крестьянина. Вожак уже во многом был обязан нам, поэтому он, получив мое письмо, тут же возвратил пленника домой. Тот крестьянин под влиянием Ким Ира помогал революционной работе. После этого случая скоро он стал членом подполья.

Я велел Ли Бон Року встретиться в Цзяцзайшуе с хозяином водяной мельницы, держать связь также и с крестьянином по фамилии Ан.

Спустившись с сопки, политрук первым делом пошел на водяную мельницу. Встретившись с ее хозяином, он туманно представился: «Партизанил в горах. А там ужесточаются ка-

рательные операции, да и очень трудно с продовольствием. Вот я и спустился в населенный пункт. Хоть и ночной гость, не упрекайте, поговорим о том и сем».

Хозяин отнесся к нему холодно и спросил: «Значит, спустился добровольно капитулировать?» Чтобы проверить собеседника, Ли Бон Рок с притворно деланным видом ответил: «Да». Услышав его ответ, хозяин водяной мельницы сказал с сожалением: «Да, в горах чего только не приходится претерпевать? Но нельзя же стать отступником. Раз взял ружье в руки, чтобы вернуть потерянную Родину, надо бороться до конца, чтобы с честью поставить точку в своей жизни. Негоже остановиться на полпути. Хоть и тяжело тебе, но не становись отступником». Так хозяин уговаривал Ли Бон Рока. Он спросил: «Здоров ли Полководец Ким Ир Сен?»

Политрук ответил: «Где он, Полководец, мне неизвестно. Но по-прежнему он ведет за собой революционную армию, бьет врага». Услышав это, хозяин проговорил: «Вот видишь, Полководец Ким здоров, по-прежнему возглавляет революционную армию, а ты хочешь бросить своего командира и капитулировать. Как у тебя язык поворачивается говорить такое, а?» Так он резанул Ли Бон Рока.

Полностью убедившись, что собеседнику можно доверять, Ли Бон Рок признался: «Я спустился с горы не для того, чтобы стать отступником. Пришел для того, чтобы достать продовольствие. В горах ждут меня мои боевые друзья. Дам деньги, помоги мне только достать продовольствие. Ладно?»

Хозяин отвечает: «Купить продукты за деньги опасно. Мы толчем на крупорушке, за это берем зерно, его будем засыпать в отсек, как будто это отруби. А ты бери его потихоньку, когда гостей не будет». Хозяин был очень хороший человек.

Доставая продовольствие в поселке Цзяцзайшуй, Ли Бон Рок узнал, что тот хозяин – член ЛВР. Он был близок и с крестьянином по фамилии Ан.

Подполье в Цзяцзайшуе и после «Хесанского дела» остава-

лось по-прежнему нетронутым, жило и работало, так как наши подпольщики строго держали организацию в секрете.

Когда мне рассказали о хозяине водяной мельницы, я в душе воскликнул: «Теперь все в порядке! Народ неизменно поддерживает нас. Раз есть такая поддержка, мы победим. Теперь открыт путь!» Можно считать, что хозяин водяной мельницы с продовольствием на спине участвовал вместе с нами в Трудном походе. Если бы он не дал нам зерна, мы не смели бы спокойно, невозмутимо планировать направления дальнейшей деятельности, играя в национальные шахматы и шашки. По всей вероятности, мы умерли бы с голоду.

Нам помогал не только он. Все село Цзяцзайшуй помогало.

Как-то раз Ли Бон Рок говорил мне: «Жители Цзяцзайшуя приобрели продовольствие, приготовили новогодние кушанья. Разрешите мне сходить за ними».

При мысли о том, что наши бойцы многие десятки дней после начала Трудного похода утоляли голод одним сырым зерном, сырым мясом и водой, я не мог отказаться от искренних подношений населения Цзяцзайшуя. Я говорю ему: «Сходи и бери все новогодние кушанья, что приготовили они с такой искренностью». Мной овладело чувство облегчения, что благодаря им мы могли бы безбедно отметить новогодний праздник 1939 года по лунному календарю. Казалось, лишь теперь меня начало отпускать чувство досады на то, что я не мог досыта накормить бойцов.

Однако нам не удалось воспользоваться добрым намерением местного населения: в то самое время вдруг дезертировал Ли Хо Рим, спустившийся в поселок вместе с Ли Бон Роком. Политрук возвратился ни с чем, доложил, что из-за его дезертирства пришел с пустыми руками, оставив все – и продовольствие, и прочее. Это был первый случай дезертирства среди бойцов комендантского подразделения Ставки.

До того времени, как бы ни было тяжело в походе, у нас не было ни одного изменника – дезертира. Но в дни Трудного по-

хода в наших рядах появилось четверо дезертиров. Почему дезертировали те, которые раньше и не думали пойти на это? Они не в силах были больше переносить страшных тягот и лишений.

За плечами Ли Хо Рима был небольшой опыт партизанской жизни, но я окружал его большой любовью. Из-за того, что он пришел из Кореи, я особо любил этого бойца. Он отлично владел японским языком. Поэтому, когда возникала надобность получить сведения о противнике, это поручалось ему. Он, взяв с собой одного или двух бойцов, шел на задание. Поднявшись на телеграфный столб, подслушивал телефонный разговор противника. Он был человек здоровый и образованный, и его зачислили в число будущих командиров. А он, видимо, предположив, что революция пойдет насмарку, дал тягу.

Из-за изменничества Ли Хо Рима над нами нависла серьезная угроза. Нужно было как можно скорее переместиться и принять меры для обеспечения безопасности отряда.

Мы решили оставить сопку за селом Цзяцзайшуй и пройти широкую равнину форсированным маршем среди бела дня. Я приказал как можно быстрее идти и идти, не думая о том, появятся враги или нет.

Когда противник наступает крупными силами, следует действовать рассредоточенно – таков общий принцип партизанской тактики. И в дни Трудного похода мы были верны этому принципу. Благодаря этому нам удалось несколько разъединить карательные силы противника. Но в ходе рассредоточенных действий наша Ставка, обладая незначительными силами, не раз попадала в критические ситуации, когда судьба ее висела на волоске.

А почему так получилось? Потому что враги знали, что мы и есть Ставка, и направляли все силы против нас.

Был у нас такой урок. Поэтому при подведении итогов Трудного похода в Бэйдадинцзы мы долго обсуждали тактические проблемы. Я подчеркивал, что разрозненные действия хотя и являются своего рода тактикой партизанских боев против наступления противника крупными силами, но не следует применять ее шаблонно. И другие

командиры тоже утверждали, что Ставка не должна больше повторять такой риск, как отдельные, разрозненные действия без поддержки крупного отряда.

Подводя итоги Трудного похода, я всей глубиной души ощутил ту истину, что не следует догматически применять тактику, как бы ни отвечала она принципу.

Едва мы начали поход среди бела дня, появились новые дезертиры. Это был какой-то «инструктор Ли». Он, выпускник Пекинского университета, что ли, был прислан к нам Ван Дэлинем. Покинул отряд еще боец-китаец. А тут еще у нас в отряде было несколько раненых, так или иначе у нас оставалось мало людей. Если выйдет из строя еще несколько человек, то мы окажемся в таком положении, что не будет людей и для смены часового.

Когда был дан приказ начать марш, О Бэк Рён обратился ко мне: «Товарищ Командующий! Как только мы выступим, из форта посыплется град пуль. Как же мы сможем пройти эту равнину?» А я ему: «Как это как? Ничего не поделаешь. Надо поставить один пулемет впереди, а другой – позади. Если враг будет наступать спереди, ударить на него спереди, а если он появится с тыла - ударить с тыла. Таким образом надо совершить форсированный марш. Иного выхода нет».

Враги из Цзяцзайшуя, заметив нас, смотрели на партизан с форта, не осмеливаясь напасть на нас. Видимо, их главные силы, участвуя в карательных операциях, забились в лес, а в поселке их оставалось мало, к тому же они были подавлены нашим демонстративным маршем и, судя по всему, сдрейфили. Ничто нам не мешало, среди бела дня мы прошли равнину открыто и добрались до лесной чащи. Там мы сварили кашу, поели, отдохнули немного.

Думаю, в таких случаях говорят: «Слава богу, пронесло!» После того как мы благополучно перешли равнину, почему-то у нас голова шла кругом от неожиданной удачи. Как же это может быть не так! Мы думали: «Того и гляди, враги откроют огонь». Но какой там выстрел, даже и чиханья не было слышно. Они

только во все глаза смотрели на нас с форта. Партизанишь – чего только не встретишь. Бывают порой и такие вот случаи.

Благополучно пройдя равнину, бойцы не могли не радоваться и говорили: «И на этот раз царь небесный заступился за революционную армию». Пусть человек загнан в тупик, но если он смело возьмется вплотную за любое дело, тогда не будет неодолимых трудностей. Тут нужна только абсолютно твердая воля: «Пусть я умру, ты тоже умрешь – давай сразимся. Человек умирает один раз, а не два раза».

Когда мы, выбравшись из лесной чащи, снова тронулись в поход, мне доложили, что позади враг. Видимо, дезертиры, выдав врагу маршрут нашего похода, сообщили, что, мол, у Ким Ир Сена нет крупных сил. У него лишь несколько десятков человек, теперь можно его ликвидировать.

Спустя некоторое время прилетел доклад и от передового дозора: «Перед нами противник». Если противник и впереди, и с тыла, то это уже ЧП. Опять О Бэк Рён, поглядывая на меня, спрашивал: «Товарищ Командующий! Как нам быть? Видимо, они знают, что мы и есть Ставка».

А я ему говорю: «Нет иного выхода, кроме как пойти на смертельный решительный бой. Встречный противник ничего о нас не знает – и идет спокойно, не думая, что может столкнуться с нами. А преследующий нас сзади знает все: сколько у нас человек, до чего мы измучились. Поэтому с ним драться по-настоящему нам трудно. Вот почему нет другого выхода. Надо выделить бойцов, примерно одно отделение, дать им задание – сдержать натиск противника, идущего сзади. А главным силам – разгромить встречного противника, который впереди и идет, ничего не зная о нас. Только так мы сможем прорвать окружение».

Преследовавшие нас сзади – это были японские карательные войска, а грозившие нам впереди – это были части марионеточной армии Маньчжоу-Го. Последние боялись драться с нашим отрядом. Значит, слабое звено было впереди.

Я приказываю О Бэк Рёну: «Веди отряд. Прорываться вперед! Ударить по слабому звену. Если враг хоть немножко замешкает, не давать ему передышки, наступать до самой его казармы, чтобы он перепугался до смерти».

О Бэк Рён, поставив пулемет впереди отряда, беспощадно бил противника, а затем со звуками горна ринулся в атаку. В стане войск Маньчжоу-Го появилось несколько десятков убитых и раненых. Они думали: наш отряд весьма крупный, – и стали отступать, бросая вещмешки и другое имущество.

Мы, достав продукты из их вещмешков, взяли с собой и, обувшись в новую обувь вместо изношенной, преследовали противника до большака. Так нам удалось уйти от погони противника и даже, наоборот, взять в руки инициативу и самим преследовать врага.

С того момента мы начали менять тактику. Скажем, мы перешли из тактики отвлечения внимания противника к инициативной ударной тактике – первыми наносить удары по противнику. Одной тактикой ухода ловким маневром от преследований врага нельзя было спасти отряд.

И в военных трактатах сказано, что высокое искусство вождения войск – избежать острия атаки сильного врага, дезорганизовать и изматывать его, а когда враг заколеблется, нанести сильный удар; когда враг отступает, яростно преследовать его, сделать сильного врага слабым, а тяжелое положение своей армии превратить в благоприятное для нее. Широко применяя такую тактику, мы и в дни Трудного похода не раз выходили из тяжелого положения и, выбравшись из пассивного состояния, брали инициативу в свои руки.

Я решил совершить налет на коллективное поселение, чтобы прижать противника, лишить его инициативы и достать продовольствие. Новогодний праздник по лунному календарю был буквально на пороге. Мной овладело и сокровенное желание досыта накормить бойцов, страдавших вот уже несколько месяцев от голода. Таким образом было решено дать бой. Это

был налет на коллективное поселение Шисаньдаовань.

Прежде чем начать бой, мы подслушали телефонные разговоры противника. Офицер войск Маньчжоу-Го, отступивший в Шиэрдаогоу, сообщил по телефону своему начальству в уезд Линьцзян следующее: «Случайно встретился с отрядом Ким Ир Сена. Наступление было такое мощное, что мы не смогли выстоять и отступили в Шиэрдаогоу. Жду дальнейших распоряжений». Этот офицер предупредил по телефону и соседнее коллективное поселение, чтобы были бдительны – того и гляди, налетят партизаны.

На основе этих сведений мы ударили близлежащего врага, а затем били врага еще в одном поселке. В качестве трофеев взяли большое количество продуктов. Среди них были и пельмени, которые приготовили враги к празднику. Трофеев было так много, что часть их мы засыпали в снег, отметив условными знаками. В том году мы щедро отметили новогодний праздник по лунному календарю с продуктами, захваченными в бою в Шисаньдаоване.

Пусть это партизанская война, но, как видите, не всегда приходится терпеть лишения. Правда, по обыкновению, мы плохо ели, были худо одеты, но бывали дни, когда ели досыта и одевались тепло.

После боя в Шисаньдаоване враги направили на «разгром» нашей Ставки больше карательных сил, чем прежде. И на севере, и на юге, и на востоке, и на западе – словом, всюду были одни карательные отряды. Противник так цепко преследовал нас, что нам приходилось проводить несколько ночей на высотах, где мороз доходил до сорока градусов.

Несмотря на такие трудности, отряд нашей Ставки, проявляя боевую инициативу, атаковал еще одно коллективное поселение. Это было нужно для того, чтобы заявить о себе нашим крупным отрядам, действовавшим разрозненно. Как называлось это поселение – точно не помню. Услышав об этом нашем бое, 7-й полк О Чжун Хыба, действовавший в районе Шанганцюя уезда

Чанбай, решив, что Ставка – в опасности, совершил налеты на ряд коллективных поселений с целью рассредоточить силы противника, направлявшего острие атак на нашу Ставку. Эти бои были и своего рода сигналом, оповещавшим нас о расположении своей части.

Итак, 7-й полк пришел к нам в Ставку, а затем прибыли и 8-й полк, и отдельный батальон, действовавшие в направлении Фусуна, и бойцы интендантской службы, находившиеся в Цинфэнском тайном лагере. Таким образом, все собрались в Бэйдадинцзы. При осмотре отрядов оказалось, что почти не было разницы в численности личного состава по сравнению с предыдущим годом, когда мы оставили Наньпайцзы уезда Мэнцзян. Почти все бойцы, покинувшие Наньпайцзы, остались в живых!

Не знаю, как выразить восторг и волнение тех дней! В годы антияпонской войны было много и разлук, и встреч, но, пожалуй, не было такой волнующей встречи, как в те дни. В Бэйдадинцзы буквально царило праздничное оживление. Еще бы! Более ста дней бойцы терпели лишения и страдания, находясь на грани смерти. И вот снова встретились. Воины обнимали друг друга, смеялись, хлопали друг друга по плечам, делились заветными чувствами.

Встреча после тяжких испытаний казалась особой, теплее всех других встреч. Чтобы познать, насколько дороги товарищи, надо побывать и в разлуке. Когда товарищи, связанные кровными узами, будут то разлучаться, то встречаться, чувство их товарищества, как правило, становится еще крепче, буквально пламенным. Такое товарищество нелегко расторгнуть, какие бы бури и испытания ни надвигались.

Трудный поход был не простым переходом ради передвижения отрядов. Это была крупномасштабная военная операция, равная по своему значению целой военной кампании. Можно сказать, это была картина антияпонской вооруженной борьбы в миниатюре. В ходе этого похода мы претерпели все муки, которые приходится терпеть воинам, вынесли все и всяческие

испытания, которые выпадают на долю человека.

В ходе Трудного похода мы еще раз продемонстрировали всему миру, что именно коммунисты, участвовавшие в антияпонской вооруженной борьбе, являются настоящими сынами Родины и народа, самыми верными своей нации и делу национального освобождения борцами революции. В ходе Трудного похода антияпонские партизаны проявляли на самом высоком уровне свои человеческие достоинства. Прекрасные образы корейских коммунистов, обрисовавшиеся в процессе похода, стали замечательными прототипами людей коммунистического склада, примеру которых наш народ должен следовать из поколения в поколение. Был рожден типичный образ коммуниста, который в любых трудных условиях, не изменяя своим убеждениям и тесно сплачиваясь вокруг своего руководителя, побеждает врага. Именно это является важнейшим успехом Трудного похода, одним из самых выдающихся достижений антияпонской революции.

Участники Трудного похода – все без исключения – являются героями. Пусть они живы или погибли, безразлично. Все они герои.

Все бойцы, преодолев все и всяческие трудности и лишения и оставшись живы, как Феникс, вышли победителями. Это, считаю, объясняется рядом факторов. Из них я хочу остановиться только на некоторых.

Мне хотелось бы, во-первых, отметить непоколебимый революционный дух, революционный дух опоры на собственные силы и самоотверженного преодоления трудностей, революционный оптимизм. Именно эти духовные факторы, можно сказать, помогли нам преодолеть все невзгоды. Переживая столь суровые испытания, мы никогда не впадали в отчаяние, никогда не были в пессимистическом настроении. Мы смотрели с надеждой в будущее, зная, что впереди – день победы, и потому преодолевали все и всякие трудности. Точнее говоря, мы жили несокрушимой верой в победу революции. Если бы мы тогда опустили руки, находясь в плену окружающих нас и

предстоящих трудностей, или считали победу революции недостижимой, а ее перспективы – мрачными, то мы не смогли бы вынести столь огромные испытания, а остановились бы, утопая в сугробах.

В качестве фактора победоносного завершения нами Трудного похода можно назвать и революционное товарищество. И поныне мне не позабыть встречу с О Чжун Хыбом и его бойцами, состоявшуюся в конце похода. Схватив меня за руки, он плакал. При виде его и у меня на глазах навернулись слезы. Волнение было больше, чем при встрече с родными. И как мы восторгались! От радости сердце, казалось, выскочит из груди. Тогда я решил никогда больше не разлучаться с ними, этими дорогими боевыми друзьями, даже если мне дадут всю вселенную.

Приказав зимой того года боевым друзьям действовать рассредоточение, я очень переживал за их судьбу. Не было случая, чтобы я ждал своих боевых друзей с таким нетерпением, как зимой того года. Пожалуй, и среди вас немало демобилизованных из армии, думаю, и вы хорошо знаете, каким сильным и пламенным является чувство боевого братства. Считаю, нет на свете более пламенной, более жизнеспособной любви, чем чувство боевого братства. Думаю, нет более благородного морального долга, чем нравственный долг между боевыми товарищами.

Революционное товарищество – это важнейший фактор всех наших побед времен антияпонской революции. Впрочем, в ходе Трудного похода как никогда концентрированно проявлялось чувство морального долга наших бойцов. Такой эпизод, как «Чашка толокна», является лишь одним из многочисленных прекрасных эпизодов из жизни того периода. Для Командующего ординарцы в своих вещмешках носили в качестве НЗ толокно, которого бы хватило на одну чашку. Как же мне одному съесть его?! И, разделив толокно, я ел его вместе с бойцами. Этот рассказ стал передаваться подрастающим поколениям, как легенда. И таких случаев было не один, не два.

В те дни наши товарищи готовы были отдать своим боевым

друзьям все – даже и часть своей плоти, если бы они нуждались в ней. Целиком отдать себя ради товарищей по революции – вот это и есть революционное товарищество.

Как-то раз я уже рассказал о Ли ЫЛь Соре. Один новобранец уснул у костра, сгорела его одежда, и он весь дрожал от холода. Заметив это, Ли ЫЛь Сор, сняв с себя единственный ватник, дал его своему товарищу, а сам ходил в столь страшный, трескучий мороз в легкой одежде. Однако он не замерз, так как другие товарищи окружали его еще более горячей, чем огонь, товарищеской любовью. В конце концов, на протяжении более чем стодневного похода мы не умерли с голоду. Почему? А потому что все мы жили и боролись с тем же духом, с каким делили и ели чашку толокна. Хотя мы ходили в разорванной одежде в жестокий мороз, но тело у нас всегда согревалось жаром и пылом души. Именно в этом был секрет того, что ни один из наших товарищей не умер с голоду, не замерз, а остался жив, подобно проходящему через огонь Фениксу. Сила любви победила смерть.

В то время мы снова до глубины души убедились в том, что непобедим коллектив, спаянный чувством товарищества, необорим отряд, тесно сплоченный воедино на основе товарищеской любви.

Другой фактор, позволивший нам успешно завершить Трудный поход, – это любовь народа к нам и его поддержка.

В ходе Трудного похода мы пользовались большой помощью таких благородных людей, как хозяин водяной мельницы в Цзяцзайшуе. Что же вы думаете, в Трудном походе участвовала только наша армия? Нет. В этом походе участвовало и население. Так, жители Эрдаохуаюаня и Яогоу, приходившие к нам с зерном, солью, обувью, тканями и другими материалами, неся их на спине, пересекая линию между жизнью и смертью, – они, можно сказать, все вместе с нами участвовали в Трудном походе.

То же самое мы ощущали и на плоскогорье под Лоцзыгоу, и на перевале Тяньцяолин – всякий раз, когда мы оказывались в

тяжелом положении, население всегда выступало в качестве спасителей, помощников и спутников.

Я был уверен в том, что раз есть такой народ, мы сможем победоносно завершить и Трудный поход. Это придавало мне смелости.

Следующий фактор, позволивший нам привести Трудный поход к победе, заключался в том, что мы оперативно применяли ловкие приемы ведения партизанских боев, отвечающие создавшимся обстоятельствам.

Мы ведем социалистическое строительство в трудной обстановке. Наша революция по-прежнему продолжает хождение по мукам. Поэтому, можно сказать, и поныне продолжается Трудный поход. Прежде нас окружали и преследовали сотни тысяч штыков японской армии, а сегодня не идущие в сравнение с ними, намного более могущественные и жестокие империалистические силы пытаются задушить нашу страну. Собственно, мы живем в положении, подобном военному.

Спрашивается, где же путь, ведущий нас к выживанию в такой трудной ситуации? Это последовательное претворение в жизнь революционного духа Пэкту, который проявляли в ходе Трудного похода представители старшего поколения – ветераны антияпонской революции.

Не только в годы антияпонской войны, но и в период строительства обновленной Родины, и в годы великой Отечественной освободительной войны, и в годы послевоенного восстановления и строительства мы преодолевали все и всякие трудности и преграды, добивались побед в революции, будучи вооружены революционным духом опоры на собственные силы и самоотверженной борьбы с трудностями, духом оптимизма.

Для народа, имеющего великую историю таких событий, как Трудный поход, не существует невозможного. Никакими силами не покорить народ с таким наследием, как история Трудного похода.

2. Цинфэнский урок

В книгах и учебниках, посвященных истории революционной борьбы против японского империализма, встречаются два одноименных исторических места под названием «Чхонбон». Одно из них – это исторический Чхонбонский бивуак, что в Корее, в уезде Самчжиен провинции Рянган. Здесь в мае 1939 года главные силы КНРА, возглавляемые великим вождем товарищем Ким Ир Сеном, провели первую ночь во время продвижения в район Мусана. Другое – это Чхонбон (по-китайски Цинфэн) в Западном Цзяньдао. Там антияпонские партизаны оборудовали во второй половине 30-х годов тайный лагерь интендантской службы.

Чхонбон в уезде Самчжиен известен всем. А посетителей Цинфэна в Западном Цзяньдао не так уж много. Этот тайный лагерь вошел, вместе с Трудным походом, в историю антияпонской революции в связи с возникшим там крупным инцидентом, послужившим экзаменом на веру и преданность революционера и давшим серьезный урок всем бойцам Народно-революционной армии. Этот урок и теперь поучителен для подрастающих поколений.

Ниже следует часть воспоминаний товарища Ким Ир Сена о случае в Цинфэнском тайном лагере.

Начиная Трудный поход, мы эвакуировали раненых и больных в Цинфэнский тайный лагерь. Это была наша интендантская база. В окрестностях гор Пэкту и в районе Западного Цзяньдао было немало таких тайных лагерей. Рядом с Цинфэнским тайным лагерем были и посевы картофеля, посаженные хозяйственниками нашего отряда. Это было сравнительно безопасное место. Здесь раненые, больные и слабые могли провести несколько месяцев, не испытывая особых трудностей с продовольствием.

После налета на коллективное поселение Шисаньдаовань в 1939 году я направил часть трофеев специально в Цинфэн.

Хотя там и был убранный картофель, но как можно одним картофелем отметить новогодний праздник по лунному календарю? Поэтому отобранные особые продукты были посланы боевым друзьям того лагеря.

С этими продуктами ходил туда связной отряда.

Вернувшись из Цинфэна, он сообщил Ставке о потрясающем событии – о том, что там, в тайном лагере, возник «инцидент с разоблаченной шпионской группой». У всех членов Ставки глаза полезли на лоб. Если такой «инцидент» случился внутри революционной армии, возглавляемой коммунистами, то это было действительно серьезное происшествие.

Связной предъявил письмо Ли Дон Гора с коротким изложением «инцидента» и вместе с ним еще и так называемую пачку «яда», которая, мол, конфискована в качестве улики. В этом письме говорилось: «Партизанки Ким Чен Сук, Ким Хе Сун, Ким Сон и Со Сун Ок являются шпионками японских империалистов, выведена на чистую воду их попытка отравить товарищей по революции ядом». По словам связного, когда он был в Цинфэне, эти партизанки были связаны веревкой, у них даже имелись следы пыток.

Получив это сообщение, я испытал сильное душевное потрясение – гораздо большее, чем тогда, когда необоснованно обвинили таких бойцов, как Чан-охотник и Хан Бон Сон, в причастности к «Минсэндану». Как и вам хорошо известно, на вопросе о «Минсэндане» уже была поставлена точка на Нанькхутоуском совещании в 1936 году, и он был давно исчерпан. После этого мы даже не хотели вспоминать само слово «Минсэндан» – столь велики были потери и столь глубоки были раны от шумной кампании вокруг «Минсэндана».

И вдруг, ни с того ни с сего, на этот раз в Цинфэне разоблачена «шпионская группа», равная «Минсэндану»! Представьте себе, каково было тогда у меня настроение!

Я с самого начала решил, что «инцидент с разоблаченной шпионской группой» – это не что иное, как надуманная шумиха, которая не стоит и выеденного яйца. Ведь утверждения командиров тайного лагеря, обвинявших партизанок в шпионаже, не были подкреплены ни одной заслуживающей доверия уликой. «Яд», присланный ими в качестве улики, на самом деле был не яд,

а зубной порошок. Несмотря на уговоры бойцов, я попробовал его кончиком языка, это был – ни дать ни взять – зубной порошок. Его и выдавали за яд! Какой абсурд!

Цинфэнские партизанки были достаточно закалены и проверены на практике революционной борьбы. Все они знали только одно: революцию.

Их единственное стремление – освободить Родину. Не будь такого стремления, вряд ли они, люди слабого пола, взяли бы в руки оружие и переносили всякие жизненные невзгоды. Они ходили в *солъпхи* (обувь с приспособлением для передвижения по глубокому снегу – ред.), питались кореньями трав и корой деревьев. Они не вышли замуж в пору своего расцвета и испытывали такие лишения, которые даже мужчинам трудно было перетерпеть.

Навешивать на таких женщин ярлык «шпионок» – это была не просто глупая выдумка. Это было надругательство, издевательство над честными людьми. Это было преступление.

Что собой представляет Ким Чен Сук, не собираюсь даже и говорить. Я могу ручаться за нее целиком и полностью. У нее не было и нет никаких причин связываться с противником. Об этом свидетельствует и ее классовое происхождение, и пройденный ею боевой путь. Нелепо даже предполагать, что могла бы стать шпионкой женщина, лишившаяся родителей, братьев и сестры по вине японских империалистов.

Ким Хе Сун, Ким Сон, Со Сун Ок тоже отличались высоким революционным сознанием. Они были люди не робкого десятка и, конечно, никак не поддались бы интригам неблагонадежных лиц.

То, что их обвинили в шпионаже, было вопиющим абсурдом.

Если таких женщин представить «шпионками», то чем это отличается от бесчинств Ким Сон До и Цао Яфаня, которые ликвидировали в Цзяньдао множество невинных людей как «минсэндановцев»?

В нашей части не было ни одной женщины, которая могла бы стать шпионкой противника. Среди наших партизанок никогда не было ни одной изменницы – и в годы существования

партизанских районов, и после их ликвидации. Спросите: были ли женщины в числе тех, кто дезертировал из отряда во время Трудного похода? Нет, среди них не было ни одной женщины. При капитуляции Рим Су Сан, конечно, взял с собой подружившуюся с ним одну партизанку и перешел в стан врага, но сама она не занималась шпионажем в партизанском отряде.

Партизанки больше мучились, чем мужчины. Если иметь в виду семейное бремя нынешних наших женщин, то, пожалуй, вряд ли кто не согласится со мной. Женщины наравне с мужчинами участвуют в общественной работе и в то же время несут на себе почти все тяжелое бремя домашних хлопот. Мы приняли целый ряд мер для облегчения положения женщин, но даже и при выполнении этих мер – куда же денутся домашние хлопоты наших матерей, жен и сестер?

И в годы антияпонской революции на плечах партизанок лежало большее бремя. Они и воевали, и готовили пищу. Большинство кухонной утвари и продовольствия они несли на себе. И когда утомленные бойцы засыпали у костра, партизанки чинили их одежду. Разорванную форму достаточно было заштопать, но на прожженную огнем одежду надо было ставить заплату. А когда нечем было ее заплатать, они отрезали кусочки от подола своей юбки.

Заметив это, я приказал выдавать партизанкам при раздаче военного обмундирования по две юбки.

В преодолении трудностей они не уступали мужчинам. В каком-то смысле они были упорнее, чем мужчины.

Раз пошла речь о партизанках, расскажу, кстати, несколько слов о Чвэ Сун Сан, жене Сон Сын Пхира – известного работника оружейной мастерской. Она была старая партийка: занималась партийной работой в подполье в районе Яньцзи, была и поварихой, участвовала и в работе по созданию единого фронта с Армией спасения отечества. Ветераны революции, уроженцы Яньцзи, когда речь заходила о ее характеристике, в один голос говорили: это женщина стойкая, глубоко ответственная за порученное дело.

Став партизанкой, она долго работала поварихой. Однажды, во время похода, на привале она мыла зерно на ужин. И вдруг, откуда ни возьмись, в ладонь вонзилась иголка. Часть переломившейся иголки глубоко воткнулась острием в руку. Но у нее не было даже минутки, чтобы извлечь ее из ладони. Надо было скорее приготовить ужин, чтобы отряд мог перейти к следующему этапу похода.

С того дня Чвэ Сун Сан очень мучилась от ноющей боли. Обычная женщина, жалуясь на боль, попросила бы на время освободить от кухни, но она, женщина железной воли, не только не жаловалась, что иголка вонзилась в ладонь, но и вообще не собиралась просить извлечь ее. И когда командир взвода упрекал ее за то, что задерживается с приготовлением пищи, ей и в голову не приходило оправдываться. Она знала: если она опустит руки, то другому бойцу придется взяться за это дело вместо нее.

Тем временем иголка вонзилась до того глубоко, что проколола кожу тыльной стороны ладони, и ее острый кончик высунулся наружу. Лишь тогда она обратилась к товарищам за помощью, чтобы извлечь иголку. И они принялись помогать и извлекли ее щипчиками.

А ведь она готовила пищу для боевых друзей в течение полумесяца, превозмогая и пряча от других боль от засевшей в ладони переломившейся иголки. Таков был типичный облик женщин-борцов, которые вместе с нами проходили огненные версты антияпонской войны.

Как я ни ломал голову, никак не мог понять, почему к таким вот партизанкам-бойцам прицепили позорный ярлык «шпионок». Мучила меня мысль: «Ом Гван Хо, начальник тайного лагеря, имеет опыт политической работы. Этим делом он занимался добрых несколько лет. Что побудило его ни с того ни с сего подозревать ни в чем не повинных женщин, даже обвинять их в шпионаже? Разве он не знает, что те партизанки, которых он заключил в сруб, связав им руки, являются настоящими патриотками, ничем не запятнанными в революции? Если они

шпионки, как утверждает Ом Гван Хо, то кому же тогда верить на свете?»

По одному только письменному докладу Ли Дон Гора я не мог выяснить суть дела, не мог разобраться, в чем оно состоит.

В тот же самый день я вызвал Ким Пхена и направил его на место происшествия. Ему было дано задание расследовать положение дел, отозвать в Ставку начальника тайного лагеря Ом Гван Хо, «раскрывшего шпионскую группу», а также политического руководителя Ли Дон Гора и всех задержанных партизанок.

По возвращении Ким Пхена я встретился по очереди со всеми причастными к этому событию лицами.

Дело, возникшее в Цинфэнском тайном лагере, было действительно настолько удивительным, что не поддавалось нормальному человеческому воображению.

За жизнь, за положение дел в Цинфэнском тайном лагере отвечал Ом Гван Хо. Мы назначили его начальником тылового тайного лагеря для того, чтобы он исправил свои ошибки. Это была своего рода наша товарищеская забота. Он был серьезно заражен «болезнью» как в мышлении, так и в стиле работы.

У него были порочные привычки, на которые нам никак нельзя было закрывать глаза. Какие привычки? Сектантские. У тех, кто заражен сектантством, имеются порочные привычки: они выдают себя за самых выдающихся и правильных, а на других смотрят свысока. Презрительно относясь к своим товарищам, они все время подрывают их авторитет, придираются ко всем их делам.

Те, кто поражен сектантскими замашками, все без исключения, горят жаждой карьеры. Такие типы, если им не дается шанса подняться по служебной лестнице, готовы ехать на чужой спине или пуститься на всякие трюки, чтобы любой ценой занять теплое местечко. Оттого фракционеров критикуют как честолюбцев. Именно таким и был Ом Гван Хо.

Он начал обнажать свою натуру честолюбца с первых дней

своего вступления в революционные ряды. Он окунулся в революционное движение на волнах восстания 30 мая в районе Яньцзи. В свое время он был и политруком роты в 1-й отдельной дивизии, но с первых дней начал терять доверие. Он слишком много возомнил о себе, а на своих товарищей готов был даже возвести клевету. А кому придет в голову любить такого человека, который то и дело выдвигает только свое «я», не уважает товарищей по революции и своих предшественников? Его и не любили.

Ом Гван Хо попытался использовать антиминсэндановскую борьбу как шанс для удовлетворения своих карьеристских амбиций. Во многих окружающих он видел реакционеров. На собраниях, где разоблачали и осуждали «минсэндановцев», громче всего звучал его ультрапартийный голос. Но революционная организация тогда не бросила его. Он сам злонамеренно бросил многих товарищей, но организация великодушно простила его и открыла ему путь к возрождению.

В дни формирования новой дивизии в районе Мааньшаня Ом Гван Хо пришел ко мне и поклялся честно служить и искупить свою прошлую вину. Я поверил ему, надеясь, что он готов искренне исправить свою ошибку, и назначил его политруком роты.

Однако он не оправдывал моего доверия. Чуть что кричал на рядовых бойцов и вместо того, чтобы хорошенько помочь командиру роты, пытался стать над ним и то и дело его наставлял. Ссылаясь на многолетний боевой стаж, он выдавал себя за бывалого, опытного борца. Тем не менее, когда возникало трудное дело, он вовсе не собирался первым браться вплотную за него. А в боях он совершенно явно уклонялся от передовой линии, всегда мешкал по углам, куда не доходят пули. Таким людям не к лицу должность политрука, который призван быть образцом для масс, впереди идущим.

По этой причине мы сняли его с должности политработника и направили в интендантский тайный лагерь, чтобы дать ему еще один шанс осознать и исправить свои ошибки.

Направляя его в Цинфэн, я дал ему задание – создать необходимые условия для медобслуживания и жизни раненых, вместе с хозяйственниками хорошо заниматься земледелием и обеспечить продовольственный резерв для отряда. Но он саботировал выполнение этого поручения. Не выполнил он и приказ Ставки о строительстве запасной казармы.

Раненые и партизанки-швеи, которые, простившись с нами в глуши под Цидаогоу, пришли в Цинфэнский тайный лагерь, испытывали здесь большие неудобства из-за нехватки помещений. В трескучий мороз им приходилось жить в палатках. В тайном лагере не хватало и лекарств, и продовольствия.

Однако партизаны, закаленные в трудностях, не выражали ни малейшего недовольства, не роптали на условия. Думая о боевых друзьях, ведущих кровопролитные бои с врагом, они терпеливо сносили все лишения и трудности. Строго соблюдали распорядок дня тайного лагеря. Систематически проводили и учебу.

Однако шила в мешке не утаишь. В ходе учебы обнаружились вредный образ мышления и подлинное лицо начальника лагеря как сторонника пораженчества.

Как-то раз в тайном лагере шло обсуждение на тему курса, намеченного на Наньпайцзыском совещании. Тогда он, приводя в пример опыт революции в России, говорил: «Любая революция, как правило, переживает и период подъема, и период спада. Значит, в период подъема следует разрабатывать соответствующую этому периоду стратегию, а в период спада – отвечающую ему стратегию. Для этого надо давать правильный диагноз изменений ситуации. Появятся признаки периода спада, надо уметь откровенно признать наступление спада. Спрашивается: в какой стадии ныне находится наша революция? Она переживает период спада. Посмотрите! Потерпел неудачу поход на Жэхэ, возникло «Хесанское дело», разгромлены все революционные организации. Разве это не спад? В такой ситуации надо запомнить урок: «шаг вперед, два шага назад». Скажем, надо избежать наступления и лобового противоборства и отступать до

тех пор, пока не создастся благоприятная ситуация. Вот в чем путь спасения революции».

Он пытался навязывать свои суждения всем бойцам тайного лагеря. Это было то время, когда из-за последствий похода на Жэхэ и «Хесанского дела» революция была в весьма скованном положении. На первый взгляд, казалось бы, его утверждения были логичны.

Но партизанки тайного лагеря тут же заметили, что его голос чужд голосу Ставки Командования.

Они с места опровергли его утверждения. Они заявили: «Объективная ситуация оказывает большое влияние на революционную борьбу. Этого, разумеется, и мы не отрицаем. Однако это не значит, что надо всегда покоряться обстоятельствам. Чем неблагоприятнее ситуация, тем активнее революционеры должны противодействовать этому, чтобы превратить беду в счастье. Такова воля товарища Командующего. Корейские коммунисты боролись всегда – и когда ситуация была благоприятна, и когда она была иной. Если корейские коммунисты укрывались бы, когда складывалась неблагоприятная ситуация, а действовали бы только тогда, когда она становилась благоприятной, то вряд ли они могли бы иметь свой постоянный вооруженный отряд – Корейскую Народно-революционную армию? Могли бы они тогда продвинуться через лес штыков на родную землю и совершить такую смелую военную операцию, как налет в Почхонбо? Марксизм-ленинизм – учение коммунизма. Поэтому руководствоваться им в революционной деятельности и на практике – это, разумеется, похвальное дело. Но и марксизм-ленинизм, как часто подчеркивает товарищ Командующий, следует творчески применять в соответствии с реальными условиями корейской революции. Не следует применять его наобум. Вы, видно, неправильно понимаете и суть тезиса «шаг вперед, два шага назад». Разве вы не знаете, что корейская революция развивалась, пробивая себе дорогу, полную трудностей и преград? Вы говорите: наилучшая мера в нынешней

ситуации – только отступление. Спрашивается, есть ли у нас тыл, куда нам отступать? Если мы отступим, кто же подготовит период подъема революции? Как указал товарищ Командующий на Наньпайцзыском совещании, чем нам труднее, тем активнее мы должны идти навстречу трудностям и таким образом превратить неблагоприятную ситуацию в благоприятную».

Тогда Ким Чен Сук как никто резко критиковала Ом Гван Хо за пораженческую психологию. С идеями, чуждыми линии Ставки и ее тактическому курсу, она ни на йоту не примирялась, решительно выступала против них. Она была до мозга костей сторонницей главенствующей роли идейности.

Получив такой отпор от партизанок, Ом Гван Хо приводил те или иные цитаты из трудов Маркса и Ленина, пытаясь все-таки оправдывать себя. Но чем больше он старался, тем больше от его слов несло порочностью и гнилью. Споры во всей наготе обнажили его нутро как честолюбца, как оппортуниста. Лишь тогда партизанки поняли, почему он все лето, отсиживаясь в тайном лагере, гонял лодыря, ничего не делая для обеспечения лечения больных и для подготовки всего необходимого на зиму.

Однако они не приклеивали к нему политический ярлык «изменника» или «капитулянта». Поскольку споры шли в ходе занятий, то дискуссия могла бы закончиться благополучно, если бы он, осознав свои теоретические ошибки, скромно признал правоту товарищей. Мы никогда не спешили ставить вопрос в связи с теми или иными идеологическими ошибками, проявлявшимися в ходе дискуссий. Уровень знаний, подготовленности у каждого неодинаков, и вполне могут обнаружиться определенные разногласия в понимании, познании явлений и вещей. Не может быть, чтобы все без исключения с самого начала стали идеологически безупречными людьми.

Идеологическая незрелость человека устраняется в ходе учебы и практики революции, в процессе этого он проходит идеологическую закалку и становится зрелым. Поэтому и в случае, когда звучали идейно смутные утверждения, чуждые

принципам революции, мы не бросались сразу осуждать, не критиковали, а старались до конца просвещать недопонимающего методом дискуссии.

Однако Ом Гван Хо вместо того, чтобы воспринять выступления партизанок как справедливые и постараться преобразовать свое сознание, стремился приукрашивать свое подлинное лицо – лицо капитулянта – и стал искать пути к мести своим противникам в споре.

Его истинное лицо как нельзя лучше раскрылось в ходе притеснения партизанок.

Его издевательство над женщинами ничем не отличалось от акций работников «комитета по ликвидации реакционеров», которые совершались в Цзяньдао в дни борьбы против «Минсэндана». Скорее всего, оно по своим мотивам, по преследуемой им цели было более подлым, более вероломным и коварным.

Притесняя партизанок, Ом Гван Хо преследовал цель – прикрыть свои преступления. Пытаясь заткнуть им рот, он решил приписать им сфабрикованные «преступления», обвинив их в придуманных им самим грехах. Он рассчитывал: пусть эти женщины станут преступницами – тогда они не осмелятся придираться к нему, да и не смогут доложить об этом в Ставку. Какой это трусливый, опасный образ мышления!

В Цинфэнском тайном лагере был один юный новобранец. Как-то раз он, не доложив Ом Гван Хо, куда-то незаметно улизнул. Начальник лагеря тут же поднял шум: появился, мол, дезертир, и пустил в ход поисковую группу. Бойцы обнаружили его у костра, невдалеке от лагеря. Там он пек на огне картофель. Возвратившись в тайный лагерь, группа доложила Ом Гван Хо о том, что сами видели. «Временная отлучка новобранца, – говорили они, – не дезертирство. Его одолел голод, и он пошел печь картофель». Кстати, тот юный боец был мало закален в борьбе с голодом.

Однако Ом Гван Хо, все время норовивший найти шанс сфабриковать ошеломляющий весь лагерь «инцидент», все равно

квалифицировал поступок новобранца как дезертирство. А костер, что он развел, чтобы испечь картофель, интриган выдал за попытку дать сигнал противнику. Так и Ом Гван Хо прикрепил ему даже ярлык «шпиона». Как ни оправдывал себя новобранец, но все было без толку. Ом Гван Хо пустил в ход даже пытки, требуя ответа на вопросы: «Какое распоряжение ты получил от врага? Кого еще втянул в эту затею?»

Вместо того, чтобы отнестись по-доброму к своему подчиненному, который еще вчера ел из общего котла и жил со всеми вместе, он приклеил ему ярлык «дезертира» и «шпиона». Вдобавок применил к нему жестокие пытки! Какое это вопиющее бесчинство!

Что касается того новобранца, которого Ом Гван Хо квалифицировал как «шпиона», то он, и вправду, был еще не вполне достаточно воспитан, но он отличался высоким классовым сознанием. У него не было никаких мотивов, чтобы дезертировать, не было и причины стать лазутчиком. Несмотря на это, Ом Гван Хо продолжал пытки до тех пор, как не добился от него ложного признания: он, мол, втянул партизанок в «диверсию» и попытался отравить ядом товарищей по революции, находящихся в тайном лагере. Ом Гван Хо дошел до того, что на основе этого «признания» арестовал партизанок и даже позволил себе насилие над ними.

Я никак не мог понять, с какой стати он скатился до такой низости. Ведь он много лет вел работу с людьми, кричал о единстве и сплоченности рядов. Лишь позже, при рассмотрении его преступлений, мы поняли, что побудило его обернуться таким мерзким человеком.

Он считал направление его в тыловой тайный лагерь понижением по службе. Был недоволен решением Ставки об освобождении его от должности политработника. И он преднамеренно гонял лодыря, не выполняя своих обязанностей хозяйственника.

После споров с партизанками он все время выдвигал одно за другим ультрареволюционные требования. Ясно, что это было

нужно для того, чтобы прикрыть свое непристойное лицо – лицо сторонника пораженчества. Так, под предлогом мобилизационной готовности он то и дело объявлял сбор по тревоге, что буквально изводило больных и слабых. И еще: под вывеской экономии продовольствия велел есть раз в день, тогда как до того ели два раза, – таким образом, умышленно заставлял людей жить впроголодь.

Действительно ли в Цинфэнском тайном лагере фактически не оставалось запасов съестного, чтобы люди ели раз в день? Нет. Правда, зерна не было, но картошки-то в погребе имелось немало. Неподалеку от лагеря на пологом склоне горы, в лесной чаще, находилось довольно широкое поле. Там возделывали и картофель, и капусту. Если бы он добросовестно выполнял свое дело, то весь отряд мог бы провести хоть всю зиму в Цинфэне.

Но он решил, что ему закрыт путь к карьере. С того момента его одолела лень в революционной работе. А когда международная ситуация и положение в стране приняли сложный, трудный характер, он начал считать перспективы революции туманными. Такая его идеологическая «болезнь», в конечном счете, обнаружилась в ходе дискуссии.

Когда он совершал такой опасный произвол, единственным лицом, кто мог бы остановить его, был политический руководитель лагеря Ли Дон Гор. Он, комиссар 7-го полка, был старше Ом Гван Хо по служебному рангу. Он был ранен, и мы, когда переходили в глуши под Цидаогоу к рассредоточенным действиям, отправили его в Цинфэн с заданием заниматься там политработой.

Однако Ли Дон Гор, обольщенный лестью и ловкими увертками Ом Гван Хо, не смог разглядеть суть дела и правильно разобраться в положении вещей. Если бы мы не направили связного в Цинфэн, то несомненно осуществились бы черные замыслы Ом Гван Хо, и партизанки лишились бы жизни.

При расследовании дела я пришел к выводу: Ом Гван Хо – это более подлый, более жестокий тип, чем Ли Чжон Рак.

Преступления последнего совершились после того, как он был захвачен врагом и ему было навязано отступничество. Но у Ом Гван Хо дело другое – он, находясь в революционных рядах, идейно разложился, переродился и совершил реакционные действия: подкапывался под товарищей, притеснял их, чтобы прикрыть свое разложение и перерождение.

За исключением первой половины 30-х годов, когда партизанские районы Цзяньдао переживали «родовые муки» из-за шумихи вокруг «Минсэндана», в наших рядах не было таких явлений, как пытки и наказание. Ошибки и недостатки внутри рядов мы исправляли методом разъяснения, убеждения, критики и самокритики. О таких криминальных действиях, как пытки, применяемые командирами к своим подчиненным, не могло быть и речи.

Однако Ом Гван Хо, когда была сброшена маска с его подлинного лица, стал строить свои отношения с бойцами как отношения враждебные, антагонистические: «кто кого?» Не гнушался и травлей несогласных с ним. Он решил: «Чтобы мне оставаться в живых, надо убивать бойцов». Для реализации своего умысла он обвинил в дезертирстве и шпионаже новобранца, не так уж серьезно нарушившего дисциплину, выдал зубной порошок, употребляемый партизанками, за «яд». В конце концов, пытался выдать хозяев зубного порошка за шпионок.

Ом Гван Хо несколько месяцев работал вместе с Ким Чен Сук в подполье в поселке Таоцюаньли. И, зная ее, он не постеснялся обвинить ее в шпионаже! Какое нахальство! Он как никто хорошо знал, какова Ким Чен Сук.

Случай с Ом Гван Хо показывает: если человек горит жаждой карьеры, то он может обернуться злодеем, которому чужды и организации, и товарищи, и моральный долг, может превратиться и в ренегата революции. Как он сам потом признался, он задумал даже убежать во избежание ответственности за вину, если провалится его заговор против партизанок.

Как мы видим и на примере Ом Гван Хо, в революции за-

чинщиками скандалов бывают разного рода «ультра» и радикалы, себялюбцы и двурушники, лицемеры, а также тот, кто работает по настроению, ворчуны и карьеристы. Не примешь заблаговременных мер в отношении таких типов – не миновать большой беды.

Случай с Ом Гван Хо дает урок: не будешь постоянно трудиться над идейным самовоспитанием – потеряешь веру в победу революции, станешь человеком недовольным, малодушным и трусливым, начнешь сгибаться даже перед небольшими трудностями, в конце концов, переродишься в сторонника пораженчества и причинишь большой вред делу революции.

«Инцидент с разоблаченной шпионской группой», состряпанный Ом Гван Хо, был чрезвычайным происшествием, которое чуть не повлекло за собой громадный вред единству идей и воли в наших рядах, их морально-нравственной сплоченности. Вот почему мы, всерьез обсудив вопрос об Ом Гван Хо на заседании парткома Ставки Командования, вынесли его на рассмотрение массового суда на слете командиров и бойцов, что проходил в Бэйдадинцзы.

Когда был оглашен со всеми подробностями случай в Цинфэнском тайном лагере, все командиры и бойцы единодушно поддержали партизанок, которые защищали нашу линию, не изменив своим убеждениям и в самых что ни на есть адских условиях. Вместе с тем они требовали от имени Народно-революционной армии ликвидировать Ом Гван Хо и Ли Дон Гора – того, кто, не сумев точно разобраться в сути дела с высокой политической точки зрения, попустительствовал преступлению.

Вначале Ом Гван Хо всячески тщился оправдывать себя. Но, подвергнутый массовому осуждению, признался затем в своих преступлениях. Он со слезами на глазах умолял помиловать его.

В противоположность этому Ли Дон Гор с самого начала ни слова не произнес в свое оправдание, чистосердечно признался в своей провинности и сам потребовал казнить его. Столь близко к сердцу он воспринял критику со стороны масс, столь глубоко

раскаивался в своих проступках.

Ли Дон Гор был по характеру кремень и в то же время был добросердечен, привлекателен. По части политработы и подполья он был признанный мастер. Мы на Наньпайцзыском совещании назначали О Чжун Хыба командиром 7-го полка, а Ли Дон Гора – к нему полковым комиссаром. Тогда мы ценили эти его качества и богатый опыт политической работы.

И вот такой человек допустил ошибку: оказался игрушкой в руках младшего по рангу командира. В тайном лагере он жил вместе с Ом Гван Хо в одном помещении. Здесь он поддался лести и подхалимству Ома и к тому же не вел как следует работу с бойцами. Разумеется, он был тяжело ранен, и, думаю, у него было мало времени для работы с ними. Но он мог хотя бы вызывать бойцов к себе в комнату, если был не в состоянии сам выходить из нее. Хотя бы таким образом надо было часто общаться с бойцами.

Когда Ом Гван Хо поднимал в тайном лагере шумиху вокруг «инцидента с разоблаченной шпионской группой», Ли Дон Гор должен был поговорить хотя бы с одним бойцом. Тогда он тут же узнал бы всю подоплеку дела. Однако Ли Дон Гор, выслушав доклад Ома, ни с кем не встречался, оставил все на его усмотрение, допустил, чтобы тот безнаказанно творил пакости. Так, Ом Гван Хо заявил: «Надо допрашивать новобранца», – Ли Дон Гор согласился, а когда требовал арестовать партизанок, тоже согласно кивал головой.

Ли Дон Гор слушал только Ом Гван Хо, а к голосу бойцов даже и не прислушивался. Вот почему он не мог уберечь политическую жизнь людей от интриг такого честолюбца, как Ом Гван Хо. В этом и состояла вина Ли Дон Гора как политического работника. Вот почему все бойцы и командиры ставили Ли Дон Гора на одну доску с Ом Гван Хо. Если политработник не дышит одним воздухом с массами, то ему не миновать таких последствий.

Руководящим работникам, отвечающим за политическую

жизнь человека, ни на час не следует забывать о необходимости дышать одним воздухом с массами. Дышать одним дыханием с массами – это значит: люди возьмутся за лопату – ты тоже возьми лопату; люди питаются чумизой – ты тоже кушай чумизу, словом, во всем дели судьбу с народом. Тот, кто не дышит постоянно одним дыханием с массами, не может хорошо понять чувства, психологию народа, не знает, в чем он нуждается, к чему он устремляется.

У отдельных наших работников наблюдаются такие замашки: они преследуют тех, кто их критиковал, всякими методами, открытыми и скрытыми. Даже в зависимости от степени резкости критических замечаний делают ни в чем не повинных предметом игры с судьбой их политической жизни. Не исключение и такие, кто склонен верить только одному-двум подхалимам и необдуманно решает вопрос о судьбе человека. Если руководящие работники, злоупотребляя своим служебным положением, будут самовольно решать вопросы о судьбе политической жизни человека, то это причинит обиду народу, вызовет у него ненависть, приведет к отрыву партии от масс.

Наша партия проводит высоконравственную политику. Наша страна – это такая страна, где благодаря этой политике весь народ живет в одной большой дружной семье. Наша высоконравственная политика призвана охранять не только физиологическую, но и политическую жизнь человека, заботиться о его судьбе. Наша партия больше всего дорожит политической жизнью человека.

Объединение людей, образованное общностью их идей и идеалов, – это и есть организация, есть партия, и каждый человек в этом коллективе ведет свою политическую жизнь. Вот почему политическая жизнь миллионов людей и есть жизнь их организации, жизнь партии.

Стало быть, необдуманные попытки «резать ножом» политическую жизнь человека или очернять ее сокращают продолжительность жизни партии. Если партия хочет своего «дол-

голетия», если хочет жить до осуществления своей программы-максимум, ей следует умело вести работу с людьми, надежно охранять их политическую жизнь. Вот чему учит цинфэнский урок. Вы, товарищи, должны всегда твердо помнить этот урок.

Ошибки Ли Дон Гора были серьезные, но он был достоин помилования. Он допустил ошибки потому, что, предав забвению долг политического руководителя, позволил себе быть обманутым Ом Гван Хо. Он не был зачинщиком дела. Но он вел себя как посторонний, согласился со всем, что тот ему предложил, закрыв глаза на подлый заговор.

Учитывая все это, мы ограничивались только понижением его по службе.

Избежав строгой кары, Ли Дон Гор пришел ко мне и говорил, что на него наложено слишком легкое взыскание.

– Хотел бы подвергнуться более суровой каре. Прошу послать меня на самое опасное место. Мою вину можно искупить только кровью и жизнью. Только тогда боевые друзья простят меня. Будут называть меня, как и прежде, товарищем.

После этого Ли Дон Гор честно выполнял задания Ставки. Арестованный врагом, он, будучи приговорен к смертной казни через повешение, погиб в Содэмунской тюрьме накануне дня освобождения Кореи, дня 15 августа.

В годы антияпонской революции Ли Дон Гора (это его настоящее имя) назвали также Ким Чжуном.

3. Случай с солью

В июне 1949 года великий вождь товарищ Ким Ир Сен руководил работой малого заседания Кабинета Министров КНДР. Тогда был рассмотрен вопрос об отмене карточной системы распределения соли и о введении ее свободной продажи.

В тот день, заключая заседание, он отметил: «Многое мы испытали в годы антияпонской вооруженной борьбы, но, помнится, едва ли не самыми мучительными были дни, когда мы оставались без соли. Поэтому, когда мы боролись в горах, всеми силами старались не оставаться без соли, даже когда не оставалось продовольствия. Теперь у нас быстро растет добыча соли, создан ее запас, значит, можно переходить к ее свободной продаже».

Приняв меры по обеспечению свободной торговли солью, товарищ Ким Ир Сен вспоминал перед руководящими работниками о том, как мучились люди без этого продукта во время Трудного похода. Ниже приводим собранные вместе его неоднократные воспоминания об известном людям «Случае с солью».

Случай с солью, о котором мне хотелось бы рассказать, произошел весной 1939 года на исходе Трудного похода. Я не могу его забыть и поныне.

Человек не может жить без соли. Когда в организме не хватает соли, опухают руки и ноги, ты теряешь силы, передвигаешься с трудом.

Без соли не могут существовать и травоядные животные. В лесу можно обнаружить вокруг лужицы с соленоватой стоячей водой много оленьих рогов. Это и понятно: олени часто приходят туда в поисках соли.

В партизанской жизни у нас были четыре основные трудности из-за недостатки предметов первой необходимости: продовольствия, обуви, спичек и соли. Если спросите, какая из них самая тяжелая, нестерпимая, то, пожалуй, большинство ветеранов антияпонской революции ответили бы, что это нехватка соли.

Вообще в районах Северного и Западного Цзяньдао соли не хватало. А тут еще местное ведомство ужесточило контроль за ее распределением. И, естественно, она стала для населения

редкостью. То же самое было и в районах Маньчжурии – продажу соли ведомство полностью монополизировало. Враги держали соль под строгим контролем в населенных пунктах, чтобы она не попадала к бойцам Народно-революционной армии.

Торговцы ввозили ее из Кореи контрабандой и, обходя населенные пункты, продавали ее понемногу из-под полы. Но это не очень помогло. В глухомани Цзяньдао было немало таких семей, которые употребляли вместо соли настои из вымоченной древесной золы. В Восточной Маньчжурии я видел, как одна семья обходилась маленьким кусочком каменной соли при каждом приеме пищи. Когда я действовал в Ванцине, как-то раз побывал в роте Чвэ Чхун Гука. Там я спросил Ко Хен Сук, какие самые большие трудности у нее как поварихи. В первую голову назвала она нехватку соли. Ко Хен Сук жила по соседству с О Бэк Рёном. Во время карательных операций противника она потеряла много родных и затем вступила в партизанский отряд, чтобы отомстить врагу. В отряде ее назначили поварихой. Каждый раз, когда я обедал в роте, она очень стеснялась того, что скуден, мол, гарнир. А когда бывало так, что на стол подавалась пища без соли, то она, очень смущенная, не могла даже поднять глаза на меня и лишь растерянно стояла возле топки на кухне, не зная, куда деваться.

По словам Ко Хен Сук, и у нее семья не раз обходилась при еде кусочком китайской каменной соли величиной с фасолину.

Во время Второго похода в Северную Маньчжурию с солью так было туго, что в отдельной роте , бывало, каждый боец носил маленький мешочек НЗ соли на поясе. Мешочек был объемом, как футлярчик для печати, – в него едва можно было засунуть палец. Соль из этого мешочка употребляли в самом крайнем случае, когда уже совсем неоткуда было ее достать.

Тем, кто не испытывал на себе острую нехватку соли, мой рассказ, вероятно, покажется сказочным. В партизанские годы не один боец погиб, отправившись на поиски соли во вражеском районе. Много погибло и подпольщиков при попытках достать и передать нам соль. Основным каналом получения соли для нас и

было как раз подполье. С полученными от нас деньгами подпольные революционные организации направляли людей на покупку соли. Разумеется, поступала в партизанский отряд и часть соли, которую приобретали жители за свой счет.

Враги ясно представляли, по каким каналам к нам поступает соль. Они отлично знали и то, какие большие трудности мы испытываем из-за ее нехватки. Это давало противнику шанс использовать соль как орудие плетения страшных интриг против нас, как средство разгрома Народно-революционной армии. Противник рассчитывал: если его игра с солью пройдет успешно, то это поможет ему захватить поголовно всех бойцов революционной армии живьем или разбить их наголову, притом без единого выстрела.

На своем опыте враг отлично понимал, что ему одним военно-политическим противоборством нашу Народно-революционную армию не победить. Поэтому он проводил то «операцию по содействию капитуляции», то политику «коллективных поселений», то тактику «выжженной земли». Одно время он, состряпав «Минсэндан», пытался подорвать изнутри наши революционные силы, сея межнациональную рознь и рассчитывая, таким образом, вбить клин между народами двух стран – Кореи и Китая.

Японцы изобретали даже разные версии об «убийстве Ким Ир Сена». Они из кожи лезли вон, чтобы остановить неудержимое распространение в народе добрых вестей о нас. Пускались в ход газетные утки: «Ким Ир Сен убит, его нет, значит, теперь конец борьбе за независимость Кореи». Таким образом тщились обдать холодной водой горячий антияпонский порыв корейской нации. В то время немало органов печати Кореи и Маньчжурии беззастенчиво помещали на своих страницах внешне правдоподобные в виде репортажей публикации с описаниями, в каком бою и как потерпел крах Ким Ир Сен.

Так, в ноябре 1937 года газета «Кенсон ильбо» писала о том, что карательному отряду войск Маньчжоу-Го после пятичасового сражения удалось разбить нас, что и Ким Ир Сен, – кстати,

он и его отец на протяжении двух поколений продолжали движение против Японии и Маньчжоу-Го, – был загнан в тупик карательным отрядом и, в конце концов, на 36-м году жизни окончил свое существование, полное лишений и невзгод.

И журнал «Тесинь», издававшийся в марионеточных войсках Маньчжоу-Го, поместил статью о нашем разгроме под заголовком «Подробное сообщение о карательных операциях против банды Ким Ир Сена». В ней говорилось, будто бы я подвергся внезапному налету войск Маньчжоу-Го под Янмудинцзы уезда Фусун и в результате неравного боя был убит вместе с 8 бойцами, а жители поселка якобы подтвердили: «Да, это и есть Ким Ир Сен».

Говорили даже, что за эти «заслуги» некий Ли, командир роты 7-го полка марионеточных войск Маньчжоу-Го, получил от командующего Квантунской армией и министра общественной безопасности Маньчжоу-Го внеочередное повышение в звании, похвальную грамоту и премию в сумме 10 тысяч *юаней.*

Но после этого дело обернулось весьма скверно: Ким Ир Сен, как назло, появился снова, так сказать, воскрес.

Какую цель преследовали японские империалисты, проводя биологические эксперименты над корейцами и китайцами? Несомненно, это было направлено против народов и революционных армий двух стран – Кореи и Китая, а в перспективе – на физическое истребление всех враждебных завоевателям сил, мешающих установлению ими господства над Востоком.

Но никакими средствами и методами не удалось врагам погасить пламя антияпонской революционной борьбы, ликвидировать по-прежнему существующую и действующую Корейскую Народно-революционную армию.

Озлобленные неудачами враги отравляли ядом не только колодцы, но и пытались заслать к нам и отравленные хлеб, соль и зерно, чтобы таким подлым способом свести с нами счеты.

Едва прибыв в Чанбай, мы чуть не попали в такую ловушку противника. То было время, когда мы, продвинувшись в Западный Цзяньдао, дали первый бой в Дадэшуе, затем – в

Сяодэшуе и остановились в Машуньгоу, где мы проводили подготовку к осеннему празднику *чхусок*. Как-то раз прибежал ко мне разводящий и доложил: «Появился какой-то старик возле будки, ни с того ни с сего требует повидать командира. Не знаю, как быть? Пришел к вам узнать ваше мнение».

Я принял того старика. Он сообщил о том, что соль, которую мы достали в Чанбае, отравлена. Говорил, что это дело рук противника. Чтобы проверить его донесение, мы попробовали соль на животном. Яд тут же дал себя знать.

Если бы старик не сообщил нам об этом своевременно, то случилась бы действительно большая беда. Попытки противника ликвидировать нас путем отравления соли предпринимались все чаще, ибо мы все острее испытывали ее нехватку.

И весной 1939 года мы оставались без соли. Как мучились мы тогда! То было время, когда полки, воевавшие рассредоточенно, собрались вместе и действовали совместно со Ставкой, завершая Трудный поход. Поход был близок к концу, и настроение у бойцов было куда как хорошо. Тогда у нас и продовольствие было, и погода стояла теплая. С наступлением весны боевой дух у всех был приподнятый. Однажды, однако, у нас случилось нечто странное: на пути похода бойцы, словно пьяные, вдруг утрачивали равновесие и шатались из стороны в сторону.

Было бы ладно, кабы случилось это только с несколькими бойцами, а тут – сразу с массой. Действительно это была большая беда. Лица у всех бойцов распухли. Отеки у некоторых из них были так сильны, что они не могли даже открыть глаза.

Причину обессиленности бойцов я нашел в соли. Решил, что и причина сильных отеков – в нехватке соли.

Накануне члены нашей Ставки дней десять жили без соли. Я обратился к О Чжун Хыбу: «Когда у вас кончилась соль?» Он ответил, что 7-й полк почти не имел возможности даже попробовать соли после того, как расстался со Ставкой. Ясно стало, чем вызвано это необычное состояние людей.

Я просто был ошеломлен тем, что случилось такое несчастье в

то время, когда поход был завершен и я задумал снова продвинуться в пределы Кореи и ударить по врагу. Надо было во что бы то ни стало достать соль – иначе погибнет весь отряд.

Я подыскивал подходящего человека, который мог бы добыть ее во вражеском районе. О Бэк Рён, возглавлявший комендантскую роту, порекомендовал новобранца Ким Бон Рока.

Ким Бон Рок – это юноша, который пришел к нам, следуя за нами с трофеями на спине, и, решив не возвращаться домой, вступил в наш отряд. С тех пор прошло немного времени. Вел он себя прилично и воевал хорошо. О Чжун Хыб тоже считал его аккуратным, исполнительным человеком. Он говорил, что его родители живут в Сигане, а коли пойдет юноша, то, по его мнению, он обязательно достанет соль.

Я вызвал Ким Бон Рока, спросил: «Сможешь ли ты решить эту задачу?» Он ответил: «Пойду и постараюсь. В эту пору отец ходит в лес за дровами. Если я пойду в штатской одежде, то не попаду на глаза тайных агентов. Встречусь с отцом – тогда вопрос с солью не будет стоить и выеденного яйца».

Мы дали задание Ким Бон Року и прикрепили к нему одного помощника. Вместе с тем бойцом он отправился на добычу соли.

Его отец, встретившись со своим сыном, несказанно обрадовался и сказал: «Какой ты молодец, что стал солдатом Полководца Кима! Раз ты под его попечением, у меня на душе спокойно. Но в эти дни япошки говорят, что, мол, с Полководцем Кимом стряслось несчастье. Правда ли это?»

А Ким Бон Рок ответил: «Это неправда. Я только что из военного лагеря нашего Полководца. По его приказу пришел встретиться с тобой, отец. Он здоров». Услышав сына, отец не знал, что делать от радости. Он со слезами на глазах говорит: «Еще бы! Так и должно быть! Правда, мы было пали духом, когда дошли до нас слухи: случилось-де несчастье с ним. Значит, Полководец Ким жив! Теперь все будет в порядке».

Узнав о причинах прихода своего сына домой, старик диву давался: «Виданное ли дело? Из-за соли революционная армия

доведена до такого состояния, что не может даже воевать? Что бы ни случилось, достану соль и облегчу беспокойство Полководца Кима».

Хотя старик уверенно заявил так сыну, но достать соль оказалось не так легко, как обещать на словах. Еще можно было купить одному человеку один-два *кына*[13] соли, но брать больше было опасно: можно вызвать подозрение противника. В те времена ведомство Маньчжоу-Го и полицейские учреждения не разрешали продавать в магазинах соль сверх определенной нормы. Их служители то и дело приходили в магазины, тайно расследовали и контролировали продажу этого продукта. Да и среди торгашей были их прихвостни, которые регулярно доносили им о ходе торговли товарами среди населения.

Отец Ким Бон Рока мог бы в одиночку купить малость соли, но, услышав от сына, что в походе участвуют несколько сот бойцов, он решил достать хотя бы на один-два *кына* больше и обратился за помощью к соседу-старику, с которым он всегда жил душа в душу. Выслушав его, старый сосед обещал помочь. Однако, как на грех, этот сосед, малость возгордясь, рассказал еще одному своему близкому приятелю-старику: Полководец Ким Ир Сен, мол, прислал с гор человека за солью, а он вызвался внести свою долю. И добавил: «Если ты хочешь оказать помощь партизанам, попробуй достать соли столько, сколько сможешь». Вот и третий старик уже собрался было приобрести соль. Но, увы, это-то и стало истоком беды. Тот третий старик, не зная, что его собственный сын, член прояпонского общества «Кёвакай», – сыщик, и выдал секрет. В то время японские империалисты, организовав так называемые «группы по умиротворению» и «группы по содействию капитуляции», вели как раз кампанию по «содействию капитуляции». В той подлой затее играли свою роль и члены этого общества.

Сын старика, японский сыщик, сразу донес своему начальству о том, что он услышал от своего отца.

Таким образом, спецслужбы Квантунской армии узнали, что

мы собираемся через стариков закупить большое количество соли. И они приняли свои меры: приказали полицейским учреждениям скупить всю соль, имевшуюся в продаже в магазинах района Сигана, и доставить в торговую сеть другую соль, экстренно привезенную из Чанчуня на самолете. Та соль, которую противник доставил на самолете, была отравленной. Она не убивала сразу. Но после еды с этой приправой постепенно появляется головная боль, подкашиваются ноги, теряется боеспособность. Да где уж было знать или даже предположить такое отцу Ким Бон Рока и другим старикам, ходившим за солью! Злодеяние было задумано и подготовлено противником строго секретно. Даже такие, казалось бы, сообразительные люди, как торговцы, которые отличаются особой смекалкой, словно сторожевые собаки в овчарне, не сумели ничего учуять об этой коварной затее.

И двое стариков, взвалив соль на спины, отправились вместе с Ким Бон Роком к месту партизанской стоянки. Они пришли к нам в отряд днем, примерно в час или два.

Поблагодарив их, я сразу же приказал раздать соль по частям.

В то время Ким Чен Сук всегда носила с собой уксус, чтобы обеспечивать безопасность Ставки. Она отвечала за приготовление пищи для Ставки. Капнув уксусом на ту соль, которую принесли на долю Ставки, она забила тревогу: «Соль кажется отравленной!» Разбавишь уксусом – легко узнаешь, отравлена пища или нет. Уксус быстро реагирует на яды.

Благодаря ей члены Ставки и бойцы комендантской роты не использовали отравленную приправу. Вообще они считали правилом своей морали и дисциплины не есть никакой пищи, пока не примется за еду Командующий. И в тот день они ждали время, когда я вернусь в палатку после собрания, и не решались приняться за обед.

Пока шло собрание, мне доложили, что соль, принесенная стариками, кажется отравленной, и я объявил перерыв. Подбросил соль в костер – она горела синим пламенем. Если соль отравлена, то она горит таким синим огнем.

Я велел начальнику интендантской службы собрать обратно всю соль, розданную по частям. Получив распоряжение Ставки вернуть ее назад, командиры не на шутку растерялись: мол, бойцы уже малость попробовали ее. Отдельные части, даже получив приказ вернуть назад соль, не собирались повиноваться. Рассуждали некоторые бойцы так: «Что это? Возможно ли отравить соль?» Нашлись и такие партизаны, что спрятали драгоценный продукт в свои маленькие мешочки.

Нас больше всего встревожили 7-й и 8-й полки, которые уже поели пищу с той солью и ушли на задание – совершать внезапные налеты.

Мы запланировали вечером того дня ударить по врагам, достать продовольствие и продвинуться в направлении Хэйсяцзыгоуского тайного лагеря. Вот почему было дано боевое задание бойцам 7-го и 8-го полков.

Не было сомнения, что враги, пытавшиеся отравить нас, налетят на нас с рассветом. Но беда была в том, что наши основные боевые отряды уже ушли выполнять боевые задания. Было отчего встревожиться! Я решил как можно скорее вызвать их обратно, для этого направить за ними ординарцев. Но не тут то было: ушедшие бойцы уже возвратились обратно, выбившиеся из сил, с трудом дышащие. Я впервые видел такого обессиленного О Чжун Хыба, который доложил мне, в чем дело. То же самое произошло и у других бойцов. Некоторые товарищи свалились на полпути: ноги у них так подкашивались, что они не в силах были добраться до бивуака.

По всей вероятности, противник задумал налететь на нас, когда мы, отведав соли, полностью лишимся боеспособности, и одним ударом либо поголовно перебить, либо всех захватить в плен. Расчет хитрых врагов, вероятно, был таков: за сколько-то часов «соленый» груз дойдет до нашей части, через сколько-то часов мы употребим ее в пищу; пройдет столько-то часов, и весь наш личный состав свалится, будучи не в состоянии двинуться с места. Обстановка была весьма критическая. За исключением

членов Ставки, весь отряд, парализованный ядом, чего доброго, подвергнется вражескому нападению. Вопрос стоял ребром: либо отряд погибнет полностью, либо, к великому счастью, выживет и продолжит сопротивление японским захватчикам.

Я был обеспокоен куда больше, чем весной 1937 года в Сяотанхэ, где мы были окружены многотысячными ордами противника. Не знаю, как выразить словами ту растерянность, которую я испытывал тогда.

В Сяотанхэ нас окружали вражеские полчища в несколько тысяч штыков, но наши бойцы не теряли боеспособность. В то время мы готовы были на крайний случай с боем прорвать кольцо окружения. Но на этот раз – куда там! – обстановка была совершенно другой. Приходилось встречаться лицом к лицу с противником, когда отряд был отравлен ядом. Вот в какой мы попали заколдованный круг!

Мы всерьез обсуждали создавшееся положение. Некоторые возмущенные товарищи предлагали немедленно расправиться со стариками, доставившими нам соль. Они, мол, прихвостни противника. Если они не цепные псы врага, то с какой стати принесли нам отравленную соль?

Но такое их суждение не соответствовало логике дела. Если бы старики были тайно связаны с противником, знали заранее, что это отравленная соль, то почему же они сами принесли ее к нам, а не передали партизанам, спустившимся тогда в поселок Сиган? К тому же не может быть так, чтобы отец принес отравленную соль для убийства своего сына.

Я резко упрекнул тех, кто предложил ликвидировать двух стариков. Я им говорю: «Ликвидировать их? Какое это сумасбродство! Надо же тепло относиться к старикам, которые пришли к нам с тяжелым грузом на спине, притом с риском для жизни, для того, чтобы их сыновья воевали хорошо. А вы что? Вы, кажется, не только отравлены ядом, но даже лишились разума. И те старики, как и мы, не знали, что соль отравленная. Сейчас мы попали в ловушку. По моему предположению,

противник обязательно нападет на нас, когда эффект отравления достигнет предела. Поэтому те, кто в состоянии двигаться, должны быстро готовиться к бою и принять срочные меры, обезвреживающие яд. Нет иного выхода. С рассветом появится враг. Ныне мало у нас бойцов, способных воевать. Именно сегодня нас ждет смертельный бой».

Но все бойцы главных полков говорили: обессиленные, они не в состоянии двигаться. Я стоял на своем: «Как вы ни выбились из сил, надо покинуть эту местность, пока не налетел противник. Пока теплится в вас жизнь, хоть ползком, но всем надо добраться до безопасных лесных массивов. Иначе прилетят вражеские самолеты, разбомбят, а наземные войска начнут артобстрел и потом окружат нас. Тогда мы все погибнем». Так я заставил личный состав главных полков ползком добраться до безопасных лесных массивов. А членам охраны Ставки и пулеметному взводу дал задание быть наготове к бою.

Спустя некоторое время, как мы и предполагали, налетели на нас враги. Нам пришлось в течение двух дней вести жаркие бои. Незначительное число бойцов пулеметного взвода и охранников Ставки, укрыв в безопасное место всех бойцов главных боевых полков, сильным ударом отбили вражеские атаки. Действительно, не на жизнь, а на смерть, здорово воевали тогда члены нашей Ставки.

Судя по свойству примененного яда, постепенно парализующего душевное и физическое состояние человека, противник, вероятно, рассчитывал захватить всех нас живыми. Удайся это ему, он тут же объявил бы миру, что на земле Маньчжурии «завершились карательные операции против коммунистической банды». Это было то время, когда враги трубили: «С разгромом отряда Ким Ир Сена завершатся карательные операции против партизанских отрядов».

После отражения атак противника мы пошли в лесные массивы, где укрылись полки. Устроили там больницу, варили и маш, и тыкву для отравленных, так примерно неделю лечили их. И результат: все полностью восстановили свое здоровье.

Из-за происшествия с солью я, действительно, хватил горя. Когда было разглашено, что соль отравленная, пуще всего расстроился Ким Бон Рок. Еще бы! Соль, принесенная ими, отцом и сыном, оказалась ядом. Надо ли говорить, до чего им было тяжко! Лица у них были мертвенно-бледными, они не знали, куда деваться от жгучего стыда. Они, как преступники, ждущие кары, не могли даже вымолвить слова.

Я не раз убеждал двух стариков, принесших к нам соль на спине, в том, что мы не только не имеем никакого подозрения, но и, наоборот, благодарны им за искреннее желание помочь. Успокоив стариков, я дал Ким Иру, знавшему все ходы и выходы в районе Западного Цзяньдао, задание проводить их, но не домой, а в другой безопасный край. Интриги противника не просто потерпели неудачу, но и привели к гибели его многочисленных солдат. Кто знает, какую расправу учинят разъяренные враги над невинными стариками, взвалив на них ответственность за неудачу. Они могли убить отца Ким Бон Рока и его соседа уж только по той причине, что они, имея тайные связи с сыном-партизаном, потихоньку унесли партизанам большое количество соли.

Ким Ир со всей ответственностью выполнил данное мной задание. Обеспечив двум старикам безопасное убежище, он затем незаметно переселил туда и их семьи. Он также разведал, каким образом была отравлена соль, принесенная стариками. Подлецом оказался сын третьего старика.

В годы минувшей войны наемные шпионы противника, проникшие в область здравоохранения, не гнушались жестоким убийством – посягательством на жизнь больных. Разбавляя пищу ядовитыми веществами, они убивали людей. Это было преднамеренное вредительство, цель которого – сломить волю народа, посеять недоверие и раздоры в отношениях между медработниками. Американские империалисты не останавливались и перед бактериологической войной, чтобы истребить наш народ.

Контрреволюция никогда не брезгует любыми средствами и

методами, совершая наступление на революцию. Как показывает история XX века, империалисты, будь они с Востока или с Запада, все без исключения, являются мастерами кровавой человекобойни. Они постоянно совершенствуют свое мастерство, свои способности, направленные на истребление народов, которые желают жить самостоятельно, вне зависимости от других. Современные империалисты проводят сейчас крупномасштабные подрывные операции, рассчитанные отнюдь не на уничтожение сотен революционеров или десятков тысяч бойцов революционной армии, а на одновременный развал всех социалистических стран. Поэтому мы должны всегда быть начеку по отношению к их происка м.

Я так мучился в горах от нехватки соли в годы антияпонской революции, что после освобождения страны каждый раз при встрече с людьми из северных пограничных районов первым делом спрашивал о положении с солью. Как-то раз, встретившись в Хучхане с заместителем председателя уездной потребительской кооперации, я спросил его, в каких товарах население уезда испытывает самую острую нехватку. Он отвечал, что это – соль.

Летом 1947 года я встретился у себя в рабочем кабинете с одним мальчиком из Чхансона, вернувшимся с гор Кымган, где дети отдыхали в оздоровительном лагере. Тогда и он говорил мне, что чхансонцы очень нуждаются в соли. И мы посоветовали тогда работникам торговли принять меры для обеспечения населения глухих горных местностей достаточным количеством соли. Провинция Рянган – это, как и Северный и Западный Цзяньдао, является внутренним горным районом, отдаленным от морей. Поэтому там, может, и ощущается нехватка соли. Как-то раз во время войны я побывал в Косанчжине и видел, как остро нуждалась в соли и провинция Чаган. Тогда положение у нас было тяжелое: это был период нашего временного отступления. Несмотря на это, я непосредственно разрешил вопрос о снабжении солью жителей Косанчжина.

Руководящие работники должны постоянно заботиться о том,

чтобы население внутренних районов страны не испытывало трудностей с солью.

И на оленьих фермах следует постоянно давать соль оленям.

4. Бой в Тэхондане

В мае 1939 года главные силы КНРА, возглавляемые Полководцем Ким Ир Сеном, вновь переправились через реку Амнок. И на плоскогорье Пэкту гремели залпы, разящие врага.

Бойцы КНРА ступили на родную землю. Первую ночь они провели в лесу Чхонбона, неподалеку от рабочего поселка Рименсу в нынешнем уезде Самчжиен. Место бивуака того дня было обнаружено спустя почти 20 лет и, наконец, стало известно миру. Вслед за этим были найдены исторические места в Мусане и Енса.

Ниже публикуются воспоминания товарища Ким Ир Сена о боях в районе Мусана, составленные из многих его рассказов.

Вопрос о выступлении на Родину, о чем говорилось еще в Наньпайцзы, окончательно был уточнен в Бэйдадинцзы.

Бойцам не терпелось продвинуться на Родину. Им захотелось дать на родной земле бой более крупный, чем бои в Почхонбо и на горе Цзяньсаньфэн, чтобы не на шутку заявить о себе. Их ничто не страшило: в то время силы у них прибавилось, да и сами они закалились, как сталь, в более чем стодневном Трудном походе.

С этими силами мы весной того же года непрерывно совершали налеты на многие уездные города и поселения в бассейне реки Амнок. А затем мы потихоньку, словно в воду канули, продвинулись на Родину.

Почему мы выступили на Родину? Об этом я уже говорил, думается, не раз.

Важнейшим направлением военно-политических операций КНРА, как я отмечал и раньше, было выступление на Родину. Где бы мы ни сражались, будь то в Северной или в Восточной Маньчжурии, мы в многочисленных крупных и малых боевых операциях всегда видели главный ориентир действий в одном: в выступлении на Родину и ее освобождении. И все наши усилия были сосредоточены именно в этом направлении.

Для выступления на Родину важно было удачно выбрать время. Если июнь 1937 года был подходящим периодом для продвижения на Родину, то таким же периодом был и май 1939 года. Основания для такого вывода были. В то время, судя и по сложившейся ситуации, и по нашим стремлениям, и по чаяниям народа Кореи, выступление КНРА на Родину стало актуальным делом, осуществить которое требовалось без малейшего отлагательства.

Мы глубоко проанализировали международное положение и ситуацию в стране того периода, что и позволило нам принять решение снова перенести вооруженную борьбу в глубь территории Кореи.

В мае 1939 года восток земного шара уже был охвачен пламенем китайско-японской войны; на западе форсированно велась подготовка ко второй мировой войне.

Японские империалисты, увязающие в болоте затяжной войны, пытались как можно скорее разделаться с Китаем. Они зондировали также возможность нападения на СССР и, строя одновременно стратегический план похода на юг, делали все, чтобы обеспечить себе прочный тыл. Для этого они, с одной стороны, развертывали экономический грабеж и фашистские репрессии против корейского народа, а с другой – усиливали операции по уничтожению КНРА. Типичным примером тому служит, прежде всего, «Хесанское дело».

В связи с этим «делом» большой урон понесли революционные организации Западного Цзяньдао и вместе с тем часть революционных организаций в северном районе Кореи. Оставались, конечно, нетронутыми немало организаций, но большинство стержневых организаций было разгромлено. Снизилась активность, а то и вовсе затаились те революционные организации, которым удалось избежать удара.

После «Хесанского дела» враги продолжали еще громче трубить о «гибели» КНРА. Так, кое-где враги даже разыгрывали публичные «спектакли» с торжественными митингами по случаю нашего «разгрома» и их «ратных подвигов». Члены

революционных организаций некоторых районов, обманутые ложной пропагандой о нашей «гибели», даже приходили в тайный лагерь к нашим партизанам-подпольщикам, чтобы самолично выяснить, действительно ли со мной случилось несчастье. Они говорили: «Слыхали, что с Полководцем Ким Ир Сеном произошла беда. Если это правда, то это все равно, что корейская революция пошла насмарку. Зачем нам делать революцию, такую безнадежную?» Только узнав точные факты, они возвращались домой.

В такой обстановке КНРА просто обязана была продвинуться крупными силами в Корею, нанести удары врагу и тем самым продемонстрировать всему миру, что она жива и действует. Это стало бы наилучшим путем к новому подъему антияпонской революции. Иного выхода не было. Как ни убеждали людей отдельные подпольщики, пришедшие в Корею, в том, что не погибла революционная армия, здоров Полководец Ким Ир Сен и идет на подъем революция, словам не очень верили в обстановке того времени.

Другая из главных целей нашего продвижения на Родину состояла в том, чтобы восстановить разгромленные революционные организации и расширить их сеть, еще лучше наладить организационно-партийное строительство и движение за формирование единого фронта и тем самым поднять людей на всенародное сопротивление врагу.

Наши революционные организации внутри страны наиболее активно расширяли свои ряды именно после боев в Почхонбо и на Цзяньсаньфэне. Грохот выстрелов пробуждал людей, и они, как правило, стекались под крыло революционных организаций. Если бы мы после Наньхутоуского совещания не продвинулись в Западный Цзяньдао, не вели там боевых действий, а сидели сложа руки, проводили день за днем праздно, только расходуя продовольствие, получаемое от населения, то в районе Чанбая не могли бы столь бурно расти многочисленные революционные организации.

Главный фактор того, что в районе Западного Цзяньдао револю-

ционные организации росли, как грибы после дождя, состоял не столько в том, что мы удачно проводили идеологическую работу, сколько в том, что мы постоянно сражались, показывая в боях, на что способна революционная армия, мы вселяли в людей веру в возможность победы антияпонской революции.

Когда мы рекомендовали район Мусана в качестве направления предстоящего продвижения в Корею, некоторые командиры недоумевали. Это было понятно: они отлично знали, что после боя в Почхонбо противник укрепил этот район, увеличив в несколько раз свои гарнизоны за счет оголтелых молодчиков. Просочиться через этот заслон крупными силами было заведомо трудно и опасно.

Однако мы решили выйти именно в этот район как раз потому, что здесь очевидны были трудности и опасности. Если выступить в такой район и там потрепать противника, то это даст гораздо больший эффект, чем продвижение на любом другом направлении по северной окраине Кореи.

В то время в районе Мусана был сосредоточен большой отряд рабочего класса. Там были рудокопы, строители ГЭС, лесорубы и так далее. Наши боевые действия в этом районе окажут благотворное влияние на рабочих, и весть об этом из их уст быстро облетит всю страну.

Боевыми залпами пробудить рабочих Мусана, рабочих и крестьян провинции Северный Хамген, а затем более энергично поднять весь народ страны на антияпонскую революцию – таков был наш план.

И весной 1939 года части КНРА двинулись в направлении Мусана.

Мы тогда переправились через реку по запани № 5. Ли О Сона я перенес на спине. Переходя через реку, спрашиваю его: «Знаешь, как называется эта река?» Отвечает: «Не знаю». Тогда у наших бойцов почти не было понятия о государственной границе. Я ему сказал: «Это река Амнок». Тогда вдруг говорит мне: «Прошу, опустите меня в реку». Я понял, что ему хочется окунуться в воду родной реки.

По краям запани цвело много азалий. Увидев азалию на родной земле, все бойцы обрадовались необычайно. Партизанки, присев на корточки перед кустом азалии и любуясь ею, плакали, смеялись и восторгались. Это было самой неизгладимой из моей памяти картиной того дня. Среди них были такие, которые плакали, широко распростертыми руками обняв куст азалии. На их лицах сияла радостная улыбка, а из глаз ручьем текли слезы.

Увиденная нами тогда азалия – это был не просто красивый цветок на лоне природы. Это была часть отторгнутой чужеземцами родной земли, это, я бы сказал, ее плоть и кровь. И азалия как бы улыбалась нам навстречу. Но не только улыбалась: казалось мне, что азалия так же плачет при виде нас, как партизаны льют слезы, глядя на цветок азалии. Патриотизм – это поистине пламенное чувство. Разве могут быть у азалии печаль да слезы? Отличается ли чем-либо азалия сегодняшняя от тогдашней? Нет. Но нам, пережившим всю горечь гибели страны, казалось, что и азалия горько сетует на ее трагическую участь, льет слезы и жалуется на свою плачевную судьбу, что она цветет и опадает на многострадальной земле, захваченной чужеземцами.

В тот день партизаны называли тот цветок не просто азалией, а родной. Родная азалия! В этих словах звучала беззаветная любовь партизан к Родине и народу, их горячее стремление ускорить приход весны возрождения, построить на будущей свободной родной земле счастливый край для народа. Мне всякий раз при виде цветка азалии невольно вспоминаются дни антияпонской вооруженной борьбы, и овладевает неодолимое желание декламировать стихи. Родная азалия! Азалия пэктусанская! Цветок ее светло-розового цвета! Предвестница весны на родной земле! Какой это прекрасный цветок! Сколько в нем заветного, многозначительного смысла!

Когда мы прибыли в Чхонбон, туман уже рассеялся, и выглянуло солнце. Какая чудесная была погода! И поныне помнится, как мы разводили костер и сушили гетры, промокшие от росы.

Чтобы определить обстановку – узнать, где противник, лучше

ознакомиться с рельефом местности, я поднялся на вершину горы. Вдалеке клубился дым, из лесу доносились удары топора. Я предупредил командиров, что недалеко отсюда могут быть враги и поэтому надо лучше обеспечивать скрытность действий. А затем указал всем отрядам места их ночевки, выставил посты и направил разведку.

Закончив подготовку к ночлегу, наши товарищи, слегка ободрав кору, писали прямо на стволах деревьев лозунги. В годы антияпонской революции наши бойцы повсеместно, куда ступала их нога, писали лозунги на стволах деревьев. Среди написавших тогда лозунги был и Цзюй Юаньай. Одно время он жил в Синлунцуне. Отлично учился, писал четко и красиво. Красиво писал и Янь Аньцзи, работавший до вступления в партизанский отряд учителем средней школы. Немало было и лозунгов, написанных Ким Чен Сук.

Ушли от нас все эти дорогие нам товарищи. Но сохранились те деревья, остались на них написанные их рукой лозунги. И мне кажется, что и они живы. Нашему народу удалось найти исключительно ценное сокровище.

В деревьях с лозунгами в Чхонбоне чувствуется дыхание борцов, которые сражались вместе с нами. В этих лозунгах кипит их кровь. При виде этих деревьев перед моими глазами встают их живые образы. Лозунги, написанные на стволах деревьев ветеранами антияпонской революции, – это не просто слова, а ценные революционные архивные документы. Это вечное сокровище, которое наша партия, наш народ должны свято хранить, заботливо оберегая эти реликвии.

Проведя одну ночь в Чхонбоне, наутро мы переместились в Кончхан.

Когда мы остановились на ночлег в Кончхане, противник подослал туда двух сыщиков под видом удильщиков. Кстати, подходящее место для рыбной ловли там было найти очень трудно. Однако эти двое, прикидываясь удильщиками, шлялись среди бела дня по окрестностям и неторопливо подбирались к

нашему бивуаку. Вели себя они весьма странно, и наш часовой решил их арестовать и допросить. Но тут – один из них дал тягу, а у другого, арестованного, был найден пистолет.

По признанию лазутчика, враги уже знают, что мы на территории Кореи, и бросили большое количество солдат гарнизона и полицейских на прочесывание лесных массивов.

Наше предположение оправдывалось: силы противника, по всей вероятности, были сосредоточены в основном в этом районе. Наилучшим выходом в такой ситуации было бы незаметно выбраться из вражеского окружения, исчезнуть, словно в воду кануть.

Учитывая возможность нападений врага, я принял тактические меры к тому, чтобы скрыть направление наших действий. Были сформированы два небольших отряда. Одному из них был дан приказ продвинуться в направлении села Пхотхэ, нанести там удар по врагу и ввести его в заблуждение, создавая впечатление, будто отряды КНРА действуют в разных местах, другому – оставить за собой следы так, будто мы снова переправились через реку Амнок и направились в сторону Чанбая, а затем укрыться.

На рассвете следующего дня мы, оставив Кончхан, двинулись в сторону горы Пэгэ. В тот день стоял такой густой туман, что, как говорится, пальцев вытянутой руки не было видно. И наши дозорные изрядно помучились, пытаясь сориентироваться. Поэтому пришлось и мне пойти в дозорную группу, чтобы определять с помощью военной карты и компаса направление движения. Поход того дня был очень рискованным. Того и гляди, столкнемся с вражеской поисковой группой – и завяжется встречный бой. Тогда уж не оберешься от беды. Конечно, встретилась бы поисковая группа, мы запросто могли бы ликвидировать ее. Но если загремят выстрелы, и мы сразу же обнаружим себя. А это создаст большую помеху нашим дальнейшим действиям. Нам приходилось передвигаться, напрягая все нервы.

Прибыв на гору Пэгэ, я приказал остановиться на ночлег и направил разведку с заданием – определить положение проти-

вника. Доложили: среди девственного леса, что на востоке горы Пэгэ, лежит новая дорога – донельзя превосходная. Как выяснилось, это была Капсан-Мусанская сторожевая дорога. Сведения о ней были в наших руках. Это была чрезвычайная военно-сторожевая дорога, пересекающая безлюдную полосу леса между Капсаном и Мусаном. Назначение ее состояло в том, чтобы с помощью подвижных средств экстренно перебрасывать карательные силы до нужного пункта в случае продвижения Народно-революционной армии на территорию Кореи. Ее прокладка закончилась совсем недавно, дорога была как с иголочки. Противник ждал только контрольного осмотра для сдачи дороги в эксплуатацию. Мне также доложили, что по ней строго запрещено хождение посторонним. Везде стоят столбики с надписью: «Хождение воспрещается».

Японские империалисты, устроив повсеместно в Корее такие «запретные зоны» и предметы с надписью «Посторонним входить запрещается», строго контролировали передвижение Корейцев. При японцах в центре города Пхеньяна были даже специальные улицы для японцев. Стоило только появиться там корейцам, как японские «блюстители порядка» и купцы злобно косились на них. Корейским детям было запрещено даже близко подходить к воротам школ для японских детей. Если корейские дети, еще не испытавшие на себе неприятностей от нарушения этих запретов, случайно появлялись на площадке японской школы, их тут же «награждали» пощечинами, обращались с ними, как с нищими. А вот японские дети могли свободно появляться в школах для корейских детей и в корейских населенных пунктах, вели себя там, как вздумалось. Однажды был такой случай. Японские дети-хулиганы, проживавшие в центре Пхеньяна, гурьбой налетели на бахчу с дынями недалеко от Чхандокской школы и испортили весь урожай, который все лето старательно выращивал бедный крестьянин Чхильгора. Тогда я вместе с моими друзьями по Чхандокской школе строго проучил этих японских мальчиков-хулиганов, которые испортили огород и

растоптали дыни. Мы прогнали их в город.

Враги создали так называемую «запретную зону» и вдоль пограничной линии, запрещая корейцам там передвигаться. Но мы примириться с этим не могли. И для того, чтобы показать, что корейцы не признают японского господства над Кореей, решил – во что бы то ни стало продемонстрировать внушительную силу КНРА и нанести удар по врагам, построившим Капсан-Мусанскую сторожевую дорогу.

Судя по тому, что противник спешно построил такую охранно-оборонительную дорогу в пограничной зоне и расставил устрашающие кордоны, было видно, с каким усердием готовится он к тому, чтобы взять реванш за свои позорные поражения в Почхонбо и на Цзяньсаньфэне.

Я пригласил к себе военные и политические кадры и с предельной ясностью обрисовал им ту опасную обстановку, в которой оказались мы. И поставил вопрос так: «Мы сейчас совершаем поход в окружении противника. Повсюду врагов множество – и впереди, и позади, и по бокам. Враги узнали, что мы на территории Кореи. И они стянули сюда из разных районов провинций Северный и Южный Хамген крупные карательные силы – пограничные гарнизоны, полицейские отряды и так далее. Видимо, они готовятся к крупномасштабным операциям на поиск и окружение. Улизнувший сыщик видел нас. Враги, возможно, уже сейчас провели поиск в Чхонбоне и пустились в погоню за нами через Кончхан. Нужно как можно скорее выбраться отсюда, продвинуться в сторону Мусана и осуществить оперативный план, разработанный нами в Бэйдадинцзы. Но нам нелегко продвигаться дальше. Того и гляди, попадем в кольцо полного окружения. Что, по-вашему, надо предпринять, чтобы перебраться в Мусан одним махом?»

Командиры наперебой высказывали свои соображения. Одни предлагали направить в сторону Чанбая отвлекающую группу, чтобы внимание противника сосредоточилось в том же направлении, а самим скрытно продвинуться в направлении

Мусана. Другие говорили: если путь в район Мусана наглухо закрыт, не лучше ли тогда дать большой бой возле горы Пэгэ – такой же, как бой на Цзяньсаньфэне.

Все предложения казались обоснованными. Но они имели один недостаток – не давали возможности одним махом добраться до района Мусана.

Выслушав мнения командиров, я представил их на общее обсуждение, а затем высказал свое мнение. Мой вариант – среди бела дня идти по Капсан-Мусанской сторожевой дороге, которую враги только что проложили, где они лишь ждут контрольного осмотра для ввода в эксплуатацию.

Выслушав мое предложение, все собравшиеся растерялись. Да, и было отчего: ведь я предложил совершить среди бела дня марш крупными силами не по обычному проселку, а по шоссе, проложенному противником специально для карательных операций против нас. По выражению лиц командиров я сразу заметил, что они сомневаются в целесообразности таких действий. Это, наоборот, дало мне уверенность в тактической правоте своего плана.

Я начал объяснять командирам тактический замысел моего предложения и возможности его осуществления. «Мы вполне сможем совершить днем марш по Капсан-Мусанской сторожевой дороге. Об этом свидетельствует ваше отношение к этому варианту. Когда я предложил идти днем по шоссе, все вы были в недоумении. А врагам и подавно не приснится даже, что крупный отряд КНРА пройдет среди бела дня в походном строю по специально построенной ими сторожевой дороге. Это-то и убеждает в возможности дневного похода по шоссе. Смело делать то, что враги считают невозможным, – это и дает тактическую гарантию возможности этого марша».

И все командиры оставили гору Пэгэ с уверенностью в успехе.

Куда ни кинешь взгляд, всюду вокруг цвела азалия, и лица у наших бойцов на марше тоже выглядели порозовевшими.

Азалией был устлан и берег озера Самчжи. Полная гармония

сочетания цветов азалии у озера и их отражений на глади воды представляла собой такую очаровательную картину природы, что захотелось осесть здесь и жить, построив шалаш. Удивительно, что в столь высокогорной местности, как плато Пэкту, есть такая поразительная достопримечательность.

Ландшафт высокогорья отличается своеобразной прелестью. Вот пейзаж озера Самчжи. Его облик сходен в чем-то с обликом горы Пэкту – оно величаво и горделиво. И вместе с тем вид у озера изысканный, тонкий и прелестный. Прелесть этого гармоничного ансамбля – в сочетании высокогорного ландшафта с красотой равнины. Да, дороже золота такая красота природы, как пейзаж озера Самчжи.

Тогда при виде этого озера мне вновь приходилось ощущать острую боль в душе: какие прекрасные родные горы и реки отторгли у нас враги!

Очарованный непревзойденной прелестью озера Самчжи, я решил: когда будут изгнаны японские империалисты и моя Родина станет свободной, превращу на зависть всем этот живописный край в зону отдыха для народа. Теперь этот мой замысел прекрасно осуществился.

Сегодня озеро Самчжи превратилось не только в место революционной и боевой славы, куда постоянно приезжают гости со всех концов мира. Оно стало известно и как место отдыха, обладающее своеобразной горделивой красотой высокогорного ландшафта.

Еще в 1956 году, когда товарищ Ким Чен Ир, возглавив первую в нашей стране экскурсионную группу, съездил в провинцию Рянган осмотреть места революционной и боевой славы. Берега озера Самчжи были завалены буреломом и грудами сухих листьев, и почти не было мест, к которым были бы приложены человеческие руки. Были там только одна ветхая лодка и старомодная беседка, которую, говорят, построили до войны местные жители для того, чтобы приумножить красоту озера.

Когда я вернулся на Родину после официального визита в СССР и народно-демократические государства Восточной Ев-

ропы, товарищ Ким Чен Ир доложил мне о результатах работы экскурсионной группы по местам революционной и боевой славы. Он с волнением рассказывал о своих впечатлениях, о том, чему он научился в ходе посещения этих мест. Тогда он очень сожалел по поводу того, что исторические места революционной и боевой славы, где чувствуется дыхание старшего поколения революционеров, обустроены не на должном уровне, небрежно, оставлены в естественном состоянии и что в этих местах не было даже и экскурсовода, который рассказывал бы посетителям историю, что творилась здесь.

1956 год – это был тот период, когда в нашей стране только-только началась работа по изжитию низкопоклонства и догматизма и установлению принципов чучхе в идеологической работе. В то время в идеологической работе нашей партии принципы чучхе пока еще не утвердились должным образом. И поэтому мало было найдено материалов и реликвий, связанных с революционной историей нашей партии, не были благоустроены как следует и места революционной и боевой славы, не велось активное изучение революционных традиций.

Именно в такой момент товарищ Ким Чен Ир организовал экскурсионную группу по местам революционной и боевой славы из учащихся Пхеньянской средней школы № 1 и решил отправиться на экскурсию по районам гор Пэкту. Это был действительно многозначащий шаг.

... Покинув озеро Самчжи, мы направились в марш-бросок по Капсан-Мусанской сторожевой дороге в направлении района Мусана. В то время такую тактику называли «броском в тысячу *ли*».

В годы антияпонской вооруженной борьбы мы не раз применяли такую тактику стремительного броска на значительное расстояние. Эффект был большой. Но пока еще не было случая, чтобы крупный отряд численностью в сотни человек совершил среди бела дня такой бросок по так называемой «сторожевой» шоссейной дороге. Выходит, мы проводили церемонию открытия этой дороги за врагов. Бодро и энергично

промаршировав днем по этой прямой дороге противника, мы в тот же день добрались до Мупхо на берегу реки Туман, где и остановились на ночлег.

Позже враги, узнав о таком смелом нашем марше, просто ахнули: «Это невиданное, странное событие!»

Этот бросок дал нам гораздо больше успеха, чем разгром нескольких полков или дивизий противника.

На месте ночлега в Мупхо я созвал совещание командиров, на котором подвел итоги марша и наметил новую задачу – продвигаться в район Тэхондана. Было приказано первым делом развернуть военно-политическую деятельность в районах Синсадона и Сингэчхока.

Наутро мы покинули Мупхо. Едва прибыв на Тэхонданскую равнину, мы пообедали возле находящегося там храма и двинули свои силы в двух направлениях, как было заранее запланировано: 7-й полк пошел в Сингэчхок через Тучжибави, а я вместе с комендантской ротой и 8-м полком – в Синсадон, что расположен у подножия горы Сороын.

Мы тогда проводили политическую работу в Синсадоне. Расположив Ставку на пригорке за речкой, мы вместе с несколькими охранниками и ординарцами первым делом пошли в самую большую в поселке постройку – общежитие рабочих лесоразработок.

Увидев нас, появившихся в районе Мусана точно из-под земли, местные жители не в силах были сдержать восторга и радости: «Минувшей зимой, как нас извещали, все бойцы КНРА, мол, погибли от мороза. А оказывается, это сплошная ложь! Где скрывались такие крупные войска? Каким чудом они появились вдруг здесь, на мусанской земле?!»

Помещение так называемого общежития мало чем отличалось от коровника или конюшни. Необычная вещь в этой «комнате» – это сразу же бросилось нам в глаза – длинная веревка вроде бельевой, протянутая по середине. Спрашиваю: «Что это за веревка?» В ответ: «Туда мы, рабочие, кладем ноги, когда

ложимся спать». Помещение было таким тесным, что людям и во сне невозможно было растянуться во весь рост, и они ложились в два ряда друг против друга, складывая ноги на веревку.

Рабочих не считали за людей, обращались с ними хуже, чем с коровой и лошадью. Такие домашние животные, как корова и лошадь, все-таки находятся под охраной человека!

Вечером в общежитии собралось много народу. До отказа было забито людьми не только само общежитие, но и его двор. В тот день я выступил с речью перед жителями Синсадона, провел и организационно-политическую работу среди рабочих той местности.

Не позабыть радушного гостеприимства, оказанного нам в тот вечер населением Синсадона. В этом селе было немало крестьян, у которых, – они занимались подсечным земледелием, – зачастую не хватало даже семенного зерна. Но женщины села, радуясь тому, что пришла, мол, корейская армия, возглавляемая Полководцем Ким Ир Сеном, варили пшено на пару, приготавливали *куксу* из картофельного крахмала.

Тронутые их сердечностью, наши бойцы при уходе из села вытряхнули весь НЗ из вещмешков и отдали его жителям. А Ким Чен Сук, вынув из своего вещмешка муку, приготовила из нее клецки для хозяев дома; заметив потрескавшиеся руки у их дочки, смазала их кремом. Прощаясь с нами, все жители села плакали.

Предвидя, что противник, получивший удар уже в Сингэчхоке, непременно будет преследовать нас, я решил разгромить его на Тэхонданской равнине. Ее рельефные условия были благоприятны для нас. Покинув Синсадон, мы продвинулись на эту равнину и там организовали засаду в холмистой местности, ожидая только подхода 7-го полка О Чжун Хыба из Сингэчхока. В Сингэчхоке прозвучали выстрелы – действовали бойцы 7-го полка так, как им было приказано мною, и теперь возвращались к нам. Им удалось там наголову разбить противника и даже арестовать несколько японских десятников. Естественно, что у бойцов настроение было приподнятое. Они даже не заметили, что за ними потихоньку следуют враги. Это были вояки

пограничного гарнизона и полицейские из Чханпхена, которые, получив экстренное сообщение о происшествии в Сингэчхоке, пустились в погоню.

Сначала наши бойцы приняли этих врагов, следующих за 7-м полком, за своих. Они не могли своевременно отличать наших от противника, конечно, из-за плотного тумана, а главное – в том, что противник, воспользовавшись туманной завесой, двигался за хвостом 7-го полка буквально вплотную.

Я сразу заметил, что отряд в касках, следующий за 7-м полком, – это противник. Обстановка складывалась так, как мы предусмотрели. Но беда в том, что 7-му полку грозила большая опасность: он шел буквально под прицелом врага. Бойцам 8-го полка и комендантской роты, засевшим в засаде, пришлось бы действовать очень осторожно, когда будет дан приказ «Огонь!» Ведь противник – в хвосте 7-го полка. Чуть что, наши пули могли бы попасть в своих. Однако нам нельзя было бесконечно дожидаться, пока появится подходящий интервал между 7-м полком и противником. Пока мы ждем, противник, может быть, первым нанесет удар по 7-му полку. Тогда не избежать больших жертв бойцам интендантской службы и рабочим лесоразработок, которые, следуя с грузом на спине, замыкали колонну полка.

Я приказал пропустить мимо засады 7-й полк, шедший впереди. А замыкавшим колонну хозяйственникам и рабочим лесоразработок дал сигнал – «Ложись!» А затем прозвучал приказ «Огонь!»

Сотни ружей заговорили одновременно. Потрясающе загромыхало! Бойцы были не на шутку взволнованы, ими владела мысль: «Эти выстрелы, наверное, услышит вся страна!» В их сердцах клокотала яростная сила и восторг. Во время боя в Тэхондане и я тоже был возбужден не менее, чем бойцы. Залповый огонь косил врагов, как траву. Оставшиеся в живых яростно сопротивлялись. Войска и полицейские, расквартированные в пограничной зоне, были более жестокими, более злыми, чем другие. И сопротивлялись они изо всех сил. Видать, японцы расквартировали в пограничных районах самые «отборные» подразделения.

Хозяйственники 7-го полка и рабочие, находившиеся между нами и противником, не могли под градом пуль даже поднять головы. Рабочие метались, не зная, куда деваться. Среди грузчиков были и японцы.

Тогда на поле боя развернулась весьма интересная картина.

Рабочие расходились по сторонам: корейцы с грузом на спине перебегали к позициям Народно-революционной армии, а японцы, бросив груз, перебирались ползком в сторону японских войск и полицейских. Ни один из корейских рабочих не перешел на ту сторону. При виде этой картины я вновь до глубины души убедился: никуда не денется кровное родство нации!

В тот день в Тэхондане враги, дравшиеся с нами, были почти наголову разгромлены.

С нашей стороны было ранено двое, один убит. Погибшего звали Ким Се Оком. Он был любовник Ма Гук Хва, младшей сестры Ма Дон Хи. Он вместе с управляющим делами 7-го полка укрывал в безопасное место грузчиков, следовавших за 7-м полком, и тут получил сквозную рану в грудь. Рана говорила о том, что он в безнадежном состоянии. Вероятно, его нес на спине Ким Сон Гук. Помнится, как была залита кровью его военная форма.

При переправе через реку Туман мы решили вернуть домой рабочих лесоразработок. Но они не слушались: «Как же нам возвратиться в свой шалаш, когда он, спаситель нашей жизни, в тяжелом состоянии?» И они все время следовали за нами.

После переправы отряда через реку Туман Ким Се Ок оставался без сознания, был при смерти.

Когда он замер навеки, все мы плакали. И грузчики, следовавшие за нами, не удерживались от нахлынувших слез.

Его похоронили у подножия перевала Чаншаньлин. После освобождения страны мы нашли останки покойного и перенесли их в Тэхондан.

В день, когда мы захоронили его там, у подножия того перевала, мы укрыли тяжелораненого Нам Дон Су в близлежащем тайном лагере. Более ста дней он вел там точно такой образ

жизни, какой вел Робинзон Крузо. Он, тяжелораненый, и не мог свободно двигаться. В одиноком, беспомощном состоянии он, не имея связи с отрядом, провел более ста дней без продовольствия. Может, найдутся те, кто не поверит мне. Но это был факт.

За ним ухаживал китаец, недавно перешедший из лесного отряда. Его прозывали «стариком Дин». Услышав японскую пропагандистскую байку, что Народно-революционная армия – это «банда», этот китаец перешел в наш отряд в надежде заработать денег. Его расчет был таков: заниматься бандитизмом лучше в «коммунистической банде», чем в лесном отряде, авось, побольше будет куш. Однако он обнаружил, что Народно-революционная армия – это не бандитская, а «джентльменская», и подумал: «Такой лодырь, как я, не достоин быть в этом отряде». Он задумал: убить Нам Дон Су и возвратиться на родину. «Убьешь одного солдата коммунистической армии – спасешь свою жизнь, даже если вернешься на родину», – так он думал.

Нам Дон Су смекнул, что «старик Дин» втайне лелеет подлые замыслы, и ночью ползком выбрался из шалаша и двое суток укрывался в груде сухих опавших листьев. После ухода старого китайца он перебивался со дня на день, питаясь листьями дерева и ростками травы, белкой и змеями. Между прочим он встретился со связным, посланным нами. Однако, к несчастью, тот связной был убит во время налета карательного отряда противника.

Он опять оказался одиноким, беспомощным. Он блуждал в поисках отряда и, наконец, через Капсан, где его мать работала в подполье, перебрался в Восточную Маньчжурию, где оказывал помощь делу китайской революции. Не помню точно, в каком году он возвратился на Родину по нашему зову. Тогда он говорил мне: «Лишь сегодня явился к вам, Полководец. Потерял все – даже и одеяло, что вы дали мне». Он не удержался, дал волю слезам.

Наши боевые друзья оставляли за собой много следов в районе Мусана. И Чон Иль Гвон – у него было прозвище «Малышка из Вэншэнлацзы» – вместе с Пак Сон Чхором действовал в районе Пульгынбави.

У японских оккупантов, образно говоря, полезли глаза на лоб, когда они узнали, что Корейская Народно-революционная армия, явившаяся в район Мусана, разгромила большое количество их войск и полицейских на Тэхонданской равнине и благополучно переправилась через реку Туман. Одно только появление КНРА в пределах Кореи приводило империалистов Японии в крайнюю растерянность.

После Наньхутоуского совещания главной ареной действий КНРА был определен район Западного Цзяньдао, что на юго-западе от гор Пэкту.

После того, как мы выступили в район гор Пэкту, все газеты и телеграфные агентства Кореи и Маньчжурии громко шумели о партизанских действиях в районе Западного Цзяньдао. Войска и полицейские противника в бассейне реки Амнок, начиная от Хесана до Чунганчжина через Сингальпха, напрягали все силы, лезли из кожи вон, чтобы принять любые меры для предотвращения случаев «нарушения границ» отрядами КНРА.

Южнохамгенское провинциальное полицейское управление завело особое дело под заголовком «Положение банды на противоположном берегу», куда собирало во всех подробностях разведданные о нашей деятельности. Оно регулярно докладывало обо всем этом полицейскому департаменту Генерал-губернаторства в Корее, командованию оккупационных войск в Корее. Информация шла также в полицейские управления провинций Северный и Южный Хамген и Северный Пхеньан, прилегающих к пограничным районам, командованию ранамской 19-й дивизии.

Умы военных и полицейских кругов Японии изощрялись в догадках: где и какие действия мы намерены завтра предпринять.

А вот мы, откуда ни возьмись, появились у подножия гор Пэкту, о чем они совершенно не думали и не гадали. Еще бы! Мы появились в районе Мусана, где пограничный гарнизон расставил плотные кордоны, одним ударом разгромили мобилизованных на карательные операции солдат и полицейских и

исчезли, как невидимки. Как же им не растеряться!

Их ошибки коренились в том, что они просчитались, думая, что КНРА разгромлена до той степени, что самому ее существованию приходит почти конец из-за последствий похода на Жэхэ и от потерь в дни Трудного похода. Кроме того, они ошибались в своих суждениях, думая, что наши «незначительные» силы ради сохранения своего существования будут действовать в бассейне реки Амнок, и прежде всего в Чанбае и Линьцзяне, или в глухомани на севере Дунбяньдао, такой, как Мэнцзян и Фусун.

Боевая операция в районе Мусана, вместе с боем в Почхонбо, была самой крупной по масштабам и значению из наших военных операций на территории Кореи. Если бой в Почхонбо продемонстрировал, что Корея не умерла, что она жива, то бой в Тэхондане стал историческим событием, на деле показавшим, что КНРА, о «полном разгроме» которой трубил противник, не только здравствует, но и, вопреки его ожиданию, выросла в еще более могучую силу и наносит удар за ударом по японским империалистам.

Залпы КНРА в районе Мусана вселяли в сердца павшего духом народа страны веру в то, что наша революция на неуклонном подъеме. Грохот боя придавал новую жизненную силу делу революции в Корее, которая временно шла на убыль вследствие «Хесанского дела», играя роль, как говорится, инъекции сердечного средства. Кроме того, наша военная победа в этом районе разоблачила на весь мир сплошную лживость громогласной вражеской пропаганды, будто КНРА «полностью разгромлена». После этого боя наш народ уже никогда не верил врагам, называя их пропаганду бабьими сказками. После этого боя у рабочих, крестьян, у представителей различных слоев населения Кореи появилась твердая уверенность в том, что пока КНРА здравствует, непременно придет новый день – день возрождения Родины. И они своими мыслями, душой, а затем и делами слились с могучим потоком антияпонской революции.

5. Весенний праздник *тано* в поселке Юйшидун

После боя на Тэхонданской равнине главные силы КНРА переместили арену своих действий на северо-восток от горы Пэкту. Они, маневрируя в бассейне реки Туман, развернули активную военно-политическую деятельность. Типичным для того времени был бой на берегу реки Вукоуцзян, а наиболее примечательным из массово-политических мероприятий ─ торжество по случаю весеннего праздника *тано* в поселке Юйшидун, что в уезде Хэлун в Китае. Этот горный поселок находится на другом берегу реки Туман, напротив корейского уезда Мусан.

В дни руководства на месте работой района Тэхондана уважаемый вождь товарищ Ким Ир Сен в бассейне реки Туман с глубоким волнением вспоминал знаменательные исторические события, связанные с военно-политической деятельностью КНРА на северо-востоке от горы Пэкту, развернувшейся после боевой операции в районе Мусана.

Вспоминается один футбольный матч. Это было в поселке Юйшидун в весенний праздник *тано* 1939 года. Прошло уже 30 с лишним лет, но та пора не забывается. Возможно, некоторым людям и представить трудно, что участники партизанской войны провели футбольное соревнование. Партизанская война, однако, не означает, будто не умолкает ни на час во все времена года грохот боя. Мы, конечно, воевали. Но вместе с тем старались полнокровно жить с учетом особенностей партизанского отряда. В первой половине 30-х годов в партизанских районах часто проводились и спортивные состязания. Так, в Ванцинском партизанском отряде было немало мастеров кожаного мяча.

Позже, перед Вторым походом в Северную Маньчжурию, футбольный матч был сыгран в Лоцзыгоу. Соревнование было и в поселке Юйшидун. Какими интересными были эти матчи! В те времена тон в футболе задавали корейцы района Цзяньдао. А среди них отличались игроки из Лунцзина.

После боя в Тэхондане мы, как ранее и планировали, пере-

местили поприще борьбы на северо-восток от горы Пэкту. Так было сделано для того, чтобы превратить этот район в стратегическую базу нашей революции. В последней декаде мая того года в поселке Дагоу уезда Аньту я на совещании военных и политических кадров наметил такой курс: активно вести военно-политическую деятельность на северо-востоке от горы Пэкту и создать здесь еще одну могучую твердыню революции.

После ликвидации партизанских районов новые опорные базы нашей революции располагались в основном в районе Западного Цзяньдао и во многих местностях внутри Кореи. И прежде всего в горах Пэкту. Если в этой обстановке создать новые революционные базы на северо-востоке от горы Пэкту и на северной окраине Кореи, прилегающей к бассейну реки Туман, то это позволяло бы нам расширить в масштабах всей страны сеть опорных баз действий, операций и материального снабжения КНРА и, опираясь на них, еще энергичнее продвигать вперед корейскую революцию в целом.

Условия для расширения, развития революции – не тайна за семью печатями. Главное для этого – увеличение рядов людей, способных стать движущей силой революции. И еще – надо расширить сеть опорных пунктов действия, а также улучшить вооружение. Иначе говоря, это вопросы о человеке, о территории, об оружии. Их надо решать во все расширяющемся масштабе согласно требованиям объективной ситуации. Вот это, можно сказать, и есть углубленное развитие революции. Вполне возможно защищать, расширять, развивать революцию, когда есть люди, территория и оружие.

Чтобы обеспечить опорную базу, необходимо прежде всего подавить противника активными военными операциями, создать благоприятную обстановку для свободного проведения среди населения данного района политической работы и мер по созданию тех или иных организаций. Это не позволит врагам препятствовать действиям революционной армии. После боя в Тэхондане мы перешли через реку Туман, и тут же вели непре-

рывные бои в Дунцзинпине, Хуэйфэндуне, на Вукоуцзяне, Цинтоуцуне, осуществили налет на лесоразработки под Циншаньли и многие другие боевые операции. Каждая из них была направлена на военное подавление противника и создание благоприятных условий для деятельности Народно-революционной армии.

Кончался бой – партизаны шли в гущу народных масс, вели политическую работу, создавали организации. В поселке Юйшидун бойцы и жители собрались вместе и весело отметили весенний праздник *тано.* Это было одним из звеньев проводимой нами оригинальной политической работы.

В каждом новом районе пребывания мы разворачивали действенную политическую работу, используя различные методы, разнообразные формы, в соответствии с местными условиями, стремясь революционизировать массы и укрепить в них опору вооруженной борьбы. Таков был наш традиционный метод, неизменный способ деятельности.

Впрочем, празднование *тано* в Юйшидуне заранее нами не планировалось и не готовилось. Жестокие репрессии врага, напряженная ситуация той поры не давали нам возможности даже и думать о празднике. Мы решили организовать это празднование *тано* в селе только после того, как, закончив рейд в район Мусана, перешли в Хэлун и встретились там с местными жителями.

В любом населенном пункте мы видели, что в то время жители, скованные постоянной угрозой репрессий, находились в подавленном состоянии. Не был исключением и район Цзяньдао.

В Хэлуне первыми нам повстречались молодые крестьяне, братья. Они были заядлыми курильщиками опиума. К тому времени на Северо-Востоке Китая таких людей было очень много, они буквально кишмя кишели. Это было и понятно. То было время, когда опиум использовался как своего рода валюта. Опиум – это такая вещь, что чем тяжелее, сквернее становится жизнь в обществе, тем больше он, как правило, распространяется. Крестьяне-братья раньше жили в Корее, а потом их закинули в Цзяньдао злые вихри «переселения».

Я не мог понять, зачем эти молодые люди, явно с головой на плечах, увлекались курением опиума. И я спрашивал их: «Отчего вы привыкли к этакой вредной вещи, что разъедает тело и дух человека? Чтобы вести земледелие, нужны крепкое здоровье и здоровый дух. Не так ли?»

Оба почти без смущения отвечали: «Как же существовать в этом жестоком мире без опиума? Живем мы не потому, что хотим этого. Живем потому, что не можем умереть. Такая у нас судьбина. Курим опиум – забываем все мирские дела. Ничто нам уже не поможет. Вначале хотелось успокоить себя выпивкой. А пиво-то у людей принято распивать в шумной компании – пей, наливай и так далее. Но вон они, япошки, даже в праздники запрещают людям даже собираться и веселиться. Они говорят: это нарушение закона. Нет даже свободы пить вино. И пришлось начать другое – курить опиум».

Они добавили: «Скоро у нас майский праздник *тано.* Но какой это праздник, если нельзя собраться вместе и выпить хотя бы самогонки. Раньше не так было в родном краю. Да, весело проводили праздник *тано* – устраивали национальную борьбу *сирым,* качались на качелях, приготовляли рисовые хлебцы с полынью. Теперь же нам, лишенным Родины, не до праздничного веселья».

Их речи вызвали у меня боль в сердце. Человек без мечты в душе все равно что мертвец, хотя в его теле теплится жизнь. Человек-то живет, наслаждаясь своим бытием. Можно просто есть, спать – но ведь не в том смысл жизни. Наслаждаться жизнью – значит познать ее суть. Жить достойно – значит жить по-человечески, пользуясь всеми правами человека и создавая саму жизнь. А у них, этих молодых братьев, курильщиков опиума, не было такого осмысливания. Впрочем, какая же жизнь может быть у тех, кто обитает на месте, обнесенном крепостными стенами с проволочным заграждением?! Это не жизнь, а просто прозябание, которое без полной свободы фактически не имеет никакого смысла и значения.

С детства я, собственно, косо смотрел на курильщиков опиума. А к этим молодым крестьянам-братьям не мог не испытывать сочувствия.

Я уговаривал их: «Знаете, молодые люди, сейчас судьба нашей нации – на волоске: кризисная ситуация. А вы курите опиум, бесцельно проводя время. Это тяжкое прегрешение для юношей Кореи. Посмотрите вон на этих юных ординарцев и партизанок. Они взяли в руки ружья, чтобы спасти судьбу страны. Неужели вам не совестно? Перестаньте курить опиум».

Выслушав меня, старший брат почесал затылок и сказал, что ему в общем-то стыдно жить как попало без всяких стремлений.

После встречи с ними я подумал, что следует вести нашу военно-политическую деятельность активнее, стремиться к тому, чтобы народ мог жить с надеждой, распрямив спину. Но одними лишь речами нельзя было вдохновить массы. Люди хотели воочию видеть побеждающую революцию и слышать о ней непосредственно. Революция, которую можно увидеть глазами и услышать ушами, означала именно бой. 30-е годы были периодом, когда один выстрел давал больший эффект, чем многократные пропагандистские речи.

Вот почему мы усиливали боевую деятельность наряду с политической. И первым делом мы били врагов в Хуэйфэндуне и соседствующем с ним коллективном поселении, где жили те крестьяне-братья. Мы нападали на врагов так стремительно, что они в панике бежали врассыпную в лес, даже не осмелившись выстрелить из винтовки. Видя такую картину, жители Хуэйфэндуна не находили себе места от радости.

Переместившись на северо-восток от горы Пэкту, мы совершили подряд налеты на десять с лишним коллективных поселений в бассейне реки Туман и уничтожили в боях сотни солдат противника. Японские империалисты лезли из кожи вон в попытках пресечь действия нашего отряда. Это было время, когда Квантунская армия развязала локальную войну на Халхин-Голе. С началом этой войны стали перемещаться к фронту японские вооруженные силы в несколько десятков тысяч штыков. Враги отчаянно шумели о

критической ситуации. Именно в такой момент в глубоком тылу противника то и дело раздавались залпы революционной армии. Это приводило врагов в растерянность и замешательство.

Горы и долины Хэлуна были буквально напичканы крупными силами вражеских войск, нацеленных на карательные операции. Это было однажды. Лицо начальника штаба, когда он вернулся после наблюдения в бинокль за расположением огромных контингентов противника, было необычно бледным. Он сказал мне, что если дальше мы продолжим боевые действия, то, возможно, нас постигнет большая беда. Не идут, мол, ни в какое сравнение наши силы с вражескими.

Я ответил начальнику штаба: «С первых же дней после основания армии мы воевали с противником, превосходящим нас в десятки, даже в сотни раз. Воевали отнюдь не со слабыми врагами. Ссылаясь на незначительность наших сил, нельзя отказаться от уже начатой операции. Об этом и речи быть не может. Тем более в такой ситуации надо, применяя искусную тактику, сильнее бить противника, не давая ему передышки».

В то время в Ставку Командования поступило разведдонесение: в Байжипин прибыл командовать карательным отрядом японский офицер. Он удостоен даже награды японского императора за выдающиеся боевые подвиги на Хуабэйском фронте Китая. По имеющимся сведениям, этот офицер направлялся в Японию, получив отпуск в качестве награды за ратный подвиг. Но тут он услышал, что главные силы КНРА появились на земле Аньту и Хэлуна и везде атакуют коллективные поселения. А услышав это, заносчиво заявил: «Стыдно японской императорской армии не справиться с каким-то партизанским отрядом и терпеть непрерывные поражения. Это позор и для японского народа. Я разобью наголову отряд Ким Ир Сена и смою этот позор». Видимо, он был очень честолюбив, этот офицер.

По слухам, у него на груди был вытатуирован демон Асура, что символизировало непобедимость, мужественность вояки. В буддизме Асура – демон войны.

Из Байжипина вернулась наша разведгруппа. Вместе с известием о носителе изображения демона Асура разведчики получили весьма странную информацию: японские полицейские уезда Хэлун готовят для нас подарки по случаю весеннего праздника *тано*. С одной стороны, «демон войны», направлявшийся на родину в отпуск по милости императора, добровольно прибыл в Байжипин «карать» нас, а с другой – полицейские, дескать, готовят праздничные подарки для нас. Странное сочетание! Окажись эти сведения верными, то игра с подарками врагов была бы наверняка комедией, небывалой на Востоке и Западе, в древние времена и в современности. Вряд ли они готовили подарки, чтобы поздравить нас с праздником искренне.

Я решил, что враги легкомысленно осмеливаются разыгрывать фарс с подготовкой праздничных подарков потому, что они пока еще не получили сокрушительного удара от революционной армии. Я разработал оперативный план, цель которого состояла в том, чтобы заманить противника из Байжипина в сторону реки Вукоуцзян и уничтожить его одним ударом.

Мы выбрали местом боя камышовое поле, расположенное невдалеке от Байжипина. Река Вукоуцзян несла свои воды меж берегов, покрытых камышовыми зарослями. По берегу была проложена автомобильная дорога. Слева и справа от реки и дороги стояли густые леса, что было удобно для засады. Враги появились на берегу реки поздним утром, когда уже начал рассеиваться туман. Торжественно шли маршем сотни солдат противника, оснащенных тяжелым оружием, с несколькими пулеметами впереди.

Когда это войско полностью втянулось в зону действия нашей засады, японский офицер с длинной саблей на боку почему-то остановился возле канавы с криком, что налицо подозрительные следы. За ним остановилась и вся колонна. К нему подбежали несколько подчиненных офицеров, заглядывали в канаву и покачивали головой. Видимо, кто-то из наших товарищей неосторожно оставил там следы своих шагов... Когда после боя

мы осматривали трупы японских офицеров, оказалось, что тот офицер с длинной саблей на боку, первым обнаруживший наши следы у канавы, как раз и был командиром карательной экспедиции – «демоном Асура».

В момент, когда этот «демон войны» разгибал спину у канавы, я скомандовал открыть огонь. За короткое время мы убили, ранили, взяли в плен 200 с лишним солдат и офицеров противника. «Демон Асура» упал на землю у канавы, не успев даже на половину вынуть саблю из ножен. Наши бойцы смеялись: «Он сохранил бы свою шкуру, если бы спокойно проводил отпуск в родном краю. А попытался продемонстрировать свою смелость и отправился на тот свет».

Это был тот известный бой на реке Вукоуцзян, который называют также боем под Байжипином. Я читал и воспоминания Чо Мен Сона об этом бое. После того, как враги испили горькую чашу на Вукоуцзяне, они больше не смели соваться в этот район. С тех пор местные жители стали называть села бассейна реки Вукоуцзян «замкнутыми» в том смысле, что ворота в села наглухо закрыты для врагов. Появление множества таких сел в бассейне реки Вукоуцзян дало нам возможность свободно заниматься политической работой.

Веселье по случаю весеннего праздника *тано* в поселке Юйшидун стало также своего рода торжественно-радостным мероприятием в честь блестящих побед частей КНРА в бою на реке Вукоуцзян и во многих других боевых операциях в бассейне реки Туман.

Села бассейна реки Туман оживились, словно встретили день освобождения. Молодежь и пожилые мужчины установили качели и подготовили площадку для национальной борьбы *сирым.* Они говорили: «В этот праздник *тано* давайте повеселимся вдоволь».

При отходе с поля боя на реке Вукоуцзян произошло у нас интересное событие. В наш отряд пришел один крестьянин и принес с собой сигареты, вино и разнообразные продукты.

Вначале мы полагали, что все это добро подготовлено местными жителями в помощь партизанам. Но тот крестьянин неожиданно замахал рукой: «Это не наши подарки. Эти продукты по случаю праздника прислал главарь полиции уезда Хэлун Полководцу Ким Ир Сену». Так была подтверждена достоверность разведданных нашей группы.

Среди подарков, присланных врагами, оказалось также письмо, запечатанное в конверте. Оно было адресовано О Бэк Рёну. Судя по тому, что враги особо отметили его имя, по-видимому, они хорошо знали, что О Бэк Рён пользовался моим доверием. В письме говорилось: «... Вы почти 10 лет воюете с Японской империей и, наверно, точно знаете ее могущество. Приближается праздник *тано,* и не следует ли вам прекратить войну, получив эти подарки, и преподнести нам дань? Не откликнешься на наше предупреждение, не избежишь большой беды».

Позже стало известно, что написать это письмо с предупреждением японские империалисты велели Унами, который командовал всеми операциями полицейских карательных отрядов в уезде Хэлун. Унами по совместительству являлся начальником полицейского отделения уезда Хэлун. Он приехал в Маньчжурию, будучи еще совсем молодым, и начал работать полицейским консульства, поклявшись посвятить всю свою жизнь борьбе с коммунистами.

Мы впервые столкнулись с ним осенью 1932 года. После возвращения из похода в Южную Маньчжурию мы штурмовали уездный городок Дуньхуа. В то время Унами отчаянно сопротивлялся нам в полицейском участке японского консульства, расположенного в городке. Он тогда не погиб, уцелел, получил награду начальства.

В японской армии был такой порядок: погибшим повышали должность на один ранг и давали большие премии, независимо от исхода боя. Премии давали и раненым. Ну что ж, это капиталистическая армия, в которой все приводится в движение деньгами. Нет других стимулов, кроме подобного. Ли До Сон тоже получил

повышение – по одной звездочке на погоны после гибели.

Унами побывал во многих местах Восточной Маньчжурии и делал блестящую карьеру в органах полицейской спецслужбы. К 1939 году он стал главарем полицейской карательной экспедиции, имея в своем подчинении несколько сотен вооруженных молодчиков.

Позже Унами перед журналистами назвал это письмо «предупредительным актом», но, по нашему мнению, это было не предупреждением, а чем-то вроде письменной просьбы. Он пытался добиться своего хотя бы таким жалким путем, поскольку штыками ничего не достиг.

Чтобы такой «предупредительный акт» дал эффект, нужно удачно выбранное время его направления. Так сказать, надо послать его в тот самый момент, когда противник, оказавшись в пассивном положении, растерян или, вконец измотавшись, уже утратил охоту воевать. Тогда и получится желаемый результат.

Но Унами неудачно выбрал и время посылки письма, и адресата. В ту пору мы не только не были пассивными, но и крепко держали в своих руках инициативу. Наша вооруженная борьба переживала не спад, а подъем. КНРА была могуча не только по силам, но и по тактике. Унами наверняка боялся нас, но в то же время считал, что наша армия не имеет достаточного потенциала.

Унами послал к нам «предупредительный акт» в то самое время, когда начальник Северохамгенского провинциального полицейского управления Цуцуи по приказу японского генерала-губернатора в Корее Минами приехал в волость Самчжан уезда Мусан, взяв с собой огромное множество подарков и даже группу журналистов, чтобы утешить солдат войск и полицейских, пострадавших от наших жестоких ударов. И вскоре после боя в Почхонбо Минами направил на место так называемую инспекционную группу для расследования события во главе с начальником полицейского департамента японского генерал-губернаторства в Корее.

В своем «предупредительном акте» Унами угрожал нам словами о «большой беде» и еще о чем-то, но это был не более чем блеф.

Я велел О Бэк Рёну послать ему ответ. О Бэк Рён не был мастером пера, но написал письмо прекрасно. «... Вы мучились на протяжении добрых семи-восьми лет, силясь «карать» нас. Скажите, чего вы, собственно, добились? Играли только роль поставщика оружия и продовольствия для нас. Жалкие не мы, а вы. Не пора ли вам вернуться в родные дома, где вас ждут жены и дети? Спустя несколько дней будет праздник *тано.* Приготовьте вкусное печенье и ждите нас. Я приду к вам в гости и научу вас, как надо себя вести». Таким весьма жестоким было все письмо.

Я приказал пригласить в праздник *тано* на спортивные соревнования жителей горного ущелья Юйшидуна, протянувшегося на 12 километров, Хуэйфэндуна и других соседних сел, всех, кто мог бы прийти к нам.

В Юйшидуне находилось широкое плато – в несколько *чонбо.* Там установили пару ворот и устроили футбольный матч. Итак, когда враги сосредоточивали огромные контингенты карательных сил в районе Хэлуна, мы в самом его центре уверенно, ничего не боясь, проводили праздничные мероприятия, даже футбольный матч. Если бы об этом распространялись слухи, то они принесли бы такой эффект, которого не дают многие бои и сотни устных выступлений. Футбольное соревнование в контролируемом противником районе – это было своего рода оригинальным методом политической работы нашего стиля.

Как интересно было посмотреть футбольное состязание между бойцами революционной армии и юношами поселка! Правда, мастерство-то было не ахти какое, о тактике и технике игры не приходится говорить. Игроки обеих команд то и дело «мазали» при ударе по мячу, падали и кувыркались на травяном поле – зрители непрестанно взрывались хохотом.

Старики говорили: «С самого основания Юйшидуна впервые сегодня люди так мирно и беззаветно смеются. Словно они избавились от всякой мирской суеты и хлопот».

Матч закончился вничью. Но его политический выигрыш для нас я бы оценил на «отлично».

С большим интересом проводились соревнования по качанию на качелях и по национальной борьбе *сирым.* На совместные развлечения бойцов и жителей, выступления художественной самодеятельности ушло намного больше времени, чем предполагалось. Публика то и дело кричала «Бис!», «Браво!» Исполнителям приходилось выступать по два-три раза. Сельчане благодарили революционную армию за организацию веселья по случаю праздника *тано.*

В тот день в Юйшидуне десятки юношей попросили нас принять их в партизаны. Это свидетельствует о том, что наша политическая работа сильно затронула струны их сердец. Спортивные игры и массовые развлечения тоже надо считать одной из форм политической деятельности.

У нас в стране имеются сотни, тысячи театров, кинозалов и домов культуры. Если включить сюда залы заседаний в учреждениях и на предприятиях, то насчитывается несколько десятков тысяч помещений, в которых можно собрать людей. Это хорошая предпосылка для свободного проведения политической и массово-культурной работы. Однако наши работники используют не все эти возможности. В сооружение зданий вложено много денег, а порой оставляют эти помещения без всякого внимания, используя лишь несколько раз в году для важных мероприятий и заседаний. Как хорошо, если бы в таких зданиях и залах часто организовывали научные лекции или лекции о текущем моменте, проводили ораторские конкурсы и декламирование стихов, устраивали встречи с видными учеными, писателями, деятелями искусств, мастерами спорта, героями и передовиками труда!

Тогда жизнь у нас была партизанская – не было ни микрофона, ни театра, ни радиостанции. Но мы, используя все возможности, беспрестанно вели политическую работу в народных массах.

После праздника жители Юйшидуна и его окрестностей включились в активную борьбу, оказывали нам помощь. Те молодые крестьяне-братья Хуэйфэндуна, которые курили опиум,

думаю, покончили с этим пороком и хорошо боролись, будучи членами организации.

Работа товарища Ким Ир Сена по революционному воспитанию жителей сел бассейна реки Туман не замыкалась в пределах района Хэлуна. Он уделял серьезное внимание и делу революции внутри Кореи. За несколько дней до весеннего праздника *тано* он пришел к горе Кукса, где созвал совещание руководителей подпольных революционных организаций и подпольщиков. Гора Кукса находится на берегу реки Соду – притока реки Туман.

Главную роль в подготовке и созыве этого совещания выполнял Ли Дон Гор, бывший руководителем группы подпольщиков. Когда речь заходила об упомянутом совещании, товарищ Ким Ир Сен с особым чувством любви, тепло вспоминал Ли Дон Гора, оценивая его как преданного командира.

После боя в Тэхондане мы перешли на землю Хэлуна. Там мы незамедлительно созвали заседание партийного комитета Ставки Командования и сняли взыскание с Ли Дон Гора. И в тот же день поручили ему ответственное задание по подпольной работе внутри Кореи.

Революцию внутри страны ждала уйма дел. Главная задача заключалась в том, чтобы как можно скорее восстановить подпольные революционные организации, разрушенные в связи с «Хесанским делом», и расширить их сеть. Мы планировали направить Ли Дон Гора в район Мусана и создать там сеть мощных подпольных организаций, таких, какие раньше создали Ли Чжэ Сун и Пак Дар.

Я сообщил Ли Дон Гору, что мной намечен план перехода внутрь страны и созыва в подходящем месте в пределах Мусана совещания руководителей подпольных организаций и подпольщиков, действующих внутри Кореи. Я велел еще провести соответствующую подготовку. Ли Дон Гор отлично справился с этим заданием. Первым делом вовлек он в поле своего влияния корейцев, проживающих в китайских селах на берегу реки Туман, а затем, пользуясь этим каналом, ходил в пределы Кореи, налаживая связи с организациями и проводя тщательную подготовку к совещанию.

В то время его активной помощницей была Ким Чен Сук, которая успешно обеспечивала связь между Ставкой и Ли Дон

Гором. Мы направили ее в приграничное село бассейна реки Туман с заданием поддерживать с ним постоянный контакт. Ким Чен Сук, наведя мост между Ставкой и Ли Дон Гором, своевременно передавала ему наши указания, сообщала о наших намерениях. В то время у крестьян волости Самчжан уезда Мусан и ее окрестностей не хватало сельскохозяйственных угодий. И в летний сезон они занимались земледелием на китайской земле, а возвращались в Корею осенью, сжав хлеба. Мусанцы называли это «цзяньдаоским земледелием». И среди крестьян района Капсана было немало тех, кто занимался «цзяньдаоским земледелием». Ким Чен Сук в первую очередь держала под своим влиянием этих людей и через них обеспечивала связи с районами Кореи.

В революционном воспитании жителей районов Мусана и Енса, таким образом, главную роль играли Ли Дон Гор и Ким Чен Сук.

Ли Дон Гору потребовалось не более 20 дней, чтобы закончить подготовку к совещанию.

В тот день меня сопровождал Ли Дон Гор. Мы перешли через мост запани на реке Туман, затем поднялись на гору Кукса, где было назначено совещание. На том совещании был обсужден ряд вопросов, связанных с мерами по расширению сети подпольных революционных организаций и по достижению дальнейшего подъема революции в Корее.

После совещания Ли Дон Гор обратился ко мне с двумя предложениями. Первое из них – развивать созданную им организацию в районе Самчжана, расширить ее сеть на район Енса, как того требует курс, намеченный на совещании на горе Кукса, и превратить ее в образец парторганизаций, в образец организаций ЛВР; второе – разрешить всем участникам совещания на горе Кукса принять участие в торжествах по случаю праздника *тано* в Юйшидуне – с тем, чтобы учить руководителей организаций из Кореи методам политической работы.

Я принял оба эти предложения.

После совещания Ли Дон Гор вместе с нами отметил праздник *тано* в Юйшидуне. Затем он пошел на секретную явку. Там он

разъяснял организациям ЛВР курс совещания на горе Кукса и одновременно, поддерживая связи с одним из членов организации внутри Кореи, подготовился к отправлению в район Енса. Однако явка подверглась внезапному налету противника, и он, раненный пулей, был арестован врагами.

После ареста Ли Дон Гора один из членов организации прибыл в Вукоуцзянский тайный лагерь, взяв с собой записную книжку с секретными сведениями, которую хранил у него Ли Дон Гор. В книжке были записаны шифром данные о подпольных организациях Дагоу уезда Аньту, поселка Юйшидун уезда Хэлун в Китае, районов Самчжана и Енса в Корее, а также план работы в районе Енса. Видимо, Ли Дон Гор, имея в виду возможные неожиданности, хранил в доме члена организации записи необходимых сведений, которые он время от времени заносил в свою книжку.

По словам Пак Дара, Ли Дон Гор и в тюрьме обменивался мнениями с товарищами по революции, перестукиваясь через стены камеры, и поднимал их на борьбу. Он мужественно боролся и на суде. Говорят, что при каждом появлении там он первым восклицал: «Да здравствует корейская революция!», демонстрируя боевой дух коммуниста.

Он, как и Ким Чжу Хен, допустил серьезную ошибку в процессе работы, но на революционной работе исправил ее и завершил свою жизнь достойно. Поскольку человек не машина, то не исключено, что может допустить ошибку в делах. А вот как исправить ее – это зависит от идеологии и степени самовоспитания данного человека. Ли Дон Гор проявил высокую самокритичность, непрерывно идейно закалялся после отстранения от должности комиссара полка. Благодаря этому он вскоре вновь завоевал доверие товарищей.

Настоящая цена человека яснее ясного проявляется тогда, когда он получает наказание. Люди с недостаточным самовоспитанием, если организация налагает на них какое-нибудь наказание, не принимают его чистосердечно. Они ворчат: это, мол,

«чрезмерно», «несправедливо», «раздуто» и так далее. И стараются взять в той или иной форме реванш в отношении тех, кто их критиковал. Такие типы живут, возведя вокруг себя барьер в отношениях с товарищами. Без открытости, без душевной связи с товарищами, работающими с тобой рядом на революционном посту, – какой у тебя смысл жизни? Кто не откроет душу товарищам, тот отчуждается от коллектива и, в конце концов, станет двурушником.

Люди же с высоким уровнем самовоспитания всегда чистосердечно и искренне воспринимают критические замечания товарищей, какими бы они ни были суровыми. Критику со стороны революционных товарищей в свой адрес они воспринимают как своего рода «тонизирующее средство». Так поступали Ким Чжу Хен и Ли Дон Гор. Получив тяжелое наказание, – их сняли с должности командира, – они не пали духом, не разложились идеологически и сумели полностью исправить допущенные ошибки. Это стало возможным благодаря тому, что они считали товарищескую критику как бы «тонизирующим средством» и правильно «переваривали» ее.

Насколько удачно может тот или иной человек «переварить» критику товарищей – уже по этому можно судить о его личных качествах, о степени самовоспитания. Ли Дон Гор был одним из тех коммунистов, кто по своим личным качествам и по стремлению к самовоспитанию вправе служить примером для других.

Хотя Ли Дон Гор погиб, но отданные им на алтарь революции кровь и энергия зажгли десятки, сотни искорок в бассейне реки Туман и в глубинных районах Кореи. После ареста Ли Дон Гора в район Енса направилась вместо него Ким Чен Сук, восстановила там связи между членами подполья, создала парторганизации и организации ЛВР, завершив его дела. Эти организации стали большим подспорьем в подготовке всенародного сопротивления.

Не следует смотреть на реку Туман равнодушно.

6. Верность женщин-борцов делу революции

Уважаемый вождь товарищ Ким Ир Сен часто вспоминал о женщинах-борцах, которые погибли смертью храбрых на поле брани или во вражеских застенках, так и не увидев освобожденную Родину, и о партизанках, до конца остававшихся беззаветно верными революционному долгу.

В этом разделе собрана часть воспоминаний родного вождя о женщинах, которые в самые суровые дни нашей революции без малейших колебаний отдали свою жизнь борьбе за ее интересы, сохранив до конца честь коммуниста.

Я с большим удовлетворением осматривал только что обустроенное Мемориальное кладбище революционеров. В его сооружение, вижу, вложен ваш большой труд.

Сколько женщин из погребенных здесь ветеранов революции? Вы говорите – более десяти. Это, думаю, немало. И все они достойны таких бюстов и надгробных памятников с начертанными их именами.

Ли Сун Хи мужественно боролась с врагом как комсомольская работница. Одно время она была начальником детского управления в Ванцине. Я хорошо знаю ее. Ли Сун Хи имела характер, что кремень. Враги, полагая, что она, мол, девушка слабая, хотели выведать у нее тайны подпольной организации, но было тщетно. Враги подвергали ее пыткам, да еще каким! Но она никакого секрета не выдала. Таких борцов надо ставить в пример подрастающим поколениям.

Чан Гиль Бу не была партизанкой, но она прожила свою жизнь достойно, как подобает матери революционера, родившей и вырастившей Ма Дон Хи. Она послала в партизаны и свою дочь, и свою сноху. А сама, оставшись дома, помогала революционерам. В вооруженной борьбе участвовали ее сын, дочь и сноха – и все погибли. Тот, кто с оружием в руках участвовал в антияпонской войне, является героем. Тогда еще не было

порядка присвоения звания Героя. Была бы такая система, все дети Чан Гиль Бу стали бы героями. Она же сама – мать, вырастившая трех героев, по праву захоронена на Мемориальном кладбище революционеров. Ей было много лет, но она внесла свой немалый вклад и в социалистическое строительство.

Все остальные женщины, кроме Чан Гиль Бу, были партизанками, они с оружием в руках вместе с нами участвовали в революционной борьбе против японского империализма.

Бюсты двух женщин поставлены в одном ряду с Ким Чаком и Кан Гоном. Это, можно сказать, говорит о месте и роли наших женщин в антияпонской революционной борьбе. Ким Ир, Рим Чхун Чху, Чвэ Хен и другие ветераны революции настоятельно просили меня поставить бюст Ким Чен Сук там. Они говорили, что это единодушное чаяние народа, единодушное желание соратников.

Поставить бюст Чвэ Хи Сук в одном ряду с ней предложил я. Она достойна быть в первом ряду. Поставить их бюсты в одном ряду – это естественное дело, если учесть и их дружбу в дни антияпонской революции. Когда Ким Чен Сук выполняла трудную работу подпольщика в Таоцюаньли, контролируемом противником, Чвэ Хи Сук пошла в село Яофанцзы и оказывала ей помощь, соблюдая конспирацию. Находясь здесь, Чвэ Хи Сук умело содействовала Ким Чен Сук, чтобы она перешла в Синпха и развернула активную деятельность по созданию организаций. Осенью 1939 года, когда потребовалось изготовить много военного обмундирования в районе Вукоуцзяна, она вместе с Ким Чен Сук трудилась дружно и активно. За высокую ответственность и трудовые успехи в подготовке военного обмундирования мы подарили Чвэ Хи Сук золотое кольцо и часы.

Чвэ Хи Сук относилась к числу бывалых среди женщин-бойцов КНРА. Она вступила в партизанский отряд, если не ошибаюсь, еще в 1932 году. Это был тот памятный год, когда в различных уездах Восточной Маньчжурии один за другим рождались антияпонские вооруженные отряды. В рядах КНРА было немало партизанок, но среди них мало кто вступил в отряд в

1932 году. Боец, взявший в руки оружие в 1932 году, достоин пользоваться уважением как заслуженный ветеран.

Впервые я встретился с нею, наверно, весной 1936 года. Тогда многие женщины, служившие в отрядах в районах Яньцзи и Хэлуна, были переведены в нашу главную часть. Именно тогда перешли в главную часть Ким Чен Сук и Чвэ Хи Сук.

Все партизанки звали Чвэ Хи Сук старшей сестрой. Многие партизаны тоже звали так. И по возрасту она доводилась нам старшей сестрой. Она была старше меня на несколько лет. Среди партизанок, кажется, она была самой старшей после Ким Мен Хва и Чан Чхоль Гу.

В обществе боевых друзей называли ее старшей сестрой не только из-за возраста: она была примером для других во всем – и в будничных делах, и в выполнении заданий. А в добавок к этому заботилась о своих боевых друзьях – и еще как! Она отличалась политической зрелостью и большим организаторским умением. За ее плечами было несколько лет работы в местных организациях – она занималась и в комсомоле и в Обществе женщин, и работой с антияпонским отрядом китайских националистов. Поэтому я часто давал ей трудные поручения. И в дни после Сяохаэрбалинского совещания она продолжала возглавлять пошивочное подразделение КНРА. Это говорило о нашем доверии к ней.

Все командиры и бойцы главной части всегда восхищались ее необыкновенной верностью и революционностью. Все, что делала она, всегда трогало сердца боевых друзей. И я тоже не раз восхищался ее человеческими качествами, высоким чувством морального долга. Вот одна из картинок, которая осталась в памяти в дни Трудного похода. Однажды в глухую ночь, когда все уже спали крепким сном, она сидела одна у костра и, отогревая у огня коченеющие руки, чинила порванную одежду товарищей по оружию. Она никогда не позволяла себе расслабиться до тех пор, пока она не выполнит своих заданий, даже если не отдыхала два или три дня и утоляла голод одной только водой. Зато, как только заходила речь об успехах в работе, она

всегда приписывала их своим товарищам по оружию. Не забыть ее слова и поведение при награждении отличившихся в подготовке военного обмундирования. Получив в награду золотое кольцо и часы, она очень смущалась: «Ведь сколько людей, – говорила она, – потрудились, чтобы сшить военную форму? Не одна же я, а только мне такую особую награду...»

После Сяохаэрбалинского совещания она участвовала однажды в операции небольшого отряда. И вот, возвращаясь в Ставку с важным донесением, она столкнулась с вражеской карательной экспедицией, в ходе которой враг, словно частым гребнем, прочесывал все горы и сопки.

Обнаружив малый отряд, противник отчаянно преследовал его, стремясь схватить партизан живыми. Будучи окруженной со всех сторон, Чвэ Хи Сук, к несчастью, получила сквозную рану в ногу и попала в руки карателей.

Чтобы выведать тайны, враги подвергли ее жестоким пыткам, да еще каким! Их невозможно ни описать, ни даже представить. Озверев, они выкололи у нее глаза. Но ни пытки, ни угрозы не смогли сломить партизанку, поколебать ее глубокую верность своим убеждениям.

Перед смертью она воскликнула:

– У меня сейчас нет глаз, но я вижу победу революции!

От этого ее заявления враги пришли в крайнее замешательство. Затем они убили ее и вырезали сердце: хотели, видимо, посмотреть, каково сердце коммуниста. Разве отличается чем-либо сердце коммуниста? В сердце нет ни знака революционера, ни знака предателя. Но если сердце революционера бьется во имя Родины, нации и товарищей по революции, то сердце предателя, можно сказать, всегда колотится только ради самого себя.

Говорят, враги, поймав Чвэ Хи Сук, тут же отняли у нее золотое кольцо, данное нами в награду. Но им так и не удалось лишить ее веры в нас и чувства долга к нам, которые хранились в ее душе.

Хотя враги вырезали у нее сердце, но им не было дано понять эту истину.

Тем, кто не умеет искренне любить Родину, не понять, что такое верность делу революции, не понять и высоту того благородного, прекрасного духовного мира, который выражается во взгляде коммуниста на жизнь.

Весть о гибели Чвэ Хи Сук все мы встретили с глубоким прискорбием: она ушла от нас, так и не увидев дня освобождения Родины, о чем так мечтала. Партизанки от горя не могли есть: горький ком стоял у них в горле.

Я тоже долго не мог преодолеть горечь от ее утраты.

Мы в ее словах черпали большую силу. Стоя у черты смерти, она со связанными руками, уже без глаз, воскликнула, что видит победу революции. Каким стойким и гордым революционным духом дышат эти слова! «Вижу победу революции!» – не всякий может сказать так перед лицом смерти. Так могут говорить только те, кто убежден в правоте, справедливости своего дела. Это поистине крылатые слова, и их могут произнести только борцы, отличающиеся непоколебимой верностью революции. Эти слова и есть итог жизни женщины-борца Чвэ Хи Сук.

«Вижу победу революции!» – эти золотые слова и сегодня для нашего народа, для детей и молодежи символизируют революционный оптимизм. Можно сказать, что ее восклицание звучит и сейчас, его отчетливо слышит наш народ.

Я за оптимизм, люблю оптимистов. «Хоть небо обвалится, а выход всегда найдется» – таков один из девизов моей жизни, которому я придаю важное значение. Лишь благодаря этому оптимизму я, пройдя сквозь огонь и воду и медные трубы, мог без малейших колебаний и уклонов, сохраняя здоровье и силы, возглавлять революцию и строительство нового общества.

И поныне мне не позабыть последние слова Чвэ Хи Сук, которые она произнесла, уже ослепленная, не видя даже единственного лучика света.

Не забыть – ибо в них выражены стойкая воля и непоколебимая вера корейского коммуниста.

Еще раз подчеркиваю: Чвэ Хи Сук – достойная женщина-

революционерка, заслужившая место в первом ряду нашего революционного отряда, которому приходилось проходить через самые суровые испытания.

Пак Вон Чхун, ее муж, находился в заключении в Содэмунской тюрьме.

А ведь не одна партизанка встречала последние минуты своей жизни так же, как и Чвэ Хи Сук.

То же самое можно сказать и о гибели Ан Сун Хва. Нелегко прожить достойно последние минуты своей жизни.

Ан Сун Хва – жена Ли Бон Су. Когда Ли Бон Су был военным врачом, она работала шефом-швеей в той же части.

У них было пятеро детей, которые в годы партизанской войны либо умерли, либо оказались разлучены с родителями. У старшего сына были ампутированы все пальцы ног из-за обморожения, и его вместе с тяжелоранеными перевезли в Советский Союз. Дочь умерла от кори, а следующий – сын, погиб от штыков японской солдатни во время налета на партизанский район. Младшая дочь умерла с голоду, а пятый – младший сын – остался на попечении в чужом доме, но о нем, говорят, не было с тех пор ни слуху ни духу, даже неизвестно, жив он или нет. Вышло в свет несколько воспоминаний Ли Бон Су. Если бы был жив тот пятый, непременно вернулся бы к отцу, но такой вести ко мне пока не поступило.

Если бы младенца оставили другим людям, когда ему не исполнилось и двух лет, то он не мог бы знать своих настоящих родителей. Возможно и то, что приемные родители не рассказали ему, что у него есть родные отец и мать.

Ан Сун Хва враги арестовали весной 1938 года. Однажды, когда партизаны тайного лагеря по приказу Ставки готовились к походу в Южную Маньчжурию, откуда ни возьмись, в тайный лагерь нагрянул карательный отряд противника.

А там тогда находились в основном работники госпиталя и швеи пошивочного подразделения. Какие муки и страдания пришлось пережить арестованной Ан Сун Хва!

Враги подвергли ее жестоким пыткам, требуя выдать рас-

положение партизан и местонахождение продовольственного склада, хранилищ боеприпасов и лекарств. Командир карательного отряда пытался поколебать ее слащавыми уговорами: «Не жаль ли проливать даром кровь, отдать молодость, когда у вас нет никакого шанса на победу?»

Если бы она, боясь пыток, послушно отвечала тогда на вопросы противника, то могла бы остаться в живых.

Пытаясь дезорганизовать наши революционные ряды, враги, случалось, «тепло» относились к капитулировавшим, не карали их. Укажешь свидетеля в заявке о капитуляции, поставишь отпечаток пальца, и ты сохранишь жизнь, хотя вчера, крича: «Долой японский империализм!», вел вооруженное сопротивление.

Будучи женщиной с хрупким здоровьем, Ан Сун Хва перенесла вражеские ухищрения и пытки. Ее воля и стойкость оказались выше всяких похвал! Враги пинали ее ногами, растаптывали, выдергивали волосы. Когда Ан Сун Хва, яростно сопротивляясь, обозвала их мерзавцами, они, совсем озверев, начали вбивать ей в грудь и живот дубовые колья, приговаривая: «Жаль на тебя пули!»

Когда под кожу ладони попадает заноза, человек морщится. Это же естественная реакция человека. А представьте себе, какие лютые муки испытывала она, когда огромный деревянный кол вколачивался острием глубоко в ее тело, пронзая плоть и дробя кости!

Но, несмотря на невыносимую боль, на тяжкие муки, она ни на йоту не утратила верности революционера. Она говорила все, что хотела говорить, и осталась верна тому, что ей было дорого. В момент, когда в ее тело вонзался дубовый кол, она, напрягая последние силы, кричала: «Да здравствует корейская революция!», «Да здравствует свобода женщин!»

После гибели Ан Сун Хва товарищи по оружию, развязав ее вещ- мешок, приводили в порядок ее наследие. Среди вещей оказались саржевая юбка и скатерть, которую она не успела связать до конца. Юбку для нее купил муж, Ли Бон Су, в конце 20-х годов на те деньги, которые заработал во

Владивостоке, трудясь там в порту.

Говорят, за 10 лет она ни разу не надевала саржевую юбку, только носила ее в вещмешке. Что же вы думаете, почему она так любовно берегла эту вещь? По всей вероятности, она хотела нарядиться в нее в день освобождения Родины. Одна только эта деталь говорит нам о том, как она твердо верила в завтра, в день победы революции. И скатертью, которую она вязала урывками из ниток развязанного старого нижнего белья, она тоже хотела накрыть, может быть, стол для мужа после освобождения Родины.

Когда покрывали саржевой юбкой мертвое тело жены, Ли Бон Су, говорят, не удержался от слез: какая острая боль жгла его сердце при виде остававшихся нетронутыми складок на юбке, сложенных 10 лет тому назад!

Таких женщин, как Чвэ Хи Сук и Ан Сун Хва, было немало и в антияпонских вооруженных отрядах Северной Маньчжурии. С какой стойкостью отстаивали честь революционера корейские женщины, боровшиеся в Северной Маньчжурии, можно видеть и на примере Хан Чжу Э. Она, шеф-швея, готовила в тыловом тайном лагере ватники для партизан. Во время налета карателей была схвачена врагом вместе со своей дочкой. Ради того, чтобы подруги выскользнули из лагеря, она преднамеренно обнаружила себя, вступила в безуспешную перестрелку и попала в руки карателей.

Несколько месяцев находилась она за решеткой. Враги оторвали мать от дочки: сажать, мол, мать с дочкой в одну камеру – слишком большая роскошь. Чтобы сломить волю Хан Чжу Э, враги порой приводили к ней дочку, устраивали свидание с ней. Это был злой умысел, попытка подло использовать чувство материнства. Но никакие ухищрения не смогли сломить верность Хан Чжу Э своим убеждениям.

Враги расстреляли ее на берегу реки Уссури. Палачи японской жандармерии обещали, что не убьют ее, если она вымолвит хотя бы только одно слово раскаяния в своей вине. Но она оставалась непреклонной до конца.

Восемь швей, в том числе Ан Сун Бок, Ли Бон Сон, служившие

в партизанском отряде Северной Маньчжурии, вели смертельный бой с противником, который налетел, сжимая кольцо окружения. А когда наступил критический момент и их уже могли схватить враги, они, женщины в самом расцвете лет, бросились в глубокую реку Муданьцзян. Подобные случаи были и среди восточно-маньчжурских партизанок. Семь партизанок по пути в Нэйдао-шань попали в кольцо вражеского окружения. Они бросились в реку Фуэрхэй и покончили с собой. Их смерть, смерть храбрых, вошла в историю антияпонской революции как новая легенда.

Не помню точно, в каком году, во время посещения Китая я посмотрел фильм, посвященный борьбе восьми пламенных патриоток Муданьцзяна. Не могу передать, как я был глубоко тронут.

Самоотверженно сражались не только женщины Северной Маньчжурии. То же самое можно сказать и о партизанках Южной Маньчжурии. Среди них – Ли Сун Чжор, близкая сестра для южноманьчжурских партизан, которая оставалась беззаветно верной своим убеждениям, как подобает революционерке.

Ким Су Бок была арестована во время работы в подполье в Чжуцзядуне уезда Чанбай и погибла.

Герои – это люди не особого склада. Героями называют таких, как Чвэ Хи Сук, Ан Сун Хва и семь пламенных патриоток Восточной Маньчжурии.

Теперь о Чо Ок Хи – председателе Пексонского уездного комитета женсоюза. В дни нашего временного отступления она партизанила в контролируемом врагом районе, затем была арестована врагом и убита. Мы присвоили ей звание Героя КНДР. Она тоже была стойкой женщиной, до конца отстоявшей честь революционера, как Чвэ Хи Сук и Ан Сун Хва. Враги вырвали ногти из ее рук и ног, выкололи глаза, вырезали грудь, жгли ее тело раскаленным железным прутом. Но все это ее не сломило. Наоборот, она грозно кричала на врага и погибла храбро, с возгласом: «Да здравствует Трудовая партия Кореи!»

Сколько врагов могла бы сразить партизанка Чо Ок Хи? Мы не придавали значения численности выведенных из строя солдат

противника – мы ценили ее высокий боевой дух и революционные убеждения: она шла на место казни с высоко поднятой головой, сама приговаривая врагов к смерти. И мы решили наградить ее. Не удивительно ли, что так славно погибла простая женщина, которая прежде занималась земледелием и всего несколько лет ведала работой женсоюза. Мне захотелось, чтобы ее хорошо знали и крепко помнили и в нашем народе, и во всем мире. Я посоветовал снять фильм, посвященный ей, воздвигнуть ее скульптуру, присвоить имя Чо Ок Хи сельхозкооперативу на ее родине.

Уважаемый вождь товарищ Ким Ир Сен, осматривая Музей корейской революции, надолго задержался перед хранящимися в музее туго заплетенными косами борца антияпонской революции Ли Ге Сун. Когда ей исполнилось 16 лет, она отрезала и отправила свои косы матери – в знак твердой решимости посвятить себя целиком делу революции.

В тот день товарищ Ким Ир Сен, долго не сводя глаз с ее кос, указывал, что это ценная реликвия, что их следует хранить бережно. Впоследствии он тепло вспоминал о Ли Ге Сун.

Из этой истории с ее косами мы хорошо представляем, какая Ли Ге Сун замечательная революционерка. Эти косы заставляют меня думать о стойкости, чистой верности наших матерей, сестер, революционерок нашей страны.

Вообще корейская женщина отличается мягкостью в обращении, а в душе она – кремень, обладает стойкостью и верностью. В дни антияпонской революции я еще глубже убедился в этом. Косы Ли Ге Сун, можно сказать, символизируют непоколебимую верность женщины-революционерки.

Когда я вел подпольную деятельность в Маньчжурии, мать моя устлала мою обувь волосами своей косы. Ее она берегла несколько лет с того времени, когда жила в Корее. В зимнюю стужу, когда я проходил по безлюдным местам, где бушевала вьюга, сколько ни шагал я, ноги мои отчего-то не замерзали. Чем дольше шел я, тем больше ощущал тепло в ногах. Добравшись до места назначения, я снял обувь: подошва была выстлана косой!

Тогда я подумал: в любви бывает всякое, но нет на свете такой

любви, которая могла бы сравниться с материнской. Та коса, которой была выстлана моя обувь, – знак материнской любви.

Когда временное правительство корейцев, образованное в Шанхае, и фракции Чоньибу, Чхамибу, Синминбу и тому подобные организации Армии независимости, появившиеся в районах Северо-Востока Китая, собирали налоги с населения, я слыхал, что немало женщин пожертвовали в фонд для достижения независимости деньги, вырученные от продажи кос. Косы того времени были знаком патриотизма.

Знаете ли, почему я, говоря о Ли Ге Сун, вспоминаю прошлое, связанное с косой? Одна только эта коса как нельзя лучше говорит о прекрасном человеческом облике ее хозяйки.

О Ли Ге Сун как никто хорошо знают Ким Ир и Пак Ен Сун. Они боролись вместе с ней. Если вы хотите собирать материалы о Ли Ге Сун, нужно обращаться к первому заместителю Председателя Кабинета Министров Ким Иру и Пак Ен Суну. Правда, некоторые люди говорят, что обращаться к первому зампреду Ким Иру не очень интересно – он, мол, молчалив и неразговорчив. Так говорят те, кто плохо знает его. Действительно, он не любит говорить о себе, но о других-то хорошо говорит, да еще как!

Ли Ге Сун вступила на путь революции с помощью своего старшего брата Ли Чжи Чхуна. Когда я учился в Юйвэньской средней школе, Ли Чжи Чхун начал революционную борьбу в Гиринском педучилище под нашим руководством. Позже он вернулся в Хэлун, где проживали его родители, и руководил там комсомольской работой. К несчастью, он был схвачен и убит врагами. Расстреляв его, они сожгли его труп. Выходит, он был убит дважды.

Ли Ге Сун встретила весть об этом в Юйланцуньском партизанском районе. На рассвете следующего дня, после того, как она узнала о гибели своего брата, распустив волосы, отрезала их ножницами и сплела в косы. Вместе с косами она послала матери следующее письмо:

«Мама! Слышала, что после моего ухода из дома погиб старший брат. Как тебе горько и тяжело!

Но не горюй и не грусти, родная... Не показывай врагам слез...

Посылаю тебе мои косы. Пусть я долго не вернусь к тебе, но посмотри на мои косы, как на меня. От души желаю тебе доброго здоровья до тех пор, пока не наступит день победы революции».

Это была для Ли Ге Сун последняя исповедь перед матерью. Она, думаю, решила отдать всю свою жизнь делу революции.

По словам Пак Ен Суна, много лет работавшего в подполье в Хэлуне, Ли Ге Сун сызмальства выделялась чуткостью к революции, острым умом и пользовалась большой любовью масс.

Летом 1933 года она получила от партийной организации задание работать в подполье в городе Лунцзин. Ей было поручено прежде всего восстановить разрушенные и создать новые подпольные организации. В районе Лунцзина – одного из важнейших опорных пунктов вражеского правления – военные, полицейские и сыщики кишели, как муравьи в муравейнике. Чутье у органов их разведки, свивших гнездо в этом районе, было весьма изощренным.

Революционная организация партизанского района направила в этот район Ли Ге Сун, не имевшую до тех пор особого опыта подполья. Это было свидетельством доверия к ней.

К тому времени большинство партийных организаций, ячеек Общества женщин, Детского авангарда и других массовых организаций в городе были разгромлены и почти все их члены арестованы.

Ли Ге Сун, твердо решив самой решать все дела, поступила чернорабочей в столовую «Куксу», куда собиралось много народу. Никому и в голову не приходило, что деревенская по виду женщина, с закопченным лицом, работающая всего-навсего истопницей, является подпольщицей, посланной коммунистической партией. Та столовая была замечательным опорным пунктом для подполья.

Ли Ге Сун ходила за водой, стирала белье, мыла посуду, словом – не брезговала никакими делами, что давал хозяин. И его это радовало: какой клад привалил прямо в руки!

Однако Ли Ге Сун нужна была такая работа, которая позволила бы ей целый день суетиться на улице, – тогда будет и время на то,

чтобы восстанавливать разрушенные и создавать новые организации. Такая работа была – таскать поднос лапши – *куксу*. В то время люди, имевшие деньги или власть, заказывали *куксу* на дом. Сидя дома, как говорится, подогнув одну ногу под себя, а другую положив на колено, кричали: «Подать столько-то порций *куксу* из картофельного крахмала!», и разносчики доставляли заказчику на деревянном подносе отдельно *куксу* и мясной бульон.

Ли Ге Сун пользовалась доверием старой хозяйки, и ей удалось стать разносчицей. Каждый раз, разнося *куксу,* она выкраивала время для встреч с нужными членами организации. В первую очередь она восстановила организацию Детского авангарда. Однако проделать пешком несколько десятков *ли* в день с уставленным мисками *куксу* деревянным подносом на голове было не так уж легко. Однажды она с подносом на голове торопилась к заказчику, а навстречу ей, как назло, мчалась на бешеной скорости японская полицейская машина. Она едва смогла избегнуть столкновения, но какой ценой! Деревянный поднос упал с головы, и разбились миски с *куксу*.

За это хозяин ругал ее на чем свет стоит и запретил работать разносчицей. Но она не пала духом. Когда заканчивалось время работы, она, несмотря на усталость, выходила на задний двор столовой и, наложив камней на поднос, тренировалась в ходьбе с поклажей на голове до поздней ночи.

Такой кропотливый труд Ли Ге Сун привлек к себе внимание хозяина.

Тогда ей было, наверное, лет семнадцать. Женщины-борцы уже лет в 15 – 16 развертывали политическую деятельность. Они уже на втором десятке лет выступали с агитационными речами, работали в подполье в контролируемом врагом районе, способны были заниматься созданием организаций. В этом возрасте они уже были в курсе мирских дел. Факт, что они раньше созревали, чем нынешняя молодежь: это же было то поколение, которое, будучи лишенным родной страны, жило в горе и нужде.

Однако не следует думать, что хлебнешь много горя – не-

пременно станешь передовиком, борцом. Главное – в идейности. Только идейно подготовленные люди способны вступать в революционную борьбу и в раннем возрасте. Такие, если уж начнут революцию, возьмутся за дело по-настоящему. Идейно же некрепкие не могут делать революцию. Ли Ге Сун делала революцию хорошо – как раз потому, что она была идейно зрелой.

Ныне встречаются такие люди, которые говорят: «Двадцать лет? Фу, молоко на губах у них еще не обсохло». И неохотно прислушиваются к голосу молодых.

Немало случаев, когда и те, кто ведает кадровой работой, считают людей лет до 30 почти что несмышленышами, не умеющими разбираться в мирских делах. Они думают, что руководящими кадрами могут стать только люди старше 30, 40, а то и 50 лет. Это весьма порочный взгляд. И юноши и девушки лет до 30 вполне могут справляться с ответственными делами, если им поручат их. Я глубоко убедился в этом, когда был занят партийным, государственным и военным строительством в первые дни после освобождения страны.

В дни антияпонской революции среди молодых людей до 30-летнего возраста были и секретари уездных и провинциальных парткомов, и командиры дивизий, корпусов.

Мне исполнилось чуть больше 20 лет, когда я был Командующим революционной армией. Если не выдвигать молодых людей, то кадровый состав может стать чересчур старым, и тогда наше поступательное движение лишится жизненности. В кадровой работе следует последовательно придерживаться принципа: сочетать людей старого с людьми среднего и молодого возрастов.

Самый большой разговор о Ли Ге Сун шел среди населения Восточной Маньчжурии в то время, когда ее муж Ким Иль Хван, работавший секретарем Хэлунского укома партии, пал от рук шовинистов по обвинению в причастности к «Минсэндану». Тогда население района Цзяньдао единодушно осуждало и ненавидело главных преступников, убивших Ким Иль Хвана. И к его вдове Ли Ге Сун все относились с сочувствием.

Многие люди даже предполагали: не откажется ли от революции Ли Ге Сун, разочаровавшись в решении руководства парткома Восточной Маньчжурии, не покинет ли она партизанский район. В то время среди членов организаций и партизан района Цзяньдао было немало тех, кто, возмущенные левацким бесчинством руководства парткома Восточной Маньчжурии, поворачивались спиной к партизанскому району. Факт, что облик коммуниста был сильно запачкан левацкими перегибами в борьбе против «Минсэндана».

Простая женщина оставила бы партизанский район, разочаровавшись в революции, или, опустив руки, проводила бы дни, сетуя на горькую свою судьбу. Но Ли Ге Сун, наоборот, распрямилась во весь рост, приняв твердое решение принести больше пользы делу революции, лучше выполнять свои задания. Решила она доказать, что ее муж – человек чистой совести, что у него – ни единого позорного пятна перед революцией.

Когда в партизанском районе Чэчанцзы наступил жестокий голод, Ли Ге Сун была на последнем месяце беременности. И как раз в это время она не могла питаться как следует.

Но она меньше думала о себе и о новой жизни, которая появится на свет, а больше беспокоилась о жителях партизанского района, которые не могли двигаться, измученные голодом. Почти каждый день она ходила за съедобными растениями и корой деревьев. Когда и их не оставалось, она ловила лягушек, собирала лягушачью икру, ухаживала за людьми, страдавшими дистрофией.

Вскоре Ли Ге Сун разрешилась от бремени, но не могла кормить ребенка грудью. Как говорится, беда не приходит одна: к тому времени партизанский район был ликвидирован. Ли Ге Сун отправила своего младенца вместе с свекровью в контролируемый врагом район, а сама вступила в партизанский отряд. Так на попечение свекрови была отдана дочка, родившаяся после смерти Ким Иль Хвана.

Говорят, прощание с ребенком было до слез горестным. Младенцу едва стукнуло два годика. Девочка дрыгала ногами, не желая оторваться от матери, плакала и свекровь. А Ли Ге Сун то и

дело возвращалась к дочке и обнимала, – так было жаль ее, – и всхлипывала... Да и как не прослезиться при таком расставании!

В дни, когда с ликвидацией партизанских районов родные, друзья и товарищи по революции расходились кто куда, все плакали так же, как они, прощаясь со слезами на глазах.

Говорят, ее свекрови пришлось перенести немало горя и нужды, чтобы выкормить внучку. Кормить чужим грудным молоком можно было только раз или два, нельзя же было постоянно пользоваться чужой помощью. И она, разжевав как следует крупинки ячменя и кукурузы, сваренных на пару, совала такую кашицу в рот младенцу.

Женщина-борец Ли Ге Сун взяла в руки оружие, испытав такую большую беду, такую невыразимую боль в душе, которые трудно вынести женщине. Она вступила в наш отряд в Фусуне.

Вскоре мы направили ее в тыловой госпиталь: она была обморожена, и в таком положении никак невозможно было оставаться в боевом строю. Сначала она упиралась, отказывалась идти в больницу, со слезами на глазах просила, чтобы ей дали возможность продолжать драться на передовой линии.

Но я не посчитался с ее упорством, беспокоясь о ней самой. Я говорил ей: «Ты, наверно, не знаешь, какое страшное это обморожение, коли так упрямишься. Возможностей сражаться будет еще сколько угодно. А сейчас иди немедленно в больницу лечиться. У меня отец умер от обморожения. Что ты будешь делать, когда все пальцы ног сгниют и распадутся, и ты станешь инвалидом с костылем?» Лишь тогда она поневоле согласилась отправиться в госпиталь на лечение.

Тыловой госпиталь, где ее лечили, находился в Хэйсяцзыгоуском тайном лагере. Оттуда до горы Пэкту рукой подать. В новогодний праздник по лунному календарю, в 1937 году, я обходил тыловые тайные лагеря в районе Хэншаня. Пак Ен Сун и другие товарищи из ружейно-ремонтной мастерской, смастерив из банки приспособление для приготовления *куксу,* делали *куксу* из картофельного крахмала и угощали меня. Этот случай был в

новогодний праздник именно того же года.

Когда мы пришли в тыловой госпиталь, Ли Ге Сун очень хлопотала, чтобы угостить нас лакомством. По словам врача по фамилии Сон, она не бережет своего здоровья – хотя и находится на лечении, работает и сиделкой, и поварихой.

Покидая больницу, я посоветовал Ли Ге Сун целиком заняться только лечением, а на другие дела не обратить внимания. Иначе, пострашал я ее, никогда не вылечишься.

После этого случая мне уже ни разу не довелось встретиться с ней. Только несколько раз отправлял через связного письма и продукты товарищам в больницу.

Когда мы на время покинули район гор Пэкту, карательные отряды противника налетали на тыловые тайные лагеря нашего отряда. Тогда и тыловой госпиталь, которым заведовал врач Сон, подвергся внезапному налету. В смертельном бою погиб Пак Сун Ир, а Ли Ге Сун была схвачена врагом, ее увезли в уездный центр Чанбай. Только Ли Ду Су оставался в живых.

Да где же нам было узнать об этом? Мы направили в госпиталь как связных Ким Чжон Пхира и Хан Чхо Нама с продовольствием на спине. Я велел им привести всех больных, лечившихся в больнице, которые теперь выздоравливали. Но они вернулись в отряд только вместе с Ли Ду Су, который так страшно изменился, что его трудно было узнать, – столько ему пришлось пережить. Лишь тогда мы узнали о беде, обрушившейся на тыловой госпиталь.

Я направил во все стороны группы разведчиков, чтобы узнать, где она, Ли Ге Сун, и жива ли она или нет. И все разведгруппы возвратились с прискорбной вестью о том, что она была убита спустя чуть более 10 дней после ареста. Были и разведчики, которые встречались с чанбайцами – очевидцами последних минут гибели Ли Ге Сун.

Ее расстреляли, говорят, в базарный день. В тот день враги, объявив, что состоится покаяние «капитулировавшей» женщины-бойца коммунистической армии, заставили население

собраться на школьной площадке, куда пригоняли и всех торговцев, приходивших со стороны Хесана.

Почему Ли Ге Сун вынудила врагов предоставить ей легальную возможность выступить с речью перед населением? В этом, я думаю, проявился настоящий облик Ли Ге Сун как коммунистки. Она потребовала собрать население на площадку потому, что хотела закончить минуты своего прощания навеки с родным народом призывом продолжать антияпонскую революцию. А ведь скажи она, и в самом деле, несколько слов «покаяния», враги могли бы оставить ей жизнь. Но Ли Ге Сун не встала на такой позорный путь. Она была готова умереть. А кто готов к смерти, тому не страшны ни штык, ни пуля, тот говорит то, чего хочется.

Говорят, она произнесла целую речь: «Я умираю, но здравствует Корейская Народно-революционная армия. Здоров и ее Командующий. На свете нет таких сил, которые смогли бы победить ее. Не за горами тот день, когда японские империалисты погибнут и Родина станет свободной. Пусть все, сплотившись воедино, встанут на антияпонскую войну сопротивления, невзирая на репрессии противника!»

Ли Ге Сун до последней минуты своей жизни старалась выполнить свою миссию, свой долг как верного слуги народа, как его воспитателя и пропагандиста.

Представьте себе, как враги были поражены! Женщина-боец коммунистической армии, которая, как ожидалось, выступит с покаянием, начала революционную пропаганду, призывая собравшихся на борьбу против японских захватчиков.

Коренные жители района Чанбая говорят, что и поныне живо в их памяти то событие. Видимо, речь партизанки дала довольно сильный толчок местному населению.

Ли Ге Сун стала такой известной женщиной-борцом потому, что она так мужественно встретила свои последние минуты. Именно эти последние минуты и стали кульминацией ее жизни. Кульминация жизни – это, можно сказать, тот момент, когда духовная сила и вся деятельность человека достигает высшей

точки. Такой кульминационный час, считаю, к каждому человеку приходит в разное время. Одни встречают его до 30 лет, у других он может проявиться до 60, а у третьих – до 70 или 80 лет.

История никогда не забывает тех, кто так мужественно и достойно встречает конец своей жизни, как Ли Ге Сун и Чвэ Хи Сук. И она может предать забвению тех, кто одно время прославлял свое имя, но, остановившись на полпути, завершил свою жизнь некрасиво.

Именно поэтому я не могу забыть Ли Ге Сун. Такой достойной женщиной-борцом, как Ли Ге Сун, можно гордиться перед всем миром. Ее героический жизненный путь – это готовый замечательный материал для революционного романа или фильма. Ли Ге Сун – настоящая дочь корейской нации, один из ярких примеров женщины-революционерки.

Родная мать Ли Ге Сун долго тосковала одна, не зная, жива ли внучка по дочерней линии или нет. Лишь после перемирия, после Отечественной освободительной войны, встретившись с внучкой, учившейся в Университете имени Ким Ир Сена, бабушка передала ей косы, оставленные в наследство дочерью. Это наследие, передававшееся в трех поколениях, были не просто косы – это был символ бесценной жизни пламенной патриотки Ли Ге Сун. Дочка не помнит ни лица, ни голоса матери: когда она разлучилась с ней, ей минуло всего два годика. Но мать все-таки возвратилась к дочери в облике этих кос. Где еще в мире увидишь такую встречу? Дочка, прикоснувшись щекой к косам своей матери, дала волю слезам.

Дочь Ли Ге Сун верно продолжает дело революции, начатое ценой жизни ее родителями.

Не перечесть всех женщин, которые, без колебаний отдавая свою жизнь, отстояли свое достоинство и честь революционера.

Мое заявление о том, что женщина катит одно из колес телеги, именуемой революцией, – это отнюдь не отвлеченные слова. Оно основано на живом опыте непосредственного участника, свидетеля кровавой истории антияпонской революции и движения за эмансипацию женщин в нашей стране.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Залпы на обходном маневре крупными отрядами

Женщина, появившаяся в тайном лагере

Китайский помещик Лю Тунши

Схватка с полчищами карателей

О Чжун Хыб и 7-й полк

Уроженец провинции Пхеньан

«С оружием в руках защитим Советский Союз!»

Крушение карательного отряда Маэда

Июль 1939 – март 1940

1. Женщина, появившаяся в тайном лагере

Это было осенью 1956 года. У личного секретаря великого вождя товарища Ким Ир Сена раздался телефонный звонок. Звонил секретарь Северохамгенского провинциального народного комитета. Он сообщил, что одна женщина, работающая в детских яслях Хакпхоской шахты, до освобождения страны, по ее словам, воевала в части КНРА. Она настоятельно просила помочь ей встретиться с родным вождем. Она уже отправилась в Пхеньян.

Через несколько дней в здании Кабинета Министров появилась та самая женщина. На вопрос секретаря, в чем дело, она вместо ответа прослезилась и с большим трудом выговорила: «Просто так хотелось бы повидаться с...»

К тому времени товарищ Ким Ир Сен был очень занят с зарубежной делегацией. Когда работа с делегацией кончилась, секретарь доложил ему о встрече и разговоре с гостьей. «Это жена Кан Хын Сока – Чи Сун Ок... Значит, она жива», – с этими словами он предался глубоким воспоминаниям.

Что же это за женщина – Чи Сун Ок?

С этим случаем связаны собранные вместе воспоминания товарища Ким Ир Сена в мае 1972 года при посещении Музея корейской революции, в марте 1976 года после просмотра музыкально-хореографической поэмы-спектакля «Обходный маневр крупными отрядами», а также в октябре 1985 года на Мемориальном кладбище революционеров на горе Тэсон.

Дело происходило, кажется, летом 1939 года: так я его датирую потому, что случай этот как раз совпал с тем временем, когда мы, успешно завершив рейдовую операцию в районе Мусана, занимались на северо-востоке от горы Пэкту военно-политической деятельностью и руководили делами 8-го полка.

Однажды командир 7-го полка О Чжун Хыб подошел ко мне доложить о делах в отряде. Закончил он доклад сообщением, что в верховьях реки Вукоуцзян по дороге к Командованию встретился с женой Кан Хын Сока и привел ее в тайный лагерь 8-го полка. Это и была Чи Сун Ок.

Все мы не могли не восхищаться волей женщины, которая

добралась к нам в тайный лагерь для встречи с мужем, как она сама сказала, тоскуя о нем.

Горные районы бассейна рек Сунгари и Вукоуцзян были опасной партизанской зоной. Здесь непрестанно рыскали вражеские войска, полицейские и сыщики. Чего доброго, в путника могла угодить и шальная пуля, да и любой проходящий здесь мог быть наказан по подозрению в «связях с бандой». А женщина пришла, причем в одиночку, пренебрегая всякой опасностью, лишь бы увидеть мужа. И совершенно понятно, что все не скрывали восхищения ее поступком.

Ее муж, Кан Хын Сок, слывший метким стрелком, был известен и тем, что очень любил свою жену. По слухам, у него в вещмешке лежали не одно и не два неотправленных письма к жене. Вступив в брак еще подростком, он вскоре покинул родной дом – ушел в революцию. С той поры почти за 10 лет ему ни разу не довелось увидеть жену. Да и жена очень тосковала по мужу.

Как выяснилось позже, японские спецслужбы, разузнав об этом через агентурную сеть, угрозами вовлекли Чи Сун Ок в шпионскую акцию.

Все-таки того Кан Хын Сока ожидала необыкновенная встреча с женой, и его радость была и нашей большой радостью.

Кан Хын Сока в ту пору на месте не было: его послали с заданием приобрести продовольствие. Пришлось нам искать способ как-нибудь сообщить ему, чтобы прибыл на место, где расположилось Командование.

Я встретился с Чи Сун Ок. Это была женщина с опрятной внешностью, умеющая вести себя прилично. Пригласил ее на обед. Наши товарищи радушно предлагали ей угощение: «Попробуйте речную мальму. Ее удил наш Полководец специально для вас. Не стесняйтесь, кушайте на здоровье». Она, казалось мне, была очень удивлена. Но почему-то попробовала всего несколько ложек и затем вообще отказалась от еды. Как ни предлагали, как ни угощали ее, она не принимала нашу любезность.

Чтобы ей было проще освоиться в лагере, я прикрепил к ней

одну партизанку. По-видимому, они под одним одеялом всю ночь напролет задушевно беседовали.

Предстоящая встреча супругов стала главной темой разговоров бойцов, все были в веселом ожидании, как накануне праздника. Ведь встреча-то какая! Почти за десяток лет тяжелой вооруженной борьбы у нас не было такого случая. И мою душу наполнило чувство самых добрых пожеланий к ним. Все товарищи с нетерпением ждали Кан Хын Сока.

Между тем после встречи с Чи Сун Ок я не мог стряхнуть с себя и цепкого сомнения: как это она, узнав местонахождение своего мужа, пришла в эту лесную глушь, прорваться куда не решишься, не рискуя собственной жизнью. Вызвало удивление то, как она смогла так точно определить место нашего отряда. Кроме того, другие, кто беседовал с ней, отмечали, что ее слова порой не вяжутся друг с другом.

Однажды, помнится, через три-четыре дня после ее прихода в тайный лагерь, прибежали ко мне О Чжун Хыб и О Бэк Рён. «Простите, я виноват. Без надлежащей проверки привел в Командование японского агента. Все из-за моей слепой доброты». Такое сообщение О Чжун Хыба было для меня неожиданным, прозвучало, как гром среди ясного неба. «Ну, и жена у комвзвода революционной армии, – негодовал О Бэк Рён. – Она вовсе не собиралась помогать партизанам, а сделалась собакой японцев и пролезла в партизанский отряд. Эх, поганая!» Разъяренный О Бэк Рён готов был сию же минуту расстрелять ее.

Они объяснили мне вот что: партизанка, живущая с женой Кан Хын Сока в одной палатке, усомнилась в ее искренности, в правдивости ее противоречивых, бессвязных рассказов. И однажды ночью она, тщательно прощупав по швам ее одежду, сшитую в два слоя, обнаружила пакетик с ядом. В те дни наши товарищи без труда различали ядовитые вещества, ибо они столько перепробовали горького, борясь с попытками противника отравить их. «А знает ли она, что мы обнаружили у нее яд?» – спросил я. И услышал в ответ: «Пока нет. И мы за ней установили наблюдение».

Эта новость буквально потрясла меня. Я долго не мог успокоиться. Конечно, и раньше бывали случаи, когда просочившиеся в наше расположение японские шпики или диверсанты были нами разоблачены. Среди них немало было и выходцев из трудового класса, у которых, казалось бы, нет никаких причин враждебно относиться к нам. Даже простых батраков да рабочих японские империалисты использовали в целях шпионажа и подсылали к нам.

Но еще не было такого случая, чтобы враги вовлекли в шпионаж жену человека, который служит в революционной армии, причем командиром взвода, и заслали ее в наш военный лагерь.

Если жена командира взвода революционной армии пробралась к нам со шпионским заданием, то это могло быть расценено только как ЧП. Какие, однако, подлецы эти интриганы из японской разведслужбы!

Выслушав доклад О Чжун Хыба, я думал, с каким душевным потрясением примет Кан Хын Сок подобную весть. Возникло опасение: чего доброго, разрушится его семья.

Несмотря на протест О Чжун Хыба и О Бэк Рёна, я опять встретился с Чи Сун Ок и беседовал с ней сравнительно долго. Спрашивал о том и о сем – о семье Кан Хын Сока, о том, трудно ли было ей добраться до нашего расположения, как живется в доме ее родителей.

Наш разговор, естественно, зашел и о самом Кан Хын Соке. Когда я сообщил ей, что муж вернется с задания завтра или послезавтра, женщина неожиданно зарыдала, закрыв лицо ладонями. Она своими руками разорвала шов на кофточке и вынула из этого тайника пакетик с ядом. «Уважаемый Полководец! Я проклятая женщина, пусть покарает меня небо!» – восклицала она, дрожа всем телом.

Я дал ей водички, и она немного успокоилась. Я говорю ей: «Это очень хорошо, что вы сами признаете свою вину. Революционная армия проявляет великодушие к тем, кто искренне раскаивается в своих проступках. А ведь вы – жена комвзвода Кан Хын Сока. Не бойтесь, расскажите все, о чем есть что сказать.

Рассказывайте поподробнее: как вы стали шпионкой, какую затем они вам дали подготовку и с каким заданием заслали вас в революционную армию».

Чи Сун Ок рассказала всю историю, как она стала агентом врага, какую подготовку получила, с каким заданием и каким путем была заслана в лес.

Позднее ветеран революции О Бэк Рён, бывший очевидцем этой картины, вспоминал: «Тогда у меня было такое ощущение, словно моя жизнь сократилась на десять лет. По спине бегали мурашки, меня прошиб холодный пот. Подумать только! Явилась шпионка с ядом, увы, прямо к Полководцу. Страшно подумать. Что случилось, если бы ей удалось тайком насыпать яду в котел на кухне или в миску! Та женщина, проклятая и ничтожная, могла бы враз погубить корейскую революцию. При мысли об этом кровь стынет в жилах».

В том и состояла причина, что ветераны антияпонской революции даже не хотели воспоминать о Чи Сун Ок.

В секретных разведданных, составленных японским консулом в Хуньчуне, говорится о цели отправки шпионки Чи Сун Ок и других обстоятельствах.

«Обстоятельства отправки:

1. Содержание директивы

(1) Дезорганизация партизанского отряда путем завоевания Кан Хын Сока.

(2) Отравление командира.

(3) При допросе в партизанском отряде объяснить свое появление в партизанском лагере так: по принуждению родителей вошла в лес, чтобы встретиться с мужем.

2. Способ связи

О себе и завлеченном ею лице из партизан непосредственно сообщать в спецотдел полиции, конкретно майору Катада или лейтенанту Минами.

3. Дата, время засылки в лес и место

Получив согласие родителей на эту работу, за 5 дней, с 5 по 9 августа, дали в Яньцзи все необходимые знания, заслали в горы 10 августа в сопровождении сотрудника отдела по направлению высоты 1088, что к юго-западу от Мынхэдуна уезда Хэлун, и на запад от него – в направлении Иланьгоу, где, по нашему предположению, прятались партизанские отряды (Так определено по тому, что в 22 часа 8 августа 120 человек из главной части Ким Ир Сена совершили налет на село Лунцзэцунь уезда Хэлун и ушли на юго-запад в горно-лесистую полосу).

4. Назначенное время возвращения

Не уточнено, но предполагается примерно через два-три месяца» (Совершенно секретное дело консульства в Хуньчуне № 186, 26 июля 15-го года сёва (1940 г.), доклад составлен Киути Тадао, консулом в Хуньчуне).

Японская спецслужба определила Чи Сун Ок как «возвратного агента». Термин взят из «Трактата о военном искусстве» Суньцзы. Имеется в виду такой агент, который должен непременно вернуться живым после выполнения задания. Судя по тому, что японцы определили ее как «возвратного агента», они, видимо, возлагали на нее огромные надежды. Возможно, намеревались сделать из нее профессиональную шпионку.

Враги заявили Чи Сун Ок: «Твой муж как партизанский пулеметчик лишил жизни многих солдат нашей императорской армии. Не искупить его вину, пусть даже уничтожим все три поколения его семьи. Но есть путь спасения от гибели: иди в расположение коммунистической армии, уговори мужа сдаться и выполняй наши задания. Тогда получишь щедрую денежную награду и заживешь богатой жизнью».

Ничего не оставалось делать Чи Сун Ок под угрозой уничтожения трех поколений. Ее признания гнетущей болью отозвались в моей душе. Даже мне было жалко эту несчастную женщину.

Видите, японские империалисты без зазрения совести спекулировали на чистой любви и верности наших женщин для противоборства с нами. При мысли об их подлости и злобности во мне вскипало чувство возмущения. Империалисты пускают в ход весь арсенал подлых средств и приемов, чтобы задушить революцию. Японские империалисты не гнушались использовать в своих гнусных целях чувство любви между родителями и детьми, между супругами, между братьями и сестрами, учителем и учеником, лишь бы разложить изнутри революционные ряды. Таковы были их привычки. Они до того растоптали дух нашей нации, что пытались разрушить дотла мир прекрасных человеческих чувств нашего народа. Иначе говоря, они хотели превратить всех корейцев в зверей.

Наша вооруженная борьба являлась не только борьбой за возвращение отнятых внешними силами национальной территории и государственности, но и схваткой с варварами для защиты человека и всего человеческого вообще.

Превращать человека в варвара, духовного калеку и урода – такова природа империалистов. Представьте, как они обучали эту женщину шпионажу, заставляли ее помешать мужу в его деле, а заодно и умертвить ядом его командующего и других боевых друзей. Разве это не попытка сделать человека зверем?

В настоящее время обитатели нашей планеты с беспокойством выступают против загрязнения окружающей среды. Конечно, нарушение экологии – большая беда, угрожающая выживанию человечества. Но не менее, а даже более серьезной опасностью являются моральная деградация и загрязнение самого человека, происходящие с возрастающей скоростью по вине империалистов. По вине империалистов-реакционеров и их прихвостней на дне стоков, на мусорных свалках нашей планеты каждый день рождаются варвары в человеческом обличье, духовные калеки и уроды. Загрязнение самого человека – это самый сильный тормоз хода истории.

Я успокаивал Чи Сун Ок, которая плакала, упав на колени. «Зря мучите себя, – говорил я. – Ничего плохого мы не подумаем о вас, поскольку вы, хотя и поздно, все-таки осознали свои проступки. Мы понимаем, что все произошло по принуждению, из-за отчаяния. Встаньте и успокойтесь».

То, что Чи Сун Ок – засланная шпионка, стало известно в отряде. Все люди в тайном лагере ахали от удивления. Вообще-то я думал сохранить в секрете случившееся с Чи Сун Ок, однако О Чжун Хыб и О Бэк Рён поспешили раскрыть все обстоятельства, буквально били в набат, призывая товарищей повысить бдительность, лучше обеспечить безопасность отряда.

Появился, наконец, в Командовании Кан Хын Сок. Заметив, что за его спиной в тайном лагере о чем-то шушукаются, услышав «новость», он чуть с ума не сошел. Кричал: «Покончу со стервой своими руками!» Вел себя просто сумасбродно, размахивал пистолетом... Кто знает, что мог бы натворить Кан Хын Сок? Я уломал его и отправил к себе в полк в глушь Хунцихэ. И у меня было тяжело на душе оттого, что так была испорчена

долгожданная встреча супругов.

Если такой человек, как Чэнь Ханьчжан, в чине комкора, дозволил себе бесчинствовать по отношению к своему родному отцу, который пришел уговорить его добровольно капитулировать, то совсем нетрудно понять состояние Кан Хын Сока.

В каком-то году, точно не помню, даже такой великодушный, участливый человек, как Ан Гир, готов был покончить со своим родственником, пытавшимся убедить его сдаться. Посоветовали ему прекратить такую затею, и он отказался от нее.

Каждый раз, когда возникали подобные случаи, я отговаривал товарищей: «Не надо легкомысленно бряцать оружием. Подумайте, кто будет поддерживать такую армию, которая с виду, мол, сражается за интересы народа, а на деле под предлогом соблюдения революционных принципов, расстреливает своих родных. То, что вы предлагаете, как раз на руку нашим врагам. Они желают, чтобы мы, революционная армия, разожгли междоусобицу – такую, при которой враждуют друг с другом родители и дети, братья и сестры. Почему вы не понимаете такую суть дела и желаете поступать легкомысленно?» Примерно это же я говорил.

Но подобного толка упреки, как говорится, отскакивали от Кан Хын Сока, как от стенки горох.

Естественно, большинство бойцов тайного лагеря довольно долгое время не верили Чи Сун Ок, относились к ней настороженно. Даже шли разговоры, что она заслужила, мол, суровую кару.

Тем не менее я уже доверял Чи Сун Ок. Она не по собственной воле получила шпионское задание – а только ради того, чтобы спасти семью и родственников из беды. Она покорилась насилию врага. И отчасти так случилось потому, что, поддавшись на пропагандистские байки противника, она не имела правильного представления о революционной армии. Любой не пробужденный в классовом отношении человек может попасть в такую ловушку. Чи Сун Ок и не могла получить систематического воспитания в революционной организации. Но, наконец, поняв, кто такие я и наша армия, она сразу же призналась во всех своих

грехах, будучи готова пойти и на смерть. Если бы она все время таила в себе злые умыслы, то, наверное, отравила бы ядом наши продукты. А уж о признаниях и речи бы не завела. Шансов для выполнения столь недоброй затеи было много. Однако Чи Сун Ок не пошла на такой шаг, и хотя с опозданием, но честно призналась во всем. Такая женщина рано или поздно встанет в наши ряды, не перебежит на другую сторону баррикады.

Как-то я услышал от Ким Чака всю историю убийства Ли Ге Дона. Этот старый партиец, деливший одно время с Ким Чаком тюремные тяготы, создал Чжухэский партизанский отряд. Будучи выпускником военного училища в Юньнане, он, говорят, умело командовал боями. А лишил жизни такого замечательного военно-политического работника некий шпион Чжоу Гуаня. Пробравшись в ряды партизан, он затем вскарабкался по лестнице карьеры на пост управляющего одной из частей. Воспользовавшись случаем, когда в отряде была ослаблена дисциплина, лазутчик убил Ли Ге Дона из-за угла.

Судя хотя бы по одному этому факту, было вполне естественно, что наши бойцы настороженно относились к Чи Сун Ок.

Однако я простил ее. Почему? Потому что я видел, что у нее есть совесть, – ведь она сама призналась в своих грехах. Человек считается на свете существом высшей категории потому, что он обладает разумом, совестью, моралью и чувством долга. Если нет совести, значит, в человеке нет ничего стоящего. Опозоришь совесть – утратишь и ценность человека как общественного существа.

Чи Сун Ок хотя запятнала некогда свою совесть, но боролась с собой и вернула ее себе. Она с добрым чувством к нам раскрыла перед нами свои оплошности. Человеку легко падать в пропасть, но выйти из нее куда труднее. Однако Чи Сун Ок не без нашей помощи в конце концов выбралась из пропасти после нелегкой борьбы с собой. Это говорит о том, что у нее сохранилась сила, чтобы духовно возродиться. Раз так, то зачем же сталкивать обратно в глубокую яму того, кто, откровенно признав свои проступки, выбрался вновь на берег?

Революция – это и борьба за то, чтобы люди хранили и соблюдали свою совесть. Я хотел, чтобы и она сохранила это качество.

Если японские захватчики узнавали, что из той или иной семьи вышел хотя бы один революционер, они пытались оторвать, изолировать его от родных. Без разбору подавлять, разлагать, разобщать и уничтожать по отдельности наши патриотические силы – таков был неизменный умысл противника. Порой он не гнушался и спекуляциями на кровных узах внутри нашей нации для достижения «добровольной капитуляции». Конечная цель противника заключалась в том, чтобы вбить клин между коммунистами и народными массами. Один из гнуснейших приемов подобных акций – делать так, чтобы родные остерегались, ненавидели, убивали друг друга.

Если мы, заведомо зная, к каким грязным способам и интригам прибегает враг, втянемся в раскручиваемый им маховик, то большей глупости не придумаешь. Поэтому мы предприняли свои меры. Когда дело касается тех, кто получил шпионское задание, но пока еще не совершил тягчайшего преступления – измены Родине и нации, решили прощать их и помогать им выйти на верный путь.

Был еще такой случай. Однажды к нам пришел некий христианин, который вскоре был разоблачен как лазутчик, засланный генерал-губернаторством. Шпик привез с собой несколько мешков пшеничной муки и сказал: «Это подарок вам из Кореи для революционной армии, которая страдает на немилой чужбине. Можете приготовить из муки, скажем, пельмени».

Я велел поварихам приготовить пельмени именно из привезенной муки. Спустя некоторое время повариха принесла ко мне посуду с готовыми пельменями. Мы предложили «гостю» поесть, но он отказался. Мы же продолжали настойчиво угощать его, и у него лицо побледнело, как полотно. Как же иначе? Ведь он подмешал в муку отраву.

Я ему говорю: «Отчего ты недоволен нами? Зачем ты хочешь навредить нам, людям, которые переносят всякие трудности под

открытым небом, чтобы вернуть себе потерянную Родину? Раз ты родился корейцем, то тебе и вести себя надо, как корейцу. На что, иначе, тебе жизнь – такая подлая? Одумайся, начни теперь все сначала». Мы привели его в шалаш, накормили как следует и отпустили его к себе. Позднее я узнал, что об этом случае писал какой-то журнал.

Несмотря на возражения О Бэк Рёна, я оставил Чи Сун Ок в тайном лагере, чтобы воспитывать ее. Вскоре ее перевели в швейный отряд. Отряд получил задачу – сшить 600 комплектов обмундирования накануне обходного маневра крупными силами. Нехватка рабочих рук затрудняла швей. На помощь им уже был послан Кан Ви Рён, но и он не был рад приходу Чи Сун Ок.

Итак, Чвэ Хи Сук и другим партийкам было поручено тепло заботиться о ней и хорошенько воспитывать ее. И они от души проявляли к ней всяческое внимание.

Справив осенний праздник *чхусок,* я направился в сторону Хуалацзы и заодно вызвал туда Кан Хын Сока из глухомани Хунцихэ.

Вот так, наконец, в дремучей тайге Хуалацзы состоялась драматическая встреча супругов.

Находясь там некоторое время, мы проводили военно-политическую подготовку. Тогда Чи Сун Ок прилежно училась, пользуясь составленными нами учебными пособиями. Она была грамотная, одно время занималась в начальной школе. Впоследствии, не отставая от походного отряда, она готовила еду для бойцов. Жизнь для нее была непривычная, нелегкая, но с лица не сходила улыбка.

Дела шли своим чередом, но тут вдруг случилась трагедия: к великому несчастью, Кан Хын Сок погиб в бою в Люкэсуне.

Вначале мы об этом не говорили Чи Сун Ок: не знали, как она переживет такой сокрушительный удар.

Во время каждого похода она то и дело пристально посматривала на пулемет, который находился на плече Ким Ун Сина. Его хозяином раньше был Кан Хын Сок. Наши товарищи объяснили, что тот ушел

с заданием в другую местность и передал Ким Ун Сину свой пулемет. Но такая игра в прятки была, наверное, нелепой.

После боя в Люкэсуне мы в лесу на берегу реки Сунгари устроили выступления художественной самодеятельности. Там я увидел Чи Сун Ок грустной.

Неудобно было оставлять ее в отряде, где уже нет ее мужа, и мы вскоре вернули ее домой. А то ведь ее семью, родственников могла постичь беда.

Провожая ее из тайного лагеря, мы, конечно, дали ей денег на дорогу, прикрепили и проводника. И теперь перед моими глазами живо встает образ той женщины, которая то и дело оглядывалась назад, на меня – до тех пор, пока не скрылась далеко в лесной чаще.

После перемирия в войне мне сказали, что она пришла ко мне. Но тогда я, перегруженный делами, так и не смог выкроить время для встречи с ней. Может быть, она огорчилась. И впоследствии я так и не смог найти время для этого. По правде говоря, не один, не два из тех, кто приезжал в Пхеньян и возвращался к себе, не повидавшись со мной.

Судя по тому, что Чи Сун Ок без чувства вины приехала встретиться со мной, мне кажется, что и после расставания с нами она не совершала преступления перед Родиной и нацией. Если бы я тогда встретился с ней, мне довелось бы услышать подробный рассказ о ее жизненном пути после того, как она спустилась с гор. Хорошо, что товарищи соответствующего отдела прислали мне книгу «Материалы современной истории», и хотя бы из этих публикаций я смог в общих чертах представить, что и как произошло с ней. Читаешь эту книгу – догадываешься, как она вела себя после возвращения домой перед врагами, которые заслали ее в партизанский тайный лагерь, и что она говорила им о внутренней жизни революционной армии.

В докладе, представленном своему начальству Киути консулом в Хуньчуне, говорится вот что: «... Все руководящие кадры КНРА идейно убеждены, они неизменно увлечены борьбой за победу революции. И, естественно, рядовые бойцы, очарованные

этим, полностью доверяют им и абсолютно подчиняются их приказам. Все это благоприятствует выполнению всех операций». «Высокий боевой дух и сплоченность войск 2-й армейской группы, – говорится далее в докладе, – объясняются тем, что командующий Ким Ир Сен обладает твердыми национальными коммунистическими идеями и что он, по натуре стойкий и здоровый, владеет удивительным искусством контроля».

Думаю, это более или менее справедливое описание положения дел в нашем отряде. Это значит, что Чи Сун Ок без предвзятости, правдиво рассказала о жизни нашей революционной армии и настроении наших бойцов.

Чтобы узнать, как враги обращались к Чи Сун Ок по ее возвращении домой, достаточно ознакомиться со следующими цитатами из доклада консула Киути.

«I. личное мнение и меры

1. личное мнение

(1) В свете нынешних различных ситуаций логичны и могут быть приняты с одобрением все ее показания. Однако, несмотря на то, что вскоре у нее был обнаружен яд, который она взяла с собой при входе в лес, все-таки она осталась безнаказанной, даже в течение более года сопровождала банду, а затем благополучно возвратилась. Это вызывает сомнение: не маскировка ли ее возвращение по плану партизан? Поэтому требуется пристально следить за ее дальнейшим поведением и высказываниями.

… … …

2. меры

(1) Чи Сун Ок передана начальнику опергруппы Катада в Аньту, чтобы втайне следить за ней. С учетом мнения, что она замаскирована при возвращении, прилагаем все усилия для умиротворения ее и наряду с проведением дополнительных допросов отдельно подготавливаем специальную операцию с ее участием» (Совершенно секретное дело консульства в Хуньчуне № 186, 26 июля 15-го года сёва (1940 г.), доклад составлен Киути Тадао, консулом в Хуньчуне).

Говорят, что японские империалисты долго ломали голову над тем, как Чи Сун Ок смогла благополучно возвратиться безнаказанной. Этот секрет нипочем не раскрыть с присущим им мышлением, согласно которому человек является просто говорящим животным.

Были у нас и такие, кто считал необходимым наказать Чи Сун Ок, но мы не стали спрашивать с нее за провинности, простили ее.

Если бы мы наказали ее, то что это повлекло бы за собой? Семья родителей ее мужа, все ее родственники были бы опорочены как семья реакционера.

Мы осуществляем такую революцию, цель которой – не погубить человека, а любить и оберегать его, охранять и максимально выявлять человечность. Захоронить человека на дне общества просто, но нелегко спасти его из беды. Как это ни трудно, но мы должны дать возможность возрождения тем, кто совершил ошибки, оказывать им доверие, помогать им, чтобы они нашли себе настоящую жизнь как человек. Относиться к человеку по-человечески и дать ему возможность возродиться – вот в чем смысл самой благородной и великой революции.

Империалисты чуть что выбрасывают человека за борт, словно ненужный балласт, но нам следует беречь его, спасать из беды, считая его самым дорогим существом. Кому раз поверил, того не оставляй на произвол судьбы. Как я часто подчеркиваю, одним из наилучших качеств товарища Ким Чен Ира является то, что он всегда бережет и любит человека, никогда не бросает на произвол судьбы того, кому оказано доверие.

Как-то мне сказал товарищ Ким Чен Ир: хотя Наполеон говорил: «Раз вы верите мне, и я верю вам», а я, наоборот, говорю подчиненным: «Я верю вам, и вы тоже верите мне». Это стало философским убеждением товарища Ким Чен Ира.

Каждый раз, когда я вижу товарища Ким Чен Ира, который всегда верит в народ, любит его, самоотверженно работает на благо народа, думаю, что могу не беспокоиться о будущем нашей страны и нашего народа.

Когда империалисты профессионально занимались осквернением человека и губили его судьбу, наш родной вождь товарищ Ким Ир Сен на практике показал, что коммунисты должны больше всего дорожить политической жизнью человека и бережно охранять ее и что отношения между людьми должны строиться на основе благородной морали и чувства долга, в которых красной нитью проходят принципы активной любви, доверия и спасения. Такова священная этика, мораль корейской революции.

2. Китайский помещик Лю Тунши

Как-то после освобождения страны великий вождь товарищ Ким Ир Сен встретился с Пэн Чжэнем. В тот день он с волнением вспоминал о времени, когда народы и коммунисты двух стран – Кореи и Китая – под одним лозунгом борьбы против японского империализма плечом к плечу сражались с оружием в руках.

Пэн Чжэнь высоко оценил благородную классовую дружбу и дух пролетарского интернационализма, проявленные корейским народом и корейскими коммунистами в совместной борьбе за национальное освобождение. Как бы отклоняясь от основной темы разговора, он добавил, что во время операции по освобождению Северо-Востока Китая многие китайские помещики, показывая справки с подлинной подписью Командующего Корейской Народно-революционной армией Ким Ир Сена, говорили о том, что они в прошлом оказывали помощь отрядам Объединенной антияпонской армии. Во время той операции Пэн Чжэнь был в должности комиссара Объединенной демократической армии Северо-Востока Китая.

Впоследствии, отвечая на вопросы исследователей истории антияпонской революционной борьбы об упомянутых справках, товарищ Ким Ир Сен вспоминал следующее.

Раз разговор зашел о справках, мне вспоминается Лю Тунши. Если вы выслушаете рассказ о нем, то сможете лучше понять, что такое справка о помощи армии.

Лю Тунши был известным китайским богачом. С ним мы познакомились в уезде Хэлун после того, как переместили арену нашей деятельности на северо-восток от горы Пэкту. У нас с ним были тесные отношения, не менее глубокие, чем с корейским помещиком-патриотом Ким Чжон Бу, с которым мы встретились в уезде Чанбай.

Настоящее его имя – Лю Исянь. Он прекрасно, как своим родным, владел корейским языком. При обращении между китайцами и корейцами он добровольно брал на себя роль переводчика. Поэтому называли его Лю Тунши. Переводчика по-китайски называли «тунши».

Переместившись на северо-восток от горы Пэкту, мы провели

бой на Вукоуцзяне, затем прошли по районам Хэлуна, Самчжана внутри Кореи и уезда Аньту. Находясь в тайном лагере у реки Вукоуцзян, мы вели активную военно-политическую деятельность.

В то время основная наша часть находилась в другом месте, и при Ставке Командования были лишь бойцы пулеметного взвода и комендантской роты, которые испытывали острую нехватку продовольствия. В окрестностях тайного лагеря, конечно, проживали корейские крестьяне, но они, люди бедные, при всем своем желании не могли оказать нам достаточную помощь.

Подпольщики рассказывали, что враги в уезде Хэлун, после того как наш отряд появился на территории, контролируемой ими, стали распространять среди жителей слухи, будто бы революционная армия отбирает зерно. Они заставили жителей собрать весь запас продовольствия в нескольких определенных местах. Установив суточную норму потребления продуктов на каждого человека, они выдавали паек на два дня представителям сел, приезжавшим за ним на телегах. Они даже заставили жителей уезда приобрести по две бутылки керосина на семью и обязали поливать им зерно, если придут за продовольствием бойцы революционной армии.

Я все время думал о том, как нам добыть продовольствие. Как-то я беседовал с жителями одного села. Там я встретился с человеком, который до этого жил в Сяованцинском партизанском районе, а после его ликвидации переселился в уезд Хэлун. В разговоре с ним я подробно узнал о китайском богаче Лю Тунши.

Мне показалось, что если мы привлечем его на свою сторону, то это позволит нам расширить антияпонские патриотические силы и поможет заодно решить проблему обеспечения продовольствием и хозяйственными материалами.

Однако некоторые люди, в том числе Чу Чжэ Ир и Кан Ви Рён, которые до вступления в партизанский отряд проживали в Хэлуне, говорили, что на него надеяться нельзя. Наоборот, они даже предлагали наказать его, ибо тот был ярым антикоммунистом и одно время даже занимал пост начальника отряда самоохраны. Чу

Чжэ Ир и Кан Ви Рён знали его сравнительно хорошо.

По их словам, семья Лю жила у подножия горы Нюсиньшань, километрах в 12 от уездного центра Хэлун. Помнится, то село называлось Лунтаньцунь. Его дом с усадьбой был очень большим и обнесен со всех сторон внушительным земляным валом с фортами на всех четырех углах квадрата.

Старшему брату Лю было тогда уже за 70 лет, и он просто сидел дома, пользуясь уважением как старейший в семье. Вторым был сам Лю Тунши. Он как опора семьи занимался, главным образом, как говорится, «внешними делами», имея связи с административными ведомствами. Третий, Лю Ицин, отвечал за управление хозяйством, верховодя писарями.

По словам ветеранов антияпонской революции Ли Бон Рока и Пак Чен Сук, семья Лю одних только земельных угодий имела 100 *шан.* Это очень большая площадь, поскольку один *шан* – 3000 *пхен,* так что получается 300 тысяч *пхен,* то есть 100 гектаров. Лю имел предприятия по производству соевого масла, лапши из картофельного крахмала, винокуренный завод, а также несколько магазинов. Ветераны антияпонской революции вспоминают, что в городе Хэлун находились его универмаг, столовая и магазин по монопольной продаже соли, дела которых велись управляющими.

Семья Лю была знаменита не только своим богатством, но и антикоммунистическим настроением. Партизаны родом из Хэлуна называли членов этой семьи самыми отъявленными негодяями. Они приводили в довод тот факт, что его сын служит полицейским марионеточного государства Маньчжоу-Го в городе Хэлун. Так что понятно, что это за семья, говорили они. По их словам, сын, пользуясь властью полицейского, штыками держит в повиновении поденщиков и арендаторов, а его отец, Лю Тунши, доносит сыну в полицию о тех семьях, которые, по его мнению, имеют связи с коммунистами. Подозреваемых допрашивали в полиции, а затем некоторым отказывали в аренде земли, лишая их тем самым средств к существованию.

Но я не согласился с предложением некоторых товарищей немедленно наказать семью Лю и экспроприировать ее иму-

щество. Я учел урок, извлеченный в прошлом из отношений с Ким Чжон Бу, а также мнения некоторых людей, которые иначе оценивали Лю Тунши. Поэтому я не считал себя вправе поспешно дать распоряжение как-нибудь разделаться с Лю – следовало изучить его более подробно.

Я считал, что можно его поведение расценить и иначе. Мое внимание привлек тот факт, что он хорошо говорит по-корейски и с открытой душой общается с массами.

К тому же некоторые люди говорили, что он добровольно вызывался переводить, когда в ведомстве вставал вопрос с корейскими арендаторами, а порою и заступался за них. Это тоже было не плохим, а хорошим признаком.

А один человек говорил, что Лю проявляет особую заботу о корейских арендаторах, жалея их, – ведь они, лишившись родной страны, влачат жалкое существование на чужбине.

Поговаривали, что вторая жена Лю Тунши, проживающая в Нюфудуне, – кореянка, что тоже вызвало интерес.

Почему же человек, сочувствующий проживающим в чужой стране корейским крестьянам, выбравший себе корейскую женщину как вторую жену и хорошо знающий корейский язык и даже корейские обычаи, оценивается некоторыми людьми как самый злейший на свете помещик? И почему Лю Тунши, отличающийся, по рассказам, состраданием к людям, тревожил семьи таких людей, как Чу Чжэ Ир и Кан Ви Рён, заставляя их ходить в полицию?

Чтобы разрешить эти загадки, я послал наших товарищей в село Лунтаньцунь. Они вернулись оттуда со множеством сведений о Лю. Так, наконец, выяснилось, почему Лю Тунши ненавидит участников коммунистического движения. Это было связано с восстанием 30 мая.

Вы, товарищи, хорошо знаете, какие сумасбродства совершали во время восстания 30 мая левацкие авантюристы. Они били без разбору всех, кто имел хоть сколько-нибудь землицы, не принимая во внимание – как он настроен: прояпонски или

антияпонски. Агитируемые ими повстанцы ломали ворота помещичьих усадеб, поджигали амбары с зерном, словом, совершали всякое безрассудство. Такое сумасбродное левачество бросало черную тень на коммунистов.

С тех пор Лю Тунши стал считать компартию своим заклятым врагом. Он безжалостно преследовал семьи, в которых, по его предположению, были участники комдвижения, а с военщиной, защищающей помещиков, он еще более сблизился.

Лю еще дальше пошел дорогой антикоммунизма, услышав, что после инцидента 18 сентября в Цзяньдао появились опорные партизанские базы и что компартия, разделив местность на «красную» и «белую» зоны, враждебно относится к людям «белой». Он ненавидел и японцев, хозяйничающих на маньчжурской земле, и коммунистов.

«Компартия – мой старый враг» – эти слова, говорили, часто можно было слышать от него.

Мне думалось, что он лишь временно и по недоразумению отравлен угаром антикоммунизма, что его можно будет повернуть с этого пути на путь коалиции с коммунизмом, на путь патриотизма, – надо только оказать на него хорошее влияние. Лю был недоволен тем, что после захвата Маньчжурии японские оккупанты распустили дружину, охранявшую его усадьбу, и отобрали у нее оружие. Я обратил особое внимание именно на его антияпонское настроение.

И мы решили вместо наказания или конфискации имущества помочь ему преодолеть антикоммунистические предрассудки, еще более поощрить его антияпонский патриотический дух, воспитать и перевоспитать его так, чтобы он поддерживал нашу революцию и помогал ей. Я послал к нему опергруппу во главе с О Иль Намом из 7-го полка.

Встретившись с помещиком, О Иль Нам сказал, что Полководец Ким Ир Сен прислал его, чтобы обеспечить переговоры с ним, и спросил, готов ли он откликнуться на это приглашение.

Услышав такие слова, Лю горько усмехнулся и на чистом

корейском языке ответил: «Если пришли схватить меня, то забирайте просто так. Чего тут прикрываться словами о переговорах? Вы говорите, что командир коммунистической армии приглашает помещика на переговоры, потому, что не хотите прямо сказать, что пришли схватить меня. Уже с тех пор, как пошли слухи о том, что вы пришли в Хэлун и носитесь туда-сюда, я, Лю Исянь, понял, что жизнь моя висит на волоске, и готов даже к смерти. Так что нечего тут болтать о «переговорах», кружить вокруг да около. Делайте, как хотите: хотите – убивайте, хотите – забирайте меня, отбирайте имущество». Он, кажется, всерьез разозлился, думая, что группа О Иль Нама пришла схватить его. И говорили, что он вел себя очень надменно, высокомерно.

Лю отнесся к партизанам так холодно, что О Иль Нам сначала подумал, что задуманная операция кончилась неудачей. Но чем больше Лю Тунши упирался, тем сильнее была у О Иль Нама крепкая решимость во что бы то ни стало уломать старика и привести его в Командование. Он разъяснил старику, что КНРА – это коллектив настоящих коммунистов, они в корне отличаются от тех, кто во время восстания 30 мая бил всех богатых, не разбирая, как они настроены – прояпонски или антияпонски, патриоты они или предатели; что эта армия считает своей священной миссией национальное освобождение и защиту жизни и имущества корейского и китайского народов. А под конец сказал: «Если вы, уважаемый Лю, никак не можете согласиться с просьбой нашего Командования, мы потихоньку уйдем обратно».

Услышав, что О Иль Нам уйдет обратно, Лю замолчал и глубоко задумался. А потом, видимо, его настроение изменилось, и он сказал: «Ну, раз пришли, то посидите немного, поговорим хотя бы о политическом положении. А то и непонятно будет, зачем тащились в такую даль. Ведь не затем же, чтобы просто так уйти. Если точно, что Командующий Ким приглашает меня, то я подумаю о переговорах». Видимо, он все-таки боялся последствий. О Иль Нам вел себя прилично, интересно рассказывал о политической ситуации. Лю Тунши явно разбирало любопытство, и постепенно

озлобление его улетучивалось. Он заговорил по-другому:

– Я тоже много слышал, что армия Командующего Кима хорошо воюет. Но и он, говорят, коммунист, так что, естественно, ненависть к богачам в его натуре. Тем не менее, я слышал и кое-что другое о нем, да к тому же, судя по вашим словам и поведению, вы чем-то отличаетесь от других войск... Как бы там ни было, наверное, я пойду, если зовет Полководец Ким.

После этих слов он предложил: «Если вы хотите привести меня, то ведите связанным веревкой, как преступника, и под конвоем. Если японцы догадаются, что я сам согласился на предложение Командующего Кима и добровольно последовал за вами, то они направят к нам карательный отряд и снимут с меня голову. Да и другим членам моей семьи не поздоровится. Так что сделайте вид, будто бы вы пленили меня».

О Иль Нам подумал, что Лю предложил хитроумный план, но все же колебался. Ведь он получил от меня приказ почтительно привести его, а не схватить. Видимо, он судил так: если без разрешения на то Командования связать Лю веревкой, то может кончиться тем же, что было в уезде Чанбай, когда группа Ким Чжу Хена бесцеремонно обошлась с Ким Чжон Бу. Ну слава богу, что так рассуждал О Иль Нам.

Когда мне доложили об этом, я тоже думал, что Лю выдвинул остроумный план, и хотел его поддержать. Однако некоторые командиры сомневались – если действовать по плану Лю Тунши, то, по их мнению, его сын, полицейский, может поднять шум и затеять суматоху, подняв на ноги даже силы гарнизона. А если в селе Лунтаньцунь раздастся хоть один выстрел, то туда быстро подойдут подкрепления противника из уездного центра Хэлун.

Для того чтобы поступить по плану Лю Тунши, нужно было расширить арену деятельности и провести операцию масштабно. Мы решили одновременно налететь на врагов в трех селах, прежде всего в Лунтаньцуне, где был его дом. И в операции приняли участие 7-й и 8-й полки, а также комендантская рота.

Чтобы командовать налетом, я разместил КП в соседнем с

Лунтаньцунем селе, где проживали сваты Лю Исяня.

Перед началом боевой операции мы изменили первоначальный план. Решили на некоторое время оставить дома Лю Исяня, который ведает всеми большими и малыми делами семьи, но зато взять с собой его младшего брата Лю Ицина. Мне в голову пришла мысль: это меньше подействует на сына Лю Исяня и полицейских и в то же время мы от этого сможем получить такой же результат, как и при уводе самого Лю Исяня. У его младшего брата не было детей. Китайцам с далеких времен присущ обычай – больше любить бездетных братьев и сестер. И если кто-нибудь из семьи Лю будет налаживать с нами контакты под предлогом того, чтобы вызволить Лю Ицина, то это не привлечет особого внимания ни врагов, ни местных жителей.

Операция прошла успешно, как и планировалось. Наши отряды одновременно покинули три села. При уходе отряда революционной армии из села Лю Исянь позвал третьего сына старшего брата и послал его вместе с Лю Ицином, чтобы тот прислуживал дяде. Так он сделал, видимо, для того, чтобы облегчить одиночество брата.

На обратном пути в тайный лагерь нашим бойцам пришлось немало помучиться с Лю Ицином – он все время хотел опуститься наземь. Он был очень толстый и потому вообще ходил с трудом, да к тому же, видимо, иссякло и действие опиума, которого он накурился, будучи наркоманом. И пришлось нести его на носилках. Вот так бойцы революционной армии и тащили несколько десятков *ли* наркомана на носилках... Слыханное ли это дело? Наверное, другого такого примера сыскать трудно. Прямо скажу, много совершенно необычного тогда у нас происходило.

Я велел командиру комендантской роты О Бэк Рёну хорошенько позаботиться о брате и племяннике Лю Исяня. Бойцы роты разбили палатку для гостей и окружили их искренним вниманием. Хотя мы тогда переживали трудности с продовольствием, но им каждый раз подавали рисовую кашу и жирный мясной суп.

Однако Лю Ицин почти не ел. Сначала мы думали, что пища

пришлась не по вкусу сынку из богатой семьи, который привык сидеть за столом со всякими яствами. Но причина, оказалось, была не в том. У него пропал аппетит из-за того, что он не принял опиума. Каждый день он просил бойцов нашей комендантской роты дать ему опиум, говоря, что готов голодать, лишь бы дали опиум. Он обещал заплатить сколько угодно, если только ему дадут наркотик.

Однако наши товарищи не могли выполнить этой просьбы. В то время у нас было совсем немного опиума – НЗ в медпункте, его употребляли вместо обезболивающих средств. В конце концов, Лю Ицин, доведенный почти до бешеного состояния по этому поводу, стал обливать охранников руганью и матерщиной. Подумать только, разве это не смешно? Сын помещичьей семьи, оказавшись в тайном лагере революционной армии, скандалит из-за того, что ему не дают опиума!

Я попросил привести гостей в палатку Ставки. Ой, какой вид был у него! Без опиума наркоман теряет живость взгляда, не может крепко держаться на ногах.

Я велел работнику медпункта вытряхнуть весь НЗ и помаленьку давать ему опиума каждый день. После этого его глаза приобрели живой блеск, на лице заиграла довольная улыбка, настроение стало приподнятым.

Это был человек, никогда не знавший физического труда. Он даже не умел убрать свою постель, и ему помогал племянник. Словом, за всю жизнь он, как говорится, не ударил пальцем о палец, купался в роскоши и богатстве, – настоящий бездельник, дармоед!

Однажды я, разговаривая с ним о том и о сем, под конец сказал, что человек должен по мере своих сил заниматься физическим трудом. Только тогда он познает смысл жизни и аппетит почувствует. В далекие времена жила одна принцесса, которая все заставляла делать других, так что превратилась в никчемное существо – не умела даже очистить себе яблоко. Тот, кто всю жизнь ездит на чужом горбу, в конце концов, станет таким же уродом, говорил я. Услышав такое, Лю Ицин отвечал,

что и он такой же урод, как и та принцесса. Но одно дело он все же умеет исполнять мастерски – лепить пельмени. Его слова обрадовали меня. Какое счастье, что у того, кого мы считали конченным человеком, обнаружилось умение хотя бы готовить пельмени, пусть это и не самое нужное в жизни занятие!

Я попросил повариху Командования принести продукты для приготовления пельменей. Лю Ицин тонко и ровно раскатал тесто и, положив начинку, защипал края пельменей. И, правда, делал он это действительно мастерски. Пельмени получились красивые, да и выделывал он их с изумительной быстротой.

Лакомясь вместе с товарищами приготовленными гостем пельменями, я хвалил его поразительное мастерство.

Со следующего дня Лю Ицин, засучив рукава, стал помогать поварихам каждый раз, когда требовалось готовить пельмени. В такой день он оживлялся и становился разговорчивым. Порою даже пробовал шутить со мною. А однажды он, придя ко мне после работы на кухне, сказал: «Работаю по вашему совету, господин Командующий Ким, теперь мне жить становится интереснее». Эти слова, как мне показалось, исходили из глубины его души.

Однако пельмени готовились не каждый день. В дни, когда не было работы, Лю Ицин ужасно скучал и еще больше курил опиум. Я много рассказывал ему поучительного. О чем только не шла речь! Начиная с истории опиумных войн и кончая Кунцзы и Мэнцзы. И даже поведал ему о патриотах из богатых семей, которые оставили свои имена на страницах истории Китая. И, естественно, в ходе беседы зазвучали имена таких революционеров из богатых семей, как Чжан Вэйхуа и Чэнь Ханьчжан.

Лю Ицин с большим интересом слушал меня. Однажды он попросил кисть и бумагу, стал писать письмо к своему брату Лю Исяню. Пусть не смогу покончить самоубийством во имя революции, как Чжан Вэйхуа, говорил он, но хочу деньгами и богатством помочь Командующему Киму. Он даже показал мне это письмо.

Судя по его содержанию, можно было понять, что наши усилия

не были напрасными. За это время мы старались по-человечески относиться к нему. В письме Лю Ицин прежде всего сообщил о том, что и он сам, и племянник живы-здоровы. Особо подчеркивал, что находится вместе со мной в одной палатке и вместе делает пельмени, что бойцы революционной армии искренне заботятся о них, как о своих родных братьях. Писал, кроме того, что поскольку за это время пользовался их гостеприимством, то нужно отплатить им добром за добро, и если брат пришлет таких материалов, как зерно, ткани и обувь, то это окажется большой подмогой для деятельности революционной армии, да и они смогут быстрее вернуться домой.

Таким образом, наши усилия по его воспитанию и просвещению принесли свои плоды.

Лю Исянь, который в душе испытывал беспокойство после того, как отправил младшего брата и племянника в горы, очень обрадовался, получив письмо. Пообещав, что к такому-то сроку подготовит необходимые нам материалы, он просил прислать людей за ними. Я дал Ли Бон Року около взвода бойцов и велел принести продукты и материалы, подготовленные Лю Исянем для нашей армии. Среди переданного имущества оказались рулоны бязи, из которой можно было сшить несколько сот комплектов военной формы, рабочая обувь, очищенный рис, пшеничная мука, жареные лепешки и даже свинина и соевое масло. Такие гостинцы Лю Исянь присылал к нам в тайный лагерь три раза.

Когда контакты с нашими товарищами участились, он официально предложил мне переговоры и попросил доставить его в наш тайный лагерь. Раз уж помогать революционной армии, то хочу познакомиться с ее командующим, говорил он. Поэтому я разрешил сопроводить его к нам в лагерь.

Говорят, что, когда Лю Исянь собрался в тайный лагерь, его сын, служивший в полиции, пытался воспротивиться этому визиту. Он говорил отцу: «Ты решил пойти в тайный лагерь революционной армии, по-видимому, получив письмо от дяди. Но об этом следует глубоко задуматься. В письме дядя пишет,

что он и двоюродный брат живут в одной палатке с Полководцем Ким Ир Сеном и даже вместе готовят пельмени. Но этому нельзя верить. Как может командующий революционной армией жить вместе с людьми неслуживыми? К тому же ведь дядя – из семьи помещика, а компартия видит в помещиках объект ликвидации. Командир революционной армии спит и ест в одной палатке с выходцем из враждебного класса, и они, словно бабы-простолюдинки, готовят пельмени. Да ведь это сплошная ложь! Наверняка, кто-то из подчиненных Командующего Кима заставил дядю написать такое письмо».

Лю Исянь отвечал сыну: «Не говори чушь. На днях я несколько раз общался с подчиненными Командующего Кима. Все они, без исключения, люди приличные, молодые и доброй души. Поэтому я думаю, что Командующий Ким имеет при себе хороших подчиненных. По одному их отношению ко мне можно оценить человеческие качества Командующего Кима и дисциплину и порядок в его армии. Раз уж пришлось завязать отношения с революционной армией, мне все-таки лучше пойти в горы и встретиться с Командующим Кимом. Хочу собственными глазами увидеть, правда ли то, о чем сообщил в письме твой дядя».

Направляясь ко мне, он принес с собой в подарок военную форму и демисезонное пальто, сшитые из высококачественного сукна, сапоги и кепку. Переговорив с ним лишь накоротке, я понял, что это личность незаурядная, не идущая в сравнение со своим братом ни по человеческим качествам, ни по эрудиции. Это был солидный человек, поведение его можно назвать и благородным и внушительным.

Лю Исянь обратился ко мне на корейском языке. «Сколько у вас трудностей и лишений в горах», – говорил он и поблагодарил за то, что мы заботились все это время о его младшем брате и племяннике. Я в свою очередь выразил ему признательность за то, что он прислал немало имущества для нашей армии, а также за то, что он, несмотря на свои годы, пришел к нам.

Мы разбили для Лю Исяня отдельную палатку, чтобы он здесь

встретился с братом и племянником.

Лю Ицин сказал брату: «Кто сказал, что коммунистическая армия – красные дьяволы? Это все ложь! На свете нет таких хороших людей, как они. Армия Командующего Кима – это армия джентльменов». И дальше он с жаром продолжал хвалить революционную армию. И даже добавил, что благодаря Командующему Киму сам стал просвещенным человеком.

Лю Ицин наговорил своему брату столько хорошего о нас, что тот после встречи с ним сразу же пришел ко мне и несколько раз благодарил меня.

При встрече с Лю Исянем меня прежде всего удивило то, что он очень хорошо знал не только корейский язык и обычаи Кореи, но и ее историю и культуру. Естественно, мы с ним быстро нашли общие точки касания.

Больше всего меня тронули его слова о том, что сердце его переполняется состраданием всякий раз, когда он видит корейцев, которые лишены Отечества и которым тяжко жить на немилой чужбине. Как я люблю китайцев, так и Лю очень любил корейцев.

Неожиданно Лю задал мне вопрос:

– Вашу армию сейчас люди называют «коммунистической бандой». Правда ли, что вы, Командующий Ким, коммунист?

– Прозвище «коммунистическая банда» придумали японцы. Так они называют нашу часть. А то, что я коммунист, – сущая правда.

– В таком случае как вы, Командующий Ким, смотрите на меня – человека, который поныне стоял на стороне антикоммунизма?

Он пришел в тайный лагерь на встречу со мною, возможно, и для того, чтобы получить ответ на этот вопрос. Поэтому я должен был дать ему обстоятельный ответ, хорошо продумав все.

С самого начала антияпонской вооруженной борьбы я много раз вел переговоры с антикоммунистами. И командующий Юй был приверженцем антикоммунизма, и У Ичэн сначала выступал против коммунизма. Кореец Рян Сэ Бон был патриот, но к коммунистам относился враждебно, лишь в конце жизни пошел

на коалицию с ними. На переговорах с командующими Юем, У Ичэном, Рян Сэ Бойом я всегда был на позиции защищающего коммунизм, разъяснял им необходимость и справедливость коалиции с коммунизмом для образования единого фронта. Пойти рука об руку с коммунистами или против них – право выбора было в их распоряжении. Поэтому я хотя каждый раз брал инициативу переговоров на себя, вместе с тем с большой тревогой в душе ожидал их ответов.

Но в беседе с Лю дело обстояло иначе. В этом случае я был на позиции осуждающего его антикоммунистические акции, а он вынужден был прислушиваться к моему мнению. И, несмотря на это, он сам начал с выяснения нашего мнения в отношении его антикоммунистического поведения. Это, можно сказать, было очень хорошим делом. Все-таки человеком он был откровенным и широкой души.

Мой собственный опыт давал основание делить антикоммунистов на две категории. К первой относятся те, которые думают, что если коммунисты возьмут верх, то им придет конец, и поэтому они отчаянно пытаются уничтожить коммунизм. Это сознательные, активные антикоммунисты. К другой принадлежат, я бы сказал, слепые антикоммунисты. Они, увидев неблаговидные поступки лжекоммунистов, чувствовали отвращение к коммунизму или, поддавшись на злостную пропаганду империалистов, отвергали и чуждались коммунизма. Ко второй категории, можно сказать, относился Лю Исянь.

Нужно было откровенно разъяснить Лю нашу позицию. Только так можно было повернуть его от антикоммунизма к единению с коммунистами. Нельзя было потакать ему, лишь бы добиться его материальной помощи. И в то же время не следовало осыпать его руганью: раз, мол, ты помещик-антикоммунист, то значит, негодяй. Важно было точно раскрыть, что в его поведении хорошо, а что плохо, убеждать и переубеждать его, помочь ему самому отказаться от антикоммунизма, выбрать путь патриотизма и коалиции с коммунистами.

– К большому сожалению, мне придется сказать, что до сих пор вы стояли на позиции антикоммунизма, – говорил я. – Однако у нас нет ни малейшего желания наказать вас за это. Просто вы плохо понимаете коммунистов и потому пошли против них. И вместе с тем вы, будучи антикоммунистом, любите Китай, любите китайскую нацию. Вы против коммунизма, но не желаете гибели страны. Вы, будучи помещиком, желаете стать китайским помещиком, имеющим свое отечество. Я думаю, что вы именно такой человек. Этому я придаю важное значение. Тому, кто любит свою страну, легко пойти на союз с коммунистами.

Когда я высказал эти слова, Лю со слезами на глазах схватил меня за руку.

– Спасибо вам, Командующий Ким. Здесь, в Хэлуне, немало людей, все говорят, что им вздумается, но только от вас я услышал, что в моей душе хранится патриотизм. Одной этой оценки хватит для того, чтобы мне спалось спокойно.

Он сказал, что до сих пор шел дорогой антикоммунизма потому, что у него взгляд на вещи узковат. Затем он спросил, что ему нужно делать для коалиции с коммунистами.

Я ему говорю: «Коалиция с коммунистами не есть что-то особенное. Выступать против марионеточного государства Маньчжоу-Го и японского империализма, оказывать помощь нашей революционной армии – это уже есть коалиция с коммунистами. Начиная с того дня, как вы послали к нам своего брата и племянника, вы начали сотрудничать с коммунистами. Тот, кто искренне любит свою страну и свою нацию, в конце концов, способен понять коммунистов и идти с ними рука об руку. Потому что коммунисты тоже любят свою страну и нацию. И для корейских, и для китайских помещиков первоочередное важнейшее патриотическое дело – это сотрудничество с коммунистами, выступление против империалистической Японии».

Лю Исянь говорил: «Вы, Командующий Ким, помогли мне разобраться, хоть и поздно, и в самом себе. Мне просто повезло».

Со следующего дня он вдруг стал человеком немногословным. Если его спрашивали, не болен ли он, только отвечал, что нет.

Я вызвал к себе О Бэк Рёна и спросил, не произошло ли чего-нибудь неприятного за то время, когда бойцы комендантской роты заботились о Лю.

О Бэк Рён ответил, что ничего особенного не было. Добавил, что по просьбе гостя показали ему тайный лагерь – и военные тренировки, и развлечения бойцов во время отдыха. Правда, когда Лю осматривал кухню, он, увидев кипевшую в котле жидкую кашицу из гаоляна, на половину смешанную с дикорастущими травами, выразил недовольство.

Он говорил: «Почему вы готовите такое варево? Зачем не варите рисовую кашу? Я же прислал вам несколько десятков мешков зерна. Конечно, я могу понять, что вы готовите похлебку, чтобы сэкономить зерно. Но разве можно под предлогом нехватки продовольствия подавать такую кашицу даже Командующему? Это не отвечает нормам морали». Кажется, на него сильно подействовал тот факт, что Командующий питается из одного котла с подчиненными. Осматривая медпункт, он снова взволновался, когда узнал, что бережно хранившийся там для лечения больных неприкосновенный запас опиума отдали его брату.

Выслушав О Бэк Рёна, я решил вернуть домой братьев Лю и их племянника.

Однако Лю Исянь предложил: сначала он вернется домой один, а брат и племянник на время останутся в тайном лагере. «Мне хочется передать вашему отряду побольше продовольствия и материалов, – говорил он. – А для этого нужно делать вид, что я вынужден послать их революционной армии. Если мой брат и племянник останутся здесь, то будет чем оправдаться перед японцами в случае, если они узнают о моих посылках».

Так Лю добровольно вызвался оказать нам еще большую помощь, даже придумая для этого подходящий предлог. Это было очень хорошим делом. Тебе оказано искреннее доверие – и ты изо всех сил стараешься оправдать его. Такова, видимо, природа человека.

Перед тем, как расстаться с Лю Тунши, я устроил скромный прощальный вечер. На нем он извинился за то, что враждебно относился к коммунистам вообще и ошибочно принимал нашу революционную армию за «бандитов», и обещал, что впредь будет оказывать ей помощь, не жалея ни денег, ни вещей.

Прощаясь с нами, он попросил нас дать ему справку, которая подтвердила бы тот факт, что он оказывал материальную помощь КНРА – на тот случай, если китайская 8-я армия освободит Северо-Восток Китая. Я написал на куске шелка иероглифами: «Лю Исянь – замечательный патриот. Он помогал Объединенной антияпонской армии в материальном и духовном отношении». Под этими буквами я написал свое имя «командующий Ким Ир Сен» и поставил печать. Именно подобную справку, наверное, и увидел Пэн Чжэнь.

В то время многие китайские помещики в Маньчжурии только внешне делали вид, что сотрудничают с японцами, а на самом деле потихоньку помогали людям, вставшим на антияпонскую борьбу. Их не покидала мысль, что настанет день, когда японский империализм потерпит поражение и марионеточное государство Маньчжоу-Го перестанет существовать, а его территория снова присоединится к Китаю.

Китайские помещики со словами «чжушикан» оказывали помощь Народно-революционной армии, а потом обязательно просили выдать им справки. Поэтому я написал подобные справки не только помещикам уезда Чанбай, но и помещикам уездов Эму и Дуньхуа.

Вообще по-китайски «чжушикан» означает: «свинья ест отруби». Это – китайское произношение трех иероглифов, обозначающих соответственно «свинью», «поглощать» и «отруби». Но если вместо них написать иероглифы, означающие «красный», «поглощать», «спокойствие», то получается омонимия «чжушикан», на этот раз означающая, что «Чжу Дэ поглощает Кандэ». В те времена китайскую 8-ю армию называли армией Чжу-Мао, взяв фамилии Чжу Дэ и Мао Цзэдуна. А Кандэ был девиз

царствования Пу И, императора Маньчжоу-Го, постановленного японцами. И поэтому китайцы говорили «чжушикан» со скрытым смыслом – подразумевая, что китайская 8-я армия освободит Северо-Восток Китая.

После визита Лю Тунши к нам в тайный лагерь Вукоуцзян стало поступать намного больше различных материалов и продуктов для помощи армии. Он щедро на машинах отправлял к нам разное имущество. Это стало большой подмогой в подготовке к зиме того года.

А за то, что его брат расходовал НЗ опиума на нашем медпункте, Лю Тунши прислал нам огромный кусок опиума величиной с большую пиалу.

Накануне осеннего праздника *чхусок* того года мы отпустили младшего брата и племянника Лю Тунши домой. Расставаясь с нами, Лю Ицин пролил много слез. Он обещал нам, что, возвратившись домой, прежде всего бросит курить опиум и будет жить по-человечески.

Вскоре после этого мы тоже покинули тайный лагерь Вукоуцзян. Впоследствии у нас не было связей с братьями Лю.Но я никогда не забывал Лю Тунши и верил, что он будет жить честно.

Среди родственников Лю Тунши есть человек по имени Лю Чжэньго. Он, кажется, приходится ему племянником. Вот этот Лю Чжэньго прислал в Институт истории партии при ЦК ТПК письмо. В нем он писал, что и Лю Исянь до самой смерти не забывал нас, часто вспоминал о нас. Кажется, после возвращения из тайного лагеря он четко выразил свою волю к антияпонской борьбе, широко пропагандировал нас.

До последнего дыхания Лю Тунши, говорят, бережно как семейную реликвию хранил ту справку, которую я выдал ему в тайном лагере Вукоуцзян. После его смерти эту справку, должно быть, хранили в семье его младшего брата. Когда мне рассказали об этом, я невольно разволновался.

Тогдашняя встреча в тайном лагере и откровенная беседа связали меня и Лю Тунши на всю жизнь, сделали нас незабыва-

емыми друзьями. В конечном счете, можно сказать, мы всегда оставались близки, хотя и находились далеко друг от друга.

О чем говорит этот факт? О том, что с теми имущими людьми, которые не думают ни о Родине, ни о нации, ни о родных и стремятся лишь к собственному благополучию и наслаждению, невозможно найти общий язык. Но те честные богатые люди, которые любят Родину, нацию и человека, могут стать нашими спутниками, независимо от различий в гражданстве, партийной принадлежности и политических взглядах. Различия в идеалах и имущественном положении не могут быть абсолютным мерилом оценки человека. Если есть самый общий критерий человека, то это любовь к Родине и нации, любовь к народу, любовь к человеку. Кто дорожит человеком, тот любит нацию; кто силен любовью к нации, тот любит свою Родину. Это своего рода закон и истина, и никто не сможет их опровергнуть.

Если игнорировать эту истину, то в работе с людьми неизбежно допускаются либо левые, либо правые перегибы. Одно время в некоторых статьях, рассказывающих об истории антияпонской революционной борьбы, Лю Тунши определили как злостного помещика-антикоммуниста. Это нельзя считать правильным. Если необдуманно оценивать человека лишь по происхождению и биографии, а затем легкомысленно распоряжаться его судьбой, то в работе с людьми можно допустить непомерные ошибки: патриота определить как предателя; поддерживающего революцию квалифицировать как контрреволюционера и, напротив, предателя посчитать патриотом, а контрреволюционера – сторонником революции.

Однажды Сон Вон Тхэ, проживающий в США наш соотечественник, на приеме у товарища Ким Ир Сена спросил: «Дорогой Президент, в Южной Корее много имущих людей. Как вы думаете поступить с ними после объединения страны?»

Тогда родной вождь ответил ему так:

– Думаю идти рука об руку со всеми, кем бы они ни были, если только они не лютые реакционеры, продающие нацию при опоре

на внешние силы. Такую нашу позицию сконцентрированно обобщает Программа по великой консолидации всей нации из 10 пунктов для объединения Родины.

3. Схватка с полчищами карателей

С осени 1939 года по весну 1941 года японские империалисты совершили в трех провинциях юго-восточной части Маньчжурии серию невиданных до этого по масштабу крупных карательных операций против КНРА, назвав их «специальными мерами по обеспечению безопасности и спокойствия».

Великий вождь товарищ Ким Ир Сен, ознакомившись с документальными признаниями главного исполнителя этой акции Нодзоэ и подчиненных ему начальников карательных отрядов о своем поражении, сказал соответствующим работникам: «Судя по жалкому лепету этих кичливых генералов японской армии, кажется, что тогда им сильно от нас досталось. О муках наших товарищей и говорить уже нечего. Схватка была решительная, велась не на жизнь, а на смерть».

И вождь в деталях вспоминал о борьбе с жестоким противником.

Во время вооруженной борьбы самым суровым, трудным для нас периодом было время с конца 30-х и до начала 40-х годов. Конечно, «Трудный поход» был сопряжен со страшными испытаниями и лишениями. Очень тяжело пришлось нам и тогда, когда японские империалисты совершали крупномасштабную карательную операцию в трех провинциях юго-восточной части Маньчжурии. Она, эта операция, лицемерно была названа «специальными мерами по обеспечению безопасности и спокойствия». Три юго-восточные провинции – это провинции Гирин, Тунхуа и Цзяньдао. На каждом из всех этапов борьбы были свои трудности и сложности. Лишения и испытания этого периода забыть просто невозможно.

Мы случайно узнали, что с осени 1939 года враги начнут крупную карательную операцию, рассчитанную на длительный срок.

Эти сведения передал нам командир роты «мукденской части», который был схвачен нами в плен в бою у реки Вукоуцзян в июне того же года.

В том бою мы взяли в плен много офицеров и солдат. Пленные очень удивлялись тому, что революционная армия не убила ни

одного из них. Более того, разрешала им идти домой, выдала даже деньги на дорожные расходы.

Среди пленных, высказавших желание остаться у нас в армии, мы выбирали наиболее толковых и возвращали их домой с заданием помогать нам, находясь в рядах вражеской армии. Среди офицеров марионеточной армии Маньчжоу-Го, воспитанных нами и вернувшихся в свою часть, был один комроты. Именно он и прислал нам те сведения. Он сообщил, что сформирован новый отряд – «Цзяньдаоская карательная экспедиция», куда вошла и его рота. Предупредил, что крупная карательная операция начнется в первых числах октября, причем в невиданно крупном масштабе. Если революционная армия не успеет своевременно предпринять надлежащие меры, то может понести серьезный урон.

Благодаря этому донесению мы узнали о готовившемся новом крупном наступлении врага против нас и смогли сравнительно заблаговременно начать к нему готовиться.

Мы проанализировали все стороны «специальных мер по обеспечению безопасности и спокойствия в юго-восточном районе» и увидели, что противник готовит необычайную операцию.

Прежде всего замышляемая врагом всеохватная карательная акция предусматривала согласованные действия армии и полиции Японии и Маньчжоу-Го, чего не бывало раньше. По вражескому плану эта операция представляла собой настоящую большую войну, проводимую под непосредственным руководством и контролем командующего Квантунской армией Умэдзу и министра общественной безопасности Маньчжоу-Го при участии более чем 200 тысяч солдат и офицеров армии, полиции и различных полувоенных формирований Японии и Маньчжоу-Го.

После того, как мы объявили войну Японии, японские империалисты ежегодно проводили карательные операции против нас, масштаб которых расширялся из года в год.

В осадно-наступательной операции после 1934 года и карательной акции, проведенной с осени 1936 года в северной части Дунбяньдао, враг тоже использовал очень большие силы.

Однако новая карательная операция, готовившаяся под видом «специальных мер по обеспечению безопасности и спокойствия в юго-восточном районе», в значительной мере превосходила все прежние карательные действия врага и по охватываемой территории.

Если при осуществлении «мер по обеспечению безопасности в северной части Дунбяньдао» в 1936 году театр боевых действий «тунхуаского карательного командования», возглавляемого Сасаки, не выходил за рамки одной провинции, то арена действий «карательного командования Нодзоэ» в 1939 году охватывала три провинции – Гирин, Тунхуа и Цзяньдао и еще уезд Нинань провинции Муданьцзян, то есть фактически четыре провинции.

На страницах «Армии Маньчжоу-Го» можно прочитать заметку, раскрывающую некоторые детали подготовки к «специальным мерам по обеспечению безопасности и спокойствия в юго-восточном районе».

«Квантунская армия наметила смету в размере 3 миллионов *иен* как окончательный лимит. В первый день операции, 1 октября, в командовании Квантунской армии проходили переговоры, в которых участвовали начальник штаба Иимура, управляющий делами Хосино Наоки, заместитель министра общественной безопасности Маньчжоу-Го Сусукида Ёситомо и штабной офицер Китабэ по поручению генерал-майора Нодзоэ. Штабной офицер Китабэ, объясняя план обеспечения безопасности и спокойствия на карте, сказал, что на проведение карательной операции потребуется 30 миллионов *иен,* включая расходы на строительство и ремонт дорог, обеспечение связи, создание коллективных поселений и тому подобное.

Управляющий делами Хосино обещал постараться достать средства, а заведующий отделом расчета Иидзава, заявив о своей готовности обязательно обеспечить нужные средства, высказал надежду на успешное проведение карательной операции в трех провинциях. Таким образом, окончательно решены все вопросы проведения мер по полному обеспечению безопасности» («Армия Маньчжоу-Го», общество Ланьсинхой, стр. 400).

Новая операция «карательного командования Нодзоэ» превышала прежнюю акцию «тунхуаского карательного командования» в 3 – 4 раза по охвату территории, в 12,5 раза по численности участников и в 13 раз по издержкам. Уже одни эти цифры говорили о том, сколько большие надежды возлагала японская военщина на эту свою затею.

Главари армии и полиции Японии и Маньчжоу-Го не ограничивали эту карательную операцию простыми военными

действиями, а сочетали ее с «операцией по содействию капитуляции», «идейной обработкой» и «операцией по ликвидации корня зла» и другими акциями. Это придавало ей беспрецедентный характер. Она значительно превосходила прежние наступления как по масштабу и глубине, так и по изощренности применявшихся методов и средств.

Чтобы затемнить суть намечаемых дел, японские империалисты, приступая к карательной операции, называли ее «священной войной» или «священной карой». Карательная операция является священной! Просто смехотворно, что они пытались приукрашивать, маскировать таким образом свои кровавые деяния.

Японцы уже не раз по-разбойничьи нападали на другие страны, но почти никогда не объявляли войну и вообще, даже не называли ее своим именем. Все войны они изображали как якобы «события» или «инциденты», всячески оправдывая и стремясь легализовать свои захватнические действия. Таковы были их излюбленные методы, привычки.

Однако в том, что враги называли свою новую операцию «специальными мерами по обеспечению безопасности и спокойствия в юго-восточном районе» еще и «священной карой» или «священной войной», можно отыскать весьма глубокий смысл. Это говорит, что японская военщина вынуждена была расстаться с прежним взглядом, согласно которому конфронтация с Народно-революционной армией являлась односторонней карательной операцией или проведением «мер по обеспечению спокойствия», – она начала рассматривать эту конфронтацию как отношения между воюющими сторонами, как войну.

Великий вождь товарищ Ким Ир Сен сказал и о том, что заставило японских империалистов в тот период предпринять карательные меры в форме тотальной войны с общей мобилизацией сил, какую цель преследовали они при разработке своих планов.

Японская военщина, терпевшая поражение за поражением в войне с Китаем и в боях на Халхин-Голе, испытывала серьезное смятение.

Война с Китаем, о которой японская военщина самоуверенно заявляла, что она завершится за три, самое большее за шесть месяцев, продолжалась уже два года, но так и не было видно перспективы на победу. Главные силы японской армии глубоко увязли в трясине войны.

В кругах японской военщины были и такие люди, которые искали причину поражений на китайском континенте и Халхин-Голе в грызне между группами военной верхушки или в отсталости военно-технической оснащенности армии. Но большая часть военных чиновников и специалистов по военным вопросам склонна была видеть главную причину неудач в том, что части Народно-революционной армии наносят удары в спину. Это делает нестабильным тыл, нарушает каналы снабжения и порождает психологический хаос в настроениях военнослужащих. К слову сказать, и в самом деле из-за боевых действий частей Народно-революционной армии по дезорганизации тыла враги понесли значительный урон.

Кажется, что это серьезно отрезвило и вразумило зарвавшихся японцев. Они поняли, что, не ликвидировав Народно-революционную армию в тылу, нельзя рассчитывать ни на успешное завершение войны с Китаем, ни на наступательные операции против Советского Союза. Это означало, что враги вынуждены были изменить свою точку зрения на антияпонские партизанские отряды.

Как видите, если японские империалисты разработали новую операцию под названием «специальные меры по обеспечению безопасности и спокойствия в юго-восточном районе» и проводили ее, прибегнув к общей мобилизации сил, то это, очевидно, явилось неизбежным результатом подведения ими итогов военных действий против Народно-революционной армии. Враги считали целью этих «специальных мер» окончательный разгром частей

Народно-революционной армии и ликвидацию самого ее существования.

Все приказы Нодзоэ от начала до конца были проникнуты громогласными угрозами, что он уничтожит наши части до последнего бойца. Но звучала в его наставлениях и другая нота – он признал, что, несмотря на проводившиеся до этого несколько лет карательные меры в трех провинциях – Гирин, Цзяньдао и Тунхуа, силы партизанских отрядов не стали слабее. Однако тут же он и похвалялся, что поэтому он взял на себя ответственную задачу – направить боевого коня на гору Пэкту и одним взмахом меча поразить «разбойников». Он приказывал подчиненным уничтожить бойцов Народно-революционной армии всех до единого.

Направить боевого коня на гору Пэкту и одним взмахом меча уничтожить кого-то – такое заявление было вызовом нам. Из этих наставлений можно ясно увидеть, что главный удар врагов был направлен на Корейскую Народно-революционную армию.

Мы с большим вниманием изучали, какую стратегию и тактику применят враги в крупномасштабной операции, проводимой в форме тотальной войны с общей мобилизацией сил, и выяснили, что японская военщина на основе многолетнего изучения, обобщения нашей партизанской тактики разработала и свои новые тактические приемы. Суть их заключалась в том, чтобы противопоставить партизанской войне тоже своего рода партизанскую войну.

В коварстве врагов, в их намерении применить партизанские приемы против партизан мы особенно убедились после того, как в наши руки попала какая-то инструкция «по борьбе с бандитами». К тому времени враги снабжали все карательные отряды этим сборником материалов об опыте ранее проведенных карательных операций против нас и требовали заранее как следует изучить их. Этот сборник служил своего рода наставлением по ведению антипартизанской борьбы.

Японская военщина одевала свои спецотряды, предназначенные для проведения антипартизанской войны, в такую же форму, как наша, и требовала от них вести учения и действия

тоже по-партизански. Все это ясно показывает, какие большие усилия прилагала японская военщина к изучению и разработке новой тактики для уничтожения КНРА.

Я понял, что противоборство с Нодзоэ будет жесточайшей схваткой и, чтобы победить в ней, обязательно надо разработать и применить совершенно новую, не применявшуюся прежде тактику.

Для того, чтобы сорвать нападения крупной силы в сотни тысяч человек и поддерживать непрестанный революционный подъем, надо было придумать такой искусный прием, который способствовал бы проведению как никогда тщательно подготовленной и активной операции. Такой искусный способ мы увидели в обходном маневре крупными отрядами. Коротко говоря, этот маневр означает рассчитанное на длительное время передвижение крупных отрядов в обход по секретному маршруту в обширных районах. Предусматривалось, конечно, не просто передвижение в обход – оно должно было сопровождаться уничтожением врагов разнообразными методами боев. Без такой подвижной операции невозможно было победить большую армию численностью в 200 тысяч человек.

«Карательное командование Нодзоэ» расставило сеть «районных» и «подрайонных» карательных частей не только в трех провинциях – Гирин, Цзяньдао и Тунхуа, но и в уездах Нинань, Дуннин и Мулин провинции Муданьцзян Северной Маньчжурии. Малейшая оплошность могла привести нас к глубокому увязанию в этой сети.

Однако при внимательном наблюдении оказалось, что эта сеть местами была то частой, то редкой. Одни районы были уже густо покрыты ею, а кое-где сделать это еще не успели. Ячейки сети тоже были различными по величине. В провинции Цзяньдао, на главной арене наших действий, во всех уездах были размещены карательные отряды.

Мы наметили первый маршрут обходного маневра к западу Дуньхуа и Эму. В этих местах действовало множество созданных нами революционных организаций. Население было настроено

по-революционному, поэтому удобно было для начала примоститься там. Если мы крупными отрядами нанесем ощутимые удары по врагу именно в этих местах, то внимание противника, несомненно, сосредоточится на них. Тогда мы осуществим крутой поворот, направившись к другим районам – Мэнцзяну, Фусуну и Чанбаю, и поднимем на этот раз шум в этом направлении. Когда враги будут выходить в Мэнцзян, Фусун и Чанбай по нашим следам, мы, пройдя южную окраину провинции Цзяньдао, уже вернемся на свое изначальное место. Таковы были мои замыслы. Я рассчитывал, что на такой обходный маневр уйдет примерно год.

Мы настаивали на том, что обходный маневр должен осуществляться крупными отрядами. Целью этого маневра – не избегать столкновений с врагами, а уничтожить их в каждом удобном для нас месте. В бою нужно бить врага так сильно, чтобы он не мог снова подняться на ноги. А это требовало проводить обходный маневр обязательно крупными отрядами.

Для проведения такого обходного маневра я считал особенно важным сохранить в тайне маршруты передвижения. Раскроется этот секрет – и мы станем жертвами «тактики клещей» или обречем себя на неимоверные трудности, попав в кольцо вражеского окружения. Между тем наша операция ставила перед нами серьезную проблему. Обход, несомненно, затруднит снабжение нас продовольствием. В случае, когда партизаны действуют в одном определенном месте, можно заранее запастись продуктами и хранить их в тайном лагере. Но дело обстоит иначе, когда они воюют, всю зиму передвигаясь с места на место крупными отрядами.

Без разрешения продовольственной проблемы не могло быть и речи об обходном маневре крупных отрядов. Поэтому-то и после созревания замысла об операции я сразу не огласил его, держал некоторое время только у себя в голове.

Заранее наметив маршруты передвижения наших отрядов, я распорядился, чтобы 7-й и 8-й полки и комендантская рота

запасли продовольствие в важных пунктах, находящихся на наших будущих маршрутах. Мы решили создать запасы продуктов питания в первую очередь в северном районе уезда Аньту, в районах уездов Хуадянь и Дуньхуа.

К тому времени зерно еще не убрали, поэтому доставать продовольствие было очень трудно. Зерно можно купить после обмолота уже убранных хлебов, а еще не наступило время уборки, так что не было видно выхода. А прибегнуть к посредничеству торговцев зерном в городах нам тоже было нельзя.

Я советовал командирам отрядов, направляющихся с заданием обеспечения провианта, попытаться купить хлеб на корню на полях. При таком решении вопроса нам придется после завершения сделки самим собрать и обмолотить зерно. Это трудоемкая работа, на которую, очевидно, не хватало бы рук даже при мобилизации всех сил наших отрядов. Однако нам оставалось прибегнуть только к такому методу, другого пути у нас не было.

В начале октября того же года, когда продовольственный вопрос был в основном разрешен, в Лянцзянкоу уезда Аньту я созвал совещание военных и политических кадров и на нем официально объявил обходный маневр крупными отрядами в обширных районах на северо-востоке от горы Пэкту.

Когда мы действовали в Лянцзянкоу и его окрестностях, произошел случай, которого я не могу забыть. К нам пришел один крестьянин и очень просил принять в ряды революционной армии его сына, которому было всего четырнадцать-пятнадцать лет.

Прямо скажу, просьба эта заставила меня глубоко задуматься – ведь нам предстояло такое серьезное испытание, как обходный маневр крупными отрядами.

Я сказал мальчику: «Мы, люди военные, совершаем марш и днем, и ночью. Знаешь, бывают и такие дни, когда мы покрываем то 40, то 80 километров. Сможешь ли с нами так идти?» А мальчик, указывая на Ли О Сона, ответил: «Если тот брат, военный, сможет, то и я смогу».

Я спросил крестьянина, может ли он быть спокойным, если сын останется в партизанском отряде. Тот ответил: «Без такой душевной подготовки как же отдать сына моего революционной армии? Как говорят, с кем поведешься, от того и наберешься. Буду спокоен, так как доверяю вам, уважаемый Полководец».

Мальчик был толковым, его отец тоже был славный человек. Я решил принять мальчика в армию. Были люди, которые говорили, что я беру на себя лишние заботы. Но большинство командиров и бойцов приветствовали мое решение. «Судя по тому, что товарищ Командующий принимает такого мальчика, – говорили они, – предстоящий маневр непременно завершится удачей». Не будь уверенности в победе предстоящей операции, рассуждали они, Командующий не решился бы принять на себя такое бремя.

Этого мальчика я включил в группу ординарцев, и он всегда был со мной. Он был смекалист и расторопен, его развитие было заметным. Впоследствии, когда я отправился в Лянцзянкоу на совещание, я взял с собой этого юного бойца. Я вернулся сразу после совещания. Обратный путь был не гладким и не легким. Обстановка становилась очень напряженной: только что начался первый этап карательной операции Нодзоэ. Поэтому мы действовали, соблюдая секретность, и шли, выставив впереди дозор.

Вблизи от Цзигуаньлацзы на нас враги совершали внезапный налет. Название этой местности произошло от того, что своим видом горная вершина напоминает петушиный гребень. Та вершина возвышалась на левой стороне по ходу нашего движения. Рельеф местности вблизи Цзигуаньлацзы был таков, что врагам было очень удобно устраивать засаду, а для нас, находящихся на марше, было весьма трудно предупредить их внезапное нападение. Мне в голову пришла мысль: «Если карательный отряд противника находится в окрестностях Цзигуаньлацзы, то он не может не оценить благоприятные для него условия этой местности. Враги, возможно, ждут нас в засаде, ведь решили они уничтожить антияпонских партизан партизанскими методами ведения боя».

Однако нельзя было менять маршрут и выбирать далекий трудный обход. Я приказал броском преодолеть этот опасный участок, вынеся в авангард отряда пулемет.

Когда мы подошли к скалистому подножию Цзигуаньлацзы, с вершины горы вдруг раздался ружейный залп. Враги обрушили сосредоточенный огонь на нашу цепь, идущую по единственной здесь дорожке.

От внезапного налета врагов получили смертельную рану бывалый партизан по прозвищу «Малый» и Ким Чжон Док.

Меня встревожило, не зацепила ли пуля мальчика, вступившего в армию в Лянцзянкоу. Я окликнул его по имени. И был, откровенно говоря, удивлен, когда увидел, что он стреляет во врагов, расположившихся на высоте. Я был рад, что он в такой критический момент не растерялся, действует так смело.

Юный партизан крикнул: «Товарищ Командующий! Не трогайтесь с места!» Он по-взрослому заботился обо мне. «Нет, нельзя оставаться на месте. Стреляй, меняя место!» – сказал я. Затем я увел его в небольшое углубление за бугорком.

Между тем рой вражеских пуль продолжал лететь на нас. Трудно было идти – и назад, и вперед. Я заметил рытвину на поле метрах в ста и побежал туда с командой: «Вперед, за мной!» Бойцы, поддерживая раненых, устремились к рытвине. Однако и там не было спасения.

Спустившись к берегу реки, мы пробежали немного вдоль нее, а затем бросились в сторону обрыва, занятого врагами. Тогда мне некогда было объяснить моим бойцам, зачем нам надо идти туда. И я бежал в сторону вражеской позиции, увлекая за собой бойцов. Возможно, тогда мой поступок показался им странным: малой силой, не более десяти человек, атаковать большой вражеский отряд – какой в этом смысл, а мы туда бежим, что же будет дальше?

Однако бойцы, не мешкая, бежали за мной. Насколько твердо я верил им, настолько абсолютно они доверяли мне.

Как только мы укрылись под обрывом, пули стали пролетать над головами. Только тогда, думаю, бойцы

поняли мой тактический замысел.

Враги предполагали, что мы ушли в сторону поля, и стреляли туда вслепую, наугад. Потом они хлынули с горы и с гиканьем стали окружать поле. Тем временем мы уже поднялись на другую вершину. А враги, окружив поле с трех сторон, довольно долго яростно стреляли друг в друга.

Можно сказать, что бой в Цзигуаньлацзы был первой встречей с карательным отрядом Нодзоэ. Этот бой позволил мне яснее понять, что враги, готовясь к новой операции, основательно изучили нашу партизанскую тактику. Я глубоко убедился, что обходный маневр крупными отрядами является правильным выбором в тактическом отношении. Бой в Цзигуаньлацзы, можно сказать, представлял собой в миниатюре боевую ситуацию, в которой мы оказались в ту зиму.

Пока я возвращался с совещания в Лянцзянкоу, наши товарищи завершили начавшуюся раньше заготовку провианта. Партизанки-швеи тоже почти полностью выполнили поставленную мной задачу по пошиву военного обмундирования.

Мы называли первый этап обходного маневра крупных отрядов также экспедицией на Дуньхуа. Маршрут этого похода можно обрисовать так: скользнуть от Хуалацзы далеко в Дуньхуа, оттуда – в сторону Мэнцзяна и Фусуна. Расчет был такой: тронувшись из Хуалацзы, идти в сторону горы Пэкту, потом, повернув на север, маневрировать в глубоких захолустьях Дуньхуа и завязать несколько серьезных боев, затем отойти в девственные леса Дунпайцзы уезда Мэнцзян или Байшитан уезда Фусун. И здесь отдохнуть после трудного пути, проводить военно-политические занятия в тайном лагере и ждать, пока утихнут морозы самого холодного сезона.

Готовясь к операции первого этапа, я отправил Рим Су Сана в Дунпайцзы с одним взводом комендантской роты и отдельным батальоном, послал малый отряд в Байшитан с заданием устроить тайный лагерь, заготовить провиант и обмундирование для крупного отряда.

Закончив приготовления, я отправился с экспедицией на Дуньхуа. Чтобы иметь ясное представление об этом походе, достаточно вспомнить о боях в Люкэсуне и Цзясиньцзы. Оба боя происходили как раз в это время.

Стремясь замаскировать направление движения крупных отрядов, мы начали экспедицию выступлением в сторону верховьев реки Эрдаоцзян, делая вид, будто мы направляемся в Самчжан.

Когда мы отошли от Хуалацзы примерно на 8 – 12 километров, начало рассветать. Мы ушли от реки и, заметая следы, углубились в ближайщий лес. Отдохнули, позавтракали, подкрепились и направились в сторону горы Пэкту, следуя друг за другом шаг в шаг. Вблизи горы Нэйдаошань резко изменили направление – на 180 градусов, взяв курс на север по льду реки Саньдаобайхэ. Эти маневры мы предпринимали с тем, чтобы еще раз обвести врагов вокруг пальца.

Такое резкое изменение направления маршрута имело большой эффект, равный последствиям нескольких боев. Враги, потеряв наши следы, беспорядочно метались бы сколько им угодно и, оказавшись, наконец, в глухомани, не отмеченной даже на карте, основательно бы замерзли и, выбившись из сил, потеряли боеспособность. Мы иной раз пускали ложные слухи, а порой нарочно показывали врагам свои следы, чтобы тащить их за собой в глушь и заставлять их израсходовать последние силы и сделаться беспомощными от холода и утомления.

Когда мы переходили перевал Муданьлин, большие хлопоты доставлял нам снег. Густо падали его хлопья, камни покрывались ледяной коркой и становились очень скользкими. Естественно, темп нашего похода замедлился.

И все же наша главная часть преодолела перевал Муданьлин благополучно, а затем растворилась в лесах Дуньхуа.

Таким образом, обходный маневр силами крупных отрядов сопровождался трудностями и лишениями с самого начала. Однако старт же был торжественным. В начале экспедиции на Дуньхуа мы не ввязывались в большие бои. Били врагов столько,

сколько нужно было, чтобы сохранить маршрут в секрете. Но все-таки враги понесли большие потери в живой силе.

Каждый раз, вспоминая ход Дуньхуаской экспедиции, товарищ Ким Ир Сен рассказывал и о собрании Антияпонского союза молодежи (АСМ), проходившем во время похода.

В дни экспедиции на Дуньхуа мы созвали собрание АСМ. Эта молодежная организация была создана по решению Нань-хутоуского совещания после роспуска и реорганизации комсомола в интересах развития молодежного движения. Заставило нас созвать это собрание одно обстоятельство. В Дуньхуа есть местечко Сыдаохуангоу. В нем я, физически ослабленный после выхода из Гиринской тюрьмы, некоторое время отдыхал, заодно восстанавливая разгромленные подпольные организации. Первым местом, куда мы пришли после перехода через перевал Муданьлин, как раз и была окрестность Сыдаохуангоу. Один боец, направленный в селение для ознакомления с обстановкой, вернулся с отзывами местной подпольной организации в связи с делом Пак Дык Бома.

Сущность дела Пак Дык Бома, коротко говоря, сводилась к тому, что он, один из командиров Народно-революционной армии, променял честь революционной армии на хозяйственные материалы.

Говорили, что отряд Пак Дык Бома одно время испытывал серьезные затруднения с продовольствием и обмундированием. Когда кончаются продукты и хозматериалы, бьют врага или получают нужное с помощью революционных организаций. Эти методы свойственны Народно-революционной армии. Однако Пак Дык Бом не думал ни о бое, ни об опоре на подпольные организации. Он был командиром-трусом, боялся боев. И замыслил решить проблему продовольствия и одежды весьма подлым способом. Его замысел был такой позорный, что и пересказывать-то стыдно.

Пак Дык Бом сообщил врагу через его тайного агента: «Сдамся, перейду к вам вместе с целой дивизией. Но затрудняет нас то, что наши бойцы раздеты и голодны. Ставлю условие:

принеси продовольствия и тканей в назначенное место. Переоденем бойцов, восстановим их здоровье, а потом перейдем к вам. А ваша гарантия в лице одного тайного агента нам кажется недостаточной. Поэтому с продовольствием и тканями пусть придут ваши представители, которые могли бы гарантировать нашу жизнь после капитуляции».

Агент согласился с ним и немедленно доложил об этом в спецгруппу, в которой он состоял. Такая сделка очень заинтересовала врагов. Главари провинции Гирин и уезда Дуньхуа тут же после получения информации собрались обсудить меры и отправили на явку в качестве своих представителей несколько человек не без имени.

Пак Дык Бом принял их и начал переговоры. Во время переговоров вошел его подручный командир и доложил, что все обещанное количество припасов доставлено. И Пак тут же на месте убил всех представителей противника. Впоследствии он был подвергнут уничтожающей критике и переведен в комендантскую бригаду. Но в 1940 году он, так и не оправдав доверие организации, сдался врагам, поймавшим его. Значит, из ложной капитуляции выросла со временем капитуляция всамделишная.

После перехода во вражеский лагерь Пак Дык Бом организовал «спецотряд Пака» и всячески старался воздействовать на бывших боевых друзей, чтобы они добровольно капитулировали.

Дело Пак Дык Бома преподало нам очень серьезный урок. Когда мне сообщили о его капитуляции, я думал, что неслучайно тот придумал однажды затею с ложной капитуляцией. Ее мог разыграть только тот, кто потенциально склонен к предательству. Случай его измены показал, что тот, кто затевает ложную сдачу своих позиций, в любое время может пойти и на подлинную капитуляцию.

Между тем, серьезной проблемой в этом деле я считал то, что немало людей поступок Пак Дык Бома, применившего такой подлый способ для приобретения продовольствия и хозяйственных материалов, оценивали словно как какой-то достойный похвалы подвиг. Кстати, тот член разведгруппы, побывавший в Сыдаохуангоу, даже считал, что Пак Дык Бом,

совершивший такое «хорошее дело», не был оценен должным образом и подвергся незаслуженно строгому взысканию. Доложив мне о настроениях населения, он выразил недовольство тем, что жители Сыдаохуангоу говорят о Пак Дык Боме как о командире, дискредитировавшем партизанскую армию. Этот разведчик был как раз членом АСМ.

Было очень опасно, что член АСМ положительно оценивает поведение Пак Дык Бома. Я побеседовал с командиром, отвечающим за работу с молодежью, и узнал, что среди бойцов армейской группы немало таких членов союза молодежи, которые разделяют мнение этого разведчика о деле Пак Дык Бома. Тем самым обнаружился, по-моему, серьезный пробел в духовном состоянии членов АСМ. Я предложил тому командиру созвать собрание членов союза молодежи, но он ответил, что все они сразу по прибытии на привал свалились и заснули.

До этого в нашей части такого не бывало. На привале прежде всего чистили оружие, чинили одежду, брились, заготавливали дрова и так далее. Так жили все бойцы – напряженно и опрятно. А в тот вечер картина оказалась совершенно иная. Верно, конечно, что экспедиция очень утомила их. Но если все будут так беспечно валиться с ног, не думая о подготовке к ночлегу, то это может повлечь за собой большую беду. С бойцами в таком духовном состоянии невозможно было провести до конца активную маневренную операцию.

В тот вечер мы предложили командиру полка О Чжун Хыбу освободить палатку одной роты и в ней проводили собрание Антияпонского союза молодежи. В нем участвовал и я.

На собрании подвергались критике смутный идейный настрой членов АСМ, нехватка у молодежи духовной готовности преодолеть трудности, равнодушие к санитарно-гигиеническим делам и пассивное отношение к культурно-развлекательным мероприятиям. На нем шел разговор и о мерах по устранению недостатков.

На собрании я еще раз напомнил серьезность дела Пак Дык Бома. Я особо подчеркнул, что каждый боец должен постоянно

сохранять повышенную бдительность в отношении явлений, подрывающих престиж и честь Народно-революционной армии, вести принципиальную борьбу с ними и поддерживать хорошие отношения с населением.

Собрание дало толчок и к повышению сознательности командиров. Некоторые из них закрывали глаза на то, что бойцы просто заваливались спать без подготовки к ночевке, даже сочувствовали им и не принимали мер к исправлению такого положения. После собрания командиры лучше осознали свою ответственность за подчиненных.

Собрание Антияпонского союза молодежи можно считать актом идеологической мобилизации бойцов и командиров перед совершением налетов на Люкэсун и Цзясиньцзы. Эта работа дала большой эффект. Во время налета на Люкэсун, проведенного после собрания, все сражались отлично. Бойцы провели бой в Цзясиньцзы тоже здорово. После этих двух боев бойцы поняли, зачем Командующий так срочно созвал собрание АСМ.

Чем труднее стоящая задача и чем суровее создавшееся положение, тем лучше надо вести идеологическую работу. Я сторонник опоры на идейную убежденность. Я за концепцию, отдающую приоритет идеологии, ценю идеологию больше, чем какие-либо материальные блага. Когда мы вступили в решительную схватку с более чем двухсоттысячными полчищами противника, на что мы полагались при разработке и настойчивом, упорном проведении такой крупной операции, как обходный маневр крупными отрядами? На монолитную сплоченность всей армии и непоколебимую революционную идейность личного состава. У нас не было ни самолетов, ни танков. Был народ, были бойцы и легкое оружие – и больше ничего. Но мы мобилизовали идейный заряд бойцов, и это, как всем теперь видно, приносило нужный эффект в непрерывных боях.

Товарищ Ким Ир Сен вспоминал и о том, как в дни экспедиции пришлось срочно изменить первоначальный план операции по вине Рим Су Сана, уклонившегося от выполнения порученного ему задания.

Перед собранием АСМ пришли в Командование Ким Чен Сук и Ли Ду Ик. Они доложили о делах в тайном лагере Дунпайцзы. При уходе в экспедицию на Дуньхуа я, собственно, намеревался провести месяц-два самого холодного времени в Дунпайцзы, затем обойти уезды Фусун и Чанбай, добраться через территорию Кореи до Хэлуна и вернуться в исходный пункт Аньту. Однако Рим Су Сан, направленный в Дунпайцзы, ничего не сделал для приема больших отрядов. Ссылаясь на напряженную обстановку, он не приложил активных усилий для выполнения нашего задания. Ким Чен Сук и Ли Ду Ик не могли спокойно видеть это и сидеть сложа руки, а потому попытались выполнить задание вместо Рим Су Сана, но успели запасти продовольствия на зиму немного – только для личного состава в Дунпайцзы.

Из этого сообщения я сделал вывод, что использовать первоначально намеченный основной маршрут попросту невозможно. Нельзя же крупным отрядам быть на «иждивении» тайного лагеря, где нет продовольствия.

В самом деле уже к тому времени у Рим Су Сана безнадежно пошатнулась идейная убежденность. Позднее он, как известно, перебежал к врагам. Ведь предательство созревает не за день-два. Измена тоже требует подготовки и не минует процесса, как говорится, идеологического «брожения». Идеологическое разложение и вырождение, как правило, проходит определенные стадии. Рим Су Сан любил громко кричать о революции, но у него идеологическое вырождение началось уже с тех пор, как возникло «Хесанское дело». Просто мы не подметили это вовремя, потому что слишком доверяли ему.

Байшитан уезда Фусун был резервной точкой на нашем маршруте. Он имел благоприятные условия по рельефу местности, но уж слишком был удаленным от населенных пунктов. Несколько ближайших поселений находилось километрах в двенадцати от тайного лагеря; кроме того, там было мало созданных нами подпольных организаций.

Продовольствие тоже оставалось проблемой. Конечно, мы

располагали каким-то количеством продуктов. Их запасли направленный нами прежде малый отряд и люди О Бэк Рёна, используя реку Сунгари. Но их хранили далеко, да и был это запас для будущих нужд. В район Байшитана уже были направлены люди, но большинство их составляли женщины и ослабевшие здоровьем.

При таких обстоятельствах нельзя было даже и думать о том, что крупные отряды пойдут прямо в резервный пункт – Байшитан. Таким образом, мы оказались в положении человека, забредшего в глухой тупик. Стояли беспощадные морозы, намеченное место не готово, нет времени для подготовки нового маршрута, а враги следуют за нами по пятам. В таких условиях нам нельзя было долго задерживаться на рубежах перевала Муданьлин. Так мы оказались в заколдованном кругу во всех отношениях.

Имелось бы хоть бы зерно, уже было бы легче преодолеть другие трудности. Но тут к нам на выручку и пришли поистине благодетели. Население помогло: дало нам возможность снять урожай с неубранных бобовых полей, и критический для нас момент миновал.

Итак, мы провели крупные налеты на лесоразработки в Люкэсуне и Цзясиньцзы и захватили в качестве трофеев продовольствие и различные материалы. Затем мы резко изменили маршрут – на юг, в противоположном направлении и пошли в Байшитан, в тайный лагерь. Можно считать, что этим завершился первый этап обходного маневра больших отрядов.

Рейды в Люкэсун и Цзясиньцзы ознаменовали блестящими боевыми успехами первый этап обходного маневра больших отрядов. Мы вышли из района Хэлун – Аньту, где все горы и ущелья были накрыты плотной сетью карательных отрядов. Одно это уже опрокинуло расчеты врага. Более того, мы совершали один за другим молниеносные налеты на основные места дислокации вражеских войск в Дуньхуа. Наши гибкие оперативные действия ошеломляли врага. Получив депешу, что подвергнуты налету Люкэсун и Цзясиньцзы и разгромлены его

войска, он спешно начал направлять свои силы в сторону Дуньхуа. Но к тому времени мы уже скрытно ушли на юг и прибыли в бассейн реки Сунгари.

Самым большим успехом первого этапа операции я считаю то, что мы расширили свои вооруженные ряды, приняв в армию более двухсот рабочих лесоразработок в Люкэсуне и Цзясиньцзы.

После боев мы организовали в лесу на берегу реки Сунгари выступление художественной самодеятельности. После этого рабочие сопровождали нас, неся грузы на спине. Многие молодые из них просили принять их в армию.

Это было знаменательное событие. Впервые в истории создания антияпонских партизанских отрядов мы приняли в свои ряды такое большое число молодых людей из среды рабочего класса.

Мы не успевали дать всем новобранцам оружие и одеть их в военную форму. Поэтому, принимая их в свои отряды, мы надевали каждому на рукав повязку с красной звездочкой. И теперь мне помнится, как партизанки всю ночь напролет шили эти нарукавные повязки.

Военно-политические занятия в Байшитанском тайном лагере, будучи в определенном смысле началом уже второго этапа обходного маневра больших отрядов, явились в то же время подведением итогов первого этапа.

Проведя основательную подготовку в Байшитане, мы приступили ко второму этапу операции. Маршрутом второго этапа маневра должно было стать движение от Байшитана через незаселенные районы Эрдаобайхэ, Саньдаобайхэ и Сыдаобайхэ на северо-востоке от горы Пэкту, вступление в Корею, а затем оттуда через уезд Хэлун возвращение в Аньту.

Когда военно-политическая подготовка в Байшитане была в самом разгаре, наш тайный лагерь обнаружил враг. Продотряд возвращался с соевыми бобами в мешках, и именно бобы стали причиной обнаружения лагеря, испортили все дело. Наши люди вовремя не заметили дыру в мешке. И «дорожка» из бобов, выпадавших через дыру, бросилась в глаза вражескому лазутчику.

Получив информацию о том, что враги, обнаружив тайный лагерь, готовятся полностью его окружить, а затем напасть на нашу часть, мы разработали ответную операцию. Прежде всего дали одному из командиров нашей части задание – силами роты проникнуть в контролируемый врагом район и, совершив налет на Лянцзянкоу, уйти в сторону Сявэйцзы. А один взвод комендантской роты получил задание занять посты на горе за Байшитаном, откуда нанести серьезные удары по наседающим врагам, после чего уйти в сторону Лушуйхэ.

Ведя главные силы, я покинул тайный лагерь всего за 30 минут до начала вражеского наступления и направился в сторону Лушуйхэ. Чтобы заманить врагов в ловушку, надо было создать впечатление, будто мы находимся в тайном лагере.

Едва мы оставили лагерь, в него ворвались враги. Вокруг было тихо, никто не оказывал никакого сопротивления, и враги думали, что и дальше все пойдет так гладко. Они приступили к общей атаке. Но и тогда наши меткие стрелки комендантской роты не стреляли, а только наблюдали за действиями врага.

Когда рассвело, над тайным лагерем появилась вражеская авиация и начала сбрасывать бомбы на головы своих войск, которые поначалу от радости махали руками, поднятыми в небо. Услышав взрыв бомб, враги, вкатившиеся в казармы, хлынули обратно во двор. Наши бойцы уловили этот момент, и пулеметы заговорили вовсю.

Таким образом, запланированная врагами наступательная операция во взаимодействии пехоты и авиации обернулась уничтожением пехотных войск Японии и Маньчжоу-Го путем взаимодействия Народно-революционной армии и японской авиации.

Пока враги суматошно суетились в Байшитане, мы спокойно уходили в сторону горы Пэкту и били следовавших за нами врагов в Лушуйхэ. Затем мы перешли через Эрдаобайхэ и скрылись в лесу, что на востоке горы Нэйдаошань. Потом мы совершили налет на лесоразработки под Хуалацзы и призвали туда роту, ушедшую в Лянцзянкоу, и бойцов комендантской

роты, оставшихся под Байшитаном. Кажется, именно к тому времени мы направили разведгруппу в Самсупхен уезда Мусан.

Кордоны у границы были очень сильны, и разведгруппа, едва переправившись через реку Туман, столкнулась с врагами и не смогла провести разведку как следует. Преследуемая врагами, она еле унесла ноги. В таких условиях вступать в Корею большими отрядами было рискованно.

Я отложил рейд в Корею на некоторое время и решил совершить налет на крупные лесоразработки с тем, чтобы запастись продовольствием и понаблюдать, как реагирует противник за рекой, в Корее. С этой целью мы провели налет на лесоразработки в Дамалугоу вблизи реки Туман. Реакция со стороны Кореи была очень чуткой. Получив доклад о том, что враг превратил пограничную охрану в неприступную железную завесу, я немедленно тронулся с места, увлекая за собой противника, от которого мы отбивались в пути на протяжении нескольких дней, и уходя в лес, что на юге от Хуалацзы. После этого был еще большой бой в Хунцихэ, где мы разбили вдребезги часть Маэда. На этом завершился обходный маневр больших отрядов.

Противоборство с карательным отрядом Нодзоэ нельзя рассматривать как противоборство с командующим войсками какого-то одного района. Это было противоборство со всей японской военщиной, с «Великой японской империей». Враги не достигли ни одной из трех целей, о которых громко трубили в «великой программе обеспечения спокойствия», – ни «военной кары», ни «идейной обработки», ни «ликвидации корня зла». В конечном счете, в этом противоборстве победили мы.

После поражения Японии в войне Нодзоэ ушел в отставку и проводил последние дни в деревне на острове Кюсю. Он оставил воспоминания о том времени. В них говорилось:

«Часть Ким Ир Сена действовала, разбившись на несколько подразделений, каждое из которых выдавало себя за часть Ким Ир Сена. Таким образом они часто прибегали к обману, отчего создавалось впечатление, будто часть Ким Ир Сена появляется то здесь, то там. Ким Ир Сен был, наверняка, один человек, но было и несколько человек, действовавших под именем Ким Ир Сена.

Поэтому трудно было понять, кто же именно является настоящим Ким Ир Сеном».

Среди японских офицеров был некий Нагасима, который после подавления восстания в Цзяньдао вошел в большое доверие у начальства и выполнял задания спецслужбы карательной экспедиции Нодзоэ. Он тоже признал, что вдоволь испил горькую чашу от непревзойденной гибкой тактики КНРА.

«Когда я выполнял задание спецслужбы в части Нодзоэ, ─ писал Нагасима, ─ говорили о существовании части Ким Ир Сена, и я заинтересовался ею. Оказалось, что ее операции были очень хитроумными. Когда нам докладывали о появлении части Ким Ир Сена где-то и мы спешили туда, тут же нам сообщали, что она появилась в другой стороне. Казалось, что часть Ким Ир Сена действительно так же внезапно появлялась и исчезала, как призраки. На самом же деле появлялась в разных местах за короткое время не одна и та же часть, а она разбивалась на несколько подразделений, которые появлялись то там, то тут. Каждое из них выдавало себя за часть Ким Ир Сена».

Дальше Нагасима вспоминал, как трудно было сражаться с КНРА, и, в частности, отмечал: «Все высшие кадры Объединенной антияпонской армии были убиты или схвачены, или сдались, но только Ким Ир Сен чудом ... остался жив и после завершения войны вернулся в Северную Корею и занимает даже пост Председателя Кабинета Министров».

4. О Чжун Хыб и 7-й полк

Однажды уважаемый вождь товарищ Ким Ир Сен читал роман «Суровый боевой участок». На том месте, где описывалась гибель О Чжун Хыба, он испытал столь острую душевную боль, что не смог читать далее, отложил книгу в сторону и, говорят, провел без сна всю ночь напролет, думая о своем боевом соратнике, давно ушедшем из жизни.

Родной вождь вспоминал о нем, о его гибели каждый раз, когда заходила речь о бое в Люкэсуне уезда Дуньхуа, ознаменовавшем первый этап обходного маневра крупными отрядами блестящей победой. Перебирая в памяти вехи героической жизни О Чжун Хыба, он с особо теплым чувством вспоминал воинский дух и боевые заслуги 7-го полка, который в дни антияпонской революции грудью защищал, охранял Командование – штаб корейской революции.

Мы потеряли О Чжун Хыба в Люкэсунском бою, в котором погибли также комроты Чвэ Иль Хен и командир пулеметного взвода Кан Хын Сок. Все трое были командиры, которых я любил и берег больше всех. И надо же случиться такому горю – я потерял их в один и тот же час. В годы антияпонской войны погибли многие мои соратники, но смерть О Чжун Хыба оставила в моей душе необычайно глубокую горечь и гнетущую боль.

Натуру О Чжун Хыба можно определить так: «Человек малословный, но заметный». Заметен он был своими делами: всюду, где он присутствовал, остались его заметные следы, а сам он имел большие заслуги.

Среди командиров нашего отряда, наверное, не было столь неразговорчивых, как Чвэ Чхун Гук и О Чжун Хыб. Слово «неразговорчивый» в данном случае имеет тот смысл, что человек не стремится выставлять себя или что он по натуре тихий и ладный. Такого тихого и мягкого человека, как О Чжун Хыб, очень редко увидишь среди военных командиров, а он был таким – говорил мало, а много делал. Он не умел и не любил выставлять себя, а был скромным, даже незаметным работником.

Насчет Чвэ Чхун Гука говорили, что он нежен, как невеста.

Однако О Чжун Хыб был еще скромнее. Он относился к тем людям, в каких трудно при всем желании сыскать недостатки.

В повседневной жизни он был таким тихим и скромным, но в революционной практике проявлял себя необычайно волевым. Это был такой мужчина, что напоминал тигра, когда, с решимостью взявшись за дело, смело рвался вперед – хоть в огонь, хоть в воду. Он привык не считаться ни с какими трудностями, любую работу во что бы то ни стало доводил до конца и до выполнения возложенного на него задания не знал ни сна, ни отдыха.

В О Чжун Хыбе было сильно чувство справедливости, всегда он готов был ее отстаивать и ни в коем случае не мирился с малейшим отступлением от нее. Именно благодаря этому качеству, я думаю, в нем ранее, чем у других, пробудилось классовое сознание.

Когда-то, говорят, семья О Чжун Хыба, занимавшаяся земледелием, из-за засухи попала в большую беду. Отец его, объясняя, в какое плачевное положение они попали, стал просить помещика принять во внимание такое обстоятельство хоть в этом году. Однако жадный и жестокий помещик не только не проявил сочувствия, но и, несправедливо приклеив ему ярлык вора, хотел ударить его тростью. Стоявший поблизости сын не вытерпел и цепом ударил помещика, размахивающего тростью. В то время ему было 14 или 15 лет, так что лишь из этого факта можно понять, насколько сильным было у него чувство справедливости уже с юных лет.

Человек с развитым чувством справедливости раньше других пробуждается в классовом отношении и так же быстро входит в революционное движение. Он вырастает в прекрасного борца-революционера, готового без колебаний бросаться в смертельные схватки, идя впереди отряда.

По словам старого О Тхэ Хи, О Чжун Хыб в детстве очень любил играть, подражая воинам Армии независимости. В селение, где он жил, частенько наезжал Ким Чва Чжин на своей сивой лошади. Так что там трудно было не поддаться влиянию Армии независимости. Коммунистическое влияние О Чжун Хыб получил от своего двоюродного брата О Чжун Хва. И значение

революции он понял с ранней поры. Объясняется это тем, что у него было сильное чувство ненависти и готовность сопротивляться захватчикам Родины.

Могу сказать: даже с сегодняшней точки зрения это был на редкость смелый, отважный командир.

Издревле известные военачальники, вырабатывая в себе воинские качества, придавали важное значение сочетанию знаний и нравственности с доблестью и отвагой. И они прилагали все свои усилия, чтобы выработать в себе все эти качества. А почему тигр скатывает своего детеныша с обрыва? Для того, чтобы привить ему смелость.

О Чжун Хыбу не пришлось учиться ни в военной школе, ни у наставника. В огне антияпонской борьбы он приобрел смелость и отвагу, которыми должен обладать революционер.

В 1939 году, накануне осеннего праздника *чхусок,* при налете на золотой прииск под Саньдаогоу в уезде Хэлун с ним произошел случай, какой редко бывает на поле брани.

Во время командования боем ему в лоб попала пуля, но удар, наверное, пришелся по касательной, и он остался жив. Было чудом, что он не погиб и даже не прекращал командовать боем.

Люди не поверили бы в то, что тонкий череп человека мог стать преградой для пули, хотя она и отклонилась в сторону. Но это был неопровержимый факт. Я тоже видел ту рану, которую перевязал его ординарец.

Когда товарищи сказали О Чжун Хыбу, что ему очень повезло – ему оказана большая благосклонность «бога», он ответил: «Шальная пуля япошек, может быть, пробьет лоб труса, но лоб коммуниста пробить не сможет».

Он продолжал командовать боем, несмотря на рану в голову, и тут он получил еще один «сюрприз». Через крепостную стену перелетела брошенная противником граната и упала у ног бойцов. В этот критический миг О Чжун Хыб, не раздумывая, схватил ее и стремительно бросил обратно через стену.

При виде перелетевшей обратно гранаты, только что бро-

шенной ими, у врагов душа ушла в пятки, и они разбежались куда глаза глядят. Не упустив этого момента, О Чжун Хыб призвал своих бойцов в атаку. Как видите, произошло еще одно чудо.

Граната является средством поражения на близком расстоянии, и она разрывается всего через 2-3 секунды с момента броска. Хватать гранату с горящим запалом, которая через секунду полыхнет взрывом, – дело исключительно рискованное. О Чжун Хыб пошел на этот риск без малейшего колебания.

По этим двум случаям вы, товарищи, наверное, сможете лучше понять натуру О Чжун Хыба, его свойства как человека.

Он был великолепным командиром, бои вел очень искусно. Его отличительными качествами как командира было прежде всего умение быстро оценить обстановку, мгновенно принять решение и затем тщательно организовать бой. Раз приняв решение, он, не мешкая, настойчиво продвигал дело. Вот что отличало его. Подобно тому, как умелый борец искусным приемом валит с ног сильного соперника, так и он при встрече с любым превосходящим по силе противником, безошибочно применяя соответствующую тактику, побеждал и уничтожал его. Короче говоря, он был испытанным воякой, не уступающим ни Чвэ Хену, ни Чвэ Чхун Гуку. Однако слава о нем гремела меньше, поскольку он постоянно действовал вместе со Ставкой Командования.

Участвуя в революции десятки лет, я до сих пор мало видел таких высокоорганизованных и образцово дисциплинированных людей, как О Чжун Хыб. Эти его качества как борца прежде всего выражались в духе беспрекословного, безоговорочного выполнения приказов и распоряжений начальства. Получая задание, он уверенно отвечал «Есть!», никогда не искал оправданий.

О Чжун Хыб исполнял все мои приказы и распоряжения беспрекословно и последовательно – не было опоздания ни на минуту, ни на секунду. Если я приказываю ему выполнить такое-то задание в таком-то месте, прибыть к такому-то времени на такой-то пункт связи, то он обязательно выполнял задание до конца, непременно прибывал в назначенный час. Если в ходе

выполнения задания возникали непредвиденные обстоятельства, он оставлял на месте небольшой отряд с поручением завершить исполнение полученной задачи, а сам же с основным отрядом любым способом возвращался в назначенный срок. В таких случаях он говорил бойцам: «Если мы не вернемся вовремя, то это обеспокоит товарища Командующего». В таком духе он воспитывал и вдохновлял их.

Командир полка О Чжун Хыб показывал пример и в управлении частью, и в воспитании бойцов. Он все делал так, как требовал я. В столь суровых обстоятельствах он управлял частью так и тщательно, как в регулярной армии. В 7-м полку, которым командовал он, не было таких бойцов, кто бы ходил в рваной обуви и рваных штанах. Если во время похода он обнаруживал разорванную одежду, то приказывал заштопать ее на перерыве. Он очень хорошо контролировал свою часть, и у его подчиненных не было ни одного происшествия.

Даже те слова, которые случайно срывались с моих уст, О Чжун Хыб воспринимал как требование или приказ Командующего.

Однажды, перед осенним праздником *чхусок* в 1939 году, я вместе с О Бэк Рёном прогуливался в тайном лагере Вукоуцзян. Тогда я как бы вскользь сказал: «Да, приближается праздник *чхусок...»*

Эти слова каким-то образом дошли до О Чжун Хыба.

Он умел как никто другой чутко воспринимать мои планы и желания. Он и тогда не пропустил то, что я сказал, а размышлял: «Почему товарищ Командующий сказал, что приближается праздник *чхусок?* Он, может быть, так сказал, беспокоясь о подготовке к празднику. Предполагает заранее, что новобранцы с приходом праздника *чхусок* будут тосковать по родному краю». Так рассуждал он по-своему. Через несколько дней он провел бой для подготовки к празднику *чхусок* и вернулся из боя с богатыми трофеями – зерном, другими продуктами. Среди них были даже круглые рисовые хлебцы со сладкой начинкой. Именно в праздник *чхусок* того года я по просьбе О Чжун Хыба рассказал бойцам 7-го полка и членам Ставки Командования о

происхождении этого хлебца.

О Чжун Хыб был настолько преданным мне человеком, что безошибочно – как в это ни трудно поверить – угадывал звуки сделанного мною выстрела. В дни Трудного похода однажды мы на некоторое время перешли от марша крупного отряда к рассредоточенным действиям. Расставаясь с О Чжун Хыбом, я тогда условился встретиться весной в ущелье Самсу. В то время корейцы так называли ущелье Шисаньдаогоу.

В начале марта 1939 года я организовал налет на одно поселение, расположенное в ущелье Самсу. О Чжун Хыб, как позже выяснилось, услышав тогда наши выстрелы, впереди бойцов помчался в нашу сторону. Он говорил: «Это стреляет товарищ Командующий. У Командования лишь одна рота. Может быть, его обнаружили и окружают враги. Товарищи! Надо грудью защитить Командование!»

О Чжун Хыб был предельно искренним человеком.

Расскажу об одном эпизоде того времени, когда он, занимавшийся подпольной деятельностью в местечке Юаньцзядянь уезда Ванцин, только что вступил в партизанский отряд.

В то время в Ванцинском партизанском отряде не хватало оружия. Было много вступивших, немало было и желающих вступить в ряды партизан. Но проблема упиралась в то, что не все могли получить оружие. Ну что ж, не имеющим винтовок пришлось, как было показано в художественном фильме «Пятеро братьев-партизан», ходить с мечами на поясе или с копьем на плече.

О Чжун Хыб тоже первое время ходил, заткнув за пояс откованный в кузнице меч.

В Ванцинском партизанском отряде бойцов без оружия всегда ставили в самом конце строя.

О Чжун Хыб каждый раз, когда наставала его очередь стоять на часах, выходил на пост, одолжив винтовку у других бойцов. Однако он ничуть не стеснялся этого. Несколько месяцев О Чжун Хыб так и ходил лишь с мечом, и некоторые товарищи при встрече с ним постоянно поддразнивали его.

Однажды я с серьезным видом спросил О Чжун Хыба: «То-

варищ Чжун Хыб! Ты всегда с мечом таскаешься позади других. Не досадно ли это тебе?» А он ответил: «Я и этот меч считаю большим достоянием. Как же всем дается оружие? Винтовка когда-нибудь появится и у меня, если будет бой».

Говорил он спокойно и с достоинством. Но наверняка у него кошки на душе скребли от того, что приходится тащиться сзади всех с мечом и самодельной ручной гранатой на поясе, когда другие ходят с винтовкой. Однако он не выказывал никакого смущения и невозмутимо ходил с мечом на поясе.

Мы организовали бой, чтобы раздобыть винтовки для тех партизан, которые ходили с пикой или мечом. Иного способа приобрести оружие у нас не было: надо было сражаться. Таким образом и был проведен налет на стройку железной дороги, ведущей из Тумыня через Саньчакоу в Муданьцзян.

В этом бою О Чжун Хыб захватил несколько винтовок и даже пистолет, который принадлежал вражескому офицеру.

Кому вручать захваченное в качестве трофеев оружие — это решалось на собрании при подведении итогов боя. Мы установили такой принцип: оружие в первую очередь вручать тем бойцам, которые проявили в бою отвагу и образцово соблюдали дисциплину.

На собрании для подведения боевых итогов налета на стройку железной дороги присутствовал и я. Именно на том собрании, наконец, О Чжун Хыб получил винтовку.

Впоследствии О Чжун Хыб круто поднимался по служебной лестнице, становясь последовательно командиром отделения, командиром взвода и командиром роты. Наконец, он возглавил полк. Можно сказать, он был образцом командира революционной армии.

Кроме того, у него было немало и других достоинств.

О Чжун Хыб слыл тихим человеком, но в повседневной жизни был веселым, настроенным оптимистически и общительным, обладал огромной тягой к учебе. Он не занимался пустой болтовней, всегда вел себя достойно, принимал любые критические замечания товарищей и искренне исправлял допущен-

ные ошибки. Он аккуратно и рачительно вел хозяйство своего отряда, как никто другой проявлял высокий дух опоры на собственные силы и самоотверженной борьбы с трудностями.

Не будет преувеличением, если скажу, что возмужание О Чжун Хыба как бойца КНРА было одновременно и возмужанием 7-го полка.

Предшественником 7-го полка был отдельный полк, сформированный из рот, набранных по одной в каждом из уездов Восточной Маньчжурии – Ванцин, Яньцзи, Хэлун и так далее.

От уезда Ванцин в отдельный полк была включена 7-я рота. Ванцинская 7-я рота была отделившейся от 1-й роты Ванцина, после включения в отдельный полк она стала 2-й ротой. В этой 2-й роте отдельного полка О Чжун Хыб служил в качестве молодежного работника.

В 1935 году отдельный полк стал 2-м полком отдельной 1-й дивизии, а затем, после совещания в Наньхутоу, при формировании главной дивизии КНРА стал 7-м полком этой дивизии, ее ведущим отрядом.

Всю эту историю 7-го полка, весь процесс таких перемен переживали О Чжун Хыб, О Бэк Рён и Кан Чжын Рён, они последовательно развивались вместе с ним и выросли соответственно в комполка, комроты и комвзвода.

7-й полк состоял в основном из корейцев. Подобно тому, как с ванцинской поры мы систематически воспитывали О Чжун Хыба, так же сосредоточивали внимание и силы на 7-м полку, руководили им больше других единиц, сделали его самым боевым и образцовым полком в новой дивизии. Мы прежде всего из хороших людей выбрали руководящих работников полка, включая комвзвода, политруков и комроты; с учетом перспективы на будущее надежно готовили их в идейно-политическом и военно-техническом отношении. Мы обучили командный состав полка всему, не говоря уж о всех наставлениях о партизанских боях. Обучали командиров способам остановки на привал, приготовления пищи, организации похода, определения на

местности, даже подготовке импровизированной сцены, составлению репертуара выступлений художественной самодеятельности и текстов для конферансье.

Ставка Командования КНРА и руководящие кадры дивизии приложили много усилий, чтобы сделать 7-й полк образцовым. Они часто направлялись в полк, где просвещали командиров в военно-политическом отношении и своевременно решали трудные вопросы. В ходе этого 7-й полк стал образцовым, стал и гордостью главных сил КНРА.

Многих из прошедших закалку в 7-м полку товарищей мы назначали командирами в другие подразделения. И Вэй Чжэнминь, когда обращался к нам с просьбой прислать ему военно-политические кадры, просил присылать как можно больше командиров из 7-го полка. Закаленные в 7-м полку командиры, прибыв в другие отряды, сами подготавливали там многих командиров и образцовых бойцов. Действительно, 7-й полк служил настоящей кузницей военно-политических кадров, выражаясь образно, был «рассадником лучших семян». И комендантская рота, которой командовал, точно не помню, Ли Дон Хак или Пак Су Ман, впоследствии стала образцовой. В той роте многие были выходцами из 7-го полка.

В революционной армии не было постоянных учебных заведений для подготовки военно-политических кадров. Поэтому мы систематически готовили их в 7-м полку и постоянно направляли в другие отряды. Таким образом удовлетворялись потребности в кадрах. Это еще один хороший опыт, приобретенный нами в дни антияпонской революции. Традиционный метод работы нашей партии, заключающийся в том, чтобы создать пример в одном звене и распространить его по всей стране, – исходит, как видите, из практики антияпонской революции.

Среди военно-политических кадров КНРА было очень много командиров, вышедших из 7-го полка. В их числе – О Чжун Хыб, Ким Чжу Хен, Ли Дон Хак, Ли Дон Гор, О Бэк Рён, Ким Тхэк Хван, Чвэ Иль Хен, О Иль Нам, Сон Тхэ Чхун, Кан Хын Сок, Кан

Чжын Рён. Среди политруков рот 7-го полка был человек по прозвищу «печальник». Кажется, его фамилия была Чвэ. Имени не могу вспомнить. Его прозывали так потому, что у него веки всегда казались влажными. Он хорошо воевал, а затем погиб вместе с Ким Сан Хо в бою в Сяотанхэ.

Чвэ Иль Хена намечали назначить командиром при организации Северокорейского антияпонского народного партизанского отряда. Комроты Ким Тхэк Хван тоже был толковым человеком.

Мне кажется, что при стальном командире и подчиненные становятся стальными. Комроты, как правило, берет пример с комполка, становится похож на него, комвзвода – с комроты, а бойцы стремятся походить на командира взвода или отделения. Люди невольно подражают своим командирам также в нравственности и характере. Одним словом можно сказать, что 7-й полк стал стальным полком вследствие того, что его бойцы и командиры стремились брать пример с О Чжун Хыба.

Командиры и бойцы других отрядов очень завидовали 7-му полку О Чжун Хыба.

В пору пребывания в Пэктусанской опорной базе комдив Цао Гоань из 1-го корпуса, пожив некоторое время вместе с нашей частью, попросил выбрать ему одного толкового бойца – хорошего пулеметчика. Цао Гоань позарился именно на прославленного комвзвода и пулеметчика из 7-го полка Кан Чжын Рёна. Он был мужем Пак Рок Гым.

Я спросил Кан Чжын Рёна, не желает ли он перевестись во 2-ю дивизию 1-го корпуса. Тот сразу же наотрез отказался. Вначале я подумал, что он так поступает, не желая расставаться с Пак Рок Гым. Но оказалось, что главное не в этом. Он сказал, что разлуку с женой он сможет вытерпеть, но не желает расставаться с Полководцем, к тому же ему жаль уходить из 7-го полка, которым командует О Чжун Хыб. Он полюбил О Чжун Хыба всем сердцем. О Чжун Хыб и Кан Чжын Рён были закадычными друзьями еще с ванцинской поры, а со времени создания ванцинской 1-й роты служили всегда вместе.

Когда О Бэк Рёну пришлось пойти пулеметчиком в 8-й полк, он тоже сначала отказывался уйти из 7-го полка, которым командовал О Чжун Хыб.

Уже из этих двух фактов можно понять, сколь высоким авторитетом среди бойцов пользовался О Чжун Хыб. Любовь к своему полку и сплоченность бойцов 7-го полка были поразительными.

Мы направляли в 7-й полк для закалки и тех, кто допустил ошибку или был слабо подготовлен в военно-политическом отношении.

В 1938 году в одном тайном лагере, расположенном под Синьтайцзы уезда Линьцзян, провинился один человек, ответственный за пулеметный взвод. Его практические способности оказались слабыми. Поэтому мы временно направили его в 4-ю роту 7-го полка.

Посылая к О Чжун Хыбу того командира пулеметного взвода, я сказал ему: «Если начальник не умеет быть ответственным за жизнь своих подчиненных, то он уже не достоин своей должности. Лишь тот, кто всеми фибрами души чувствует, что из-за него могут пострадать многие бойцы, достоин исполнять обязанности начальника. Так что тебе хорошо бы направиться в 7-й полк, чтобы побольше подучиться и закалиться».

Послужив некоторое время в 7-м полку, тот партизан при помощи О Чжун Хыба стал совсем другим человеком и смог вернуться на свою прежнюю должность.

Из всех частей КНРА 7-й полк был самым боеспособным. Поэтому Командование наиболее срочные, ответственные задания поручило обязательно ему. Эта часть была главной ударной силой КНРА.

Во время похода или на привале я всегда ставил в арьергард 7-й полк, обладавший большей боеспособностью и ответственностью за порученное дело. В партизанской жизни, сопряженной с постоянными преследованиями и неожиданными налетами со стороны врагов, арьергард имел очень важное значение.

Каждый раз, когда мы располагались на ночевку, всегда оставляли в арьергарде один отряд, обладающий высокой бое-

способностью, на расстоянии 300 – 500 метров от Командования в том направлении, откуда мы пришли. Иногда расстояние от Командования до арьергарда составляло почти 1 – 2 километра, и на этой дистанции мы с определенным интервалом расставляли еще часовых или наблюдателей.

По собственному опыту мы знали, что противник, нацеленный на карательные операции против Народно-революционной армии, почти не применял метод нападения с фронта и из засады. В большинстве случаев враги вели преследование сзади, ухватившись за хвост партизан. Вот поэтому-то мы и ставили в арьергард самый боеспособный отряд.

Так и весной 1939 года, выступив в район Мусана, на стоянке Чхонбон мы поставили в арьергард 7-й полк. Бойцы этого полка не могли даже развести ночью костер, чтобы их не обнаружил противник. Однако они не жаловались на трудности и усталость.

Уже давно я говорил, что в Народной Армии надо ставить в пример таких, как О Чжун Хыб. Смысл моего совета – учиться у О Чжун Хыба.

Товарищ Ким Чен Ир еще в начале 60-х годов подчеркивал, что Народная Армия должна следовать примеру 7-го полка.

Он с детства хорошо знал, каким командиром был О Чжун Хыб и что представлял собой 7-й полк.

Так чему же должны учиться у О Чжун Хыба и какой пример брать с 7-го полка руководящие работники, рядовые члены партии, воины Народной Армии?

Достоинства О Чжун Хыба можно характеризовать по разным признакам, но самым главным из них я считаю его беззаветную преданность революции.

В чем она выражалась? Ярче всего – в преданности своему Командующему.

О Чжун Хыб прежде всего был верен нашим идеям и линии. Наши идеи и линию, в частности, те, которые связаны с коммунистическим и национально-освободительным движением в Корее, он всегда воспринимал как справедливые и глубоко изучал их. В любое время, в любой ситуации он беспрекословно отстаивал

идеи своего Командующего, а с проявлениями, противоречащими этим идеям, он сражался яростно – буквально как тигр.

Идеи и военно-оперативные установки Командующего О Чжун Хыб считал законом, воспринимал их как наивысшее веление. На О Чжун Хыба не могли оказать никакого влияния разного рода неблагонадежные идейки. До такого человека подобные идейки попросту не доходят. Человек честный и чистый в идейном отношении не застрянет на помойке.

Комполка был идейно убежденным, и весь 7-й полк дышал одним воздухом со своим Командующим.

Преданность революции у О Чжун Хыба выражалась в духе беспрекословного исполнения приказов и распоряжений своего Командующего, в высокой ответственности при их исполнении. Если Командующий давал приказ или распоряжение, то О Чжун Хыб исполнял их безоговорочно и на наивысшем уровне, без малейших нарушений. Он ни в коем случае не сетовал и не выражал недовольства, какими бы трудными ни были приказы или распоряжения.

После выполнения задачи, поставленной Командующим, он обязательно докладывал о результатах и, не утаивая ничего, подробно сообщал о недостатках, проявившихся при исполнении приказа или распоряжения.

В отношении О Чжун Хыба к приказам и распоряжениям Командующего есть еще один хороший аспект, чему должны следовать наши работники. После выполнения одного задания он тут же просил еще поручить ему новое. О Чжун Хыб не любил кружиться на одном месте. Выполнив одно дело, он обязательно брался за другую работу. Если выражаться по-современному, то это был человек, стремящийся к непрерывному прогрессу и постоянному продвижению вперед. То, что 7-й полк по сравнению с другими полками преодолевал особенно много испытаний, связано, таким образом, и с тем обстоятельством, что комполка О Чжун Хыб имел большое рвение к работе.

О Чжун Хыб был военным командиром особого склада: он

больше радовался трудному заданию, нежели получая легкое поручение.

Преданность О Чжун Хыба революции, его верность своему Командующему выражалась и в готовности не только идейно-политически, но и грудью защищать Командующего, не страшась смерти. Ради безопасности Командующего О Чжун Хыб вместе со своим полком превращался как бы в живой снаряд, не отклонялся от любых жестоких боев.

Когда-то я вместе с ротой Ли Ду Су вел на Хунтоушане неравный бой с сотнями солдат противника, а О Чжун Хыб выполнял боевое задание вдали от меня. В то время он сказал бойцам: «Меня беспокоит опасность, грозящая товарищу Командующему», и совершил молниеносный налет на стан противника. И как только тыл противника подвергся налету, оставшиеся в живых враги вынуждены были отступить, выйти из поля боя. Тогда он очень помог мне.

И во время боя под Маньцзяном меня, командовавшего отходом отряда, самоотверженно охраняли именно О Чжун Хыб и бойцы 7-го полка. Так было и в бою на Даньтоушане. Когда Ставка стала отходить, в ее хвост вцепились сотни врагов. Нас защищал отходящий в арьергарде 7-й полк.

Необыкновенная преданность О Чжун Хыба своему Командующему концентрированно проявилась в дни Трудного похода. В первые дни похода О Чжун Хыб, применяя тактику действия зигзагами, около 15 дней вел в арьергарде смертельные схватки, защищая Командование.

В ходе Трудного похода мы под Цидаогоу пришли к выводу, что действовать крупными отрядами нам невыгодно, и перешли от коллективных действий к рассредоточенным. Об этом я упоминал, пользуясь многими случаями. Расставшийся тогда с нами О Чжун Хыб добровольно замаскировался под Командование и более двух месяцев отвлекал на себя врагов, таская их за собой по крутым горным цепям Лунганшаньского и Чанбайского хребтов. За это время 7-му полку пришлось изрядно

помучиться. Но зато Командование могло на некоторое время избавиться от вражеских преследований.

При расставании с нами под Цидаогоу в полку О Чжун Хыба не было провианта – ни зернышка. Чтобы достать продовольствие, не следовало идти в удалении от населенных пунктов. Несмотря на это, О Чжун Хыб проложил маршрут своего отряда так: Цзяюйхэ, горная цепь Сыдэнфан, западная часть горы Хунтоушань, северная часть Шуанчатоу и, наконец, Дэшуйгоу. Этот маршрут проходил по не отмеченной на карте «белой зоне», в почти безлюдной местности. Если и было там что-либо, то лишь вроде хижины заготовителей древесного угля. Ступишь раз в эту местность – попадаешь в лабиринт, откуда трудно выбраться живым.

Однако О Чжун Хыб готов был претерпевать голод и нарочно выбрал такой трудный маршрут, чтобы отвлечь на себя врагов, наседавших на Командование.

Вначале они питались говядиной или кониной, добытой при налете на лесоразработки, но, углубляясь в глушь лесов, уже не могли нигде достать продуктов. Говорят, что съедобным там был только снег.

Однажды О Чжун Хыб узнал, что враги больше уже не преследуют его полк, и обратился к бойцам:

– Не знаю, враги, может быть, догадались, что мы не Ставка. Коль так, то все наши усилия оказываются бессмысленными. Во что бы то ни стало надо возвратиться назад и снова принять на свой хвост противника. Следуйте за мной!

С маузером в руках он вернулся назад по пути в десятки *ли,* который только что был пройден с громадными трудностями, и напал на стоянку врага. Таким образом он добился своей цели: вновь повел за собой севшего на хвост отряда и снова увлекшегося преследованием врага.

После этого 7-й полк, когда враг не успевал преследовать его, снова возвращался назад и доставлял новую тревогу противнику. Взбудораженный враг вновь послушно следовал за полком, как бычок на веревочке.

Когда полностью кончился провиант, полк все равно про-

должал поход. Бойцы утоляли голод отваром воловьей кожи, брошенной японскими солдатами. Новогодний праздник по лунному календарю О Чжун Хыб и его бойцы справили в том году мороженой картошкой. Несмотря на это, комполка, говорят, беспокоился о нас: «Мы в этом лесу кушаем хоть такое, но чем же питается сейчас Командование?»

Во время марша он говорил страдающим от голода и выбивающимся из сил бойцам: «Мы уже 10 лет каждый день испытываем страдания. Но, как говорится, после горя обязательно настанет радость. Представьте себе то время, когда мы, разгромив японских империалистов, вернемся на освобожденную Родину. Какое может быть более плодотворное, более славное дело для тех, кто родился корейцем! Нельзя забывать, что этот суровый поход сегодня – шаг к освобожденной Родине. Так сказал Командующий Ким Ир Сен. Давайте же все вперед – за наше Командование!»

Таким человеком был О Чжун Хыб. Он воевал, я бы сказал, с мощным пламенем в сердце. Что это за пламя? Это была страсть к революции. А ядром этой страсти была именно преданность своему Командующему.

Еще раз повторяю вот что: свойственная 7-му полку характерная черта – все его бойцы, все командиры в любое время, в любых сложных обстоятельствах как один думали прежде всего о безопасности Командования. Всю жизнь, все действия 7-го полка отличала та боевая атмосфера, когда бойцы дорожили, как своей жизнью, приказами и распоряжениями Командующего, выполняли их на наивысшем уровне, как никто другой умели чутко предугадывать волю и планы Командования, а поняв их суть, первыми вплотную брались за выполнение порученного им задания до конца, превращаясь как бы в снаряды, неумолимо стремящиеся к цели.

Прикрыв меня своим телом от вражеской пули, погиб Ли Гвон Хэн. Он тоже был выходцем из 7-го полка. О Иль Нам, Сон Тхэ Чхун и Ким Хек Чхор, отдавшие свои жизни при выполнении

приказов и распоряжений Командования, тоже были выходцами из 7-го полка.

И О Чжун Хыб, и Чвэ Иль Хен, и Кан Хын Сок все отдали делу защиты Командования и, к сожалению, погибли в бою в Люкэсуне. Вот почему, когда я вспоминаю об этом бое, у меня становится тяжело на душе. Разумеется, сам бой мы закончили тогда великолепно. Однако в нем мы потеряли троих дорогих командиров.

В тот день в 10 часов вечера О Чжун Хыб, ведя за собой 7-й полк и подразделение Хван Чжон Хэ, впереди других ворвался во вражескую казарму в Люкэсуне. Они в том бою были главными атакующими силами. Почему-то я в тот день не мог, как обычно, сказать О Чжун Хыбу, чтобы он берег себя. Конечно, он был не таков, чтобы мои слова заставили его прятаться от пуль. Чем суровей и трудней была обстановка, тем тверже он как командир шел впереди бойцов.

Выслав 7-й полк и подразделение Хван Чжон Хэ, я тотчас же двинул следом 8-й полк. 8-й полк получил задание провести политическую работу среди рабочих лесоразработок и наряду с этим, открыв военные склады противника, захватить продовольствие и военные припасы.

О Чжун Хыб во главе группы штурмовиков незаметно проник через деревянную ограду и, разрезав колючую проволоку, бросил бойцам клич: «В атаку!» 7-й полк, не дав противнику опомниться, молниеносно занял форты и казармы. Ошалевший от неожиданного натиска противник укрывался в потайных подземных ходах, выкопанных под казармами, но О Чжун Хыб приказал немедленно поджечь входы в подземелье. Заклубился дым, и враги не выдержали, стали выползать наружу.

Победа наших бойцов становилась все очевидней. Но тут партизаны получили неожиданный удар. Укрывшиеся в подземелье враги нанесли тяжелое ранение комполка О Чжун Хыбу, командовавшему поисковой операцией. Был ранен и ординарец Ким Чхоль Ман. Из-за бешеного сопротивления недобитого противника погибли талантливые командиры 7-го полка Чвэ Иль

Хен и Кан Хын Сок. К большому огорчению, рана О Чжун Хыба также оказалась смертельной. Вот так ушел от нас огненный человек, не щадивший собственной жизни во имя революции, доблестно прошедший ее суровый путь.

В дни антияпонской вооруженной борьбы я постоянно серьезно внушал нашим товарищам, что в каждом бою нужно быть особенно внимательными на последней, заключительной стадии, потому что несчастные случаи часто бывали в последней фазе боя. И в бою в Люкэсуне мы в заключительные последние пять его минут потеряли троих дорогих боевых соратников.

Кажется, тогда О Чжун Хыб уже немного витал в романтических облаках. Исход боя был предрешен в нашу пользу, да и враги, задыхавшиеся от дыма горящей ваты, стали выбираться из подземелья с поднятыми вверх руками. Так что его, по-видимому, подвела поспешная самоуспокоенность.

Вообще-то О Чжун Хыб никогда не ошибался. Он не только жил чисто, но и воевал красиво. И бдительность у него была выше, чем у других командиров. Мне так и осталось непонятно, почему он в тот день не додумался, что прямо под ногами могут оставаться еще не сдавшиеся враги. С самого начала разведчики не смогли подробно разведать данные о внутреннем устройстве вражеских казарм. И это было очень обидно: если бы хорошо разведали, то не произошло бы такого несчастного случая. Когда раненый Ким Чхоль Ман появился передо мной и, горько рыдая, передал мне трагическую весть о гибели О Чжун Хыба, я не поверил своим ушам.

Но когда это подтвердилось, то я был вне себя от горя и ярости и, крича: «Где убийца О Чжун Хыба, не прощу убивших его!», побежал в сторону вражеской казармы.

Я при любых муках привык сдерживать себя перед бойцами, но в тот день, действительно, тормоза у меня отказали. Ведь это был столь любимый нами О Чжун Хыб! И поныне при воспоминании об этой утрате у меня дрожит сердце. В тот день мы уничтожили много врагов и захватили множество трофеев, но

мне все было немило. Наверное, никогда наши бойцы не испытывали такую гнетущую боль в душе, как в то время.

Когда был отдан приказ об отходе, наши товарищи покинули Люкэсун, унося на плечах тела погибших соратников. Сотни бойцов шагали, роняя горькие слезы, не слышно было их голосов.

Мы с огромной печалью провели траурную церемонию. Я выступил перед бойцами, чтобы произнести надгробное слово, но меня душили слезы, и я не смог как следует говорить. Как в прошлом, так и поныне я никогда не ронял слез перед трудностями, но при печали плакал горше других.

Бой в Люкэсуне имел большое значение. Он привел в хаос 2-ю стадию карательной операции противника, а наша армия приобрела возможность победно завершить первый этап обходного маневра крупными отрядами. В то время, когда противник сосредоточил значительные силы в бассейне реки Туман, на северо-востоке от горы Пэкту, мы произвели громкие выстрелы в захолустье Дуньхуа. Это ввергло врага в панику.

В Люкэсуне необычайно храбро сражался, конечно, 7-й полк как опора главных сил КНРА. 7-й полк достоин называться «стальным отрядом», не имеющим себе равных. Полк был готов сражаться «один против ста» в схватках с врагом. Заслуга при этом, надо отметить, принадлежит всецело его командиру О Чжун Хыбу. 7-й полк стал столь мощной боевой силой потому, что О Чжун Хыб был преданным человеком и талантливым военачальником.

Подобно тому, что я не могу забыть Ким Хека и Чха Гван Су, так же не могу забыть и О Чжун Хыба. О Чжун Хыб был для меня не только соратником по революции, боевым товарищем, но и спасителем моей жизни.

Полк О Чжун Хыба был, образно говоря, пуленепробиваемой стеной, неприступной крепостью, надежно защищавшей Командование КНРА от беспрерывных атак и провокаций врага.

После его гибели мы еще больше дорожили бойцами, любили их. Мы воспитывали их так, чтобы каждый из них при вступлении в бой, максимально расширив свой обзор, заблаговременно думал о

возможных потерях и вел себя обдуманно, серьезно. Однако потерю О Чжун Хыба нельзя было возместить ничем.

Люди часто говорят, что прекрасным революционером его вырастили мы. Но не следует только этим ограничиваться.

На примере О Чжун Хыба нам необходимо глубоко подумать о воспитании всех членов семьи в революционном духе.

В прошлом по всему Цзяньдао, включая и Ванцин, слыла наиболее патриотической, революционной семьей именно семья О Тхэ Хи. Из его рода почти все люди приняли участие в революции против японских империалистов. Из них около 20 человек погибло, действуя подпольщиками или бойцами Народно-революционной армии. Вполне можно понять, сколь глубоки в этой семье чувства патриотизма и преданности Родине.

Я думаю, что главная причина того, что О Чжун Хыб мог быть таким стойким и решительным революционным борцом, кроется в том, что он с ранней поры получил от взрослых в своей семье хорошее воспитание.

В основе того, что многие молодые люди из рода О выросли прекрасными революционерами, лежат титанические усилия четверых братьев старшего поколения – О Тхэ Хи, О Сон Хи, О Чхан Хи и О Чжон Хи, которые направили детей по правильному жизненному пути.

В роду О воспитанию детей придавали важнейшее значение. В этом роду хорошо вели моральное воспитание. Именно оно и стало прочной основой для патриотического, антияпонского и революционного воспитания. Члены семейств рода О жили трудно, но придавали большое значение образованию детей, прилагали особые усилия, чтобы их дети могли учиться в школе.

В роду О насчитывалось более десяти выпускников средней школы, и все они вступили не на путь карьеры, чиновничества, а на путь революции. В этом большую роль сыграл О Чжун Хва.

Он старательно вел воспитание членов своей семьи в революционном духе. Уже в то время, когда мы, закончив походы в Южную и Северную Маньчжурию, пришли в Ванцин, вся

молодежь, все мужчины и женщины этого рода включились в работу революционных организаций.

Семья О Чжун Хыба была самой бедной в роду О. И самой быстрой была революционная закалка ее членов. О Чжун Хыб сначала закалил по-революционному самого себя, затем – своих младших братьев, а под конец – и всю семью.

О Чжун Хыб и двое его братьев погибли, будучи военно-политическими работниками полка или батальона.

Летом 1941 года я действовал вместе с небольшим отрядом в районе Лоцзыгоу и имел связи с О Чхан Хи – отцом О Чжун Хыба, с Пак Док Симом – отцом Пак Киль Сона. К тому времени семья О жила в Лоцзыгоу. Дом семьи О просматривался в бинокль с горы – хорошо было видно, как члены этой семьи проходят через калитку, неся на *чиге* за спиной полную вязанку дров. Люди из семьи О и после переселения в Лоцзыгоу жили так, как и подобает семье воина революционной армии.

Я в то время через Ким Ира образовал подпольную организацию из проживающих в районе Лоцзыгоу семей бойцов революционной армии во главе со старыми О Чхан Хи и Пак Док Симом.

В период действия небольшими группами мы, выступив на северо-восток от горы Пэкту, получили большую помощь от старого О Чхан Хи. При его содействии мы переправились в район Кенвона (Сэппер) и создали там революционные организации.

Таким образом, род О – поистине революционный, достойный описания в исторических книгах.

Я и сейчас порою думаю: как хорошо, если бы был жив О Чжун Хыб! Если бы он был жив, то в нашей стране родилось бы огромное множество 7-х полков!

Сейчас товарищ Ким Чен Ир руководит движением в Народной Армии под девизом: «Учиться у О Чжун Хыба!» Это очень похвальное дело.

В прошлом рядом со мной было много верных людей, таких, как О Чжун Хыб. Надо растить больше верных людей, подобных О Чжун Хыбу, и ставить их рядом с товарищем Ким Чен Иром.

Товарищ Ким Чен Ир – будущее Кореи, судьба корейской революции. Чтобы навеки процветала наша Родина, чтобы победоносно продвигался вперед социализм нашей страны, товарищ Ким Чен Ир должен быть здоровым, вся партия и вся армия должны верно поддерживать его руководство. Все наши работники должны быть готовыми из поколения в поколение твердо продолжать до победного конца дело корейской революции, начатое в тайге Пэкту, горячо поддерживая товарища Ким Чен Ира как мозг революции, беспрерывно добиваться блестящих успехов на всех фронтах социалистического строительства, грудью защищать Верховную Ставку корейской революции – ЦК партии и товарища Ким Чен Ира, подобно тому, как полк О Чжун Хыба защищал свое Командование.

5. Уроженец провинции Пхеньан

Жизненный путь уважаемого вождя товарища Ким Ир Сена насыщен огромным количеством необычайных событий, встреч и разлук. За встречами следовали расставания и новые свидания. Порой первая встреча оказывалась и последней. Были случаи, когда встреча назначалась, но ей препятствовали непреодолимые обстоятельства, а затем о человеке вдруг ни слуху ни духу, и лишь значительно позже, после его смерти, отыскивались его следы, — и это вызывало у вождя острую боль в душе.

В октябре 1993 года родной вождь, рассказывая исследователям истории антияпонской революционной борьбы об обходном маневре крупными отрядами, вспомнил об уроженце провинции Пхеньан, с которым случайно повстречался в Люкэсуне. Тогда же товарищ Ким Ир Сен поведал, что намерен рассказать о нем в отдельном разделе 7-го тома (1-я часть «Антияпонская революция») своих мемуаров «В водовороте века», подчеркнув, что на пути его революционной деятельности происходило много таких знакомств, которые были связаны с необычными, запоминающимися событиями.

Коль зашла речь об этом, расскажу вам об уроженце провинции Пхеньан, с которым я встретился в Люкэсуне.

Это случилось в тот день, когда после траурной церемонии по случаю гибели О Чжун Хыба мы направлялись к месту нашей временной стоянки. Ко мне подошел ординарец и доложил, что какой-то незнакомый человек неотступно следует за нашим отрядом от самого Люкэсуна и докучает ему просьбой помочь встретиться со мной.

В дни антияпонской вооруженной борьбы не было такого случая, чтобы я не принял тех, кто пришел повидаться со мной, и заставил их вернуться домой ни с чем. Как бы ни был занят, я всегда выкраивал время для этого. Встречи с жителями районов, находящихся под вражеским контролем, или с гостями с Родины были своего рода отдушиной в нашей жизни, перенасыщенной суровыми партизанскими буднями, боевыми делами.

Но в ту ночь у меня не было охоты встречаться с кем бы то ни

было. Все было мне немило. Все заслонила собой скорбь об О Чжун Хыбе, убитом в бою в Люкэсуне. Усугублялось это и тем, что кроме него, мы потеряли Чвэ Иль Хена и Кан Хын Сока. Не хотелось ни есть, ни разговаривать. Гибель О Чжун Хыба была для меня равнозначна потере правой руки. Я испытал громадный душевный удар. Ординарцу я сказал: «Сегодня ночью я не могу ни с кем встречаться. Передай гостю мои извинения и скажи, чтобы возвращался домой».

Ординарец, не скрывая растерянности, сказал мне: «Я уже не раз просил извинения. Но гость не слушается, говорит, что он хорошо знаком с Полководцем Ким Ир Сеном. И хочет хоть на минутку повидаться с вами, хотя бы поздороваться. Таковы его слова».

Все это мне показалось странным. Ведь в Люкэсуне у меня не было знакомых. Эта местность для нас в новинку, здесь мы оказались впервые.

И я все-таки пошел туда, куда провел меня ординарец. Передо мной – мужчина среднего возраста с вещмешком за плечами. Почему он сказал, что мы хорошо знакомы? Никак не припомню, где бы мы могли встречаться. А он, увидев меня, сразу без стеснения взял меня за руку и произнес: «Это я, хозяин дома из провинции Пхеньан».

Слова «дом из провинции Пхеньан» помогли мне тут же воскресить в памяти, кто это такой.

Точно не помню, в каком году это было. Однажды мы с отрядом совершали поход через тайгу. В глухом ущелье мы наткнулись на догорающую избу. Огонь почти совсем погас, а на пепелище горько рыдал мужчина среднего возраста. На его спине был мальчонка.

Я как мог успокаивал хозяина дома, а затем спросил, что здесь произошло.

Он сказал: «Несколько часов назад я с топором за поясом пошел в лес по дрова. А покуда ходил, ворвались сюда японские каратели. Сожгли дом, расстреляли мою жену и детей. А этот малыш, что на моей спине, просто чудом спасся. Он, к счастью, пошел в лес искать меня».

Его рассказ поднял в моей душе волну гнева. Я никак не мог успокоиться – решил за него отомстить врагам. Спросил его, сколько было врагов и когда они ушли. В ответ услышал – их было около сорока, ушли примерно полчаса назад.

Я обратился к бойцам: «Смотрите, какие варвары эти япошки! Эту семью, ни в чем не повинную, постигла такая трагедия! Что нам делать, товарищи?» Бойцы сразу предложили настигнуть убийц, не дать им уйти живыми. Каждый просил именно его послать в погоню.

Я отобрал около 50 лихих ребят и организовал ударный отряд, который преследовал карателей и полностью разгромил их в момент, когда они готовились к ночевке.

Уходя с пожарища, я дал хозяину 50 *юаней* и сказал: «Вижу ваше тяжелое положение, хочу помочь построить вам новый дом. Но, к сожалению, у меня это все, что могу предложить вам. Возьмите эти деньги, уходите в другое место и там устройте себе жизнь. В будущем, когда страна станет независимой, еще раз повстречаемся».

50 *юаней* – в те времена это были немалые деньги. На них можно было купить тяглового вола. Тогда один *маль* чумизы стоил примерно 30 *цзяо*.

Хозяин дома говорит: «Я прежде жил в провинции Пхеньан. Слыхал, что в Западном Цзяньдао людям живется хорошо, и перебрался сюда. А вот видите, какая приключилась беда! Никогда не забуду вашей милости, даже если обращусь в прах. Расставаясь с вами, хочу узнать хотя бы вашу фамилию и имя». Он так настойчиво просил, что наши товарищи сказали ему мое имя.

Узнав, что несчастный жил в провинции Пхеньан, я уже испытывал чувство близости и сочувствия к нему. Раз он уроженец провинции Пхеньан – значит, вроде бы мой земляк.

Если приглядеться к корейцам, проживавшим тогда в Маньчжурии, то среди них было немало уроженцев провинции Пхеньан. И большинство их жило в Южной Маньчжурии. В Цзяньдао же их было мало.

Однажды в Западном Цзяньдао я зашел в дом, где жили пе-

реселенцы из провинции Пхеньан. Меня угощали солеными мизидами. И я спросил хозяина дома, откуда у него эти мизиды на земле Маньчжурии. В ответ услышал: «Сноха сходила в родительский дом и принесла». Тогда я ел вареную молодую кукурузу, сдабривая ее солеными мизидами. Было очень вкусно. Мое детство прошло в западном районе Кореи, и я особенно любил соленые мизиды и креветки.

Увидев случившуюся почти у меня на глазах беду пхеньанца, потерявшего в одночасье трех членов семьи, я продолжал испытывать неутихающий гнев. Хотя перед уходом дал ему немного денег, чтобы он устроил себе жизнь, но все же у меня на душе было тяжело. Видя горе и страдания этого человека, нелегко было его покинуть. Меня беспокоила мысль: «Как ему теперь жить без жены, с малышом?»

Жаль было, но расстаться нам пришлось. Но, как говорится, мир тесен. Я никак не мог предположить, что здесь, в глуши Дуньхуа, снова придется увидеться с пхеньанцем, с которым случайно встретился и тут же расстался в безымянном горном ущелье.

Если бы не гибель О Чжун Хыба, то я бы очень обрадовался встрече. Но, потеряв боевых друзей, я переживал столь большое горе, что не мог радоваться свиданию даже с хорошим гостем.

С трудом сдерживая печаль, я лишь спросил: «Какими судьбами здесь, в Люкэсуне? Зачем вы захотели в такую глубокую ночь встретиться со мной?»

Пхеньанец сказал, что после того, как мы с ним расстались, он со сынишкой перебрался в Люкэсун, здесь нашел работу, женился и кое-как живет. «Благодаря вам, Полководец, – продолжал он, – я и мой сын спасены. Если бы не было у меня тех денег, 50 *юаней,* то мы с сынком наверняка стали бы нищими или умерли бы с голоду. Работаю я на лесоразработках, достал один *малъ* очищенного риса и с нетерпением ждал дня встречи с вами, Полководец. Молил бога, чтобы вы, Полководец, пришли в этот край».

Это был человек, который дорожил чувством долга и не забывал об оказанной ему помощи.

В этом одном *мале* белого риса я увидел горячую любовь народа к нашей революционной армии, увидел его искренность, глубокое чувство долга. Вместе с тем во мне окрепла решимость вынести все горе, снова набраться сил и подняться, чтобы сторицею воздать, тысячу раз отомстить врагам за беды моего народа.

В ту ночь я не имел возможности долго беседовать с ним. Мы торопились в путь, да и он, как сам сказал, тоже не мог долго задерживаться. Он ушел со слезами на глазах, и я с тяжестью на сердце проводил его.

После этого до освобождения Родины я ни разу не слыхал о том пхеньанце. Однако вскоре после освобождения страны мне довелось в Синичжу снова повидаться с ним.

Это произошло во время дебоша учащихся в Синичжу, значит, в ноябре 1945 года. Инцидент начался в Тонской средней школе. Школьники, подстрекаемые реакционерами, совершили налет на здание провинциального комитета партии. Трудно было предугадать, какой оборот примет в дальнейшем это происшествие, если своевременно не поправить положение. Говорили, что туда должен поехать Ким Ир Сен – только он, мол, сможет уладить дело. И я полетел в Синичжу на самолете.

В Тонской средней школе в общем-то было много патриотически настроенных школьников. Пастор Хон Дон Гын, кажется, в свое время тоже учился в ней. Еще до освобождения страны учащиеся этой школы подверглись значительному влиянию националистических идей. Им усердно прививали антикоммунистические взгляды, рассказывая о черных делишках лжекоммунистов. И они, вспыхнув, как порох, совершили безрассудное бесчинство, ворвавшись в здание провинциального комитета партии.

В Синичжу я выступил с речью перед учащимися и жителями города, собравшимися на площадке Тонской средней школы. Выслушав меня, учащиеся стали понимать, что они оказались игрушкой в руках реакционеров, что те их толкнули на безрассудство и что их выступление против Компартии наносит только ущерб как строительству нового государства, так и

сплочению нации. После этого они больше не участвовали в подобных затеях.

Когда я, закончив речь, собирался вернуться в дом, где остановился, совершенно неожиданно ко мне подошел тот самый «хозяин дома из провинции Пхеньан», с которым я расстался в Люкэсуне. Он тоже, по его словам, принимал участие в митинге. На глазах многих людей мы горячо обняли друг друга, как старые друзья. Я представил его сопровождавшим меня руководящим работникам, сказал, что это тот самый человек, с которым я встретился после боя в Люкэсуне. Я рассказал им, как состоялось наше знакомство.

Когда делаешь доброе дело – приобретаешь хорошего друга, а если расстанешься с ним – как правило, снова встретишься.

Среди крылатых выражений мудрецов древних времен есть такие: «Друзья с тремя пользами» и «Друзья с тремя ущербами».

Под «Друзьями с тремя пользами» имеются в виду те друзья, общаясь с которыми ты получишь три пользы, помогающие в жизни. Иными словами, речь идет о честных, надежных, эрудированных людях, с которыми можно дружить с пользой для себя.

«Друзья с тремя ущербами» – это такие друзья, общаясь с которыми ты ничего не получишь, кроме ущерба. Каковы они? Это человек пристрастный и привередливый; человек доброй души, но без собственных убеждений; человек, увлекающийся фразерством и не умеющий сдержать свое слово. Вот с ними общаться не рекомендуется.

Так говорили мудрецы старых времен. Конечно, нельзя все это возводить в абсолют. Однако, я думаю, мудрецы сравнительно точно определили, общение с каким другом приносит пользу, а с каким – ущерб.

Не знаю, насколько разумно рассуждать о человеке, с которым состоялась лишь короткая встреча в разгар похода, с точки зрения этих категорий – «Друзья с тремя пользами» и «Друзья с тремя ущербами». Однако я уверен, что «хозяин дома из провинции Пхеньан», несомненно, был хорошим, надежным

человеком. Такой человек приносит другим пользу, а не вред. В том, что он человек честный и надежный, вполне можно было убедиться хотя бы по одному факту – услышав о нашем прибытии в Люкэсун, он сам пришел к нам с рисом на спине. Не знаю, какое у него образование. Да и вряд ли мог быть широк кругозор у человека, долго проживавшего в горной глухомани.

И все-таки я думаю, что он был несомненно хорошим другом, который может принадлежать к категории «Друзья с тремя пользами». Те, кто дорожит чувством долга, кто не забывает помощь других, оказанную даже мимоходом, кто умеет отвечать на добро добром, – все они хорошие люди.

Я сказал ему: «Теперь страна освобождена. Мы можем свободно встречаться. В любое время приходите ко мне, как к старому другу». Как ни странно, и в тот день мы были вынуждены снова расстаться, едва увидевшись. Я был занят делами, а он не хотел отнимать у меня времени. Я трижды встречался с ним, но все свидания протекали в необычных обстоятельствах, и потому, встречаясь, мы тут же поспешно расходились. Поэтому я не успел даже узнать, как его зовут и где его родной край.

Что касается конца 1945 года, то это было время, когда все люди были полны волнений и радости по случаю освобождения страны и сновали туда-сюда, будучи заняты множеством новых дел. Я тоже был очень занят заботами о строительстве государства. И у меня не было возможности неторопливо и в непринужденной атмосфере побеседовать с этим человеком из провинции Пхеньан, первое знакомство с которым произошло при необыкновенной ситуации. Воспоминая об этом, я испытываю чувство сожаления.

Если бы сейчас был жив тот ребенок, который пребывал на спине отца, когда тот плакал, лишившись по вине карателей жены, детей и жилья, то ему уже перевалило бы за 60 лет. Как хорошо бы узнать хотя бы его имя!

Не знаю, почему тот уроженец провинции Пхеньан ни разу не явился ко мне после встречи в Синичжу. Во время войны

вследствие бомбежек американской авиации в городе Синичжу было много убитых и раненых. Если он в ту пору оставался в городе, то мог и погибнуть под бомбами.

Сколько людей предъявили материалы с воспоминаниями, связанными с боем в Люкэсуне? Нет ли среди них такого человека, который мог бы оказаться тем уроженцем провинции Пхеньан? Жаль, что до войны мне не довелось повидаться с ним.

Не знаю, до какого года он жил. Но я уверен, что в своей жизни он сделал немало полезного на благо страны.

Как уже я говорил, встречи с людьми для меня безграничная радость – радость быть с народом. За свою 80-летнюю жизнь я встречался со множеством людей. Вспоминая тех, с кем я общался в молодые годы, рисовать их облик мысленно – это поистине приятное дело.

И сейчас мне очень жаль, что не удалось повидаться со всеми людьми, с которыми хотелось бы. Самое досадное для меня то, что я не повидался с теми благодетелями, которые помогали мне и поддерживали меня в самое трудное для меня время, и я даже не всегда знаю, живы они или нет.

И когда я думаю о тех, с кем не удалось встретиться, хотя это и обещали друг другу, у меня и сейчас тяжело на сердце. Среди таких людей и крестьянин по имени Ким Чхи Бом.

Еще до освобождения страны он занимался земледелием в окрестностях города Сеула. В августе 1950 года он приехал в Пхеньян в составе народной туристской группы, состоящей из рабочих, крестьян, молодежи и деятелей культуры Сеула и провинции Кенги. 15 августа, в день пятой годовщины освобождения страны, я принял всех членов этой группы в здании Кабинета Министров. Их было более ста человек. А в ходе беседы с ними я узнал, что один из туристов во встрече не участвовал, потому что во время бомбежки от группы отстал. Это и был крестьянин по имени Ким Чхи Бом.

Я спрашивал туристов, кто он такой. Они ответили, что он патриот и что еще с 1943 года был связан с подпольщиками

КНРА, проникшими в район Сеула, оказывал им материальную и моральную поддержку. По их словам, и после освобождения страны он и все члены его семьи участвовали в борьбе за спасение Родины. Его сын боролся против лисынмановского режима, за что приговорен к смертной казни.

Их рассказ вызвал у меня большое желание встретиться с этим человеком. И туристы тоже выражали большое сожаление по поводу того, что он не присутствовал на приеме у меня.

Я несколько раз продлевал время приема, терпеливо ожидая его прихода.

Однако он так и не появился.

А где же он тогда был? Как выяснилось позже, бродил туда-сюда в поисках группы и вдруг увидел раненого ребенка в здании какого-то детского сада, разрушенном бомбежкой. Он взял раненого и принес его на руках в больницу. Поэтому так и задержался. Выслушав эту историю, я решил обязательно повидаться с ним, как бы ни был занят делами. Наверное, он был огорчен тем, что не побывал на приеме у меня. От этой думы мне даже не спалось.

Мне доложили, что на следующий день туристы посетят Мангендэ. И я решил поехать туда, специально выкроив для этого время. Хотелось вместе с моим дедом повидаться с тем крестьянином. Казалось, что и мой дед, землепашец, на встрече с этим крестьянином хорошо поймет его – ведь оба труженики полей.

Утром следующего дня я отправился в Мангендэ, взяв с собой подарок для крестьянина.

Отложив все дела, мы вместе с моим дедом ждали в родном доме Ким Чхи Бома. Но и в тот день гость с Юга в назначенное время не явился.

Я был вынужден вернуться в Кабинет Министров, попросив деда за меня принять гостя.

Мне сказали, что в то утро крестьянин не мог вовремя прибыть, так как группа туристов, как назло, попала под бомбежку возле моста Пхальтон.

Мой дед по моей просьбе повидался с ним и передал ему подарок от меня.

Вернувшись в Сеул после поездки в Пхеньян, Ким Чхи Бом активно оказал помощь фронту. Все члены его семьи добровольно участвовали в этой работе – перевозили на фронт продовольствие и патроны. Говорят, они также заботливо ухаживали за нашими ранеными воинами.

Как сложилась его дальнейшая судьба – мне неизвестно. Поскольку тогда ему было под 60, то теперь перевалило бы за 100 лет, если предположить, что он жив.

Не будь у меня тогда срочных дел, я бы встретился с ним. Жаль, что получилось иначе. Мысль о том, что я не успел повидаться с ним, – это тяжелый камень на моей душе. К счастью, вместо меня его встретил мой дедушка. Но если бы не было и этого, то дело могло бы обернуться обидой для гостя.

«Делаешь доброе дело – приобретаешь хорошего друга» – это поучительная поговорка. Если хочешь иметь хороших друзей, делай больше добра. У тех, кто не делает добрых дел для государства, коллектива, товарищей и соседей, не будет хороших друзей.

Человек из провинции Пхеньан – мой друг, с которым меня связывала борьба за свободу и счастье народа. Я считаю его своим другом. И поныне перед моими глазами живо стоит образ этого человека, который с ребенком на спине горько плакал на пепелище и который пришел к нам в Люкэсун с очищенным рисом в вещмешке.

6. «С оружием в руках защитим Советский Союз!»

Советский Союз был идеалом для человечества, стремящегося к социализму и социальному прогрессу. В Стране Советов впервые на земном шаре восторжествовала народная власть, отстаивающая интересы рабочих и крестьян, и ликвидирована эксплуатация человека человеком.

В прошлом коммунисты, революционные народы всего мира оказывали бескорыстную помощь Советскому Союзу, защищая эти свои идеалы. Государственный красный флаг СССР с изображением серпа и молота пропитан алой кровью героического советского народа, а также и бойцов-интернационалистов из разных стран мира.

Всякий раз, когда над СССР нависала военная угроза, бойцы КНРА, высоко подняв лозунг: «С оружием в руках защитим Советский Союз!», наносили мощный удар по тылам японских империалистов. В операциях по срыву наступлений японской армии против СССР погибло немало бойцов КНРА.

Товарищ Ким Ир Сен вспоминал, как они с оружием в руках защищали Советский Союз.

Коммунисты должны правильно понять взаимоотношения национальной и мировой революции. В прошлом одни говорили: то, что коммунисты обращают внимание на свою национальную революцию, противоречит марксистским принципам. Другие же утверждали: то, что корейские патриоты говорят о революционном процессе в СССР и мировой революции до достижения независимости своей Родины, означает измену интересам нации. Лево- и правоуклонистское понимание взаимоотношений национальной и мировой революции одно время порождало в революционном движении нашей страны немало идейных шатаний и конфликтов.

Например, когда мы в дни антияпонской вооруженной борьбы провозгласили лозунг: «С оружием в руках защитим Советский Союз!», – некоторые возражали против этого. Это, по их мнению, давало бы националистам повод для клеветы на коммунистов. Японские империалисты и их прислужники всячески старались

внушить нам мысль: не быть «жертвой во имя СССР», не «принести себя в жертву на алтарь Сталина».

Когда мы говорили о необходимости помочь СССР ценой крови, те, кто не понимал истинного смысла интернационализма, считали это напрасной жертвой.

Конечно, мы трудно вели национальную революцию. Но вместе с тем, высоко подняв лозунг: «С оружием в руках защитим Советский Союз!», мы своей кровью помогали советским людям в их борьбе. Этого требовала от нас прежде всего сложившаяся в то время ситуация. В ту пору СССР находился в состоянии полной изоляции, то есть в окружении империализма.

Именно в такое время коммунистам нужно было с оружием в руках защищать СССР. Это нужно было и ради интересов самой революции. Такие действия являлись справедливыми также с точки зрения морального долга. Поэтому с первых дней антияпонской вооруженной борьбы мы, высоко подняв знамя пролетарского интернационализма, поддерживали Советский Союз и активно защищали его.

Борьба в поддержку и защиту СССР велась не только в 30-е, но и в 20-е годы.

Так, Хон Бом До вначале не был коммунистом, но и не выступал против коммунистического движения. Свою патриотическую деятельность он начал с национального движения, но не замкнулся в его рамках, не абсолютизировал его.

После Первомартовского народного восстания немало корейцев, участвовавших в движении за независимость, переехали в Советскую Россию и там включились в боевую деятельность. В годы гражданской войны они пролили немало крови. Защищая советскую власть, они сражались в Красной Армии и в дальневосточных партизанских отрядах. В те дни Хон Бом До совершил немало подвигов и поэтому даже смог встретиться с Лениным.

И в начале 20-х годов японские империалисты, оказывая помощь белогвардейским бандам, не прекращали вооруженной интервенции на Дальнем Востоке России. В то время организация

компартии этого района обратилась за помощью к Хон Бом До, который действовал в Приморье. Тогда некоторые лица из верхушки Армии независимости говорили: «Это совсем дурацкое дело. Ведь корейцы еще не успели потушить пламя даже под собственными ногами. Видано ли это, чтобы проливать кровь ради других!» Однако Хон Бом До своей кровью помогал Красной Армии. Он заявил: «Войска, которые бьют япошек, – все свои».

Самым известным из боев, которым командовал Хон Бом До, было сражение в Имане (ныне Дальнереченск – ред.), находящемся на берегу реки Уссури. В том бою бойцы Армии независимости воевали так здорово, что позже, говорят, солдаты японской армии и белогвардейцы, лишь услышав команду на корейском языке, трепетали от страха и обращались в бегство.

Советские люди уже давно установили памятник павшим в бою в Имане.

Лишь на одном этом факте можно убедиться, какую длительную историю имеют узы совместной борьбы корейского и советского народов.

Хон Бом До говорил своим подчиненным: «СССР – это первый в мире Союз Республик неимущих. Поэтому мы должны и помогать ему, и получать от него поддержку. Эта страна сейчас в одиночестве. Сколько у нее трудностей! Давайте поможем ей хорошенько». Видите, насколько глубже он мыслил, нежели те, кто лишь бахвалился своей грамотностью!

Квантунская армия непосредственно противостояла Красной Армии в районе советско-маньчжурской границы. Ее наглые действия убедительно свидетельствовали о том, что империалисты отчаянно пытались в те дни удушить СССР. Так, в период с 1932 по 1939 год самураи спровоцировали около 1000 больших и малых пограничных конфликтов, в том числе широко известные инциденты у озера Хасан и на Халхин-Голе. Это значит, что военные провокации совершались каждые несколько дней. Не проходило дня, чтобы не клубился пороховой дымок на советско-маньчжурской границе.

Вражда между СССР и Японией имеет глубокие исторические корни. Всем известно, что в 1904 – 1905 годы между Россией и Японией была война, в результате которой Россия была вынуждена уступить Японии немало концессий и территорий.

После Октябрьской революции империалистические державы осуществили вооруженную интервенцию против молодой Советской Республики. Японские империалисты алчно кинулись на дележ российского пирога. Они направили свои войска в Сибирь и своей интервенцией открыто поддерживали белогвардейские банды.

Известно, что японская армия была самой жестокой, самой варварской из армий империалистических держав, участвовавших в борьбе против Советской России. В то время земля Приморья была обильно обагрена кровью людей, павших от рук японских агрессоров. Именно в то время японские вояки арестовали партизанского командира Лазо и бросили его в топку паровоза. И после того, как армии США, Англии и Франции, совершившие совместную интервенцию, отступили под натиском Красной Армии, Япония продолжала наращивать свои войска и цепко держалась за оккупированные земли. После былых военных побед над Цинским Китаем и Россией японских империалистов охватила мания величия. Они возомнили себя всемогущими. Они полагали, что, мол, нет таких стран, которые Япония не смогла бы покорить, и не может быть таких войск, которые японская армия не смогла бы победить. И каждый раз, когда возникали серьезные споры на международной арене, Япония обязательно совала туда свой хищный нос, рассчитывая захапать солидную долю при дележе награбленных империалистами земель и имущества.

Противоборство между СССР и Японией, можно сказать, по-настоящему стало очевидным в связи с развязыванием китайско-японской войны. После того, как Япония спровоцировала инцидент 7 июля, СССР оказывал помощь Китаю. С той поры, можно сказать, еще больше ухудшились советско-япон-

ские отношения. СССР, заключивший с Китаем договор о ненападении в августе 1937 года, сам закрыл некоторые из своих консульств в районах, находящихся под контролем Японии, а затем потребовал от нее закрыть некоторые из японских консульств в своей стране. Противоречия между СССР и Японией из года в год все более обострялись.

К тому же в январе 1938 года японские власти задержали совершивший вынужденную посадку на маньчжурской территории советский самолет. Это событие сделало отношения между двумя странами еще более напряженными. Было нетрудно предположить, что противоборство, противоречия между ними могут перерасти в локальную, а то и тотальную войну.

В августе 1936 года на «совещании пяти министров» японские империалисты провозгласили агрессию против СССР составной частью политики своего государства. Там же был утвержден конкретный план агрессивной войны против СССР. В нем подчеркивалась необходимость дальнейшего наращивания японских вооруженных сил в Маньчжурии и Корее, чтобы уже в самом начале войны они одним ударом могли уничтожить вооруженные силы Советского Союза на Дальнем Востоке. Если гитлеровская Германия накануне второй мировой войны составила план операции против СССР под названием «Барбаросса», то японская военщина еще раньше разработала свой план операции против СССР – «Оц». В своих алчных притязаниях на земли Советского Союза Япония шла на шаг впереди Германии.

В «Наставлениях по решению маньчжурско-советских пограничных конфликтов» командующий Квантунской армией Уэда указывал, что в той зоне, где не ясна линия государственной границы, командующий войсками на месте может определить ее по своему усмотрению. При возникновении столкновения он должен безоговорочно обеспечить победу, независимо от численности вооруженных сил, не придерживаясь пограничной линии.

Из-за безрассудных провокаций японских войск, вызывавших конфликты на государственной границе, СССР постоянно

находился в такой критической ситуации, что в любое время мог быть втянут в тотальную войну.

Мы не могли не возмущаться разбойничьими провокационными акциями японской армии против Страны Советов. Наша решимость с оружием в руках поддерживать СССР была проявлением вполне естественного чувства товарищества со стороны корейских коммунистов, которые каждодневно вели кровопролитные бои с частями Квантунской армии.

Для нас, борцов, стремящихся к социализму, Советский Союз, где была установлена власть рабочих и крестьян, являлся идеалом в подлинном смысле этого слова. Удивительным был уже сам факт, что на Земле существует такое общество, в котором уничтожена свора паразитов – угнетателей народа, эксплуататоров. Вот почему мы были полны решимости защищать, охранять СССР, даже если нам придется проливать свою кровь.

Японские империалисты неустанно проводили политику сеяния раздора между корейским и советским народами — точно так же, как это они делали в отношении народов Кореи и Китая. Одно время они даже создали так называемую пограничную наблюдательную роту в основном из прояпонски настроенных молодых корейцев – уроженцев Хуньчуня и специально разместили ее на советско-маньчжурской границе, чтобы корейцы дрались с советскими людьми. Был даже разыгран фарс вручения бойцам этой роты денежных премий от имени военного министра Маньчжоу-Го.

Кроме того, японские империалисты распространяли слухи о том, будто они подготовили много шпионов из корейцев, проживающих в Цзяньдао, и заслали их в Советский Союз. Все это было направлено на то, чтобы советские люди ненавидели корейцев и чуждались их.

Когда мы действовали в Сяованцинском партизанском районе, товарищи из Хуньчуньского полка говорили, что из-за подобных жульнических трюков японских империалистов, направленных на разжигание раздоров между корейскими и советскими людьми,

значительно ухудшились отношения между их полком и советскими пограничниками. Был и такой случай, когда один командир партизанской роты, не зная, что отношение советских людей к корейцам изменилось, хотел было вступить с ними в контакты, как это делалось раньше, и чуть не подвергся задержанию.

Тем более, летом 1938 года ходили слухи о том, что в Японию через Хуньчунь эмигрировал один из высокопоставленных генералов НКВД на Дальнем Востоке.

В середине 30-х годов осуществлялось коллективное переселение проживающих на Дальнем Востоке корейцев в районы Средней Азии. Советские люди объясняли, что перемещение людей корейской национальности в Казахстан и Узбекистан – вынужденная мера, необходимая для обеспечения обороны страны. Но корейцев такое объяснение не устраивало.

Услышав весть об этом, я тоже до глубины души испытал горечь народа, лишенного Родины.

Однако в интересах великого дела мы по-прежнему высоко держали знамя защиты СССР.

Мы вели бои и близ советско-маньчжурской границы. Их мы инициативно организовали, чтобы помочь Советскому Союзу, даже ясно понимая, что все они были неблагоприятны для нас с тактической точки зрения.

Тогда мы, конечно, не имели договора с СССР о военном сотрудничестве и не получали каких-либо просьб от советской стороны, как это было у Хон Бом До. Эти военные действия мы совершали сами, по собственному почину. Нами двигали узы товарищества с Советской Страной и ненависть к общему врагу – японскому империализму.

Насколько горячо было стремление и желание наших бойцов защищать Советский Союз и помочь ему, хорошо показывает операция по спасению советского летчика, проведенная зимой 1934 года. Тогда советский самолет в ходе учений упал из-за свирепого ветра на землю Хулиня, в Маньчжурии.

Ведущую роль в этой операции сыграл Пак Гван Сон. В те дни

он сотрудничал с антияпонским отрядом китайских националистов – отрядом Юй Яна. Будучи работником пункта связи Антияпонской народной партизанской армии, он находился в нескольких десятках *ли* от Хулиня. Советский самолет упал на берег реки Уссури как раз в тот знаменательный день, когда, говорят, в отряд Юй Яна вступили более 50 полных энергии корейских юношей.

Пак Гван Сон, заметив падающий самолет, прибежал в пункт связи и призвал боевых друзей спасти советского пилота. А тут японцы, в свою очередь, ринулись к летчику, надеясь взять его в плен живым.

Партизаны – их было немного – вступили в решительную схватку с противником, насчитывающим более 100 человек. Враги стреляли из пулеметов и орудий малого калибра. В бой включились и бойцы Юй Яна, собиравшиеся налететь на вражеский транспортный отряд.

А советский летчик, к сожалению, не умел отличить наших от врагов. Он просто беспомощно стоял у самолета. Пак Гван Сон по-корейски кричал ему: «Не бойся, иди скорее к нам!» Но тот, приняв партизан за врагов, даже стрелял из пистолета.

В этой ситуации Пак Гван Сону помог кореец, который в антияпонском отряде Юй Яна вел работу с китайскими бойцами. Он уверенно крикнул летчику по-русски: «Мы – революционная армия! Быстрее сюда!»

Лишь тогда летчик ползком благополучно добрался до наших бойцов.

Партизаны приложили искренние усилия, чтобы охранять безопасность советского летчика и лечить его травмы. Их забота была поистине трогательной. В то время у партизан иссяк провиант. Не было даже кукурузной похлебки. Чтобы хорошенько кормить советского летчика, они совершили налет на транспортный отряд противника и достали продукты. Для него пекли хлеб из пшеничной муки и устроили охоту на кабана, чтобы кормить пилота мясом. В холодные зимние дни они, про-

бив лунки во льду реки Уссури, ловили рыбу для гостя.

Летчик, который получил сильную контузию и едва избежал позора плена, смог благополучно вернуться на свою Родину под охраной наших партизан.

Этот факт широко использовался в качестве материала для интернационального воспитания в частях Народно-революционной армии.

Летом 1938 года японские империалисты спровоцировали инцидент в районе озера Хасан, что называлось и по-другому – инцидент на Чжангуфэне. Это был одним из самых крупных и циничных пограничных конфликтов, спровоцированных японскими империалистами до того времени.

Чжангуфэн – это небольшая высота на советской земле, что напротив села Сахвэ уезда Унги того времени. Советские люди называли ее Безымянной высотой. Рядом с ней – озеро Хасан. Названия «инцидент в районе озера Хасан» и «инцидент на Чжангуфэне» различаются только национальными географическими терминами.

Японские империалисты начали с утверждения, что озеро Хасан относится к их территории. Когда их притязания были отвергнуты, они напали на погранзаставу на высоте Безымянной, расположенной на советской земле. Их гнусная цель состояла в том, чтобы после захвата этой сопки большими вооруженными силами оседлать район Приморья южнее Владивостока.

Заняв позиции на советской стороне, японская военщина сосредоточила в этом районе огромный контингент войск, ядро которых составляла ранамская 19-я дивизия. Советская сторона, мобилизовав крупные силы, дала должный отпор японским захватчикам, вторгшимся на землю СССР. Советские воины смели их с лица родной земли.

Когда возник инцидент у озера Хасан, мы, действуя в районе Линьцзяна, ударили в тыл врага.

При каждой военной провокации против СССР или Китая японская военщина всегда обостряла внимание к деятельности

Народно-революционной армии, наносящей удары по ее тылам. Антияпонская партизанская армия стала не заживающей язвой на теле японского режима. Японцы оказались не в силах уничтожить ее. Это стало постоянной и острой головной болью, тяжелой гирей на ногах для политических и военных кругов Японии.

На совещании военно-политических кадров в уезде Линьцзян мы выдвинули курс – смелее наносить удары в спину врага для вооруженной защиты СССР. Все командиры и бойцы Народно-революционной армии активно поддержали этот курс и претворяли его в жизнь. Народ присоединялся к борьбе революционной армии.

В унисон с военными операциями КНРА против провокационного нападения японских империалистов на Советский Союз патриотически настроенные люди внутри Кореи активизировали сопротивление захватчикам.

Следующая публикация подтверждает это.

«Материалы, опубликованные в документе «Состояние общественной безопасности Кореи в последнее время», выпущенном полицейским департаментом генерал-губернаторства Японии, сообщают, что в знак протеста против вторжения японских империалистов в Хасан ночью 2 августа более 150 докеров на пристани порта Чхончжин отказались от работы и многие из забастовщиков вступили в партизанский отряд» («Корейский народ в борьбе за независимость и демократию», издательство Академии наук СССР).

После инцидента у озера Хасан между СССР и Японией было заключено соглашение о перемирии. В связи с этим инцидентом позиция СССР по отношению к Японии стала очень жесткой.

Агрессивные заправилы военного ведомства Японии были подавлены твердой политикой СССР. Советский Союз вовсе не был той бессильной Россией, какой она была во время русско-японской войны, он был великой державой, обладающей внушительной мощью. Японские империалисты не могли не увидеть эту страну под новым углом зрения. Они были вынуждены серьезно задуматься над своим планом агрессии против Советского Союза, за осуществление которого так настойчиво цеплялись.

Однако они не отказались от агрессивных притязаний в

отношении СССР. Чтобы снова проверить твердость политики СССР в отношении Японии, они готовили новую военную провокацию на рубеже маньчжурско-монгольской границы. Так возник инцидент в районе реки Халхин-Гол, который называется также «Номонханским инцидентом». Халхин-Гол – это название монгольской реки близ советско-маньчжурской границы, а Номон-Хан – это монгольское слово, означающее «мир».

Спровоцировав инцидент в районе реки Халхин-Гол, японские империалисты преследовали цель – занять территорию Монголии восточнее реки Халхин-Гол, а затем создать там укрепленный рубеж, чтобы прикрыть проектируемую к постройке вторую железную дорогу, далее – перекрыть сибирскую железнодорожную магистраль и тем самым отрезать Дальний Восток от России.

Была еще одна цель – конкретно разведать и прощупать, насколько СССР готов к вооруженному нападению Японии, какова советская стратегия в отношении Японии, в каком состоянии военная мощь Советского Союза. К тому времени почти не были известны подробные сведения о советских вооруженных силах. Многое пока оставалось как бы искомым числом.

Между прочим, к тому времени в военных кругах Советского Союза происходили изменения, многие высокопоставленные военачальники были выведены из строя. К этому процессу Япония проявляла большой интерес. Японцам очень хотелось узнать, какое влияние оказали на военную мощь Советского Союза такие изменения в рядах военных руководителей.

Как известно всему миру, в политических и военных кругах Японии давно появились сторонники двух концепций: одни стояли за поход на север, другие – за продвижение к югу, между ними шли горячие споры по стратегическим вопросам: куда обратить в первую очередь острие агрессии – на СССР или на юг.

Военная провокация в районе Халхин-Гола – это была, можно сказать, своего рода экспериментальная война, цель которой – уточнить возможности похода на север.

Район Халхин-Гола – это, как известно, бескрайние песчаные барханы и степи. Инцидент у Халхин-Гола был умышленно спровоцирован японцами под совершенно беспочвенным предлогом, что-де монгольские пограничники нарушили границу. Непосредственным поводом для развязывания этой локальной войны, говорят, послужило стадо, которое паслось в степи у Халхин-Гола. Знают ли коровы, овцы и другой скот, что такое государственная граница, где для них – запретная зона? Однако под надуманным предлогом, что отара перешла через государственную границу, японские империалисты заставили полицейских Маньчжоу-Го провести обыск и арестовать монгольских пастухов. Пользуясь случаем, они состряпали инцидент в районе Халхин-Гола.

Еще в 1935 году японские империалисты издали фальшивую географическую карту, на которой государственная граница Маньчжоу-Го в их пользу была отодвинута более чем на 20 километров в глубь территории Монголии.

О том, что Япония заранее готовила такую крупную военную провокацию, как инцидент у Халхин-Гола, убедительно свидетельствует и тот факт, что одним из японских военачальников высокого ранга, ответственных за участок главного удара, являлся генерал Комацубара, бывший военный атташе японского посольства в Москве.

Комацубара, уже проявивший себя в плетении антисоветских интриг, стал командиром дивизии, дислоцированной в Хайларе, то есть на передовой линии в операциях против Советского Союза. В первые же дни инцидента он бросил свою дивизию в глубь монгольской территории, занял обширную зону западнее Халхин-Гола, превратив ее в плацдарм для дальнейшего наступления японской армии. Монгольских войск там было мало. А советские войска находились в ста километрах от этого района. Именно этим «вакуумом» воспользовался Комацубара.

Однако советские и монгольские войска, осуществив в тесном взаимодействии наступательную операцию, довели дивизию

Комацубара и другие крупные соединения противника до состояния разгрома.

Японские империалисты, подтянув свежие части из Японии, сформировали крупную армейскую группу для новой операции.

Советская сторона направила на фронт Халхин-Гола Г. К. Жукова, заместителя командующего Белорусским военным округом. Он разгромил превосходившие по численности японские полчища в основном танковыми и воздушными ударами, на основе высокой маневренности и внезапности действий.

В середине сентября того года локальная война на Халхин-Голе завершилась победой советско-монгольских войск. Когда советско-монгольские соединения вели неравные бои в районе реки Халхин-Гол, мы, горя стремлением защищать Советский Союз с оружием в руках, составили и направили во все части КНРА новый приказ о развертывании операций по дезорганизации вражеского тыла. Согласно этому приказу летом того года все части КНРА вели многочисленные бои и тем самым внесли весомый вклад в срыв нападения японских империалистов на Советский Союз.

Можно взять, к примеру, бой в Дашахэ – Дацзянгане, проведенный в августе 1939 года. Это и была операция по дезорганизации вражеского тыла. В то время враги начали лихорадочную передислокацию сил и транспортировку военных материалов для формирования новой, 6-й армии, которую было намечено бросить к Халхин-Голу. Бои шли два дня. Это были крупные бои, в которых было уничтожено 500 солдат и командиров противника.

В бою в Дашахэ Ким Чжин, закрыв своей грудью вражескую амбразуру, открыл отряду путь вперед.

Примеру Ким Чжина последовали многие бойцы Народной Армии во время Великой Отечественной освободительной войны.

Ким Чжин вступил в партизанский отряд в Бадаохэцзы уезда Нинань во время нашего Второго похода в Северную

Маньчжурию. Когда мы прибыли в село Бадаохэцзы, О Чжин У привел к нам одного молодого батрака. Это и был Ким Чжин. Он так настойчиво просился в революционную армию, что нам пришлось включить его в отряд.

Его хорошо знал О Чжин У: он был командиром взвода, в котором служил Ким Чжин.

За плечами Ким Чжина – всего несколько дней обучения в частной школе *содан.* После вступления в партизанский отряд этот молодой человек учился с помощью боевых друзей. Одно время я лично обучал его грамоте, бывая вместе с ним. Этот простой парень сделал большой вклад в дело революции и погиб смертью храбрых.

О таких, как Ким Чжин, надо больше рассказывать подрастающим поколениям.

Я считаю очень знаменательным тот факт, что герой, закрывший своей грудью огневую точку врага, отличился именно в том бою, который мы вели в поддержку советских войск, сражавшихся на Халхин-Голе.

В этой боевой операции по дезорганизации вражеского тыла погибла также партизанка Хо Сон Сук. Ее не забыть.

Порвав отношения с отцом, начальником отряда самоохраны, Хо Сон Сук, юная, сама в одиночку пришла в партизанский район и вступила в революционную армию. Насколько мне известно, она очень огорчалась из-за того, что отец возглавлял отряд самоохраны. Сколько раз на дню она умоляла папу снять кепку начальника отряда самоохраны! Но упрямый отец и ухом не вел.

Не сумев уговорить отца, дочь навсегда покинула отчий дом и пришла в Саньдаованьский партизанский район. Это произошло, по-моему, в 1933 году, тогда ей было 16 – 17 лет. О ней я услышал несколько позже.

Что бы ни случилось с ней, я считал необходимым подумать над тем, что она, порвав с родным отцом, враждебно относится к нему.

Позже возник вопрос о создании женской роты. В связи с этим

я однажды встретился с Хо Сон Сук. «Ты должна прежде всего изменить свое отношение к отцу, – говорил я ей как можно мягче. – Своего отца, начальника отряда самоохраны, тебе надо терпеливо уговаривать, помогать ему, чтобы он не совершил предательских акций. Относиться к отцу, как врагу, не годится». Она махнула рукой: «Прошу даже не напоминать мне об отце». Я говорю ей: «Даже и в том случае, если он стал прояпонским элементом, тебе нельзя так относиться к отцу, как сейчас. Прежде чем обвинять его, надо подумать, как повернуть его на сторону революции. А ты, объявив о разрыве с отцом, толкаешь его на сторону врага. Скажи, что же будет дальше? Чем поможет революции, скажем, такая непочтительная дочь, которая не умеет перевоспитать даже своего родного отца? Скоро мы хотим создать женскую роту. А если ты не изменишь подхода к отцу, не примем тебя в эту роту».

Хо Сон Сук, чуть не плача, умоляла: «До сих пор я вела себя недостойно. Если будет удобный случай, уговорю его хорошенько. Прошу только зачислить меня в женскую роту». Позже она, находясь в той роте, воевала на славу, за что боевые друзья называли ее «богатыркой Хо» или просто «богатыркой».

Вечером того дня, когда был бой на Цзяньсаньфэне, я встретился с Чвэ Хеном и предложил ему предоставить Хо Сон Сук свободное время, чтобы она сходила в родной дом. Так я посоветовал для того, чтобы встреча дочи с отцом улучшила отношения между ними. Чвэ Хен сразу согласился со мной. Он обещал обязательно отправить ее к родным, когда отряд будет под Минюегоу.

Однако Хо Сон Сук не довелось снова встретиться с отцом. Когда она собиралась идти к нему, как раз шла подготовка к боевым операциям в Дашахэ – Дацзянгане в поддержку советских воинов, сражающихся у Халхин-Гола.

Она сама предложила отложить посещение дома. Говорила: «Будет у нас крупная операция. Будем с оружием в руках защищать Советский Союз. Как же мне отвлекаться на личные дела?»

В тот день, когда шел бой в Дашахэ – Дацзянгане, она возле сторожевой будки встретила автоколонну противника. В тот день на посту стояла не она, а самый старый в отряде бывалый боец. Покушав, она пошла к будке, чтобы помочь пожилому товарищу. В тот момент к посту мчались несколько автомашин с вражескими солдатами. Хо Сон Сук быстро отправила старого бойца на КП – доложить об этом, а сама решила в одиночку остановить врага. Она начала стрелять – и тем дала обнаружить себя противнику. Может, она хотела задержать врага хоть на несколько секунд, хотя бы до того, как ее обнаружат. Огонь противника сосредоточился на ней.

В партизанку попало несколько пуль, но она успела бросить во врагов все свои гранаты, прежде чем навсегда закрылись ее глаза. Ее геройство позволило отряду в тот день заранее предотвратить возможный урон и вовремя пойти в бой.

Она погибла, когда ей было, пожалуй, 22 или 23 года. Сколько у нее было светлых надежд на будущее! И она целиком отдала их в поддержку Советского Союза и его воинов, сражающихся у Халхин-Гола. Настоящий цветок интернационализма!

В том бою погибли также командир полка Чон Дон Гю и полковой комиссар Рян Хен У. Они были молоды, перед ними открывались широкие горизонты. Оба были уроженцами Хуньчуня. Все бойцы очень любили и уважали их, ибо они обладали высокими человеческими качествами и воинской выучкой, всегда и во всем показали личный пример.

Рян Хен У служил с первых же дней создания Хуньчуньского партизанского отряда. Во время боя в Дашахэ – Дацзянгане его часть получила задание – напасть на Дашахэ, затем занять высоту за Сяошахэ и сдерживать там наседающего врага. Однако бой в Дашахэ шел слишком долго, что не позволило ему занять высоту за Сяошахэ. Его опередил противник. От обладания этой высотой зависел исход боя в Дашахэ – Дацзянгане. В этот решающий момент Рян Хен У с пулеметом в руках и пошел впереди всех в атаку. За ним на высоту ринулись бойцы. Когда партизаны почти

взяли ее, к несчастью, ему в живот попала вражеская пуля.

Зажав ладонью левой руки рану, а правой стреляя из пулемета, Рян Хен У поднял бойцов в атаку: «Япошки – заклятые враги нашего корейского народа. Они сейчас нападают на Советский Союз. Громить гадов всех до единого! Защитим кровью Советский Союз!» Бойцы лавиной бросились в атаку и одним махом заняли высоту.

Командир полка Чон Дон Гю, мужавший плечом к плечу с Рян Хен У со времени службы в Хуньчуне, полностью разгромил вражеский отряд, а сам героически погиб.

Все партизаны, павшие в бою в Дашахэ – Дацзянгане, были интернационалистами, преданными делу революции.

И бой в Яоча самоотверженно вели отряды КНРА, чтобы помочь Советскому Союзу. Командовал им недавно назначенный комполка Ли Рён Ун. Только в одном этом бою полк уничтожил сотни врагов. В бою Ли Рён Ун получил сквозное ранение в грудь. Огнестрельная рана, к счастью, зажила. Но через некоторое время он погиб у советско-маньчжурской границы, где он после Сяохаэрбалинского совещания, действуя вместе с малой группой, устанавливал связи с Коминтерном. Деятельность его малой группы тоже носила интернациональный характер.

Во время инцидента у Халхин-Гола Народно-революционная армия провела много операций по дезорганизации вражеского тыла, чтобы помочь Советскому Союзу. Всех их не перечесть. В их числе, например, налет на полицейский отряд, находившийся на прииске в Саньдаогоу уезда Хэлун, нападение на Фуэрхэ уезда Аньту, налет на Байцаогоу уезда Ванцин и другие.

Какой большой головоломкой стали для врагов операции отрядов Народно-революционной армии по дезорганизации тыла противника, хорошо показывает тот факт, что они начисто срубили деревья и даже скосили траву на 100 – 200 метров в ширину вдоль всех шоссейных и железных дорог, ведущих к советско-маньчжурской пограничной зоне. Но это не помогло им застраховать себя от налетов и засад отрядов Народно-ре-

волюционной армии. В результате их смелых действий на этих железных дорогах не прекращались взрывы, воинские эшелоны летели под откос.

Непрерывными ударами по вражескому тылу отряды Народно-революционной армии не только наносили врагу большой урон в живой силе, но и вынуждали его оставлять значительные контингенты войск в районе партизанских действий. Это не позволило ему мобилизовать достаточное количество людских ресурсов на военные провокации против Советского Союза. Так, во время инцидента у озера Хасан враги перебросили две бригады только в район Цзяньдао, чтобы сдерживать наши силы. А во время инцидента у Халхин-Гола, насколько мне известно, они стянули в этот район еще большие силы.

Как видите, в срыве японской агрессии против СССР немаловажную роль сыграли наши удары по вражескому тылу. Все они проводились под лозунгом: «С оружием в руках защитим Советский Союз!»

Когда идет вперед стрелковая цепь, бегущего впереди бойца огнем прикрывают все остальные. Таков элементарный принцип военного дела. В то время Советский Союз был единственным на нашей планете социалистическим государством. И с точки зрения коммунистов он был подобен тому бойцу, который мчится впереди всех в цепи атакующих. Корейские коммунисты наносили удары в спину Квантунской армии именно для того, чтобы прикрыть Советский Союз, идущий во главе международного коммунистического движения.

Прилагать все усилия для того, чтобы поддерживать и защищать победившую революцию, сохранять и укреплять ее завоевания, – таковы интернациональные задачи, долг и мораль коммунистов. Надо активно поддерживать идущую впереди революцию. Лишь тогда в увязке с ней может успешно продвигаться вперед и революция, идущая вслед за нею. Вот почему международное объединение коммунистов должно быть взаимно помогающим, взаимно поддерживающим и подкрепляющим.

Битва на Халхин-Голе кончилась позорным поражением Квантунской армии. 50 тысяч убитых, раненых, пленных и пропавших без вести – такой оказалась цена авантюры, на которую пошли японские маньяки войны, любители играть с огнем. Насколько мне известно, командиры японской армии, потерявшие всю живую силу своих частей, сами сожгли войсковые знамена и покончили с собой – или их заставило так поступить начальство. Весь состав командования Квантунской армии, в том числе ее командующий Уэда, начальник штаба, начальник оперативного отдела, оперативный офицер и другие, был снят с должностей еще до заключения соглашения о перемирии.

Испив горькую чашу в битве у Халхин-Гола, японские империалисты внесли определенные коррективы в отношения с Советским Союзом: жесткая линия сменилась политикой временного примирения с СССР.

Иные могут задать такие вопросы: «Правильно ли поступали корейские коммунисты, кровью помогая Советскому Союзу и защищая его во время антияпонской войны? Не означает ли сегодняшняя действительность, когда в Советском Союзе провалился социализм и реставрирован капитализм, что интернациональная поддержка корейских коммунистов, оказанная для защиты Советского Союза, была бесполезной?»

Если говорить коротко, то это такие вопросы, о которых даже не стоит рассуждать. Среди нашего народа нет таких, которые поднимали бы их и судили да рядили бы на эту тему. Так могут поступать только те, кто отрекся от веры в социализм.

Мы никогда не относились нигилистически к интернациональной поддержке корейских коммунистов, оказанной ими Советскому Союзу. Развал Советского Союза не может сделать нашу поддержку, оказанную Советскому Союзу в его революционной борьбе, бессмысленной. Чувство долга и усилия, посвященные делу справедливости, как правило, не останутся напрасными.

Мы считаем крушение социализма в Советском Союзе временным явлением. Социализм есть идеал человечества, есть

закономерная стадия исторического развития. Поэтому совершенно очевидно, что его возрождение неизбежно. Социализм – это не дело несправедливое, а дело справедливое. Если социализм есть дело справедливое, то оказанная первым олицетворившему его Советскому Союзу поддержка – тоже справедливая, священная. Она не может быть бессмысленной.

И сейчас мы полны чувств достоинства и гордости за то, что в прошлом, когда советские люди находились в трудном положении, мы с оружием в руках, проливая свою кровь, оказывали им помощь.

Сейчас даже нет названия государства СССР, нет и ветеранов революции первых лет строительства Советского государства. Ныне на российской земле, наверное, мало и ветеранов войны – участников битвы в районе Халхин-Гола. Более того, думаю, почти нет в живых тех, кто мог бы вспомнить о том, как в те времена мы развернули операции по дезорганизации вражеского тыла в интересах Советского Союза. Пусть никто не вспоминает об этом, но тот костер интернационализма, который мы разжигали всеми силами своей души, горел не бессмысленно.

В прошлом мы, не обращая внимания на то, станем ли мы предметом повышенного внимания или нет, с оружием в руках оказывали Советскому Союзу активную помощь. Это было нужно и Советскому Союзу, и нам самим. Советские люди ответили на интернационализм корейских коммунистов тоже интернационалистическими действиями.

Сейчас во многих странах господствует идеология национального эгоизма. Многими, по-видимому, владеет мысль: «Что станет с другими, это меня не касается. Жить бы мне одному хорошо – и все». Я, собственно, противник не только эгоизма отдельного человека, но и противник эгоизма национального. Если стремишься лишь к собственному благополучию – может ли быть у тебя достойная человека жизнь? У человека, думаю, нет большего счастья, чем оказывать помощь другим.

7. Крушение карательного отряда Маэда

Бой на Хунцихэ прогремел в марте 1940 года. Он, можно сказать, ознаменовал блестящим успехом последний период обходного маневра крупными отрядами.

Этот бой явился сокрушительным ударом по противнику, уже нашумевшему о разгроме революционной армии путем осуществления «специальных мер по обеспечению безопасности и спокойствия в юго-восточном районе». Враг просто растерялся, не зная, как случилось, что целую роту карателей постигла жалкая участь – полный разгром.

Какова была ситуация той поры? Китайско-японская война вступила в стадию длительного противоборства. Крайне обострились советско-японские отношения в связи с инцидентами в районе озера Хасан и на Халхин-Голе. Это было время, когда пламя второй мировой войны разгоралось все жарче.

Именно в такой обстановке верхушка Квантунской армии, разглагольствуя об окончательном уничтожении антияпонского движения на Северо-Востоке Китая, предприняла так называемые «специальные меры по обеспечению безопасности и спокойствия в юго-восточном районе».

Мы непрерывно били врагов. А после боя исчезали незаметно, как призраки, и противник всю зиму бродил по глухомани Дуньхуа и Фусуна в поисках нашего местонахождения. А тут на рубеже уездов Аньту и Хэлун, откуда возьмись, появилась главная часть КНРА, которая якобы «замерзла в горах», и разбила наголову на Хунцихэ карательный отряд Маэда. И не удивительно, что у врагов душа ушла в пятки.

Бой на Хунцихэ остался в моей памяти как одна из незабываемых наших боевых операций наряду с такими крупными боями, как в Почхонбо, на горе Цзяньсаньфэн, а также рейдовые операции

на уездные центры Дуннин и Фусун. Оттого я и помню Маэда.

Ему, служившему всего лишь командиром роты полицейского карательного отряда уезда Хэлун, не стоило бы ввязываться в состязание с КНРА. Между прочим, он слыл злейшим начальником карателей, не уступающим по жестокости ни вожаку Вану из Фусуна, ни Ли До Сону из Аньту. Ничтожна была его служебная должность, но можно сказать, что он широко «прославился» тем, что безрассудно попытался уничтожить штаб корейской революции. Но в результате этой попытки лишь сам нашел свою гибель.

В то время мы – в соответствии с тактикой обходного маневра крупными отрядами – и отдыхали, и занимались учебой планомерно, нанося в то же время непрерывные военные удары по врагу.

Это случилось примерно за месяц до боевых действий на Хунцихэ. Мы проводили в тайном лагере Байшитан военно-политические занятия. Однажды враги внезапно налетели на нас. Молниеносно потрепав противника, мы проскользнули дальше в сторону Аньту. Именно с того момента начинается второй этап обходного маневра крупными отрядами.

На этой стадии мы с первого шага столкнулись с большими трудностями. Это объясняется тем, что Рим Су Сан, находившийся в тайном лагере Дунпайцзы, недобросовестно выполнял поручения Командования и гонял лодыря. В результате мы лишились возможности использовать заранее намеченный тайный маршрут, и нам пришлось идти другим курсом, не предусмотренным планом. Мы выбрали себе новый маршрут – через безлюдный, даже не отмеченный на карте, район, что на северо-востоке от горы Пэкту.

В японской армии, говорят, было много толковых геодезистов, но даже ступить ногой в эти места они не посмели. Участки, оставшиеся без геодезического обследования, ничем не были отмечены на карте. Оттого и называлась часть местностей северо-востока от горы Пэкту «белым районом».

Покидая Байшитан, мы намеревались прорваться в Мусан,

Самчжан через «белый район» и возвестить о себе вновь громкими выстрелами, затем вернуться в центральную часть уезда Аньту через уезд Хэлун. Таков был наш план второго этапа обходного маневра крупных отрядов, который мы разработали при уходе из Байшитана.

Мы завязали бой в Лушуйхэ, потом, пересекая Тоудаобайхэ, Эрдаобайхэ, Саньдаобайхэ, двинулись к южному рубежу уезда Аньту.

Тот «белый район» мы преодолели действительно с величайшим трудом. В то время и сугробы, и метель тоже были для нас врагом. Мороз и голод были нестерпимы. Но самое трудное – то и дело пугала опасность заблудиться в пути. Все окружающее было в сплошном белом покрове, было невозможно ориентироваться, опознать местность. Под Дамалугоу у нас кончилось продовольствие, мундиры и обувь были истрепаны. Совершив налет на Дамалугоу, мы достали хозматериалы. По-китайски «Дамалугоу» означает «крупное ущелье лосей», а «Сяомалугоу» – «малое ущелье лосей». Раньше лоси, обитающие в Дамалугоу, переходили границу между двумя странами: летом оттуда переплывали через реку Туман и паслись на земле Кореи, а зимой возвращались в Дамалугоу поедать сухую осоку.

В Дамалугоу, очаге карательного отряда противника, находился и штаб роты лесной полиции. Эту местность можно было назвать опорным пунктом карательной экспедиции в приграничной зоне. Здесь находились лесозаготовительная фирма и лесоразработки. С их помощью японские захватчики увозили в большом количестве древесину для военных нужд.

Перед боем мы послали в Дамалугоу разведгруппу. Вернувшись с задания, разведчики доложили о делах, затем сообщили о том, что увидели странную расу – людей очень высокого роста, с серыми глазами. Странное племя, сказали они, с длиннущим носом и волосатыми руками, и не понятно, что за люди. Послали туда еще одного бойца с наказом все разузнать. Вернувшись, он доложил, что это русские белоэмигранты, работающие

водителями на лесоразработках. В Харбине и его окрестностях проживало много русских белоэмигрантов.

Я тоже видел их много, когда был в Харбине летом 1930 года.

Пользуясь тем, что главные силы противника ушли в бой, мы моментально оседлали Дамалугоу, применив тактику молниеносного броска и молниеносного налета. Водители, эти русские белоэмигранты, встретившись с нашими бойцами, давали им золотые кольца. Они, по-видимому, приняли наш отряд за банду разбойников. Когда наши бойцы не принимали, а, наоборот, вернули им золотые кольца, русские недоумевающе качали головами, мол, какие они странные, будто из другого мира. Столь низок был уровень их идейной подготовки.

В налете на Дамалугоу мы взяли уйму трофеев, в частности, пшеничной муки. Мы раздали жителям Дамалугоу по одному мешку муки. Трофеев было такое изобилие, что и после того, как все наши бойцы взяли себе на спину полный груз, оставалось еще многое. Грузы добровольно перевозили десятки рабочих лесоразработок.

Вначале мы хотели было уговорить русских белоэмигрантов на машинах перевезти трофеи до определенного пункта. Хотели побыстрее уйти. Но, как мне доложили, водители не слушаются. Я послал к ним знающего русский язык. Тот уговорил их – получил согласие оказать нам помощь.

Тогда я имел возможность непосредственно побеседовать с ними. Я спрашиваю: «Почему вы проживаете в Китае? Ведь у вас своя Родина?» В ответ: «Нас, выходцев из среды помещиков и капиталистов, не приветствует компартия. Наши отцы грешны – выступали против социалистической революции. А мы, собственно, ни в чем не виноваты». На мой вопрос: «Готовы ли вместе с коммунистами строить социализм, если поможем вам вернуться в Советский Союз?», – они отозвались: «Да, безусловно».

Среди грузчиков, следовавших за нами, оказался и японский рабочий. Насколько мне известно, он, вернувшись к себе, занимался «пропагандой» в нашу пользу. Он рассказывал обо

всем увиденном и услышанном им самим. «Встречался, – говорил он, – с бойцами революционной армии. Все они люди хорошие. Все они выступают на стороне рабочих, таких, как мы. И зная, что я японец, они не обидели меня, не допустили дискриминации. И японские рабочие, говорили они, должны объединить силы с рабочими Кореи и разгромить японский империализм». Позднее, говорят, он был схвачен надзирателем лесоразработок и переведен в другое место.

После нашего внезапного налета на Дамалугоу враги в районах Аньту и Хэлуна пребывали в состоянии чрезвычайной настороженности. Они из кожи лезли вон, чтобы уничтожить нашу главную часть. Больше всего усердствовали Унами, командир полицейского карательного отряда уезда Хэлун и начальник уездного полицейского отделения, а также Маэда.

Полицейское ведомство уезда Хэлун организовало полицейский карательный отряд к маю 1939 года, когда мы после рейдовой операции в районе Мусана вели один за другим крупные бои в бассейне реки Туман. Те карательные силы были наспех сколочены специально для сдерживания и уничтожения нашего отряда. В состав карательной экспедиции вошли четыре роты, в том числе рота Маэда, и еще две роты железнодорожной охраны. Экспедиция под командованием начальника цзяньдаоского карательного отряда неистовствовала в попытках «покарать» партизан.

Противник предполагал, что наш отряд действует вдалеке от него – на севере. А вот мы, внезапно появляясь и исчезая на рубеже уездов Хэлун, Аньту, ударили на Дамалугоу. Совсем разъяренные, полицейские каратели уезда Хэлун всеми силами кинулись преследовать нас.

Как стало известно позднее, Маэда не раз хвастливо заявлял: «С главными силами отряда Ким Ир Сена я сам расправлюсь». И он как никто другой яростнее рвался к карательным операциям против нас.

«Карательное командование Нодзоэ» обещало премию без

малого в 10 тысяч *юаней* за мою голову. Правда, другой источник утверждает, что обещанная премия намного превышала названную сумму.

Если иметь в виду то, что ведомство безопасности Маньчжоу-Го в качестве «полицейской премии» определяло обыкновенно суммы от 10 *юаней* и выше, а высшую, от имени министра безопасности, – в пределах 200 *юаней,* то нетрудно понять, что 10 тысяч *юаней* были, так сказать, суперпремией.

Маэда был в Корее полицейским младшего ранга. После перехода в Маньчжурию служил в штабе охраны при столичном полицейском управлении, занимал, главным образом, пост начальника полицейского участка в разных пунктах пограничного района на противоположном от Кореи берегу. Рассказывают, что он даже получил награду от министра безопасности за «заслуги» в «операции по обеспечению безопасности и спокойствия» в Цзяньдао.

Получив весть о нашем налете на Дамалугоу, озлобленный Маэда, говорят, собственной кровью написал клятву – полностью уничтожить партизанский отряд, даже устроил «церемонию по случаю карательного похода». Объединенная японо-маньчжоугоская карательная экспедиция, сформированная из военных и полицейских, всеми силами окружила обширные лесные массивы у подножия горы Пэкту и покрыла их плотной «сетью розыска, откуда нельзя было бы ускользнуть даже муравью».

В то время я предполагал, что каратели непременно сядут нам на хвост. Заблаговременно составил план для ловкого отвлечения внимания врага в другую сторону. Первое, что я сделал для этого, – возвратил опять в Дамалугоу малую группу бойцов и более 40 грузчиков, следовавших за нами с трофеями, с заданием оставлять везде беспорядочные отпечатки следов.

Враги попались на нашу удочку. Конечно, они приуныли, потеряв с таким трудом найденный партизанский отряд. Но все же не переставали каждый день рыскать в лесной глуши. Хвастуны заявили: «На этот раз им никуда не уйти. Какую бы

неуловимую тактику ни применил Ким Ир Сен, но ему не провалиться сквозь землю. Обрыщем все горы Пэкту и непременно найдем штаб коммунистической армии».

Оторвавшись от преследования противника, некоторое время мы спокойно вели военно-политические занятия личного состава главной части в тайном лагере в Хуалацзы. И отдыхали, снимая усталость. Затем мы продолжили поход в направлении Мусана. Враги рассыпались по районам Хуалацзы в поисках нового направления действий революционной армии. И, наконец, они сумели определить курс нашего отряда и пристроились нам в хвост.

На пути своего следования мы встретили крестьян, мобилизованных носильщиками в помощь карательному отряду. От них мы узнали, что нас преследует примерно тысяча вражеских вояк. Были мартовские дни, но глубокие снега – по пояс человеку – мешали передвигаться обеим сторонам, и нам, и противнику. Но все же враги шли быстрее, чем мы, – ведь они преследовали нас по пути, уже проложенному нами через снега.

Правильно сказано, что беда не приходит одна. В отряде появились бойцы, сильно ослабевшие от постоянного переохлаждения. Сначала их было один-два, а под конец около пятнадцати.

Я спросил Рим Чхун Чху, – как лечить больных. Он был политическим работником партизанского отряда, но имел за плечами большой клинический опыт. Он предложил давать больным опиум. Я сказал: «Ну, ладно, пусть и опиум. Только вылечите их, как можете».

Приняв опиум, больные кое-как выдержали кризисный момент. Сила у них восстановилась, но не в такой степени, чтобы можно было продолжить поход. Надо было вновь оторваться от противника и уйти как можно дальше, но больные мешали наращивать темпы марша. Расстояние между нами и врагом сократилось до 4 – 6 километров.

Речка Дамалугоухэ в верховьях реки Хунцихэ разветвлялась, она состояла из нескольких горных ручейков. Когда мы добрались до

ущелья, по которому протекал один из них, стало темнеть. Бросился в глаза ветхий барак, брошенный рабочими лесоразработок. Поставив караул, я велел личному составу остановиться здесь на ночлег, без хорошего отдыха нельзя было вести бой.

Но бойцы, отлично зная о том, что каратели по пятам следуют за нами, не скрывали своей тревоги, хотя и получили приказ прервать поход, остановиться на ночлег. Они успокоились, лишь увидев, как я первым лег спать.

Я решил громить карательный отряд Маэда в ущелье Хунцихэ. Выбирая это ущелье как место засады, я считал, что противник, добравшийся до Хуалацзы, непременно пройдет через это ущелье, чтобы вернуться на свою базу.

К тому же эта местность была очень благоприятна для уничтожения врага из засады. Ущелье это, как позднее признал сам начальник полицейского отделения уезда Хэлун, было «таким неблагоприятным местом, где при всем желании нельзя применить свою тактику, если попадешься в засаду».

Узнав, что я выбрал ущелье Хунцихэ местом сражения, О Бэк Рён недоумевал: «Товарищ Командующий, противнику хорошо известна наша тактика. Вряд ли он сам влезет в эту западню?» Опасение было небезосновательное. Враги пуще всего боялись именно нашего приема заманивания и нанесения удара из засады. Этот способ враги называли «тактикой сетей» и придумали для ее срыва немало разных предохранительных мер. «Не попади в тактику сетей Ким Ир Сена» – эти слова, насколько я знаю, у врагов звучали как афоризм. Понятно, насколько они боялись наших ловушек и мощных ударов из засад. Враги по возможности не ходили там, где бы могла устроена, по их мнению, партизанская засада. Слова О Бэк Рёна имели в виду именно это.

Я принял во внимание вот что: японские войска могут считать, что коммунистическая армия, знающая, что японцы стали бдительны в отношении «тактики сетей», больше не повторит такого приема. И именно поэтому я решил устроить засаду в ущелье Хунцихэ и завязать бой с преследующим нас

карательным отрядом. Иначе говоря, мой план был рассчитан на такую тактику, применение которой враг считал уже делом нереальным.

На следующий день мы, двигаясь по гребню в сторону Сяомалугоу, спустились в ущелье. По обе его стороны высились чудные вершины. Справа (в направлении верховья) возвышались три вершины как бы трое братьев. Здесь было прекрасное место для засады. На левой – тоже вершина горы, у ее подошвы простиралась небольшая роща. Это тоже было выгодно для нас.

Я собрал командиров и отдал короткие приказы перед боем. На трех вершинах, на правой стороне ущелья, разместил пулеметный взвод и комендантскую роту, а на опушке рощи у левой вершины – 7-й и 8-й полки. Приказал также каждому подразделению нарочно спуститься вниз и опять подняться, заметая за собой следы ног, и лишь затем занять намеченные места в засаде. Только отвлекающая группа должна была дальше проскользнуть по ущелью, оставляя за собой нарочито заметные следы. Группе, возглавляемой Сон Тхэ Чхуном, было поручено занять северные рубежи первой высоты ущелья, преградить противнику путь к отступлению. Отвлекающей группе следовало, добравшись до тупика ущелья, еще и выполнить роль заградительного отряда.

В тот день в ущелье Хунцихэ бой пошел по нашему плану. Неожиданно стало теплее, и на солнечной стороне растаял снег. Дорога под ногами просто стала чавкать.

Враги появились в ущелье Хунцихэ после полудня, когда солнце уже стало клониться к горизонту. Я посмотрел в бинокль и заметил дозорных на подступах к ущелью. Дозор – и то был великоват. Обычно противник посылает одного или двух дозорных, а на этот раз их было около десяти. Судя по всему, можно было предположить, что чуть ли не все карательные силы, двигавшиеся по ущельям Хуалацзы, рвутся сюда.

Вслед за дозорными шла походная застава.

Когда она проходила мимо последней высоты, в ущелье

появился офицер с саблей на поясе. Вот это, как мы узнали позже, и был Маэда.

Головной отряд глубоко втянулся в зону засады. Остановившись, Маэда внимательно разглядывал следы на снегу и необыкновенный рельеф ущелья.

Я думал, не пошлет ли он дозорных к вершинам ущелья, не замышляет ли повернуть отряд назад. Но в этот роковой момент, когда как никогда необходимо было хладнокровно размышлять и рассуждать, Маэда, видимо, утратил бдительность, был рассеян – ведь он смертельно устал, более десяти дней безуспешно рыская по горам. Маэда стоял под одиноким деревом. Увидев его, к нему подтягивались проходящие мимо подчиненные офицеры. Опираясь на вертикально поставленную саблю, Маэда давал им какие-то распоряжения. Тем временем основные силы противника полностью оказались в полосе нашей засады.

Стараясь не упустить этот наилучший момент, я дал сигнальный выстрел.

Уже при первых залпах враги потеряли более половины своих сил. Попав неожиданно под разительный огонь с обеих сторон ущелья, Маэда тут же рассредоточил весь отряд на том же месте и попытался основной силой взять северную высоту. Но, попав под шквальный фланговый обстрел наших бойцов, находившихся в засаде на западе в зарослях кустарников, он не добился своего. Оказавшись в неблагоприятном положении, Маэда, казалось, решил пойти на последний решительный бой и дал приказ «В атаку!» Выхватив саблю из ножен, он сам помчался впереди атакующих. И уже будучи тяжело раненным, командовал боем до последнего вздоха.

Остальные враги тоже отчаянно сопротивлялись. Подчиненные Маэда не бросили оружия даже под угрозой массовой гибели. Были уничтожены почти все, кроме примерно тридцати человек, которые сложили оружие. Убито и ранено было более 140.

В бою в Хунцихэ наши товарищи сражались просто здорово. Отлично воевал и О Бэк Рён, ставший командиром полка после О

Чжун Хыба, погибшего в Люкэсуне. Ким Ир тоже прекрасно справился со своей задачей как командир ударного отряда.

После боя мы обыскивали место сражения. Было очень много трофеев. Была даже рация. И боеприпасов мы взяли большое количество – несколько десятков тысяч. Время было такое, что нам хватало оружия, и мы просто не знали, что делать с захваченным добром. Некоторым бойцам поменяли старое оружие на новое из трофеев, а остальную часть, завернув в промасленную бумагу, зарыли в землю или спрятали в дуплах старых деревьев – с учетом прихода в будущем великого события.

Когда мы закончили разбираться с трофеями, невдалеке от нас разводил костры «мукденский отряд» из марионеточной армии Маньчжоу-Го, наблюдая за нами. Его солдаты, насмерть перепуганные, не смели завязать бой и только стреляли вслепую. Я приказал О Бэк Рёну открыть шквальный огонь из всех трофейных пулеметов – отчасти, чтобы пригрозить им, а отчасти, чтобы проверить техническое состояние захваченного оружия.

Ночью О Бэк Рён подошел ко мне и доложил, как «мукденский отряд» начал тайком следовать за нами. Он спросил меня: может, «похлестать» его? Я возразил: «Оставь в покое. Незачем бить зрителей. Лучше их оставить живыми, чем уничтожить. Пусть они вместо нас сообщают всему миру о гибели отряда Маэда. Не так ли?»

Перед походом Маэда заставил своих подчиненных написать завещания. Это мы узнали, когда обыскивали поле боя. В кармане одного убитого офицера нашли такой «документ». Он был завернут в шелк, а содержание его было довольно патетическим. По признаниям пленных, перед началом экспедиции Маэда собрал своих подчиненных и предложил им написать завещания. «Нашей роте поручено, – заявил он, – в составе районного карательного отряда вступить в схватки с отрядом Ким Ир Сена. Чтобы победить его, мы должны быть верны «Ямато тамаси» (самурайский дух) и готовы умереть за Небесного Государя». Говорят, сам он даже изготовил ящик для

хранения своего праха, готовясь к смерти.

Услышав об этом, я решил, что Маэда, будучи по должности всего лишь командиром роты из карательного отряда, был, однако, действительно ярым приверженцем крайнего японского национализма.

Сделал Маэда таким ярым фанатиком оголтелого национального шовинизма и антикоммунизма, я думаю, японский милитаризм и крайний национализм.

Японские империалисты пустили в ход весь арсенал средств и приемов, чтобы превратить всех японцев в приверженцев оголтелого национализма. Крайний национализм как всегда рядится в тогу патриотизма. Поэтому его яд легко проникает в головы идейно не зрелых людей.

Японские милитаристы, как я и раньше говорил, упорно прививали молодежи и детям агрессивную идеологию, убеждая их в том, что Япония, мол, сможет процветать, лишь поглотив Маньчжурию. Известно, что они даже печатали возбуждающие буквы, разжигающие военный психоз, стремление к заморской экспансии, на хлебе, печенье и тому подобных продуктах питания, которые люди употребляют каждодневно. Значит, им внушалась мысль: «Люди добрые, лакомясь этим, думайте, как проглотить чужую землю». Коль пропаганда так настойчива и вездесуща, яд ее не может не проникнуть в сознание человека.

Иные люди думают, будто у буржуазии нет никакой идеологии. Ошибочная мысль! Как у коммунистов есть коммунистическая идеология, так и у буржуев есть буржуазная идеология. И капиталисты прикармливают псов, верных своей идеологии.

Одно время некоторые командиры революционной армии, когда речь заходила о насаждаемом внутри японских войск самурайском духе, только пропагандировали его лживость и абсурдность. В результате наблюдалась тенденция считать японского солдата бесчувственным, как истукан, существом, держащим в руках ружье. Это было очень опасным заблуждением.

Мы подчеркиваем идейно-политическое превосходство

нашей армии вовсе не потому, что у врага отсутствует идейность. Мы говорим, что наша идеология превосходит вражескую. Это не значит, что можно недооценивать врага оттого, что, мол, у него отсутствует нормальная идеология. Мы обращали внимание политических работников на то, что не годится все время подчеркивать лишь одну идейную слабость врага и нельзя игнорировать тот факт, что противник тоже вооружает идейно своих солдат, пусть даже убогими идеями, прививает им ядовитый вирус антикоммунизма.

В бою на Хунцихэ враги испили до дна горькую чашу поражения. Это стало для них горьким уроком: как бы они ни следовали за хвостом КНРА, ничего не получат, кроме такой же трагической участи, какая постигла карательный отряд Маэда, и на свете нет таких сил, которые способны победить КНРА.

В этом бою мы показали всему миру, что КНРА здравствует и добивается победы за победой, что она никогда, даже в самой суровой обстановке, не будет покорена, не будет уничтожена.

Бой этот оказал благотворное влияние и на людей внутри Кореи. От Хунцихэ до Кореи буквально рукой подать. И весть о том, что Маэда нашел себе позорный конец в столкновении с революционной армией, скоро прилетела в нашу страну через реку Туман. Эта новость дала большую силу народу, который беспокоился о судьбе КНРА. Теперь, сколько бы ни говорили о гибели революционной армии, люди не верили этому.

После боя на Хунцихэ слава о мощи КНРА гремела в народе, охватывая все более широкие районы. Народ стал абсолютно доверять КНРА, возлагая на нее все свои надежды на будущее. Это было очень хорошо. Появилась возможность всем антияпонским патриотическим силам Кореи уверенно готовиться к активному общенародному сопротивлению, идя навстречу великому событию – освобождению Родины. Таков был наш самый большой успех, достигнутый в результате боя на Хунцихэ.

И, напротив, это стало катастрофой, громом с ясного неба, трагическим поражением для японо-маньчжоугоских армии и

полиции. Прежде они шумели: «Если уничтожим только отряд Ким Ир Сена, рано или поздно придет конец антияпонской партизанской войне на Северо-Востоке Китая».

Обескураженные гибелью отряда Маэда, полицейские власти уезда Хэлун отчаянно вопили: «Нечего сказать, кроме того, что нам не оказана милость Неба». Они не могли не признаться, что разгром отряда Маэда был неизбежным перед непревзойденной тактикой КНРА. Полный крах этого карательного отряда означал провал «специальных мер по обеспечению безопасности и спокойствия в юго-восточном районе», для осуществления которых прилагали столь огромные усилия главари войск и полиции Японии и Маньчжоу-Го.

Унами, начальник полицейского отделения уезда Хэлун, которому непосредственно подчинялся Маэда, после поражения в войне вернулся в Японию и написал воспоминания. Приведем выдержку из них:

«В провинции Цзяньдао я слу- жил в полиции Маньчжоу-Го и с 1938 по 1941 год участвовал в карательных опера- циях против антияпонского отряда, возглавляемого Полководцем Ким Ир Сеном.

… … …

Несмотря на трудность сбора информации, мне довелось получить сравнительно достоверные сведения: «Полководец Ким Ир Сен окончил школу в городе Гирин. Необыкновенно отличался в учебе, был наделен выдающимся политическим умом, организаторским умением, способностью руководить. Пользовался глубоким доверием масс».

… … …

Незаурядная способность Полководца Ким Ир Сена к руководству, думаю, ярко проявилась и в дни антияпонской партизанской борьбы. Часто нам сильно доставалось, в частности, от его хитроумной тактики заманивания и нанесения ударов из засады.

… … …

11 марта 1940 года. Дамалугоу, что в ущелье Хунцихэ, подверглось налету отряда Ким Ир Сена. Это был опорный пункт карательного отряда, где размещался штаб роты лесной полиции. Разгромлен штаб, сожжена авторемонтная мастерская, захвачены оружие, боеприпасы, продукты и обмундирование.

Командир районного карательного отряда Нуноками приказал полицейскому карательному батальону преследовать и уничтожить отряд Ким Ир Сена в взаимодействии с отрядами японских войск Оба и Акабори.

Эту задачу я поручил роте Маэда Такэити. 25 марта его рота встретилась с

отрядом Ким Ир Сена неподалеку от Дамалугоу. Крупный бой кончился полным уничтожением роты, в том числе ее командира Маэда. Она попала в засаду. Разгром этой роты сильно потряс весь карательный отряд.

Карательные операции в лесу почти не удавались, потому что отряд Ким Ир Сена ловко использовал местный рельеф и применял остроумную тактику.

… … …

В те времена партизанский отряд Ким Ир Сена был в приподнятом настроении. Его бойцы говорили: «Мы – Корейская Народно-революционная армия, возглавляемая Полководцем Ким Ир Сеном. В борьбе за возрождение Родины нет компромисса», «Карательный отряд – это самый желанный гость, обеспечивающий нас оружием, продовольствием и обмундированием».

Сегодня КНДР переживает пору замечательного развития под руководством Председателя Кабинета Министров Ким Ир Сена.

На собственном опыте я убежден, что корейский народ, продвигающийся вперед и ведомый своим выдающимся руководителем, непременно осуществит объединение Родины».

И впоследствии товарищ Ким Ир Сен, вспоминая о бое на Хунцихэ, подчеркивал необходимость повысить бдительность в отношении возрождения милитаризма. Ниже следует фрагмент его воспоминаний.

Говорят, что правящие круги Японии, пережив вторую мировую войну, избавились от глупой, бредовой мечты о мировом господстве. Если это факт, то это только на пользу самой Японии и отрадно для народов соседних стран.

Однако нынешние акции японских заправил не позволяют нам отрешиться от сомнения: не лелеют ли они до сих пор мечту о «сфере сопроцветания великой Восточной Азии» и мировом господстве?

Немалая часть реакционных сил Японии все еще не признает кровавым преступлением то, что Япония, оккупировав Корею и другие страны Азии, разграбила народы этих стран и лишила жизни сотни тысяч и миллионы людей; до сих пор они не хотят предоставить компенсацию пострадавшим. Они не признают чистосердечно даже такие варварские злодеяния, как насильный увоз более 200 тысяч девушек и девочек в качестве игрушек для удовлетворения похоти японских солдафонов и обращения с ними как с животными. Не раскаиваясь ни в чем, Япония, опираясь на свою экономическую силу, цинично желает стать

политической и военной державой. Вызывает озабоченность и тот факт, что в странах Европы нахальнее орудуют неофашисты.

Надо повысить бдительность в отношении возрождения милитаризма.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 **«Чонсори»** – еженедельная газета для внутреннего пользования КНРА. Издавалась в декабре 1937 г. в Матангоуском тайном лагере уезда Мэнцзян. – 9

2 **«Согван»** – орган для внутреннего пользования КНРА. Основан в мае 1937 г. в Дунгане уезда Фусун как еженедельная политическая газета. Позже преобразован в журнал. – 9

3 Имеется в виду вооруженная группа, организованная Кан Чжин Соком, дядей великого вождя товарища Ким Ир Сена по материнской линии. В нее вошли в основном участники движения за независимость Кореи из провинции Пхеньан. – 40

4 *Тве* – единица объема зерна и жидкости. 1 *твэ* равно примерно 1,8 литра. – 59

5 **Хон Чжон У**, работая в учреждении японской жандармерии с 1919 г., активно помогал выдающемуся руководителю антияпонского национально-освободительного движения Кореи Ким Хен Чжику, отцу уважаемого вождя товарища Ким Ир Сена, и другим участникам движения за независимость. – 71

6 **Союз свержения империализма** создан великим вождем товарищем Ким Ир Сеном 17 октября 1926 г. в Хуадяне. Первая в Корее подлинно революционная организация коммунистов. Это организация революционеров новой формации, которая в корне отличалась от фракционных группировок националистов и коммунистов раннего периода. Ближайшими задачами ССИ были: свержение японского империализма, достижение освобождения и независимости Кореи. Конечная его цель – построение в Корее социализма и коммунизма, а далее – свержение империализма во всех его формах и построение коммунизма во всем мире. Создание ССИ стало отправным пунктом

строительства Трудовой партии Кореи. В нем – исток ТПК. – 106

7 **Тэвонгун** (1820 – 1898) – Ли Ха Ун, отец Кочжона, 26-го короля династии Ли. С 1863 по 1873 гг. обладал реальной властью феодального государства династии Ли. Тэвонгун – высокий титул, присваиваемый в годы династии Ли отцу наследника престола не по прямой линии. – 107

8 **«Хвасоньисук»** – двугодичное военно-политическое училище. Создано националистами Кореи в начале 1925 г. Готовило руководящие кадры Армии независимости. Великий вождь товарищ Ким Ир Сен поступил в него в июне 1926 г. Однако он разочаровался в идеях национализма, которыми пичкали курсантов, и в устаревших методах боевой подготовки. В декабре 1926 г. товарищ Ким Ир Сен покинул училище, чтобы по-настоящему развернуть коммунистическое движение на более широкой арене и поднять его на новую, более высокую ступень развития. В дни пребывания в этом училище он создал ССИ. – 113

9 **«Сказание о девушке Сим Чхон»** — повесть начала XVIII в. В ее основе лежит устное предание о почтительности дочерей к родителям. В ней рассказывается о том, как верная дочь по имени Сим Чхон – героиня повести – вместо покойной матери проявляет сердечную заботу о слепом отце, который благодаря этой заботе вновь становится зрячим. – 126

10 **Союз товарищей Консор** – название первой партийной организации. Создан великим вождем товарищем Ким Ир Сеном 3 июля 1930 г. в Калуне. Играл роль головной организации в создании низовых парторганизаций и в их расширении. – 127

11 **Чжунюань** – название территориальной зоны Китая. Охватывает бассейны среднего течения и низовья реки Хуанхэ, т. е. большую часть провинции Хэнань, запад провинции Шаньдун, южные районы провинций Хэбэй и Шаньси. – 140

12 ***Чхусок*** – осенний традиционный народный праздник. Корейцы издревле отмечают 15-е число августа по лунному календарю. В этот день посещают могилы предков и совершают жертвоприношение. В этот день, накануне предстоящей жатвы, проводятся разнообразные игры в честь трудовых успехов года. – 152

13 *Кын* – старинная мера веса. 1 *кын* равен 0,6 килограмма. – 206

Напечатано в Корейской Народно-Демократической Республике